

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ОБО ВСЕМ

КОЛИН УИЛСОН

МИР КРИМИНАЛИСТИКИ

10

ВЕК РАССЛЕДОВАНИЯ

Мы должны совершенно четко представлять себе, что примерно до 1800 года преступность была проблемой исключительно социальной и объяснялась нищетой и человеческой жестокостью. В англо-саксонский период истории она не была особенно серьезной заботой. Одной из главных причин стало, несомненно, и то обстоятельство, что человеческие общины были более малочисленными, а смертная казнь была довольно редким явлением. В VII веке во время правления короля Этельберта большинство преступлений, начиная блудом и кончая убийством, наказывались денежными штрафами. С ростом городов стал возрастать и уровень преступности, наказания тоже ужесточились. Это свидетельствует о том, что власти по своей наивности полагали, что бороться с преступностью можно было только путем ужесточения наказания. Но во времена Берке и Хейра отношение стало меняться, иначе Хейру не удалось бы спастись. (Полиция ничего не смогла бы предпринять против них, если бы не показания Хейра, поскольку телами убитых не располагала.) В Англии и Шотландии не было такого суда, который не желал бы видеть Хейра болтающимся на виселице вместе со своим сообщником Берке, а Ханта вместе с Тартеллом.

Я остановился на деле Ласенара так подробно, так как хотел показать, что реорганизованная полиция Лондона и Парижа стала понимать: бороться с преступностью можно только организованно и планомерно. Постепенно применяемые полицейскими методы становились все более утонченными и изощренными.

В 1802 году Томас Веджвуд предпринял попытки сделать первые фотографии. Он воспользовался открытием 1725 года, сущность которого заключалась в том, что соли серебра на свету темнеют. Ему удалось сделать фотографии. Но как только они попадали на свет, тотчас начинали темнеть. Найсфор Нипе обнаружил, что избежать этого можно, если фотографию сразу после съемки обработать азотной кислотой или аммонием, при этом происходит смывание не вступившего в реакцию хлорида серебра, оставляя на фотографии только то, что было заснято. Первый удачный снимок он сделал, сфотографировав вид из окна лаборатории в 1826 году. Солнечный свет на фотографии падает с обеих сторон двора, поскольку пластина должна была подвергаться воздействию света на протяжении всего дня. Много лет прошло, пока время изготовления фотографий сократилось настолько, что они могли стать полезными в криминальных расследованиях. В эпоху «магниевой вспышки» преступника приходилось удерживать двум или трем мускулистым детективам: он был вынужден оставаться перед камерой на протяжении пяти минут.

Несомненно, сохранение головы мужа Кэтрин Хейс может рассматриваться как первое успешное сотрудничество науки и закона. Полтора века спустя фотография избавила детективов от таких жутких экспериментов. Например, 8 ноября 1876 года двое игравших на набережной Сены детей заметили какой-то узел, застрявший между двумя сваями, и позвали взрослых, чтобы те вытащили его на берег. В узле оказалась голова и другие части тела женщины. Голову сфотографировали, фотографии затем по дешевке распродавались на улицах Парижа. Однажды какой-то посетитель кафе узнал на ней жену солдата по имени Билюар. Сначала Билюар заявил, что жена ушла от него. Но при обыске комнаты были обнаружены пятна крови и человеческие волосы. Тогда он изменил показания и

стал говорить, что его жена умерла, когда во время ссоры он ударил ее ногой, и что он, увидев, что она умерла, решил избавиться от тела. Врачи сказали, что это невозможно. Ввиду остановки сердца кровь вытекает из мертвого тела куда слабее, чем из живого. А судя по количеству крови, можно было заключить, что жертва перед смертью получила ножевое ранение. Более того, на теле отсутствовали следы синяков. В результате Билюар был казнен на гильотине. Этот случай во многих отношениях созвучен делу Кэтрин Хейс, за исключением того, что раскрыть это преступление полиции оказалось куда проще.

Человеком, осуществившим первый важный шаг на пути научного расследования преступлений, был Альфонс Бертильон. К возложенным на него обязанностям он приступил в 1879 году. Но прежде чем мы поведем рассказ о Бертильоне, давайте рассмотрим классический случай «донаучной» эпохи, случай, по своей замысловатости похожий на те, что встречаются в произведениях Жоржа Сименона.

26 января 1869 года владелец ресторана на Рю Принсесс неподалеку от бульвара Сен-Жермен в Париже решил обследовать свой колодец, поскольку вода в нем имела отвратительный привкус. Он спустился в подвал и выглянул в узкое оконце, что выходило внутрь колодца – примерно на полпути до дна и всего в нескольких дюймах от поверхности воды. В воде плавал какой-то пакет, обшитый тканью. С большим трудом хозяину ресторана удалось извлечь его. В нем содержалась нижняя часть ноги. Был приглашен молодой детектив по имени Гюстав Масе. Он заглянул в колодец. Ниже поверхности воды он увидел еще один подобный сверток. Там оказалась вторая нога, с куском чулка. На чулке имелась метка прачечной, но в то время этот факт сыграл меньшую роль, чем мог бы сыграть в современной криминалистике.

Было определено, что ноги принадлежали женщи-

не. В расследовании этого дела Масе пошел таким же трудным путем, каким пошел Канлер, проводя поиск Ласенара. Он начал просматривать дела женщин, исчезнувших за последние шесть месяцев, стараясь разузнать как можно больше о каждой из них. Общее их количество равнялось 84. После нескольких недель работы ему пришлось исключить их всех из числа потенциальных жертв. Но Масе обнаружил уже и другие зацепки. На соседней улице Рю Якоб была обнаружена человеческая бедренная кость. 17 декабря вторая бедренная кость, завернутая в старый платок, была извлечена из реки. Два дня спустя владелец прачечной видел мужчину, бросавшего в реку из корзины куски мяса. Когда поинтересовались, что он делает, тот ответил, что прикармливал рыбу, поскольку весь следующий день намеревался провести, занимаясь рыбной ловлей. Но после этого случая куски мяса были выловлены и из канала Сен-Мартен, некоторые из них были особенно крупными. 22 декабря полицейские встретили на Рю де Сен человека, в одной руке которого был сверток, а в другой – молоток. Когда его остановили, чтобы выяснить, не вор ли он, мужчина объяснил, что только что прибыл поездом из Нанта, но поскольку не смог поймать извозчика, был вынужден идти пешком. Чтобы доказать правдивость своей истории, он даже продемонстрировал железнодорожные наклейки на упаковке. Полиции он показался искренним, и они его отпустили. Но описание его очень точно совпадало с внешностью того любителя-рыболова.

Масе получил еще один ключ к разгадке. Одна из «посылок», выуженных из колодца, была зашита в черный засаленный коленкор, и стежки были выполнены очень опытной рукой. В воображении Масе уже возник образ подозреваемого: короткий, пухлый, круглолицый, с черными усами, жизнерадостный, с вызывающей доверие манерой поведения и – почти наверняка – портной.

Тем временем исследованием ног занимался великий Александр Тардью, один из первых полицейских патологоанатомов, находившийся уже в предпенсионном возрасте. Его заключение гласило, что они принадлежали не женщине, а мужчине. Недели упорного труда Масе были потрачены впустую.

Но почему убийца предпочел утопить ноги в колодце, а не в Сене? По всей видимости, это был кто-то, кто знал этот дом. Масе тщательно изучил дом, в котором находился ресторан. Консьержка была стара, и от нее было мало проку. Практически любой мог зайти и выйти. Масе завел с ней разговор о бывших жильцах, поинтересовавшись при этом, не жил ли в этом доме портной. Нет, ответила она, но в доме когда-то жила портниха. На первый взгляд, от этой информации не могло быть никакой пользы, но несгибаемый Масе продолжил расспросы. На кого работала девушка? На разных людей, ответила престарелая дама. Бывало, что работу ей приносили и другие портные. Среди них один особенно докучал консьержке: он имел привычку выплескивать воду на ступени. Масе поинтересовался, какую воду. Воду из колодца.

Итак, нашелся портной, знавший о колодце. Масе сумел отыскать и белошвейку, которая теперь стала певичкой в кафе. Ей, по всей видимости, скрывать было нечего. Она сказала Масе, что интересовавшего его человека звали Пьер Вуарбо. Когда-то он являлся ее любовником, но теперь был женат и жил на Рю Мазарини.

Масе спросил, не было ли у того друзей. Девушка назвала некоего Дезире Бодасса, пожилого человека, который часто выпивал с Вуарбо. Где он проживал, она представления не имела, но знала, что его тетка жила где-то на Рю де Несл.

Масе разыскал мадам Бодасс, и та сказала ему, что ее племянник проживал на Рю Дофин. Она уже месяц не видела его, но не усматривала в этом ничего

странного. На него это было похоже. Когда-то он изготавливал обои и гобелены, но теперь был на пенсии. Вуарбо отличался патологической жадностью: однажды он исчез на шесть недель, как оказалось, был болен и попал в больницу под именем другого человека, чтобы больничное начальство не смогло потом разыскать его и заставить заплатить за лечение.

Они отправились взглянуть на жилище Бодасса. Консьержка сказала, что уверена в том, что он дома. Предыдущим вечером в его комнате она видела свет, но на стук никто не отвечал. Он не любил, чтобы его беспокоили, поскольку относился к эксцентричному типу затворников.

Мадам Бодасс пошла в морг посмотреть на ноги. Она заявила, что узнает чулки, а также шрам на одной ноге. Вне всякого сомнения, они принадлежали ее племяннику Дезире.

Чем больше Масе слышал о Пьере Вуарбо, тем меньше тот ему нравился. Он казался человеком распущенным, к тому же полицейским информатором. Он прикидывался яростным анархистом и даже выступал с речами на митингах левого крыла, сообщая в то же время обо всех поступках своих «сторонников» тайной полиции.

Масе принял решение проникнуть в квартиру Бодасса. Все выглядело как будто в порядке, хотя на мебели лежала пыль. Кто-то недавно был здесь, поскольку завод часов был рассчитан на восемь дней, а они все еще шли. Но сейф Бодасса оказался пуст. За часами Масе обнаружил кусок бумаги с номерами различных ценных бумаг, но самих ценных бумаг нигде не было видно.

Теперь было совершенно очевидно, что Вуарбо временами возвращался сюда, чтобы создавалось впечатление, будто Бодасс жив. Чтобы следить за квартирой, Масе нанял нескольких человек из тайной полиции. Этот шаг был необдуманным. Они знали Вуарбо

и, когда тот подошел к квартире, открыто приблизились к нему и спросили, что происходит. Таким образом они вспугнули «дичь» Масе.

Тем временем Масе выяснил, что Вуарбо, с тех пор, как женился, сменил местожительство. Владелец прежней квартиры сказал, что перед тем, как съехать, он сполна рассчитался. Как? Акциями Итальянской биржи достоинством в пять сотен франков, которые владелец разменял для него на углу. Это были акции, которые владелец мог поменять на наличные. Масе поспешил в разменный пункт. У него сохранился корешок акции, номер ее совпадал с одним из номеров, записанных на бумажке, найденной за часами.

Уборщица со старой квартиры Вуарбо тоже рассказала интересную историю. Вуарбо был самым неопрятным и нечистоплотным человеком на свете. Но утром 17 декабря она обнаружила, что его комната была не только подметена, но пол в ней был тщательно выскоблен. Он сказал, что уронил на пол бутылку с чистящей жидкостью, от которой возник такой запах, что он решил вымыть все вокруг.

Масе знал, что никакими доказательствами не располагал. Даже существование акций можно легко обосновать: Вуарбо скажет, что взял взаймы или получил в счет оплаты. Тогда Масе решил сам повидаться с Вуарбо. Тот оказался пухлым молодым человеком 30 лет. Выражение лица и глаз свидетельствовали о воле и изворотливости. Он чистосердечно признался, что также был обеспокоен отсутствием Бодасса, хотя знал, что у его старого приятеля были необычные привычки. Он вел себя так, словно был коллегой Масе, а не подозреваемым. Масе ничего другого не оставалось, как принять предложенную помощь. Он надеялся, что рано или поздно улики появятся. Он даже вместе с Вуарбо ходил на революционные митинги и слышал, какие пламенные речи произносил полицейский шпион перед своими собратьями-республиканцами.

Вуарбо сказал, что почти наверняка знает, кто был убийцей Бодасса. По его мнению, это был мясник по имени Рифер. Возможно, в этом деле ему помогали трое его знакомых с криминальным прошлым. Их имена Вуарбо тоже назвал. Масе проверил всех. У двоих оказалось безупречное алиби: во второй половине декабря они находились в тюрьме.

Вуарбо, преследуя теперь собственную цель, что являлось довольно типичным для него, начал спаивать Рифера, причем делать это очень активно. Масе не мог ему помешать. Однажды с Рифером случился приступ белой горячки, во время которой он разнес в доме всю мебель и вышвырнул ее на улицу. Его арестовали и поместили в психиатрическую лечебницу, где он ночью скончался.

На следующее утро, когда Масе явился на службу, Вуарбо уже поджидал его в кабинете. Масе решил арестовать его. Но было еще рано, и в помещении, кроме него, никого не оказалось, а Вуарбо имел крепкое телосложение и был силен. Масе извинился и сказал, что ему срочно нужно ответить на одну депешу. Он сел за стол и, пока Вуарбо читал газету, составил для подчиненных тщательно продуманные письменные инструкции по окружению и задержанию Вуарбо. Письмо он отнес в приемную, а сам занял Вуарбо беседой, длившейся до тех пор, пока не появились его люди и не арестовали подозреваемого.

Вуарбо казался спокойным и ироничным. Он был уверен, что улик против него у Масе нет. И, конечно же, был прав. Его тщательно обыскали, и Масе убедился, что принял правильное решение. У Вуарбо нашли билет до Гавра. Он намеревался сбежать в Америку. Билет был куплен на имя Саба. Случайно ли выбрал Вуарбо имя преступника, известного убийствами знаменитых людей?

Вуарбо все отрицал. Масе отправился к нему на квартиру и переговорил с его женой, оказавшейся

тихой девушкой, принесшей мужу приданное в 15 000 франков (тогда около 600 фунтов). Естественно, о делах мужа она ничего не знала. Она разрешила Масе открыть сейф, в котором, как она сказала, лежало ее приданое (в ценных бумагах) и акции стоимостью в 10 000 франков, которые были вкладом Вуарбо в их семейное состояние (что в точности равнялось сумме похищенных у Бодасса ценных бумаг.) Сейф оказался пуст. Масе обыскал дом от чердака до подвала. И только в подвале нашел то, что искал – ценные бумаги Бодасса, запаянные в жестяную коробку и опущенные на струне в бочонок с вином. Чтобы сделать обвинение неопровержимым, ему требовалось доказать всего лишь одно – что Вуарбо расчленил тело старика на своей прежней квартире на Рю Мазарини. В комнате уже поселились другие жильцы – молодые супруги, и Масе попросил их описать, где стояла мебель в тот момент, когда они въехали. После этого он понял, что единственным местом, где Вуарбо мог свалить Бодасса на пол, был центр комнаты, где тогда стоял стол. Если Бодасс был убит здесь, то для расчленения тела Вуарбо мог использовать стол. Следов крови на полу не было, но Масе заметил, что он имел незначительный уклон и что половицы под кроватью имели между собой небольшие зазоры. Тогда Масе решил разыграть заключительный акт. Вуарбо был доставлен на старую квартиру. Держался он с удивительным спокойствием. Масе поднял кувшин с водой и произнес: «Я считаю, что Бодасс был убит на том месте, где в настоящий момент стою я. А сейчас я пролью из кувшина воду, чтобы узнать, как текла кровь». Вуарбо стал заметно нервничать. Он заметил, как вода потекла под кровать и образовала под ней лужу. В дом пригласили плотника, чтобы он поднял половицы. Когда он сделал это, то обнаружилось, что по краям их имелись скопления темно-коричневого вещества, которое, вне всякого сомнения, было кровью. Нервы

Вуарбо не выдержали, и он тут же во всем признался. Признание его стоит процитировать.

«Назовите ваше настоящее имя», – сказал Масе.

«Меня зовут не Вуарбо, но сейчас я не назову вам моего подлинного имени, а потом будет видно. Я незаконнорожденный ребенок, но своего отца знаю и, должен признаться, совсем не в восторге от него. Все, включая и жену, считают меня сиротой. Но мои родители еще живы. Временами я навещаю мать, ей я немного помогаю, потому что она бедна и стара, кроме того, несчастная женщина обожает меня, несмотря на все мои недостатки. Я также плачу ей любовью! Мой отец – скверный человек. Когда я был еще ребенком, он часто избивал меня. По мере того как я рос, он продолжал все с большей жестокостью издеваться надо мной. Однажды в страшном приступе злобы он занес надо мной сжатый кулак и сказал: «Ты... я убью тебя вот этими руками!» Полагаю, вам, должно быть, неизвестно точное значение тех жутких слов. В главном мой отец был прав. Я в действительности был никуда не годным парнем. Не желая погибнуть от его рук, я предпринял попытку убить его, но, по-видимому, разгадав мои намерения, он все время был начеку. Я покинул дом с озлобленностью в душе и ненавистью в сердце. Даже сейчас я продолжаю ненавидеть своего отца точно так же, если не сильнее, чем раньше, за то, что он подвергает мою бедную мать таким страданиям, и за его жестокое обращение со мной в детстве. Возможно, он – причина всех моих несчастий».

«Его зовут так же, как и вас?»

«Нет. Я уже сказал, что был незаконнорожденным: мой отец так и не признал меня. Свое отцовство он подтверждал посредством кулаков».

«Тогда назовите мне его имя, раз оно отлично от вашего».

«Этого я тоже не могу сделать, поскольку вы знаете его. При очень неприятных обстоятельствах у

вас, должно быть, были с ним кое-какие отношения. Я назову его вам, только не сейчас».

«Чем вы занимались с тех пор, как оставили родительский дом?»

«Я бился за жизнь, которая строилась либо на удаче, либо на мошенничестве. Я старался, как мог, но безуспешно, пытаясь бороться с невезением более или менее честными средствами. Но я был незаметным, а мне хотелось сиять, я был беден, но грезил о богатстве. Моя женитьба на мадемуазель Ремонде могла дать мне скромный достаток, и, возможно, имея рядом такую замечательную женщину, как она, я мог бы снова взяться за работу и искупить свои ошибки».

«Наверное, правильнее будет сказать – «преступления».

«Преступления? Вы правы. Все же временами я забывал о том, что я преступник и, подобно многим негодяям, мечтал обосноваться в собственном доме и зажить честной жизнью. Некоторым удалось преуспеть в этом – и кое-кого из таких людей я даже знаю. Что касается меня, то у меня ничего не получилось. Если бы этот эгоистичный старик, Дезире, одолжил мне эти 10 000 франков, ссудить которые я так умолял его, то я никогда бы не пошел на убийство. Я сказал семейству Ремонде, что они у меня были, и мне следовало предъявить их. На карту была поставлена моя женитьба. Я просил и умолял Бодасса, но ничто не могло растрогать его. Напротив, он смеялся надо мной, смеялся над моими матримониальными прожектами, над каждым новым моим аргументом. Тогда-то я и убил его».

«У себя дома?»

«Как вы это уже доказали».

«Как вам удалось заманить его к себе в комнату?»

«В понедельник 15 декабря, выйдя из бань и пообедав вместе на Рю Грегуар-де-Тур, я пригласил его зайти ко мне, чтобы выпить по чашке чая. Он

пошел, ни о чем не подозревая. Кроме того, он часто захаживал ко мне домой, но не потому, должен вам сказать, что ему так уж хотелось увидеть меня, а потому, что рассчитывал встретиться здесь с кем-нибудь из моих работниц. В тот вечер, о котором идет речь, я сказал ему, что ко мне должна была прийти моя невеста с родственницей. Я хотел заставить его поверить в то, что в мое отсутствие у меня дома были гости. Я его оставил на несколько минут в ресторане, а сам отправился к себе и зажег свечи. Ставни я оставил открытыми, чтобы свет был ему виден с улицы. Решение я уже принял. Как только он очутился в комнате, то подсел к столу и сразу же спросил, зачем я решил одурачить его, ведь дома никого не было. Я ответил, что невеста должна была вот-вот подойти. Потом, проходя мимо него, но так, чтобы он ничего не заметил, я схватил один из больших утюгов, стоявших на моем рабочем столе, вон тот, и ни слова не говоря, нанес ему сильный удар по черепу, он потерял сознание. Он не издал ни единого звука. Голова его свалилась на стол, а руки безвольно повисли. Я был удивлен, но остался доволен своей силой и умением.

Потом, потушив свет, я открыл окно и закрыл ставни. В тишине и темноте я прислушался, не зашевелится ли он. Но я ничего не услышал, кроме звука падавших на пол капель крови. От этого монотонного звука капавшей крови у меня по телу пошли мурашки. Но я все продолжал прислушиваться. Вдруг я услышал сдавленный вздох и какой-то звук, походивший на скрип стула. Дезире задвигался, он не был мертв! А вдруг он начнет кричать? От этой мысли ко мне вернулась вся моя решимость. Я зажег небольшую лампу и увидел, что тело немного сдвинулось в сторону. Значит, он был еще жив. В таком состоянии, безусловно, он не мог ни закричать, ни позвать на помощь, но его агония могла продлиться еще некото-

рое время, а мне совсем не хотелось видеть его страданий. Я взял бритву, приблизился к нему со спины и подложил ладонь под подбородок моего бывшего друга. Поддавшись давлению со стороны моей руки, голова его приподнялась и откинулась назад. Лампа осветила его залитое кровью лицо. В его круглых глазах еще теплилась жизнь – на минуту их взгляд остановился на лезвии, которое я держал в руках, и в них отразился такой ужас, что мое сердце бешено заколотилось. Нужно было немедленно положить этому конец. Жестом цирюльника, намеревающегося брить своего клиента, я прижал бритву чуть повыше адамова яблока, где начинает расти борода, и одним сильным движением полоснул слева направо. Лезвие почти полностью скрылось в плоти, и голова бессильно стукнулась о спинку стула. Этим движением я перерезал сонную артерию и гортань. Кровь ударила фонтаном и забрызгала сахарницу, которая стояла без крышки рядом на столе.

Теперь я позволил телу сползти на пол, чтобы меня не могли увидеть с улицы сквозь жалюзи и муслиновые занавески. Я быстро повесил на окно толстое одеяло, о котором совершенно забыл, когда опускал жалюзи. Вернувшись к телу Бодасса, я некоторое время рассматривал его и наконец убедился в том, что он мертв. Чтобы не запачкать одежду, я все снял, за исключением подштанников и пары носков. Потом, взяв мочалку и тазик для умывания, я начал вытирать кровь, растекшуюся почти во всех направлениях. Окрасившийся кровью сахар я выбросил в печь. Потом, уложив труп на доске, я раздел его, срезая одежду ножницами. Нижнюю часть брюк, которые я отрезал чуть выше колена, я снова бросил на ноги. Они мне мешали, эти ноги, с которых и началось ваше расследование. Я отделил нижнюю часть ног от бедер с помощью ножа мясника, что вы нашли в моей квартире. Но я не рубил так, как это обычно делает

мясник, отрезая мясо для бифштекса: я держал нож, чтобы лезвие касалось тела, и ударил сверху металлической катушкой, которую вы тоже видели – все произошло почти бесшумно. Теперь, когда ноги были отделены, я положил их в дорожный сундук, который держал в маленьком чулане. Какие же они были тяжелые! Несмотря на то, что старик был хрупкого телосложения, даже без ног он был для меня все еще слишком велик. Тогда я начал рубить и все остальное тело. Голова, наполовину отделенная от тела, никак не хотела оставаться спокойной. При малейшем движении корпуса она болталась из стороны в сторону, разбрызгивая повсюду кровь.

Это было ужасно! Тогда я полностью отделил ее от тела, на мгновение, пока я держал ее в руках, мой взгляд застыл на ней. Я и сейчас еще вижу ее. Какая жуткая сцена! Бросив это отвратительное занятие, я поместил ее в кастрюлю лицом вниз, чтобы больше не видеть.

Потом я отделил руки и почти полностью разделался с туловищем. Я подумал, что, если снять кожу, то после некоторого пребывания в воде плоть примут за останки какого-нибудь животного. По правде говоря, она и так сильно походила на мясо с торгового прилавка. После того, как я вскрыл живот ножом, ручка которого во время этой процедуры сломалась, я вынул внутренности, легкие, печень и сердце и спустил все это в туалет, который находился недалеко от дверей моей комнаты. Чтобы быстрее избавиться от тела, я разрезал его на мелкие куски, а потом упаковал в такой же сундук, как и тот, в который спрятал ноги. Привратника в моем доме не было, и, чтобы вымыть комнату, я мог беспрепятственно, не вызывая ни у кого подозрения, брать воду из крана, располагавшегося у основания лестницы. Сколько же крови в человеческом теле! О, какую жуткую зимнюю ночь я провел! От испарины я был красным, как рак, и все же дрожал от озноба. Мои

уставшие пальцы были больше не в силах держать ножницы, которые я использовал для резанья».

«Что вы сделали с одеждой Бодасса?»

«Я сжег ее в печи вместе с собственной, так же как и стул, и доску, которые насквозь пропитались кровью. В течение всей ночи и наступившего дня четверга я не посмел высунуть из комнаты носа. Но следующей ночью я вышел из дома и разбросал куски мяса, где только мог. Вскоре мне осталось избавиться только от ног. Боясь, как бы их не опознали, я решил утопить их в колодце на Рю Принсесс. Раньше я навещал там одну девушку по имени Хоуп и знал, что в ее доме имеется колодец. К тому же я знал, как пробраться внутрь. В ночь на 21 декабря, зашив обе конечности в коленкор, который я обычно использовал, и, приклеив к пакетам железнодорожные наклейки (на случай, если меня остановят и поинтересуются моим багажом), чтобы я мог выдать себя за только что прибывшего пассажира поезда, я вышел из дома в начале первого ночи, неся с собой тщательно упакованные, подлежащие захоронению останки.

Ради предосторожности и придания своему виду большей убедительности я перебросил через плечо плед и взял в руки корзину, куда положил кое-какие полученные мною из Лангра вещицы. Теперь я мог спокойно сойти за припозднившегося путешественника. Задыхаясь от возбуждения, я шел вдоль улицы Каррфур де Бюси, когда путь мне преградили два полицейских – Ренге и Шампи. Зная расписание их дежурств и маршрут караулов, я был уверен, что в такой час не встречу ни единого полицейского. Итак, столкнувшись с ними нос к носу, я потерял дар речи. Никогда за мою прежнюю жизнь мне не доводилось испытывать такого страха. Но наконец овладев собой, я сумел провести их и продолжил свой путь.

Когда я пришел сюда впервые, то сразу же узнал тех двух полицейских и, как вы правильно догада-

лись, старался никогда больше не попадаться им на глаза. Эта встреча на Каррфур де Бюси озадачила меня, и, направляясь в сторону Рю Принсесс, я подумал, не лучше ли было изменить планы и бросить останки, что я нес, в Сену. Прежде чем свернуть на улицу, я снова заколебался, но демон толкал меня вперед. В дом, где жила моя бывшая работница, я вошел, не издав ни малейшего звука. Оказавшись во дворе, я предусмотрительно проверил, не горел ли где в окнах свет. Потом снял с колодца крышку и с помощью шнура, которым были обмотаны свертки, постепенно разматывая его, спустил страшную ношу в колодец. Совершенно бесшумно она исчезла в воде. Снова убедившись, что меня никто не видит, я вышел на улицу и, пройдя Каррфур де Бюси, моля Бога, чтобы снова не повстречаться с теми же полицейскими, тихо вернулся на Рю Мазарини. Оказавшись у себя в комнате, я посмотрел в зеркало и поразился своей бледности. Разговор с теми двумя полицейскими совершенно лишил меня сил. Я дрожал от холода, и в то же время тело мое было покрыто испариной. Я чувствовал себя точно так же, как и тогда, когда расчленял тело Дезире. Но мысль о 10 000 франках и о невесте придала мне сил. Я лег в постель и, стоило мне о них подумать, как я тотчас уснул. Ну, вот, господин комиссар, о своем преступлении я рассказал вам всю правду».

«А что же стало с головой? Вы мне так ничего о ней и не сказали».

«Голова в надежном месте. Вы, возможно, никогда не сможете найти ее, даже если я скажу, что сделал с ней. Если бы я то же самое сделал и с теми проклятущими ногами, то сидел бы сейчас спокойно у очага с моей женушкой».

«Все же ответьте, что вы сделали с головой?»

«Поскольку это наиболее легко узнаваемая часть тела, я влил в рот и глаза свинец и в два часа ночи с

моста де ля Конкорд сбросил ее в середину Сены. Можете быть уверены, на поверхность она никогда не всплывет. Свинец я расплавил в цинковой форме, которую вы нашли у меня. Ее забыл однажды один из моих клиентов».

«Должно быть, этот клиент был из преступников или кем-то вроде этого?»

«Считайте, как вам нравится».

«Были ли у вас сообщники?»

«Нет, я один задумал, подготовил и осуществил план убийства Бодасса».

«Но была ли смерть вашей жертвы так уж необходима?»

«Да, поскольку я остро нуждался в 10 000 франков, а у Дезире они были».

«Вы могли бы украсть их у него, в конце концов это было бы не убийство».

«Независимо от того, кто украл их, все равно подозрение пало бы на меня».

«Вам едва исполнилось тридцать, а на ваших плечах уже лежит груз преступления...»

«Да, действительно это так, но я был преисполнен решимости сделать себе карьеру тем или иным способом. Чтобы добиться этого, я пошел ва-банк. На карту была поставлена моя жизнь. Я очень хотел сохранить ее, однако, несмотря на все мои усилия, игра проиграна. И, похоже, что на этот раз окончательно».

Масе всерьез подозревал Вуарбо в причастности и к другим убийствам. Одним из имен, которые использовал Вуарбо, было имя фермера из Обервилльера Саба – у него даже имелись все бумаги. В Обервилльере также произошло убийство, а в доме Вуарбо хранились газетные вырезки о нем. У него была также вырезка статьи об убийстве служанки на Рю Пласид в Обервилльере. Но прежде чем Масе успел выяснить это, Вуарбо при помощи бритвы, тайно переданной

ему в тюрьму в буханке хлеба, покончил с собой. Незадолго до этого он предпринял решительную попытку совершить побег, но был пойман.

В своем безупречном убийстве он совершил только одну ошибку, зашив ноги в пакет из коленкора, что дало Масе его первый ключ к разгадке. Если бы не это, Масе имел бы дело с практически неразрешимой загадкой. Кроме того, у Вуарбо был прекрасный шанс скрыться, если бы он продолжал все отрицать и после небольшой демонстрации Масе, устроенной на Рю Мазарини, потому как в те годы не было специальных тестов на определение человеческой крови. В комнате Вуарбо была обнаружена еще одна газетная вырезка, в которой шла речь об убийце, прозванном Авинне, мяснике, совершившем двойное убийство, Своим последователям, стоя на эшафоте, тот дал совет «никогда не сознаваться». Вуарбо не следовало забывать о нем.

В 70-х годах прошлого века Франция была охвачена волнениями, а политическая нестабильность всегда влечет за собой волну преступности. Если посчитать те месяцы кропотливой работы, что потратил Масе на раскрытие преступления Вуарбо, а потом вспомнить, что то дело было одним из двух сотен, имевших место в 1869 году, то становится ясно, что применяемые полицией старые методы расследования были уже явно недостаточными. Видок и Канлер в поисках преступников полагались на свою зрительную память, но во времена Масе преступников стало слишком много. Даже фотография была бессильна помочь, поскольку архив в сотню тысяч фотографий совершенно бесполезен, если не поддается классификации, которая могла бы позволить полицейским сравнивать описание преступника с более или менее подходящими фотографиями. И как вообще следовало описывать лицо человека? Просто ради эксперимента попробуйте описать лицо человека, сидящего напротив вас в

автобусе так, как вы это сделали бы в полиции. Сделать это окажется не так-то просто, если нет никаких особых примет, а именно: сломанного носа или лысой головы. Для сыскной полиции идентификация была задачей номер один.

Когда 25-летний Альфонс Бертильон в 1879 году поступил на службу в сыскную полицию Франции, большинство испытанных процедур опознавания личности уже практически «не работали». Бертильон был мрачным педантичным молодым человеком, которого большинство людей сочли бы довольно отталкивающей личностью, но он происходил из культурной образованной семьи и хаос раздражал его. Он был уверен в том, что наверняка должен существовать какой-то достаточно простой способ наведения порядка среди сотни тысяч фотографий и описаний.

История Бертильона была бы достойна голливудской экранизации. Он сравнивал фотографии преступников, стараясь найти какой-то способ классификации носов и типов лица. Тогда он решил, что было бы неплохо заняться антропометрическими измерениями преступников во время оформления ареста, записывая такие данные, как рост, вес, окружность головы, рост в сидячем положении, длину левой стопы, левой ноги, левой кисти. Левую сторону Бертильон выбрал потому, что она реже подвергается травмированию в результате работы. Он был болезненным человеком, подверженным расстройствам кишечника, головным болям и носовым кровотечениям, но обладал упорством, которое позволяло ему не обращать внимания на понимающие улыбки коллег. Доктор по имени Адольф Кетеле определил, что шансы людей иметь совершенно одинаковый рост соотносятся как 4:1. Если это справедливо и для остальных параметров, то потребуется несколько антропометрических данных каждого преступника, чтобы вероятность совпадения уменьшилась до одного шанса из

ста. Когда префект полиции никак не отреагировал на письмо Бертильона относительного его метода, Бертильон купил набор карточек для составления картотеки и начал работать на свой страх и риск, задерживаясь в конторе до поздней ночи. Масе проявил отсутствие проницательности, когда, просмотрев доклад Бертильона, сказал, что в нем слишком много теории. Префект Андрис посоветовал Бертильону не делать из себя посмешище. Прошло еще три года, прежде чем Бертильон сумел убедить нового префекта Жана Камекасса выслушать его. Камекасс был столь же скептически настроен, как и его предшественник, но настойчивость рядового служащего возымела действие. Он сказал Бертильону, что ради эксперимента внедрит его метод на три месяца. Но такое предложение было совершенно нелепым, поскольку понадобится гораздо более трех месяцев только для того, чтобы собрать материалы. А эффективность метода Бертильона всецело зависела от полноты сведений. Но при том, что его идее противостоял сам великий Масе, он понимал, что его последним шансом на успех оставалось одно: продолжать работать и уповать на удачу. Его картотека множилась со скоростью несколько сотен карточек в месяц. Но при том, что только в Париже преступников было более 21 000, его шансы на идентификацию их были весьма проблематичными. К концу третьего месяца картотека Бертильона насчитывала 2000 карточек. Теоретически его шанс на удачу равнялся 1 из 10, что было уже неплохо. Но не следует забывать и о том, что большая часть преступников из картотеки Бертильона попадала в заключение на многие годы, так что часть его картотеки можно сказать, «простаивала».

20 февраля 1883 года удача (наконец) повернулась к нему лицом. С помощью своей системы он распознал мелкого преступника, антропометрические данные

которого были получены тремя месяцами ранее. Конечно, успех был еще очень незначительным, но этого было достаточно, чтобы Камекасс позволил эксперименту иметь продолжение. Однако это ни в коей мере не свидетельствовало о его дальновидности. Просто должность префекта была важна с политической точки зрения, и Камекасс надеялся обрести славу. К сожалению, к тому времени, когда Бертильон стал известным, на место префекта был назначен другой человек. Однако история не забыла Камекасса. По мере того как картотека разрасталась, случаи идентификации участились. Вскоре опознание преступника по его описанию стало осуществляться в течение дня. Но Бертильону нужно было дело не менее сенсационное, чем раскрытие великим Масе преступления Вуарбо. Ждать пришлось до 1892 года, когда его имя получило мировую известность. Причем вмешательство случая сыграло в этом не последнюю роль.

В начале 80-х годов группа террористов, называвших себя анархистами, стала уже более или менее знаменитой. Людей не слишком интересовало их носящее идеалистический характер учение о том, что человек по природе своей существо доброе и не нуждается во власти, чтобы сохранять эту добродетель. В 1881 году русские анархисты, называвшие себя народниками, бросили бомбу в русского царяАлександра II. В Чикаго в 1884 году кто-то бросил самодельную бомбу в толпу полицейских, которые собирались разогнать митинг забастовщиков, при этом семеро полицейских погибли. Восемь анархистов были приговорены к смертной казни, и один из них подорвал себя бомбой, написав собственной кровью: «Да здравствует анархия!» Четверо из них были повешены. Во Франции анархисты типа Малатеста, Граве и Реклю злобно говорили о том, что «пропаганда должна вестись действием», эти слова приводили буржуазию в ужас.

Первомайским днем 1891* года за участие в демонстрации в Клиши были арестованы и жестоко при этом избиты полицией три анархиста. На судебном процессе государственный обвинитель Бюло потребовал смертного приговора для всех троих, несмотря на то, что во время беспорядков никто не был убит. Судья Бено одному из них вынес оправдательный приговор, а двум другим дал три и пять лет тюремного заключения. В марте следующего года жуткий взрыв потряс дом, где жил судья Бено на Рю де Клиши. К счастью, от взрыва никто не пострадал. Но паника поднялась невообразимая. С каменоломен в Суари было украдено значительное количество динамита, и парижане уже гадали, где прозвучит следующий взрыв. После первого взрыва был арестован профессор, придерживавшийся левых взглядов. Он признал, что действительно спланировал его, но осуществил все человек по имени Равашоль. В полиции Равашоль был известен, но не как анархист, а как грабитель, подозревавшийся в убийстве. Он убил одного старого скрягу и его домовладельца, двух женщин, владевших скобяной лавкой, и еще одного бедолагу, жившего в лесной хижине. Также предполагалось, что он осквернил могилу одной графини и украл ее драгоценности. У этого 40-летнего преступника как будто был псевдоним «Кенингштейн».

В день, когда прозвучал взрыв на Рю де Клиши, Равашоль обедал в кафе «Вери» на бульваре Мажента, при этом он пытался обратить в анархисты официанта по имени Перот. Два дня спустя он снова посетил это кафе, и Перот заметил на его большом пальце шрам, который, судя по описанию, имелся у Равашоля. Он дал знать полиции, и человека арестовали.

Настал час, когда Бертильон мог доказать эффек-

---

* Так в тексте; в I томе данной книги указана дата «1892 год» (прим. ред.).

тивность своей системы всему миру. К счастью, «Кенингштейн» некоторое время провел под арестом в Сен-Этьене по подозрению в убийстве старика, и местная полиция прежде, чем он успел сбежать, сделала все нужные антропометрические измерения. Бертильон сам измерил Равашоля, полученные данные полностью совпали с уже имевшимися. Анархист-идеалист оказался преступником-убийцей «Кенингштейном». На какое-то время движение анархистов лишилось поддержки. Вечером, накануне судебного процесса над Равашолем, бомбой было взорвано кафе «Вери», во время взрыва погиб владелец и один из посетителей. Несомненно, это явилось местью за арест Равашоля и одновременно попыткой ввести судей в замешательство. Желаемый эффект был достигнут: Равашоль был приговорен к тюремному заключению. Но судьи из Сен-Этьена в меньшей степени были запуганы бомбами анархистов. Вооружившись методом Бертильона, они смогли доказать, что Равашолем было совершено пять убийств, и 10 июля 1892 года он был казнен. На протяжении нескольких последующих лет Париж продолжал сотрясаться от взрывов бомб, одна даже разорвалась в палате депутатов, и был убит сам президент Карно. Бертильон, к счастью, мести анархистов избежал.

Как ни странно, но к тому времени, когда метод, известный под названием «бертильонаж», получил мировое признание и был принят на вооружение всеми полицейскими, он уже начал устаревать. В Индии в 1860 году государственный служащий по имени Уильям Гершель установил, что двух одинаковых отпечатков пальцев не существует. Это открытие он применил в своей работе, выплачивая пенсию уволенным в запас индийским солдатам. Эти люди писать не умели и англичанам казались все на одно лицо. Как только они это поняли, то пенсионеры стали

получать свои деньги дважды или приходили и забирали пенсии, предназначенные другим. Когда Гершель заметил, что отпечатки пальцев у всех разные, он заставил уволенных в запас солдат при получении денег напротив своей фамилии оставлять отпечаток указательного пальца, намазанного чернилами. Мошенничества прекратились. Несколько лет спустя это же открытие сделал один шотландец по имени Генри Фолдс, о чем сообщил в письме в «Нейчер», указав, что это открытие может послужить средством идентификации преступников. Это было в 1880 году – за два года до того, как Бертильону было разрешено проводить свои эксперименты с измерением преступников. Позже приоритет в этом вопросе жестоко оспаривался Фолдсом и Гершелем, но нас это уже не касается.

Ученик Дарвина, сэр Фрэнсис Гальтон очень заинтересовался «бертильонажем», поскольку обдумывал, как можно было бы его использовать для изучения проблем наследственности. Он подружился с Бертильоном, а интерес к работе полиции заставил его написать письмо Гершелю с просьбой рассказать о его методе снятия отпечатков пальцев. В журнале «Нейчер» он уже познакомился с перепиской Гершеля и Фолдса. Гальтон углубился в изучение отпечатков пальцев, вскоре он понял, что существует всего четыре основных классификационных параметра. Ядром его метода стал треугольник, называемый «дельта», расположенный в самом центре отпечатка пальца. В 1892 году появилась книга Гальтона «Отпечатки пальцев». В год своего величайшего триумфа Бертильон стал никому не нужен. Он отказался признать это, и многие годы продолжал отстаивать жизнеспособность своей системы, проявив при этом отсутствие подлинно научного духа. Но в конце концов снятие отпечатков пальцев одержало над его системой верх, к тому же делать это было куда проще, чем заниматься «бертильонажем».

Первое преступление, раскрытое с помощью отпечатков пальцев, было совершено в Некочиа, Аргентина. В хижину соседки вбежала 26-летняя женщина по имени Франческа Рохас, она кричала, что убиты ее дети. В кровати с пробитыми головами лежали два мертвых ребенка, шести и четырех лет. В убийстве она обвиняла человека по имени Веласкес, который был влюблен в нее. Она хотела выйти замуж за другого и заявляла, что Веласкес угрожал ей убить того, «кого она любила больше всего». Она вернулась домой с работы и обнаружила, что дети мертвы.

Веласкеса арестовали и жестоко избили. Он все отрицал, хотя признался, что действительно угрожал Франческе Рохас. Полицейские действовали в Некочиа весьма примитивно: в течение недели они подвергали Веласкеса пыткам, но это ни к какому результату не привело. Тогда полицейские, собравшись возле хижины женщины, стали издавать заунывные звуки, пытаясь внушить ей мысли о привидениях и заставить сознаться.

Из Ла-Платы для проведения расследования прибыл полицейский инспектор по имени Альварес. Он знал кое-что о работе Хуана Вусетича, уроженца Далмации, занимавшего пост руководителя статистического бюро полиции в Буэнос-Айресе, который, прочитав статью Гальтона, разработал собственную систему использования отпечатков пальцев. Альварес отправился в хижину женщины, чтобы найти какую-нибудь зацепку. Единственное, что он нашел, был кровавый отпечаток большого пальца на двери. Альварес выпилил кусок двери и с ним вернулся в участок. Тогда он послал за Франческой и велел снять отпечатки с больших пальцев ее рук. Альварес мало что знал об их классификации, но и неопытному глазу было видно, что они полностью совпадали. Когда Альварес показал женщине оба отпечатка через увеличительное стекло, она не выдержала и созналась.

Она сама убила своих детей, потому что хотела выйти замуж за молодого человека, для которого дети были препятствием. Эта аргентинская леди Макбет, пожелавшая одним ударом избавиться от незаконных детей и нежелательного любовника, несомненно, заслуживает того, чтобы в списке самых отвратительных женщин занять одну из верхних ступенек.

Тем временем в Англии была создана комиссия, в которую вошли майор Артур Гриффитс и сэр Мелвилл Макнатен и которая предназначалась для проведения сравнительного анализа методов использования отпечатков пальцев и «бертильонажа». Но, поскольку сэр Фрэнсис Гальтон еще не закончил систему классификации, британцы пошли на характерный для них компромисс, дав добро на применение обоих методов. Другой британский государственный служащий, Эдвард Ричард Генри, решил проблему, с которой не мог справиться Гальтон. Генри имел некоторый опыт работы со старой системой Гершеля в Индии. Он также работал в Бенгалии и совершенно разочаровался в «бертильонаже», несмотря на то, что картотека теперь содержала и отпечатки пальцев. Система Бертильона зависела от идеальной точности проведения различных измерений. А полиции Индии такого рвения не хватало. В 1899 году Генри побывал в лаборатории Гальтона, где познакомился с достижениями последнего. Именно Генри и стал создателем той классификации, над которой столько лет бился Гальтон. Прямая линия, прочерченная через дельту, пересечет несколько борозд, которые можно подсчитать. Еще он выделил пять типов дуг, или завитков, и обозначил их буквами. Комбинация этих цифр и букв образует формулу, на основании которой данный отпечаток пальца может быть найден среди тысяч других.

Методика Генри получила триумфальное признание во всей Индии. Когда его книга «Классификация и использование отпечатков пальцев» появилась в

Англии в 1900 году, его назначили членом Лондонской комиссии по определению целесообразности применения «бертильонажа». Было решено оставить старый метод в прошлом. Английская полиция первой в мире полностью перешла на новый метод идентификации преступника. Генри был также назначен помощником комиссара уголовно-следственного отдела. Благодаря его энтузиазму отделение дактилоскопии в Скотланд-Ярде стало работать так же успешно, как оно работало в Калькутте. Впервые метод оказался эффективным в 1902 году в день проведения ежегодных скачек в Англии – дерби. Во время скачек были арестованы самые разные правонарушители, в основном карманные воры и т.п. На следующий день в суде с ними справились довольно быстро, а поскольку времени, чтобы разбираться с их «послужными списками», не было, все они отделались легкими наказаниями. Сэр Мелвилл Макнатен решил, что с такой практикой пора кончать. Отпечатки пальцев 56 правонарушителей, снятые в день открытия скачек, были направлены в Скотланд-Ярд. Вот что, как он сам рассказывает, было дальше:

«Первый арестованный назвался Грином из Глостера, при допросе он заверил магистрат в том, что никогда с ним ничего подобного не приключалось и что мир ипподрома и скачек до настоящего момента был ему совершенно незнаком. Но тут в ответ на вопрос, что, может быть, «все-таки кое-что было известно», вскочил главный инспектор и попросил *Их* милостей взглянуть на бумаги и фотографии, свидетельствовавшие о том, что «невинный» был на самом деле Бенджамином Брауном из Бирмингема, в послужном списке которого значилось не менее десяти судимостей. «Черт бы побрал эти отпечатки пальцев, – выругался Бенджамин, – так и знал, что они меня выдадут!»

Как оказалось, 29 из 54 арестованных были зако-

ренелыми правонарушителями, за что получили наказание в два раза более строгое, чем было вынесено ранее.

Первым англичанином, убийца которого предстал перед судом благодаря отпечаткам пальцев, был управляющий чайной плантацией в Джальпайгури, Бенгалия. В августе 1897 года он был обнаружен в постели с перерезанным горлом. Все слуги скрылись, включая индийскую девушку, любовницу англичанина. В бумажнике погибшего был найден календарь с кровавым отпечатком большого пальца. Полиции стало известно, что двумя годами раньше управляющий отдал под арест за кражу своего слугу Шарана, и тот поклялся отомстить. В деле его, конечно, имелись отпечатки пальцев Шарана, и, как выяснилось, найденный отпечаток на календаре также принадлежал ему. Но суду одного кровавого отпечатка показалось маловато. Шаран получил наказание за кражу, но не за убийство.

Первое английское убийство, расследованное при помощи идентификации отпечатков пальцев, имело место в Депфорде в 1905 году. 27 марта в 7 часов 15 минут утра проходивший мимо молочник видел, как из магазина в доме номер 34 по Хай-Стрит в Депфорде вышли двое мужчин и захлопнули за собой дверь. В магазине, торговавшем красками, обычно распоряжался управляющий, пожилой мужчина по имени Фарроу, в этом деле ему помогала жена.

В половине восьмого утра пришел работавший в магазине мальчик. Дверь оказалась заперта. Он сходил за хозяином магазина, и они вдвоем высадили кухонное окно. Фарроу с размозженной головой был найден мертвым на полу в помещении на первом этаже, его жена была убита в постели. Картина происшедшего была ясна. Двое мужчин ворвались в магазин, мистер Фарроу, услышав шум, поспешно спустился вниз, где его ломиком ударили по голове, потом, решив, что он

мертв, пошли наверх, где таким же способом была убита его жена. Однако мистер Фарроу был еще жив. Когда мужчины ушли, он доковылял до двери и выглянул наружу, его заметила маленькая девочка, но вид залитого кровью человека не насторожил ее. Потом он запер дверь магазина и испустил дух.

Полиция на место происшествия прибыла в 9 часов 30 минут. Внутри кассового ящика был обнаружен отпечаток пальца. Его сфотографировали и увеличили. Проверив местных преступников, полиция не застала в городе двух братьев Страттон. Эта парочка была известна своей жестокостью и беспощадностью. В руках полиции они побывали уже множество раз. В конце недели их поймали и сняли с них отпечатки пальцев. Отпечаток большого пальца на кассовом ящике был идентичен отпечатку, принадлежавшему старшему брату, Альфреду. Но у полиции не было против него никаких других улик, поскольку молочник не смог опознать его.Сержант Коллинз, эксперт по отпечаткам пальцев, стал самым важным свидетелем обвинения.

Несомненно, это было очень важное дело, и будущее дактилоскопии – по крайней мере, на ближайшие несколько лет – всецело зависело от него. Ни судья, пожилой джентльмен по имени Чаннелл, ни суд присяжных об отпечатках пальцев ничего не знали. Защита также решила не терять времени даром и тоже пригласила своих специалистов по дактилоскопии. Один из них был не кто иной, как Генри Фолдс, шотландец, открывший метод идентификации по отпечаткам пальцев и предложивший использовать его в ходе расследований. По несчастливому стечению обстоятельств признания он так и не получил. Когда сэр Фрэнсис Гальтон написал в «Нейчер» письмо с просьбой выслать ему адреса господ, которые через журнал вели переписку относительно отпечатков пальцев, издатель случайно выслал ему только адрес Гер-

шеля. Подобно Гальтону, Гершель был щедрым, лишенным меркантильного интереса человеком, он тотчас поделился с Гальтоном всеми своими результатами, вследствие чего у Гальтона уже не возникла нужда консультироваться у Фолдса. Фолдс, в свою очередь, оказался одержимым эгоистом, который во что бы то ни стало хотел добиться признания своего открытия и своих заслуг. (В истории сохраняются сведения о том, что Гершель первым открыл это явление, но первую публикацию на эту тему сделал Фолдс.) Многие годы Фолдс вел жестокую борьбу, целью которой было именно признание. Британцы не видели в этом никакого смысла и не обращали на него никакого внимания. Теперь же Фолдс решил убедить всех в собственной значимости и выступил на стороне защиты против Короны. Вторым «специалистом» был еще один разочаровавшийся в жизни эгоист, доктор Гарсон, который вначале с большим недоверием и насмешкой встретил это новшество (он был ярым приверженцем «бертильонажа»). Потом он решил «сменить лошадей» и изобрел свою собственную систему. Именно жажда Гарсона добиться признательности решила исход дела против братьев Страттон. Сержант Коллинз ознакомил присутствующих с теоретической стороной дактилоскопии и нарисовал на доске схему. Гарсон и Фолдс не стали опровергать утверждения, что двух идентичных отпечатков пальцев не бывает, но оба они утверждали, что отпечаток пальца на кассовом аппарате отличался от отпечатка пальца Альфреда Страттона. На взгляд судьи и присяжных, все отпечатки были совершенно одинаковыми, и они были готовы поверить, что оба отпечатка принадлежали разным людям. Коллинз же говорил, что незначительные расхождения вызваны тем, что в зависимости от приложенной силы давления и угла, под которым сделаны отпечатки, линии могут казаться толще или тоньше. Он довольно убедительно продемонстрировал

это, сняв тут же, в суде, отпечатки пальцев присяжных и продемонстрировав им те же расхождения. Но семена сомнения были посеяны. Тогда прокурор разыграл свою козырную карту. Гарсона снова пригласили к барьеру и спросили, правда ли, что он написал письмо с просьбой выступать свидетелем обвинения и все же теперь выступал свидетелем со стороны защиты. Стало ясно, что Гарсон был человеком, способным изменить свое мнение только ради того, чтобы оказаться важным свидетелем на важном процессе. Судья заметил, что на мнение этого человека полагаться неразумно. Таким образом, последняя надежда братьев Страттон исчезла. Они оба были признаны виновными, после чего принялись оскорблять суд, развеяв тем самым миф о своей якобы непричастности, на чем так настаивали до сих пор. Судья приговорил их обоих к смерти. Первое английское убийство, раскрытое с помощью отпечатков пальцев, доказало, что одного отпечатка пальца уже достаточно для того, чтобы отправить человека на виселицу.

Сэр Мелвилл Макнатен поведал еще одну жуткую историю, связанную с другим делом, раскрытым с помощью дактилоскопии. В 1911 году полицейский из Кларкенуэлла заметил на острие ворот ограды, окружавшей двор складского помещения, застрявший палец. По всей видимости, через ворота перелезал какой-то человек, но сорвался и упал во двор. Но его кольцо зацепилось за острие одного из металлических прутьев, из которых были сделаны ворота, и буквально перерезало палец. Человек повис и провисел так до тех пор, пока палец не оторвался. Палец доставили в Скотланд-Ярд и провели идентификацию. Оказалось, что он принадлежал вору, которого в местах его традиционного пребывания не обнаружили. Несколько недель спустя полицейский, арестовавший подозреваемого карманного вора, увидел на его руке повязку. Пальца на его правой руке не было. Тогда

2 Зак. 1759

полицейский вспомнил историю о пальце из Кларкенуэлла. Пойманный вор был обвинен в попытке кражи на основании до ужаса убедительной, хотя и весьма случайной улики. Он был приговорен к году тюремного заключения.

Благодаря тому, что полиция взяла на вооружение метод идентификации по отпечаткам пальцев, в деле борьбы с преступностью произошла настоящая революция. Но были и другие открытия не меньшей значимости. Я уже упоминал дело сексуального маньяка-убийцы Тесснова, которого смогли обвинить только после того, как было установлено, что пятна на его одежде оказались человеческой кровью. Рассказ о том, как все это произошло, не менее интересен, чем рассказ об отпечатках пальцев. Правда, анализ крови требует большей срочности. Известно, что на воздухе кровь медленно распадается на две фракции: бесцветную жидкость, которая носит название сыворотки, и густую коричневую субстанцию, которая состоит из клеток крови. Сыворотка крови обладает замечательными свойствами. Если, например, человека укусит змея, сыворотка немедленно начнет выделять химические вещества, необходимые для нейтрализации яда, и если количество яда не слишком велико, то защитные силы организма уничтожат его. В 1890 году врач по имени Беринг сделал огромный шаг вперед в развитии медицины, обнаружив, что, если лошади ввести убитые микробы дифтерии, то сыворотку ее крови можно использовать для лечения детей, страдающих дифтерией: она поможет разрушить болезнетворные микробы. Механизм действия сыворотки после укуса змеи работает аналогичным способом.

Сыворотку крови с ее защитными свойствами можно использовать не только против микробов дифтерии и змеиного яда: она способна повлиять и на такие безвредные вещества, как молоко, яичный бе-

лок или кровь другой группы. Во всех этих случаях сыворотка крови воздействует на чужеродный белок и превращает его в безвредную нерастворимую субстанцию. В 1900 году Поль Уленхут получил сыворотку крови кроликов, которым был введен яичный белок. Если взять крохотную каплю яичного белка и поместить ее в пробирку с чистой сывороткой, то такая сыворотка тотчас станет молочно-белой. Таким образом, становится совершенно очевидным, что если обвинение в убийстве зависит от того, является пятно на одежде человека яичным белком или спермой, то этот факт легко доказуем. Причем совершенно не имеет значения, свежее пятно или старое, поскольку сыворотка с одинаковой определенностью реагирует на любое. Кроме того, если взять сыворотку, полученную после введения в кровь козьего молока, она не будет мутнеть и в том случае, если в нее ввести молоко коровье; и наоборот, сыворотка, полученная после введения в нее коровьего молока, не будет реагировать на молоко козье.

Следующий шаг был очевиден. Если получить сыворотку от кроликов после введения им крови человека, то при последующем введении в нее крови человека она даст реакцию в виде осаждения белка только человеческой крови, не реагируя таким образом на кровь животного. Так что тест на определение принадлежности пятен крови стал очень простым. Пятно помещают в соленую воду, чтобы растворить кровь, затем капля этой соленой воды добавляется в сыворотку, которая реагирует на человеческую кровь. Если кровь с кровяного пятна принадлежит животному, сыворотка останется чистой, если человеку – то сыворотка немедленно потемнеет.

Дело, в ходе расследования которого новый метод определения принадлежности пятен крови получил широкую известность, имело место в Берлине в

1904 году. 11 июня того же года один лодочник выловил из реки Шпрее бумажный сверток, в котором оказалось обезглавленное туловище девочки, на котором еще сохранились нижние юбки и детские панталоны. Медицинское исследование установило, что ребенок был изнасилован. Вскоре была установлена личность погибшей: ею оказалась девятилетняя Люси Берлин, проживавшая в доме номер 130 по Акерштрассе. Это был довольно мрачного вида дом с меблированными комнатами для бедных семей. Последний раз Люси видели примерно в час дня 9 июня, когда она взяла ключ от туалета, располагавшегося двумя этажами выше. Его запирали, чтобы пользоваться им могли только жильцы дома. Но было похоже, что до туалета она так и не добралась. К вечеру о пропаже девочки родители решили известить полицию. Дело в том, что Люси постоянно предупреждали, чтобы она никогда и никуда не ходила с незнакомыми мужчинами – изнасилование детей в ту пору было довольно распространенным явлением. Это позволило полиции предположить, что из дома она не выходила, несмотря на то, что соседи видели ее выходившей с мужчиной в соломенной шляпе. Среди допрошенных была проститутка, жившая как раз над квартирой родителей девочки. Но с первого взгляда было ясно, что об убийстве она ничего не знала, поскольку только что вернулась после трехдневного пребывания в тюрьме, куда попала за оскорбление клиента. Звали ее Йоханна Либеструт. Находившийся с ней в комнате мужчина назвался Теодором Бергером. Он проживал по другому адресу. Но полиция заинтересовалась Бергером, когда выяснилось, что он фактически жил с Йоханной и был ее сводником. 18 лет она не могла уговорить его жениться на ней, а тут вдруг ни с того ни с сего он решился на этот шаг. Почему? В то утро, когда в реке был обнаружен сверток, на берегу с

прямоугольным пакетом в руках видели человека, по описанию весьма похожего на Бергера.

К этому времени в реке были найдены голова и руки Люси. Бергера пригласили взглянуть на них. Но он продолжал говорить, что ничего не знает об убийстве. Йоханну допрашивали на протяжении нескольких часов, пока она наконец не рассказала любопытную историю. Из тюрьмы она вернулась утром11 июня и сразу услышала об исчезновении девочки. Она заметила, что дома отсутствовал плетеный дорожный саквояж. Она заподозрила, что Бергер во время ее отсутствия спал с другой женщиной. Бергер наконец сознался в этом, добавив, что отдал ей саквояж, потому что у него не было денег, чтобы рассчитаться с ней. Эта история показалась Йоханне вполне правдоподобной. Когда Бергер испытывал сексуальные желания, то «превращался в быка». Он вполне мог затащить женщину в комнату, а потом сказать, что у него нет денег. Йоханна пришла в ярость, и тогда ему ничего не оставалось, как предложить ей стать его женой.

Но когда у Бергера спросили, какой это был саквояж, то он ничего вразумительного сказать не мог, словно не знал, о чем шла речь. Это было довольно странно, поскольку, прожив с Йоханной 18 лет, он не мог не видеть его. Было похоже, что саквояж был тем ключом, которого им так недоставало. Если в комнате и была кровь, то ее, должно быть, смыли сразу после убийства.

Был объявлен розыск плетеного саквояжа. И 27 июня нужный предмет был обнаружен. Его нашел некий человек, работавший на барже, но поскольку газет он не читал, то и не представлял себе ценности находки, пока в разговоре об убийстве его тетка не упомянула о саквояже.

Саквояж стал тем самым доказательством, кото-

рое полиция так искала. Йоханна немедленно опознала его. Пятна внутри оказались человеческой кровью. Последовательность происшедших событий была восстановлена на судебном процессе. Люси Берлин хорошо знала Бергера и даже называла его «дядя». Бергер иногда захаживал в квартиру ее родителей, а Люси иногда бывала в квартире Йоханны. Во время беседы с полицией Йоханна сказала, что накануне ее отправки в тюрьму Люси заходила к ним и играла с собакой Бергера на полу кухни. В какой-то момент она повалилась на спину и стала болтать ногами в воздухе. Тогда Йоханна отметила, что для девочки девяти лет у нее были полные и стройные ножки. Бергер, вне всяких сомнений, сделал такой же вывод. Двумя днями позже, лишенный возможности получить половое удовлетворение, в чем Бергер постоянно нуждался, он заметил Люси. Еще одна пожилая дама в этот момент спускалась вниз, и она вспомнила, что Бергер действительно стоял на лестнице и смотрел на девочку до тех пор, пока она не скрылась из виду. Потом он пригласил Люси к себе, девочка знала его и вполне доверяла. Но когда он начал ласкать ее, она насторожилась и стала сопротивляться. Бергер схватил ее за горло, чтобы она не закричала, и изнасиловал. Потом на газетах он тщательно расчленил тело, завернул каждую его часть отдельно и рано утром отнес к реке.

Бергер продолжал твердить о своей невиновности, но его приговорили к пожизненному заключению.

Возможность отличать человеческую кровь от крови животных стала очень важным шагом в криминалистике. Но вслед за этим открытием почти немедленно было сделано и другое. Было установлено, что с помощью сыворотки можно не только отличать кровь человека от крови овцы, но также различать группы человеческой крови. О существовании таковых дога-

дывался доктор Теодор Бильрот еще за 30 лет до этого открытия. Такая догадка посетила его, когда он попытался делать переливания крови: 146 человек из 263 погибли, что навело Бильрота на мысль , что кровь разных людей, должно быть, чем-то отличается. В результате огромного количества исследований наконец выяснилось, что кровь имеет три четко различимые группы, которые были обозначены как А, В и О, а кроме того, была выделена весьма специфическая по своим свойствам группа АВ.

Первое важное криминальное расследование, в котором было применено новое открытие, имело место на севере Германии в промышленном городе Гладбек в 1928 году. Оно касалось странного сексуального преступления. В ранние часы 23 марта перед домом номер 11 по Шультенштрассе послышались крики. Спустя несколько часов был найден умирающий от потери крови 19-летний юноша Хельмут Даубе. У него было перерезано горло. Была выдвинута версия о самоубийстве, продержавшаяся на протяжении нескольких часов до тех пор, пока один из детективов не заметил, что ножа или бритвы нигде не было. Даубе жил в доме, возле которого и был найден. Полиции не составило никакого труда найти парня, с которым он провел предыдущий вечер. Это был 20-летний Карл Хуссманн. Хуссманна быстро доставили на место преступления, полицейские заметили, что туфли его были мокрыми, как если бы их помыли, и в пятнах крови. На одежде Хуссманна также кое-где были обнаружены пятна крови. Согласно его версии о происхождении пятен, он поймал в капкан кошку, охотившуюся на птиц, и убил ее. Потом он принялся утверждать, что по пути домой после расставания с Даубе ему попалась на глаза лягушка, которую он разорвал на куски.

Знакомство с прошлым Хуссманна показало, что он был гомосексуалистом с ярко выраженными садис-

тскими наклонностями. С Даубе он познакомился два года назад. Даубе был пассивным, женственным и довольно мечтательным, в этой «паре» Хуссманн доминировал, временами он даже бывал жесток. Впервые он склонил Даубе к гомосексуальной связи во время студенческого похода. Когда Даубе влюбился в девушку, Хуссманн от ревности пришел в бешенство. Но любовная связь распалась, и старые отношения между приятелями возобновились. Даубе хотел порвать с ним. Друзья отмечали, что однажды видели, как Хуссманн причинил Даубе физическую боль, с силой согнув его палец, чтобы заставить Даубе сесть ему на колени. Вечером накануне убийства студенты собрались для того, чтобы обсудить планы, касавшиеся нового похода, но Даубе сказал, что не собирается принимать в нем участия. Что произошло дальше, было совершенно ясно. Хуссманн хотел повлиять на него. Мысль о том, что парень, которого он рассматривал как свою собственность, собирался порвать с ним, возбуждала в нем смертельную ревность. Когда Даубе, попрощавшись, повернулся, чтобы уйти, тот схватил его сзади и полоснул ножом по горлу. Потом он оскопил его. Даубе головой разбил Хуссманну нос, вызвав кровотечение, но выяснилось это только в самый последний момент.

Предварительная проверка показала, что кровь на обуви и на пиджаке была человеческой и не могла принадлежать ни кошке, ни лягушке. Хуссманна это не взволновало. Он сказал, что у него было носовое кровотечение и что доказать иное полиция не сможет. Ведущий расследование детектив, похоже, испытывал перед Хуссманном благоговейный страх, считая его выше себя по социальному происхождению.

Спустя неделю после убийства одежда с пятнами крови была отправлена Виктору Мюллеру-Гессе, возглавлявшему лабораторию судебной медицины в Боннском университете. Несмотря на то, что во время

предварительных исследований большая часть крови уже была смыта, Мюллер-Гессе без труда установил, что кровь на пиджаке Хуссманна была той же группы, что и его собственная, в то время как кровь на туфлях соответствовала группе крови Даубе.

Такой улики было достаточно, чтобы привести Хуссманна к виселице. Но все эти разговоры о группах крови суду присяжных не показались достаточно убедительными. В результате их решение гласило, что, несмотря на их уверенность в невиновности Хуссманна, тем не менее они не были абсолютно уверены и в том, что он виновен. Хуссманн был оправдан. Но даже при таком стечении обстоятельств благодаря этому делу вопрос о важности распознавания групп крови в проведении криминального расследования больше ни у кого не вызывал сомнения.

Правда, если бы у Хуссманна и Даубе была одна группа крови, дело до суда никогда бы не дошло. Только в 1966 году два молодых биолога из Англии, Маргарет Перейра и Брайан Каллифорд, открыли то, что можно было бы назвать «отпечатком пальца крови» – то есть ими был установлен факт, что кровь каждого индивидуума имеет такие же уникальные признаки, как и отпечатки пальцев. Белок крови обладает характеристиками, которые никогда не бывают одинаковыми у двух разных людей. В будущем капля крови на месте преступления будет столь же важной уликой, как и отпечаток пальца. Эта работа была продолжением исследований групп крови, проводимых Робином Кумом из Кембриджа и Барбарой Додд из Лондонского университета. Благодаря уникальной методике, по пятнам крови на сорочке, что была на короле Карле I в день его казни, они сумели установить его группу крови. В будущем достаточно будет пятнышка крови размером с булавочную головку, чтобы установить виновность или невиновность подозреваемого.

Чрезвычайно интересно поразмышлять о том, сколько загадочных преступлений прошлого было бы раскрыто, будь полиция вооружена современными методами расследования. Конечно, убийства Потрошителя так и остались бы нераскрытыми, поскольку в аналогичных случаях, которые мне знакомы (а о них я буду вести разговор в одной из следующих глав), убийца так и оставался на свободе или попадался совершенно случайно. Но некоторые дела, типа дела Брейво, непременно были бы раскрыты – достаточно было бы одного отпечатка пальца на стекле бутылки. Одно из самых шумных дел викторианской эпохи, дело Пука, было бы раскрыто в течение нескольких часов, имей полиция в 1871 году на своем вооружении тесты для определения человеческой крови. Жертвой этого преступления стала молодая служанка, Джейн Клоусон, найденная со страшно изрезанным лицом и изуродованной головой на «аллее любовников» в Элтаме в южной части Лондона. Вскоре она умерла, так и не заговорив. Недалеко от места преступления констебль нашел штукатурный молоток – нечто среднее между молотком и тесаком. С помощью этого орудия было нанесено более десятка ран, одна из которых оказалась проникающей. Было также обнаружено, что у девушки была двухмесячная беременность. Молодого человека, которого заподозрили в совершении убийства, звали Эдмунд Пук, он был сыном печатника из Гринвича, в доме которого на протяжении двух лет работала служанкой Джейн Клоусон.

Незадолго до ее 17-летия мать Пука через агентство по найму прислуги уволила девушку, почувствовав, по-видимому, что та слишком близко сошлась с ее сыном.

Эдмунд Пук оказался испорченным, чванливым, неприятного вида молодым человеком. Какую бы то ни было близость с Джейн он категорически отрицал, утверждая, что она была грязнулей. Но он не смог

объяснить происхождения пятен крови, что были обнаружены на манжетах его рубашки и на другой одежде.

50 лет спустя уже ничего бы не стоило подтвердить или опровергнуть сделанное им позже заявление, что та кровь была его собственной: он был подвержен эпилептическим припадкам и носовым кровотечениям. Правда, его группа крови могла бы совпасть с группой крови Джейн Клоусон, но тогда бы на помощь пришли отпечатки пальцев, оставленные на рукоятке молотка. Как оказалось, все улики были против Пука. Владелец лавки, где он покупал молоток, опознал его. На тот вечер, когда было совершено преступление, у него не оказалось алиби. Незадолго до убийства Джейн Коулсон сказала своей домовладелице, что идет на свидание с «ее Эдмундом». Кроме того, своей кузине она говорила, что Эдмунд очень хотел, чтобы они могли тайно обвенчаться при условии обещания, что на протяжении нескольких месяцев она не будет общаться ни с родственниками, ни со знакомыми. Та же кузина утверждала, что Джейн получила письмо, которое, после слов о том, что должна срочно встретиться с Эдмундом, она тут же сожгла. Становится очевидным, что в письме содержалось требование немедленно сжечь его. Этим также можно объяснить факт, что, когда инспектор спросил у Пука, не писал ли тот Джейн, он высокомерно ответил, что инспектору лучше было бы показать письмо и попробовать доказать, что оно написано его рукой. Он знал, что письмо было сожжено, и можно не сомневаться, что, встретив девушку, он первым делом задал ей именно этот вопрос.

Пук был оправдан – в основном по причине того, что вокруг этого дела было столько путаницы, что его адвокат Генри Пук (однофамилец) сумел запутать все еще больше. В пользу обвиняемого использовались малейшие противоречия в показаниях свидетелей.

Сама полиция в этом деле проявила столь же вопиющую некомпетентность, сколь ужасающим было и само преступление. Когда прокурор сообщил, что на брюках Пука был обнаружен волос, похожий на волосы Джейн Клоусон, адвокат вскочил на ноги и заявил, что если это была единственная улика, которую могло предъявить обвинение, то все дело против его подзащитного держалось на одном-единственном волоске. Сегодня можно было бы совершенно однозначно сказать, принадлежал ли тот волос Джейн Клоусон или нет. Очень немногие авторы из тех, кто описывал это дело, сомневались в виновности подозреваемого.

Сегодня я очень сомневаюсь, что современные методы судебной медицины пролили бы свет на классическое убийство в американском стиле, оставшееся неразрешенной загадкой. Речь идет о деле Лиззи Борден. Тем не менее, современные исследования настолько прояснили это дело, что его можно считать почти что раскрытым.

В 11 часов 15 минут 4 августа 1892 года, в самый жаркий день года, Лиззи Борден позвала горничную Бриджит Салливан и сообщила, что кто-то убил ее отца. 70-летний банкир был найден мертвым на диване в гостиной с изуродованным до неузнаваемости лицом. Кто-то нанес ему несколько ударов топором. Вторая жена Бордена, Абби, как предполагали, в это время отсутствовала, она навещала свою больную подругу, как сказала Лиззи. Но, как выяснилось позже, ее нашли наверху в комнате для гостей, лежавшей лицом вниз на кровати. Она тоже была убита с помощью топора, но нанесенные ей удары были более сильными и жестокими, чем те, которые оборвали жизнь Эндрю Бордена. Лиззи рассказывала, что сама она находилась в сарае, но когда услышала доносившиеся из дома крики, бросилась в дом и увидела отца мертвым.

Вскоре стало ясно, что Лиззи было что скрывать. Ее мать умерла, когда девочке было два года от роду, два года спустя ее отец женился во второй раз. Абби Грей была на шесть лет моложе мужа и на 22 года старше сестры Лиззи, Эммы. За два дня до убийства Лиззи пыталась купить синильную кислоту. Незадолго до убийства отец Лиззи и ее мачеха мучились от болей в животе. Свою мачеху Лиззи ненавидела.

Более того, медицинское освидетельствование показало, что Абби Борден была убита вскоре после девяти утра, то есть за два часа до смерти ее мужа. Вполне можно поверить, что некий неизвестный убийца проник в дом и убил супругов, но поверить в то, что на протяжении двух часов он прятался в маленьком доме, где было еще только две женщины (сестра Лиззи в это время гуляла где-то с друзьями), невозможно.

Лиззи арестовали и судили. Прямых улик против нее не было. Прокурор только попытался показать, что единственным человеком, который мог совершить преступление, была она. Но она была респектабельной девушкой с незапятнанной репутацией, так что суд присяжных вынес ей оправдательный приговор. Она прожила до 1927 года. Пока она была жива, никто не мог высказываться относительно того, убила ли она своего отца и мачеху. Однако после ее смерти Эдмунд Пеарсон не стал ждать и сразу высказал свое мнение, написав, что считает ее убийцей. (Даже еще при жизни Лиззи в годовщину убийства местная газета в Фолл Ривер, штат Массачусетс, позволила себе напечатать саркастические статьи, в одной из которых говорилось, что Бордены и вовсе не были убиты, а умерли от жары.) Его «Процесс Лиззи Борден» вышел в серии «Громкие американские судебные процессы» в 1937 году. Книга посвящена прокурору округа, возбудившему против Лиззи Борден уголовное дело. В 1959 году стал известен новый факт. В книге под названием «Убийство и мятеж», опубликованной в

1959 году, Э. Р. Сноу рассказывает, как он получил письмо от престарелого джентльмена по имени Томас Оуэнс, который слушал радиопередачу о деле Борден, подготовленную Сноу. Оуэнс рассказал автору странную историю. В 1896 году, четыре года спустя после убийства, Лиззи Борден зашла в художественную галерею и магазин Тилден-Тербер в Провиденсе на Род-Айленде. Когда она ушла, продавец обнаружил, что исчезли две дорогие росписи по фарфору. На следующий год в феврале в магазин вошла дама с одной из пропавших вещей и спросила, нельзя ли убрать появившуюся трещину. Об этом сообщили управляющему, и он спросил у дамы, где та взяла роспись. «У мисс Лиззи Борден из Фолл Ривер». В результате в «Провиденс джорнэл» появилась статья «Снова о Лиззи», в которой говорилось, что был подписан ордер на ее арест за кражу двух произведений искусства. А произошло, рассказывает Оуэнс, вот что. Владельцы галереи поставили Лиззи перед выбором: или она сознается в убийстве, или они подадут на нее в суд. Она отказалась, тогда появилась статья в газете. Это заставило Лиззи пересмотреть свое решение. После того, как ее заверили в том, что признанию не будет дан ход, она на листе бумаги отпечатала следующее: «Незаконными средствами меня вынудили поставить подпись под признанием, что содеянное 4 августа 1892 года было делом только моих рук, Лизабет А. Борден». Администрация магазина на всякий случай решила сфотографировать документ, сделать это попросили Оуэнса. Так он и сделал, изготовив также еще одну копию, сказав, что первая была не очень качественной и что вторую он сделал для магазина, забыв, однако, сказать, что у него была вторая копия. Когда четверо замешанных в этом деле людей умерли (кроме владельцев магазина, в этом участвовали еще два человека), он решил опубликовать ее. Теперь Оуэнс рассчитывал продать документ

с признанием Лиззи за 100 долларов. Сноу, однако, уговорил его согласиться на 50 и опубликовал историю в своей книге.

Делом этим решил заняться еще один автор криминальных историй, Эдвард Радин. Вскоре он установил, что Сноу стал жертвой обмана. Подпись действительно принадлежала Лиззи, и текст был отпечатан на машинке того времени, но подпись оказалась скопированной с завещания Лиззи. Было бы интересно узнать, не потребовал ли Сноу назад свои 50 долларов.

Но, несомненно, первая часть рассказа была правдивой. Лиззи и в самом деле украла две росписи, и об этом было напечатано в «Провиденс джорнэл» в феврале 1897 года. Лиззи была клептоманкой. Несмотря на то что у нее было много денег (после ее смерти осталось свыше 1 000 000 долларов), она была неисправимой воровкой. И что довольно странно, одновременно она могла проявлять удивительную щедрость.

В книге Радина «Лиззи Борден: нерассказанная история» говорится о том, что Лиззи была невиновна и что убийцей была Бриджит Салливан, горничная. Известно, что утром 4 августа Бриджит чувствовала недомогание, все же в 7.30 утра миссис Борден заставила ее вымыть все наружные окна. Ближе к полудню у Бриджит открылась рвота. Несомненно, повод для убийства у нее был: она ненавидела свою хозяйку. Радин рассказывает, что вначале, до тех пор, пока сам не прочитал подлинные отчеты о судебном разбирательстве, был совершенно согласен со взглядом Пеарсона. Прочитав же документы, он обнаружил, что последний скрыл многочисленные факты, свидетельствовавшие в пользу Лиззи.

В 1964 году Джеральд Гросс выпустил том избранных статей Пеарсона, относящихся к убийству, со своим постскриптумом к «последнему слову» Пеарсона относительно дела Борден. Гросс совершенно справедливо указывает, что Радин исказил свидетельства

в угоду версии о невиновности Лиззи точно так же, как Пеарсон исказил их в угоду версии о том, что она была виновна; при этом он отметил, что Пеарсон упустил довольно много деталей, чтобы придать делу односторонний характер. Версия самого Гросса заключается в том, что Лиззи убила своих родителей с помощью и при содействии Бриджит. Существует сложившееся мнение, что сразу после суда Бриджит с большой суммой денег, полученной от Лиззи, вернулась к себе в Ирландию. Радин совершенно справедливо отмечает и тот факт, что Бриджит, по всей видимости, посоветовали не выступать с показаниями в пользу хозяйки: напротив, большая часть ее показаний была направлена против Лиззи. Если она была сообщницей Лиззи или косвенной соучастницей, то есть помогала Лиззи избавиться от орудия убийства или от испачканной кровью одежды (которую Лиззи сожгла), тогда у хозяйки действительно был повод щедро вознаградить служанку.

В 1967 году в Америке появилась книга Виктории Линкольн «Позор семьи». Когда Фостер Деймон, еще один специалист по делу Борден, прислал мне экземпляр этого издания, он сопроводил его карточкой, в которой говорилось: «Полагаю, что это последнее слово, касающееся Лиззи». Я склонен думать так же.

Виктория Линкольн родилась в Фолл Ривер, поэтому ее описание нравов города является достоверным. Она сумела выявить некоторые факты, благодаря которым все дело обрело абсолютную ясность. В работе мисс Линкольн имеется только один пункт, которому можно приписать «гипотетический» характер: на основании сообщения о периодических обмороках Лиззи она приходит к выводу, что Лиззи страдала эпилепсией, вызванной поражением височной доли головного мозга. Психомоторная эпилепсия характеризуется приступами неконтролируемой активности. Мисс Линкольн описывает случай, позаимствованный

ею из медицинского учебника, в котором человек, пришедший в себя после приступа, с удивлением осознает, что его босс повысил ему зарплату, сделав это под впечатлением ясных и убедительных аргументов, которые приводил человек, прося о надбавке. У Лиззи странные приступы случались примерно четыре раза в год, всегда во время менструации. Наличие этих приступов свидетельствует о психомоторной эпилепсии. Во время совершения убийств у Лиззи была менструация.

Но теория мисс Линкольн не является попыткой доказать, что Лиззи совершила убийство в состоянии, близком к трансу. Она действительно намеревалась убить мачеху, но только с помощью яда. Она ненавидела ее и страшно ревновала. За год до убийства комнату мачехи обокрали в то время, когда Лиззи находилась дома. Было сделано предположение, что вор действовал настолько бесшумно, что Лиззи, Эмма и горничная Бриджит ничего не услышали. Он осторожно проник в комнату и украл деньги и драгоценности. А потом через подвальную дверь так же тихо выбрался из дома. Вскоре после этого Эндрю Борден обратился в полицию с просьбой прекратить расследование. Скорее всего, он «вычислил» вора.

Лиззи полагала, что у нее была важная причина ненавидеть мачеху. Во-первых, имела место ссора из-за дома. Сестра миссис Борден не слишком удачно вышла замуж и занимала одну половину дома. Во второй жила ее мать. Мать собиралась продать дом, но не могла выгнать дочь на улицу. Тогда на помощь пришел Эндрю Борден и без особых усилий купил весь дом, отдав одну половину сестре, а другую – своей жене Абби. Он сделал это тайно, зная об отношении своих детей к мачехе и ее семье. Но шила в мешке не утаишь. Лиззи пришла в ярость. Она сказала отцу, что благотворительность должна начинаться со своих детей. Она прекратила называть Абби «матерью» и с

этих пор, когда ей нужно было обратиться к ней, называла ее не иначе, как «миссис Борден». Эндрю Борден попытался восстановить мир, подарив Лиззи и ее сестре другой дом, принадлежавший ранее их деду. Лиззи успокоилась, но мачеху так и не простила и продолжала обращаться к ней «миссис Борден». И это после того, как в течении 23 лет она называла ее «мамой». Причиной убийства стало обстоятельство, аналогичное тому, что уже имело место за пять лет до преступления. Дядя Джон Винникум Морс, живший на Среднем Западе, решил, что пора бы переехать поближе к дому своего зятя (он был братом первой жены Бордена). У Бордена была ферма неподалеку от Суонси, и Морс поинтересовался, нельзя ли арендовать ее. Борден ответил согласием и снова решил сделать то, что уже однажды сделал (купил дом для сестры жены) – перевести ферму на имя своей жены. Мисс Линкольн докопалась до этого странного поступка, послужившего непосредственным мотивом убийства, Пеарсон и другие авторы, описывавшие данное преступление, ничего об этом не знали. Лиззи уже тогда не любила дядю Джона, поскольку он и раньше поддерживал отца и помогал ему в переоформлении дома. Теперь, когда он приехал к ним в качестве гостя, их отношения были крайне натянутыми. Мисс Линкольн не дает какого-либо убедительного объяснения тому, почему Борден решил переоформить ферму на Абби – возможно, он просто хотел сделать ей подарок. Перед этим он выкупил второй дом у своих дочерей, переплатив за него 2000 долларов, сделав, таким образом, каждой из них подарок – 1000 долларов. Но Бордену было уже 70 лет. Несомненно, он хотел хорошо обеспечить жену на случай своей смерти. На этом основании Лиззи считала себя в высшей степени обиженной. Вскоре до нее дошли новости и о переводе на имя Абби недвижимости в Суонси. Именно по этой причине она предприняла попытку купить яд. Не-

смотря на то, что купить синильную кислоту («для чистки мехов») ей не удалось, она, вероятно, все же что-то купила, потому что в тот вечер мистер и миссис Борден испытывали недомогание. Лиззи сказала, что и она была больна, однако, кроме ее слов, это заявление больше ничем не было подтверждено.

Существовало и еще одно обстоятельство, на которое совершенно не обратили внимания Пеарсон и Радин. Лиззи страстно любила животных и держала голубей, которые жили в голубятне, расположенной в сарае. Борден все запирал на замок. Иногда он был подвержен маниакальной скаредности. А когда в попытке добраться до голубей какие-то юнцы разломали сарай, он всем птицам до единой отрубил топором головы. Это не было проявлением жестокости, просто в те дни Америка еще недалеко ушла от времен первых поселенцев. Людям часто доводилось убивать собственных цыплят и резать свой скот. Но он забыл о том, какое впечатление это произвело на Лиззи. Это вкратце и есть то новое доказательство, что было открыто Викторией Линкольн и придало делу большую ясность. Оформление передачи собственности в Суонси должно было состояться в день убийства. Борден продумал, как это сделать, не вызывая подозрения Лиззи. К двери дома должен был подъехать экипаж и передать миссис Борден записку с просьбой навестить больную соседку. Записку действительно прислали, или, во всяком случае, мисс Линкольн полагает, что прислали. Но к этому времени миссис Борден либо была уже мертва, либо ее собирались убить. Когда Лиззи, незамеченная, вошла в комнату для гостей с топором и снесла ей череп, Абби занималась уборкой, стоя на коленях. Далее мисс Линкольн пускается в рассуждения, согласиться с которыми я не могу. Джон Морс уехал из дома немного раньше. И алиби на время первого убийства у него не было. Однако таковое имелось на время второго убийства. Мисс Линкольн

считает, что Морс отправился убедиться, что все шло согласно плану, поскольку дело с фермой непосредственно затрагивало его интересы. Он видел, как мальчик-посыльный передал записку и как Лиззи резко выхватила ее, захлопнув за собою дверь. По всей видимости, у Лиззи был один из ее приступов. С тех пор как Морс находился в доме Борденов, он постоянно ощущал растущее напряжение. Вероятно, миссис Борден подозревала Лиззи в намерении отравить ее. Поэтому Морс с повышенным интересом прислушивался к происходящему. Он сразу понял, что означал тяжелый удар, донесшийся из комнаты наверху, за которым последовала серия хлюпающих звуков – в это жаркое августовское утро окна дома были широко открыты. Вероятно, миссис Борден все же успела издать предсмертный стон. Бриджит, находившаяся в это время с другой стороны дома, была занята мытьем окон и поэтому ничего не слышала. Морс, поняв, что произошло, осознавал, что дядюшку со Среднего Запада скорее заподозрят в преступлении, чем респектабельную дочь хозяина дома. Так что он немедленно ринулся прочь, чтобы создать себе твердое алиби.

Этот факт мог действительно иметь место, однако никаких доказательств тому нет. Вероятнее всего, удушающая жара августовского утра и накопившееся в Лиззи раздражение, характерное для менструального периода, вызвали ее эксцентричный припадок. В результате чего она решила, что больше не может выносить мачеху ни минуты. Мисс Линкольн, возможно, права, что убийство было совершено в сомнамбулическом состоянии, когда Лиззи мерещились обезглавленные голуби. Мисс Линкольн, вероятно, ошибается в постановке диагноза психомоторной эпилепсии. Но несомненно то, что в совокупности все факторы, а именно: известие о сделке с недвижимостью, ненависть к мачехе и решимость убить ее, жара, физическое раздражение, обусловленное мен-

струацией – внезапно толкнули ее на злодеяние. Другие авторы, писавшие об этом деле раньше, не подозревали, насколько напряженной была атмосфера в доме Борденов – атмосфера, пропитанная ненавистью и ожесточением на протяжении нескольких недель, предшествовавших убийству. Назревала неминуемая буря. Бордену изменила его обычная сдержанность, и он даже сказал своему деловому партнеру, что в его доме сложилась тяжелая обстановка.

Загадкой остается то, что сделала Лиззи со своим забрызганным кровью после первого убийства платьем. Предполагается, что она сняла его. В 10 часов 45 минут в дом неожиданно вернулся Эндрю Борден, по всей видимости, озадаченный отсутствием жены в банке. Его дочь уже собиралась выйти из дома, чтобы создать для себя алиби. Двери были заперты, как обычно. Внутрь его впустила Бриджит. Когда отец вошел в дом, Лиззи как-то странно рассмеялась. Она сказала отцу, что миссис Борден вызвали запиской навестить больную соседку. Возможно, Борден поверил этому и решил, что, должно быть, миссис Борден и дядя Джон тоже подписывали бумаги, которые он уже подписал. Во всяком случае, он прошел в гостиную и вздремнул. Бриджит Салливан заявила, что в руках он нес «что-то, похожее на книгу». Мисс Линкольн считает, что это могли быть документы на недвижимость в Суонси, включая соглашение о ее передаче. Позже Лиззи видели на кухне, когда она сжигала что-то в кухонной плите.

Что было дальше? Мисс Линкольн считает, что Лиззи искренне любила Эндрю Бордена, но вид спящего отца был для нее слишком большим искушением избавить его от ужаса лицезреть мертвое тело жены и трагического осознания того, что это было сделано руками Лиззи. (Он не мог не догадаться об этом, как раньше, год назад, безошибочно понял, кто был невидимым вором.) Несомненно, он любил ее, но любовь

эта испарится сразу, как только он увидит тело. Поэтому, по словам мисс Линкольн, Лиззи с сожалением подняла топор.

Что касается меня, то я с трудом могу согласиться с этим. Эндрю Борден был убит девятью ударами, один из которых пришелся по глазу. Лиззи, должно быть, до убийства поднималась наверх, чтобы переодеться – если только она не избавилась от двух окровавленных платьев, а потом спустилась в подвал, чтобы взять топор (правда, платье ее могло находиться и в подвале). За два дня до убийства отец ее, так же, как и мачеха, страдал от какого-то серьезного желудочного недомогания. Значит, она и его тоже решила убрать. И сделала она это с меньшей жестокостью, чем в случае с мачехой (нанеся ему 9 ударов вместо 17, и рука ее не дрогнула). Потом она отправилась в сарай и вымыла топор, раздавив в тисках окровавленную рукоятку, которую затем сожгла. Лезвие она чистила золой. Потом она сняла платье и свернула его. Хотя не исключена возможность, что она повесила его в стенном шкафу среди остальных платьев, по предположению мисс Линкольн, спрятав его внутри одного из них. К этому времени, закончив мытье окон, в дом вернулась Бриджит и прошла к себе в комнату, чтобы на минуту прилечь. Переодевшаяся Лиззи была уже готова поднять тревогу.

Есть некоторые свидетельства в пользу версии, связанной с эпилепсией. Мать Лиззи страдала от жестоких мигреней и внезапных сильных приступов беспричинной ярости. За день до убийства Лиззи вечером навестила свою приятельницу Элис Расселл, которая сказала: «Боюсь, что скоро что-то случится. Я не знаю, но кто-то что-то сделает». Жара началась днем раньше. Лиззи испытывала чувство углубляющейся депрессии, которая, по словам Достоевского, обычно предшествовала приступам эпилепсии. «Я чувствую себя подавленной, – сказала она мисс Расселл. – Мне кажется,

будто на меня что-то навалилось, и я не могу от этого освободиться». Но в то утро произошла одна странная сцена: ее мачеха обратилась к доктору Боуэну, жившему напротив, и сказала ему, что ее муж получил письмо, в котором содержалась угроза отравить его, и что на протяжении всей предыдущей ночи они испытывали недомогание. В конце концов доктор Боуэн согласился прийти к ним в дом, где его встретил разъяренный Эндрю Борден, который сказал, чтобы тот не лез не в свои дела и убирался прочь. Тем временем жара усиливалась, став невыносимой – это был самый жаркий день в Фолл Ривер за всю его историю. Лиззи испытывала нарастающие боли в животе, указывающие на приближение месячных.

Судебная медицина не смогла бы ничем помочь в деле Борден. С ее помощью можно было бы обнаружить кровь на лезвии вычищенного золою топора и тем самым добавить еще одну косвенную улику. А если бы кто-нибудь из судебных экспертов обладал проницательностью мисс Линкольн, то непременно исследовал бы изнанку платьев Лиззи Борден на предмет наличия кровяных пятен и доказал бы тем самым, что окровавленное платье висело внутри одного из них. Потому как и сегодня еще остается загадкой, где прятала Лиззи запачканное кровью платье в период с четверга – дня убийства – до утра воскресенья, когда она сожгла его. Эмма и Элис Расселл, зашедшие в кухню, застали Лиззи, державшую в руках платье из бетфордовского бархата. «Я собираюсь сжечь это старье, – сказала Лиззи. – Оно все забрызгано краской». Эмма и Элис, должно быть, обменялись испуганными взглядами. Это был решающий момент. Если бы они выхватили его у Лиззи или как бы между прочим попросили разрешения взглянуть на него, то Лиззи, несомненно, не удалось бы избежать эшафота. Но что их остановило? Бордены были мертвы. Обе девушки – Эмма и ее подруга Элис –

знали о «странных периодах» Лиззи. Элис просто сказала: «Я бы на твоем месте приняла все меры предосторожности, чтобы этого никто не увидел», а потом забыла об этом инциденте на четыре месяца. После того, как Элис спросили о платьях Лиззи на следующий день, она сходила к Лиззи и сказала, что той не следовало сжигать платья. На что та с притворным участием возразила: «Тогда зачем вы мне позволили сделать это?» Вот и все.

Надеюсь, вы простите мне, что я распространялся о деле Борден с чувством этакой ностальгии. Я никогда не был в Фолл Ривер, но некоторое время провел в расположенном поблизости Провиденсе с его деревянными домами, похожими, как близнецы, на дом Борденов, известный по фотографии, с его улицами, осенью по колено усыпанными листвой. Старая часть города в районе Брауновского университета полна воспоминаниями о Г. П. Лавкрафте и его жутких рассказах. Здесь не ощущаешь бега времени. Возможно, вам на глаза и попадутся телевизионные антенны, но остается впечатления, что местность совершенно не изменилась с конца прошлого века. Я думаю, мы можем с полной уверенностью утверждать, что преступления типа «загадки Борденов» ушли в прошлое: не только потому, что эмоциональные падчерицы перестали хватать топоры и набрасываться на своих родителей, но и потому, что, соверши они такое преступление, оно было бы раскрыто в течение нескольких часов. Фолл Ривер представлял собой сонное и спокойное местечко, где все друг друга знали. Дядя Джон Морс не пришел домой и не сказал с укором: «Лиззи, зачем ты это сделала?» – несмотря на то, что точно знал, что это было делом ее рук. Эмма и Элис тоже не сказали: «Нельзя ли посмотреть на платье?» Независимо от обстоятельств, воспитание не позволило людям сделать этого. В противном случае их пове-

дение оказалось бы бестактным. Сегодня полиция с пристрастием допрашивала бы Лиззи в участке на протяжении многих часов, в то время как отряд детективов перерыл бы весь ее дом, изучая подошвы туфель Лиззи на предмет наличия пыли из сарая, ломая голову над сожженными бумагами в кухонной плите, не упустив из виду кусочек щепки запятнанного кровью дерева, приставший к внутренней стороне тисков... В газовую камеру Лиззи, конечно бы, не отправили. Хороший психиатр в скором времени выведал бы тайну ее «эксцентричных припадков» у нее или у Эммы, и против нее было бы выдвинуто обвинение в совершении убийства не первой, а второй степени; хотя не исключена возможность того, что дело вообще не дошло бы до судебного разбирательства, а Лиззи навсегда исчезла бы в палате для буйнопомешанных в психиатрической лечебнице Провиденса.

11

ВЕК ГАЗОВЫХ ФОНАРЕЙ

Ну, вот мы и достигли рубежа XX века, давайте на минуту задержимся и бросим прощальный взгляд на «век газовых фонарей», век Чарльза Диккенса и Шерлока Холмса.

Холодным туманным вечером конца 60-х годов прошлого века сэр Фредерик Тривз, хирург из лазарета «Маул Энд», расположенного в восточной части Лондона, шел домой по Уайтчепел Роуд. По мокрым булыжникам мостовой грохотали мимо двухколесные кэбы. Сэр Фредерик передвигался очень осторожно, стараясь обходить рытвины на тротуаре. Возможно, именно по этой причине он и заметил полоску трепещущего на пронизывающем ветру холста. При тусклом освещении газовых фонарей он только сумел разобрать слова: «Человек-слон, входная плата 2 пенса». Он отпустил засаленный край хлопающей парусины и оказался в узком проходе между двумя зданиями. В викторианские времена такие проходы в обиходе назывались «дырами в стене». Любое свободное пространство в перенаселенных трущобах так высоко ценилось, что подобные проходы между домами затягивались сверху парусиновой крышей и сдавались за низкую плату. Там горел единственный фонарь, и доктор увидел сгорбившуюся фигуру человека, прикрытого куском брезента и сидевшего на упаковочной коробке. Хирург аккуратно отогнул парусину, и человек снизу вверх посмотрел на него. То, что увидел Тривз, заставило его вскрикнуть и отпрянуть назад. Лицо человека-слона едва ли можно было назвать человеческим: нос раздулся и превратился в хобото-

видную массу плоти, остальные черты лица также были искажены.

Хирург пододвинул другую коробку и сел рядом, чтобы поговорить с человеческим существом, похожим на зверя из сказки. Человек-слон оказался загадочной личностью. Тело его было столь же бесформенным, как и лицо, так что было даже непонятно, какого пола было это существо. Он знал, что звали его Джон Меррик и что ему было около 20 лет. Но издаваемые им звуки походили на нечленораздельное бормотание. Естественно, что он почти ничего не мог сказать о своем происхождении. Не помнил он и того, где жил в детстве. Когда его «владельцы» вернулись из паба, где выпивали, спасаясь от холода, они сказали Тривзу, что нашли человека-слона бродившим по улицам. Увидев его, они решили, что могли бы выставлять его как урода и зарабатывать на этом хотя бы несколько пенсов. Но он был настолько безобразен, что женщины падали в обмороки, а с детьми случались припадки. Когда хирург предложил за чудовище пять фунтов, они едва могли поверить в свою удачу. На следующий день Тривз доставил человека-слона в больницу и поместил его отдельно от других. Очень немногие из медсестер могли спокойно выносить его облик. Прежде чем сестре поручили принести ему еду и помочь одеться, ей показали его издали, чтобы она могла сказать, сможет ли ухаживать за ним.

Однако человек-слон оказался обаятельным и галантным. Его благодарность не могла никого оставить равнодушным. По всей видимости, жизнь его была тяжелой и несчастной. Никто никогда не был с ним добр. Теперь наконец он обрел тепло и покой. Он почти не мог поверить в то, что судьба сжалилась над ним.

Одним из его любимых занятий было вырезание картинок из иллюстрированных журналов. Из них наибольшую ценность для него представлял портрет принцессы Александры, которая позже станет короле-

вой Британии, когда на трон сядет ее муж, будущий Эдуард VII. Принцесса была попечительницей больницы, и судьба человека-слона ее очень волновала. Однажды она сказала Тривзу, что хотела бы взглянуть на него. Тривз попытался отговорить ее, но ему это не удалось. Ее провели в комнаты, которые занимал человек-слон. Бесформенное чудовище двинулось ей навстречу. Она не вздрогнула и не отшатнулась, когда он взял ее руку в свою безобразную ладонь и склонился, чтобы поцеловать. Когда встреча закончилась и ее проводили из покоев человека-слона, она едва не потеряла сознание.

Эта странная история, повествующая о чрезмерном человеческом уродстве, не имеет никакого отношения к преступности, но она является очень типичной для того туманного, освещенного газовыми фонарями Лондона, который так талантливо и мощно был запечатлен Густавом Доре. Это был мрачный город, на сырых улицах которого можно было встретить спящих женщин с приткнувшимися к материнской груди младенцами, город болезней, насилия и коррупции. Во всей своей красе он предстает перед читателями на страницах любопытной работы под названием «Моя тайная жизнь» неизвестного викторианского автора, знакомого нам по имени Уолтер. Уолтер частенько бродил по закоулкам трущоб в поисках удовлетворения своих странных потребностей. У него могло появиться импульсивное желание вступить в половую связь с беременной женщиной или с юной девушкой, почти ребенком. Однажды он подцепил женщину и десятилетнюю девочку, вместе с ними вернулся в холодную убогую комнату и провел ночь, развлекаясь с обеими. Более того, девочка, как оказалось, не впервые отдавалась мужчине за деньги. Еще не раз Уолтер описывает, как он получал девочек за один шиллинг.

Это был город неразрешимых загадок. Джек Потрошитель был, несомненно, самой необъяснимой из

них, но были и другие, не менее странные. Например, дело об исчезновении германского булочника. Звали его Урбан Наполеон Штангер. Он и его жена были выходцами из Крейцнаха, Германия. Они купили дом под номером 136 на Левер-Стрит, сразу за Грейз Инн Роуд. Это был неспокойный район, где часто происходили всевозможные преступления. Недалеко отсюда располагалась Пентонвилльская тюрьма. Тем не менее, район этот был густо заселен, и бакалейная лавка Штангеров процветала. Здесь жило много выходцев из Германии, в основном еврейского происхождения. Штангер подружился с другим булочником по имени Феликс Штрумм. У Штрумма была темная борода, крючковатый нос, глубоко посаженные глазки и крепкое телосложение. Он производил впечатление человека хитрого и злобного. Но Штангеру он как будто нравился. С симпатией к нему относилась и миссис Штангер, грубоватого вида женщина с жесткими чертами лица.

Когда 12 ноября 1881 года работавший у Штангера по найму пекарь проходил мимо лавки около полуночи, то увидел, что на улице возле магазина сидели Штангер, Штрумм и еще двое мужчин. Они о чем-то разговаривали. Потом Штангер вошел внутрь. Больше его никогда не видели. Когда поденщик пришел в булочную на следующий день, миссис Штангер немедленно отправила его за Штруммом, жившим по соседству. Он пришел и пробыл у них весь день. Двум людям, заходившим к Штангеру, сказали, что того срочно вызвали по делам в Германию.

Элизабет Штангер и Штрумм стали появляться на людях вдвоем и даже под руку. Несколько недель спустя обитатели Левер-Стрит с удивлением увидели, что Штрумм на вывеске булочной закрасил имя Штангера, а вместо него написал свое собственное. Распространился слух, что миссис Штангер нашла интересный способ избавиться от мужа: превратив его в

начинку для мясных пирожков. Продажа мясных пирожков резко сократилась, но в целом бизнес продолжал процветать. Полицейские, несмотря на то, что к ним обращались соседи с сообщением об исчезновении Штангера, однако, решили ни во что не вмешиваться, поскольку прямых улик не было.

В апреле 1882 года, шесть месяцев спустя после исчезновения булочника, в газете появилось объявление о награде в 50 фунтов тому, кто имеет какую-нибудь информацию о местонахождении Штангера. Оно, по всей вероятности, было дано родственниками Штангера, явно не удовлетворенными объяснениями миссис Штангер относительно внезапного отъезда мужа в Германию.

Наконец поверенные Штангера выдвинули против Штрумма обвинения в подделке подписи Штангера на чеке. Оба, Штрумм и миссис Штангер, были арестованы.
сом
дерз
раст
Штр
мисс
тот
Шта
ком
слов

Шта
Штр
Стр

зрен
день
не б
мыс
мом

Миссис Штангер, допрошенная в качестве свидетельницы, произвела плохое впечатление. Когда она покидала суд, то была освистана толпой. Когда суд присяжных признал Штрумма виновным, тот поднялся и яростно зарычал. Судья, по-видимому, рассвирепел от такого проявления неуважения к суду и приговорил Штрумма к максимальному сроку за мошенничество – десяти годам. Штрумм оказался плохим заключенным – злобным и непослушным, и ему пришлось отсидеть весь срок. По свидетельствам очевидцев, миссис Штангер, окруженная враждебно настроенными соседями, после освобождения Штрумма выехала вместе с ним в Германию.

Вполне очевидным кажется факт, что миссис Штангер в ту ноябрьскую ночь убила своего мужа, а на следующий день послала за Штруммом, чтобы избавиться от тела. Но как она убила его и что стало с телом, остается загадкой. Ярость Штрумма, по всей видимости, была вызвана несправедливостью приговора. Он не убивал Штангера, это сделала его любовница. Он только подделал чек. Все же выдать ее суду он не мог, поскольку она была бы приговорена к повешению, а к его сроку добавили бы еще десять лет за пособничество в убийстве. Этим и объясняется его бессильный гнев.

Большие волнения и много разговоров среди обывателей вызвали еще два нераскрытых убийства. Одно из них вошло в историю под названием «загадка Юстон-Сквер». В один из дней 1879 года человек по имени Северин Бастендорф нанял рабочих, чтобы разобрать хлам в подвале дома номер 4 на Юстон-Сквер, поскольку хотел использовать его для хранения угля. Под кипой старого мусора был найден женский скелет с куском веревки на шее. Пятна крови на полу свидетельствовали о том, что жертве, прежде чем задушить, еще нанесли и ножевые ранения. У женщины было искривление позвоночника, которое

позволило без труда установить ее личность. Она была постоялицей Бастендорфов и звали ее Матильда Хакер. Это была довольно странная, эксцентричная женщина с золотыми кудрями, одевавшаяся, несмотря на свой уже не юный возраст, как красивая девушка-подросток. Она происходила из богатой кентерберийской семьи. Эксцентричность ее поведения состояла в том, что она часто меняла места жительства, чтобы сбить с толку своих кредиторов. Она исчезла полтора года назад, горничная по имени Ханна Доббс заявила, что эксцентричная леди совершила и еще один побег лунной ночью. Вскоре после этого сама Ханна тоже уехала.

В убийстве подозревали Ханну Доббс. Еще больше укрепились подозрения после того, как у ростовщика были обнаружены золотые часы мисс Хакер, заложенные женщиной, чье описание совпадало с описанием Ханны Доббс.

Ее нашли в тюрьме, где та отбывала шестимесячное наказание за кражу, и отдали под суд. Но поскольку прямых улик против нее не было, Ханна была оправдана. Некоторое время спустя появилась брошюра, по всей видимости, написанная Ханной Доббс. В ней шла речь о том, что мисс Хакер была убита ее любовником, младшим братом Северина Бастендорфа. Сама она только помогала спрятать тело. Возможно, это и было решением «загадки Юстон-Сквер», однако непонятно, зачем Ханне Доббс понадобилось выдавать своего любовника и признаваться в соучастии в преступлении после того, как она была оправдана.

Таким же загадочным было и убийство миссис Сары Миллсом. В среду 11 апреля 1866 года миссис Миллсом, домовладелица, проживавшая в доме номер 3 по Кэннон-Стрит в Сити, Лондон, сидела у себя в комнате и читала, в то время как кухарка, Элизабет Лоуес, сидела напротив и шила. После девяти часов вечера в дверь позвонили. Миссис Миллсом вскочила:

«Это ко мне». Она спустилась вниз. Через некоторое время кухарка почувствовала беспокойство и решила узнать, что произошло. Она зажгла свечу и спустилась вниз. Миссис Миллсом лежала у подножья лестницы, она была мертва, ее лицо и голова были сплошным кровавым месивом. Кто-то избил ее до смерти. Но целью этого не был грабеж (все ключи домовладелицы остались на месте), она не была изнасилована, и одежда ее была в полном порядке. Как выяснилось, для некоего мужчины по имени Джордж Терри она заняла у ростовщика деньги. Но в момент убийства Терри находился в богадельне. В убийстве был обвинен приятель Терри, человек с отвратительной репутацией, которого звали Смит, но ему удалось создать себе полное алиби. Полиция так никогда и не узнала, зачем респектабельной домовладелице нужно было бросаться вниз по лестнице, чтобы впустить в дом человека, которого она, очевидно, ждала, чтобы в конце концов повстречаться со смертью.

Но, пожалуй, самой странной из всех нераскрытых загадок Лондона времен королевы Виктории стала серия исчезновений людей, получивших название «пропавшие». Случаи эти начались в 1861 году и происходили в основном в районах Ист-Хэм и Вест-Хэм. Поскольку эти исчезновения так и не были раскрыты, то и отчетов об их расследовании не существует. Однажды 11-летняя девочка Элиза Картер вышла из дома, на ней было надето голубое платье с рядом пуговиц, спускавшимся до самого низа. Несколько часов спустя ее видела подруга, которой показалось, что девочка была чем-то страшно напугана. По какой-то странной причине она заявила, что домой идти не решается. Потом она просто исчезла. На футбольном поле Ист-Хэма было найдено голубое платье, на котором не оставалось ни одной пуговицы. Элизу больше никогда не видели. В другой раз исчез Чарльз Вагнер, сын мясника из Вест-Хэма, позже

возле скал в Рамсгейте, в 70 милях от дома, было обнаружено его тело. Странным выглядело то, что причиной смерти не было ни падение, ни утопление. На теле не оказалось никаких признаков насилия или повреждений, отсутствовали и какие-либо другие указания на причину смерти. В январе 1890 года из Вест-Хэма исчезли сразу три девушки. Нашли только одну из них, 15-летнюю Амелию Джеффс – в парке Вест-Хэма. Она после жестокого сопротивления была задушена. Но исчезновения прекратились. Незадолго до исчезновения трех девушек их видели в компании с какой-то женщиной. Семью годами раньше, как раз накануне исчезновения Элизы Картер, видели, как с ней разговаривала пожилая женщина. Коронер, осматривавший тело Амелии Джеффс, пришел к любопытному заключению, что «женщины в такой же степени, как и мужчины, подвержены самым низким формам мании». По всей видимости, он намекал на садистские формы сексуального извращения, несомненно, вспоминая при этом Джека Потрошителя. (Убийства Потрошителя имели место в конце1888 года и прекратились после жестокой расправы над Мэри Келли.) Тела жертв Потрошителя всегда оставались на том же месте, где были совершены убийства. Тогда на что намекал коронер? Что пропавшие дети были насильно увезены, потом подвергались садистскому обращению, которое и служило причиной смерти? Если так, тогда почему на теле Чарльза Вагнера не было никаких следов насилия? Несомненно, современные мыслители, любители «оккультных наук», отнесли бы это на счет летающих тарелок. Следует, однако, признать, что такое предположение ничем не лучше и не хуже всех остальных. Исчезновения остаются одной из самых волнующих загадок «века газовых фонарей».

Но было бы ошибкой утверждать, что все преступления в прошлом происходили исключительно в Лон-

доне. Так, Чарли Пис промышлял домовыми кражами в Шеффилде; доктор Притчард отравил жену и тещу в Глазго; Констанция Кент почти обезглавила своего четырехлетнего брата в Роуде, Сомерсет; классическое американское «преступление века» – убийство профессором Уэбстером своего коллеги доктора Паркмана – произошло в Бостонском колледже. В 80-е годы XIX века достаточно было упомянуть имя «Шиуорд», чтобы викторианские леди бледнели и хватались за нюхательную соль. Этот случай, уже почти забытый сейчас, в свое время вызвал в обществе что-то вроде истерии.

Общественность узнала о нем в воскресенье вечером 21 июня 1851 года, когда карлик по имени Чарльз Джонсон вместе со своей собакой вышел на загородную прогулку близ Нориджа. На опушке леса собака исчезла, а когда появилась, то держала в зубах какой-то отвратительный кусок мяса. И только когда они пришли домой и собака показала свою находку хозяину, Джонсон увидел, что это была кисть человеческой руки. Была вызвана полиция. На поле обнаружили и другие куски мяса. На следующий день неподалеку были обнаружены останки туловища и женский таз. В соответствии с медицинским заключением, останки принадлежали девочке-подростку, погибшей не менее двух недель назад. А поскольку читатели газет викторианской эпохи в такой же степени любили делать поспешные заключения, как и нынешние, то случай немедленно вызвал всеобщее болезненное любопытство. Казалось вполне вероятным, что где-то в районе Нориджа промышлял сексуальный маньяк.

В оврагах, сточных канавах, на полях все еще продолжали находить куски тела. Создавалось впечатление, что убийца совершил жуткий «кросс по пересеченной местности», повсюду оставляя за собой следы преступления. Когда на церковном дворе обнаружили левую стопу, а неподалеку от этого места была

найдена левая кисть с отсутствующим безымянным пальцем, жители восточной Англии не могли говорить ни о чем, кроме этой загадки. Родственники пропавшей девушки-служанки по имени Энн Бейли были уверены в том, что ее убил некто Гош, с которым она сбежала. Когда же Энн Бейли вернулась живая и невредимая, полиция была совершенно сбита с толку. Тот факт, что в этой местности никто не заметил исчезновения молодой девушки, казался абсолютно невероятным. Но время шло, и о пропаже девушки заявлено так и не было. В конце концов загадка Нориджа перешла в разряд «нераскрытых» дел. Части тела были законсервированы в винном спирте и помещены в местной ратуше, по их внешнему виду можно было предположить, что они были сварены.

Прошло 17 лет. В новогодний день 1869 года в полицейский участок в Уолворте вошел бородатый осунувшийся человек и заявил, что хочет признаться в убийстве. Он назвался Уильямом Шиуордом и сказал, что на протяжении двух прошедших дней пытался собраться с силами и совершить самоубийство. Но, не сумев сделать этого, решил во всем признаться. Убийство, по его словам, было совершено в 1851 году в Норидже и жертвой стала его 56-летняя жена.

Теперь наконец стало ясно, как Шиуорду удавалось так долго скрывать это. Несмотря на то, что многие родственники миссис Шиуорд интересовались ею и недоумевали, куда она могла исчезнуть, тем не менее никому не пришло в голову связать ее исчезновение с найденными останками «девочки-подростка».

Своим признанием Шиуорд явил миру историю о безнадежно несчастливом браке. Он был не слишком удачливым портным, и в возрасте 24 лет в 1836 году женился на 39-летней экономке Марте Фрэнсис. Они постоянно ссорились. Шиуорд, когда его бизнес не задался, начал выпивать. Он и его жена были несо-

вместимы и в сексуальном отношении: для него секс в жизни значил очень многое, для нее – нет. 15 июня 1851 года они поссорились из-за денег. Шиуорд, утратив самообладание, схватил бритву и «всадил ее жене в горло». Все это произошло в спальне. На следующий день труп начал попахивать. Тогда Шиуорд стал расчленять его. Положив несколько кусков в сумку, он разбросал их во время загородной прогулки. На следующий день он продолжил свою страшную работу. Голову, чтобы остановить процесс разложения, он сварил в кастрюле. Это занятие заняло у него целую неделю, и если бы в течение этого времени кто-нибудь заглянул к нему в дом, то сразу разгадал бы загадку рук и ног, которые теперь находили в окрестностях Нориджа. В конце недели он завершил расчленение трупа и сжег простыни и одеяла. С этих пор он начал говорить родственникам, что миссис Шиуорд уехала в Новую Зеландию. Вскоре после этого он познакомился с женщиной намного моложе, которая поселилась у него и родила ему нескольких детей. Однако воспоминания о содеянном не давали ему покоя и в конце концов толкнули на признание.

Суд присяжных признал его виновным без всяких смягчающих вину обстоятельств, учитывая жестокость преступления. В апреле 1869 года Шиуорд был казнен.

Говоря о преступлениях XIX века, нельзя не упомянуть о деле, которое и сегодня продолжает заводить в тупик студентов-юристов. Отравление, связанное с именем Аделаиды Бартлетт, по правде говоря, не считается величайшей загадкой криминалистики, однако знатоки преступлений викторианской эпохи согласятся с тем, что это дело стало из ряда вон выходящим.

Теодор Эдвин Бартлетт был трудолюбивым и чрезвычайно тщеславным бакалейщиком. К 29 годам он вместе со своим деловым партнером владел целым

рядом небольших магазинчиков в южном Лондоне. Этим можно отчасти объяснить тот факт, что, несмотря на свою привлекательность и любовь к прогулкам, он так и не женился: он был слишком занят, чтобы заводить романы. В начале 70-х годов он ездил в гости к своему брату Чарльзу, проживавшему в Кингстоне, где был представлен очаровательной 18-летней девушке по имени Аделаида Бланш де ля Тремуаль. У нее были темные вьющиеся волосы, большие трогательные глаза, чувственный рот. Эдвину она показалась прелестной. Но мысли о женитьбе пока не посещали его. Аделаида по всем признакам была настоящей «леди», следовательно, стояла выше его на социальной лестнице. Потом он узнал, что ее прошлое было окутано какой-то тайной. Оказывается, она была внебрачным ребенком. Отцом ее был богатый англичанин, предпочитавший сохранить свое имя в секрете. Поговаривали, что он был из свиты королевы Виктории и в 1855 году вместе с ней посетил Францию. Возможно, он даже имел титул. Теперь Аделаида под присмотром опекуна жила в доме в Ричмонде. В Кингстон она приехала в качестве гостьи 16-летней дочери Чарльза. Итак, несмотря на то, что она была «леди», ее шансы быть принятой в высшем свете почти равнялись нулю. Эдвин усмотрел в этом свой шанс и с энергией и решимостью принялся преследовать ее. Когда Аделаида вернулась в Ричмонд, он навестил ее и будто бы сумел убедить ее попечителя (а может, и отца) в том, что добродетельный, преуспевающий бакалейщик будет для нее вполне подходящим мужем. Аделаиде он торжественно заявил, что намерения его были более чем чистыми, что по отношению к ней он не испытывал ни капли плотского желания и что когда они поженятся, их отношения останутся платоническими. И чтобы доказать ей свою добрую волю, он отправил новоиспеченную невесту в школу для благородных девиц в Стоук Невингтоне. С мужем

она встречалась только на каникулах. По словам Аделаиды, их отношения, скорее, походили на отношения отца и дочери. Когда она закончила школу в Стоук Невингтоне, он отправил ее в монастырь в Брюсселе. Там она прожила до 1877 года, то есть два года после замужества. После этого она вернулась домой в новую, только что обставленную квартиру, расположенную над самым большим магазином Эдвина в Херн Хилл. В течение одного месяца жизнь ее оставалась приятной и спокойной. Можно не сомневаться в том, что Аделаиде нравилось чувствовать себя молодой замужней дамой, хозяйкой своего первого дома. Когда умерла мать Эдвина, любящий сын пригласил отца жить вместе с ними.

С его стороны это была непростительная ошибка. Старик оказался взбалмошным приживалой, которому, к тому же, Аделаида никогда не нравилась. Он вел себя так, что Аделаида была вынуждена сбежать из дома. Имеются свидетельства о том, что она остановилась в доме в Кингстоне, где Эдвин впервые встретил ее. Это, по всей видимости, повлекло за собой дальнейшие несчастья. В этом же доме проживал младший брат Эдвина, Фредерик, старик заподозрил любовную связь между ним и Аделаидой. Один из авторов, описывавших это дело, заявил, что она и в самом деле была любовницей Фредерика, однако каких-либо достоверных сведений на этот счет не имеется. Нам известно только то, что отец мужа Аделаиды обвинил ее в любовной связи с Фредериком, что, однако, настолько вывело Эдвина из себя, что он заставил отца принести Аделаиде письменные извинения, которые были составлены поверенным. После этого в доме воцарилось относительное спокойствие.

Четыре года спустя монотонность их жизни представителей низшего слоя среднего класса была потревожена двумя обстоятельствами: у Эдвина случился нервный срыв, закончивший, по словам его отца,

потерей сознания, и Аделаида родила мертвого ребенка. Последнее было всецело на совести Эдвина. Медицинская сестра, нанятая им для ухода за женой, поняла, что роды у Аделаиды будут тяжелыми, и попросила Эдвина пригласить доктора. Но Эдвина, пуританина до мозга костей, шокировала сама мысль о том, что «с ней будет иметь дело» другой мужчина, и он отказал в просьбе. В конце концов доктор все же был вызван, но к тому моменту, когда он приехал, ребенок был уже мертв.

Вскоре после этого, по-видимому, чтобы развлечь жену, Эдвин вывез ее в деревню Мертон, недалеко от Уимблдона. Возможно, настоящей целью Эдвина было избавиться от отца, поскольку в выбранном им доме не было лишней спальни. Так что старику пришлось искать себе жилье в другом месте.

В начале 1885 года, когда Бартлетты были женаты уже на протяжении десяти лет, в одно прекрасное воскресное утро чета решила пойти на богослужение. Они посетили Уэслианскую часовню в Мертоне. В этот день проповедь произносил молодой человек по имени Джородж Дайсон. Он был хрупкого телосложения, с черными усами и поредевшими на лбу волосами. Вскоре после этого Дайсон нанес Бартлеттам пасторский визит, во время которого обмолвился, что собирается учиться в Тринити Колледже в Дублине, чтобы получить степень, чем произвел на Эдвина сильное впечатление. У него было почти благоговейное отношение к образованным людям, сам он был жаден до чтения, но занятия его носили случайный характер и были лишены какой бы то ни было системы. Он задал Дайсону несколько вопросов относительно его учебы и настоятельно попросил его зайти к ним еще раз после возвращения из Дублина. Расчувствовавшийся Дайсон – он был скромен и не слишком умен – согласился. Таким образом, между этими тремя довольно одинокими людьми завязалась теплая и какая-то особенная дружба.

Дайсон находил Бартлетта «чрезвычайно странным». Эдвин, похоже, обладал оригинальным складом ума. Например, он был совершенно в восторге от работы под названием «Эзотерическая антропология» Томаса Лоу Николса, подробнейший подзаголовок которой гласил, что это был «конфиденциальный» труд о страстных плотских влечениях и всевозможных извращениях в интимных отношениях между мужчинами и женщинами. Эта книга не была, как позже заметил судья, замаскированной порнографией, а являлась, скорее, ранним трактатом из серии книг «женских кастратов» о несправедливости использования женщин в качестве сексуальных объектов. В ней рекомендовалось осуществлять контроль за деторождением и вступать в половые отношения только с целью зачатия детей. Еще одной странностью Эдвина было то, что он искренне полагал, будто каждый мужчина должен иметь двух жен – одну для «физического удовлетворения» и вторую для духовной дружбы. Кроме того, он, как и многие викторианцы, увлекался гипнотизмом и учением доктора Месмера, в соответствии с которым каждый человек обладал «жизненными магнитными флюидами», которые могли передаваться от одного человека к другому.

Вскоре Эдвин Бартлетт начал испытывать самую теплую привязанность к его преподобию Дайсону. Он даже решил, что Дайсону следовало бы продолжить образование Аделаиды, обучить ее географии, истории, латыни и математике. Дайсон, получавший всего 100 фунтов в год, согласился. Он приезжал в дом к Эдвину рано утром, когда тот уже отправлялся на службу, и часто оставался там весь день. Большую часть времени он проводил наедине с Аделаидой. Неизвестно, стала ли она его любовницей, – отношение к этому вопросу зависит от того, что человек думает относительно ее вины или невиновности. Но она довольно часто сидела в ногах священника, поло-

жив голову ему на колени, он часто целовал ее, как наедине, так и в присутствии ее мужа. И, несмотря на странность происходящего, Эдвин был как будто доволен сложившимся укладом жизни. Его жена была одинока, единственной подругой была миссис Элис Мэтьюз, а теперь у нее появился друг и учитель, которому можно было всецело довериться. Эдвин безгранично верил в честность священников. Если, возвращаясь домой, он заставал Дайсона, то настойчиво просил его остаться на ужин и провести вместе с ними вечер. Когда Бартлетты на месяц уезжали в Дувр, Эдвин попытался уговорить Дайсона поехать вместе с ними, предлагая купить для него сезонный билет первого класса, чтобы каждый раз, оказываясь свободным, он мог приезжать для встречи с ними. Дайсон отказался; тогда Эдвин нашел время, чтобы поехать в Путней (где жил Дайсон), и привез его в Дувр на один день. Он попросил Дайсона стать его душеприказчиком, в своем завещании он все оставил Аделаиде.

В тот сентябрь Бартлетты переехали на квартиру в Виктории, которой было суждено стать их последним пристанищем. Своей новой домовладелице, миссис Доггетт, Эдвин сказал, что у них будет постоянный посетитель, священник, который будет заходить к ним на обед. Джордж Дайсон с прежней регулярностью продолжал навещать чету, приезжая из Путнея, где у него теперь был собственный приход. Такую возможность ему предоставил Эдвин Бартлетт, подарив все же своему другу сезонный билет. В семье для гостя были приготовлены даже специальные домашние куртка и туфли, чтобы тому было во что переодеться. Вскоре Дайсон понял, что такая близкая дружба с молодой замужней женщиной стала его волновать. Он даже в открытую признался Эдвину в том, что испытывает к Аделаиде растущую привязанность и что это отвлекает его от работы. Он чувствовал, что ему следовало бы прекратить бывать у них. Эдвин эту

идею отверг напрочь, сказав, что Аделаида, с тех пор, как он стал навещать их, стала еще благороднее, а ее характер смягчился. Казалось, он прикладывал все усилия, чтобы заставить их броситься в объятия друг к другу. Однажды миссис Доггетт заметила, что после того, как Дайсон ушел, занавески на окнах были не просто задернуты, а даже сколоты булавкой. Трудно было вообразить, зачем понадобилось им делать это, – конечно, если они не предавались самым необузданным ласкам.

Внезапно Эдвин заболел. Он почувствовал себя плохо на работе и поспешил домой. На следующий день он вместе с Аделаидой и Дайсоном отправился на выставку собак (собаки были одним из главных увлечений Эдвина), но ему стало хуже, и все были вынуждены вернуться домой. Аделаида отправилась за доктором. Она нашла молодого человека по имени Альфред Лич, которого раньше никогда не видела, он прибыл вместе с ней. Эдвина тошнило, у него было расстройство кишечника, сопровождавшееся кровотечением, кроме того, он страдал от зубной боли. Когда доктор Лич осмотрел ротовую полость больного, то вокруг его десен заметил голубую кайму, что было явным симптомом ртутного отравления. Он спросил Эдвина, принимал ли тот ртуть, Эдвин ответил отрицательно, но признался, что проглотил какую-то обнаруженную им в ящике пилюлю, хотя не имел ни малейшего представления о ее назначении. Лич, однако, пришел к другому выводу. Зубы Эдвина были в ужасном состоянии, и дыхание его было зловонным. По всей видимости, дантист, изготовивший ему зубные протезы, не удалил пациенту корни, а по какой-то причине лишь спилил зубы до десен. Когда они начали загнивать, дантист изготовил дополнительные протезы. Состояние зубов Эдвина не позволяло ему чистить даже те зубы, которые у него еще оставались. Версия Лича состояла в том, что на каком-то этапе

Эдвин все же принял дозу ртути, образующиеся во рту в результате гниения зубов сернистые соединения вступили в реакцию с парами ртути и образовали сернистую ртуть, из-за которой и появилась синяя кайма. Приглашенный дантист подтвердил диагноз ртутного отравления, после осмотра больного он удалил Эдвину пятнадцать зубов и корней.

На протяжении всего декабря больной оставался в постели. На Рождество 1885 года он испытал еще один неприятный шок: в туалете из него вышел круглый червь. Поскольку он был подвержен ипохондрии, то это происшествие внушило ему «ужас». Он мог поклясться, что чувствует, как черви копошатся в его горле. В результате Эдвин впал в глубокую депрессию.

В последний день декабря, ставший последним днем жизни Эдвина, он снова обратился к дантисту, чтобы удалить еще один зуб. Молодой доктор Лич, ставший преданным другом Аделаиды, поехал к зуб-

но. На полке доктор Лич заметил стакан бренди, от которого пахло хлороформом.

Как только старый мистер Бартлетт услышал о смерти сына, он сразу предположил, что тот был убит. Он понюхал губы сына и, повернувшись к доктору Личу, сказал: «Нужно потребовать вскрытия».

При вскрытии обнаружился страшный и совершенно обескураживающий факт: Эдвин Бартлетт был отравлен хлороформом. Это было удивительно потому, что у хлороформа настолько отвратительный вкус, что его едва ли можно проглотить. Более того, принятие его внутрь должно было вызвать рвоту. Если бы хлороформ был влит в горло человеку в бессознательном состоянии, вызванном, например, его же парами, то в таком случае он должен был бы попасть в легкие. Но в легких Эдвина Бартлетта хлороформа не оказалось. Отсюда следовал совершенно немыслимый вывод о том, что Эдвин Бартлетт принял хлороформ добровольно. Однако его жизнерадостное настроение и тот факт, что он распорядился относительно завтрака, свидетельствовали, что уходить из жизни он явно не собирался.

И все же откуда взялся хлороформ? Вскоре эта тайна раскрылась. Его по просьбе Аделаиды купил преподобный Дайсон. Чтобы получить достаточно большое количество вещества, он даже обращался к трем разным аптекарям, ссылаясь на то, что собирался использовать его в качестве чистящей жидкости. Аделаида же сказала ему, что с помощью хлороформа хочет усыпить мужа. Узнав, что хлороформ был обнаружен в желудке Бартлетта, Дайсон насмерть перепугался. В этом он усмотрел конец своей карьере. Он бросился к Аделаиде, и когда миссис Мэтьюз внезапно вошла в комнату, она краем уха услышала слова Дайсона: «Ты мне говорила, что Эдвин скоро умрет». А когда Аделаида ответила отрицательно, он уронил голову на пианино и простонал: «О, мой Бог!» Несколькими часами позже в тот же день он застал

Аделаиду одну, и она попросила его никому не говорить о хлороформе. Дайсон отказался, сказав, что намерен выйти сухим из воды.

Так он и сделал. В результате этого Аделаида, обвиненная в убийстве, оказалась на скамье подсудимых. Когда весной 1886 года стало известно, что ее будут судить за убийство мужа и что рядом с ней, вероятно, будет стоять преподобный Дайсон, возбуждение публики достигло предела. В этом деле было все, чтобы завершиться громким судебным процессом, в ходе которого открылись бы скандальные подробности вроде адюльтера и заговора любовников с целью покончить с мужем. Когда стало известно, что защищать Аделаиду будет видный адвокат Эдвард Кларк, люди многозначительно закивали головами. Кларк не относился к числу тех барристеров, которые выигрывали свои дела за счет искрометных призывов или устрашающих речей, его манеру характеризовала своеобразная спокойная искренность. Несмотря на это, его репутация была безупречной. С первого взгляда было ясно, что никакой жене провинциального бакалейщика оплатить его услуги не по силам. Это могло значить только одно – что в дело вмешался ее таинственный отец.

Перед судом Аделаида все же предстала одна. Дайсон сумел откреститься от обвинения, обелив свое имя и бессовестно толкнув Аделаиду в руки палача. Перед Эдвардом Кларком стояла совершенно непосильная задача: убедить викторианских присяжных в том, что эта прелестная француженка, бывшая, вероятно, неверной своему мужу, его, однако, не убивала и в его смерти была неповинна. Ему на руку работало одно единственное обстоятельство: оставалось непонятным, как даже самый коварный убийца сумел влить хлороформ в желудок Бартлетта.

Проведенная Кларком защита была блестящей. Свою стратегическую линию он построил на том, что

Эдвин был весьма эксцентричным человеком, который своими руками швырнул жену в объятия священника и который чуть ли не открытым текстом заявил им о надежде, что после его смерти они соединятся. Он настаивал на том, чтобы его брак с Аделаидой оставался платоническим и что половое сношение у них за все это время было всего одно, в результате которого на свет появилось мертворожденное дитя. Однако в последние дни болезни Эдвин вдруг почувствовал половое влечение. Аделаида, однако, теперь считая себя принадлежащей Дайсону, не могла согласиться на сексуальную связь с мужем. Поэтому она попросила Дайсона купить ей хлороформ, чтобы в случае, если Бартлетт станет настаивать на своих правах супруга, она могла его парами усыпить мужа. Однако воспользоваться этим она не смогла, поскольку от Эдвина у нее не было никаких секретов. В последний вечер жизни Эдвина она призналась ему в своих намерениях и показала бутылку с хлороформом. Эдвин заметно помрачнел и поставил бутылку на каминную полку. И каким-то неведомым образом, пока она вздремнула возле постели мужа, сжимая в руках его ноги, часть хлороформа попала ему в желудок. (Оставшийся хлороформ Аделаида, по ее признанию, выбросила из окна поезда.) Основной упор защиты был сделан на то, что Эдвин был эксцентричен до помешательства, а, следовательно, этот непредсказуемый человек мог сам выпить хлороформ, чтобы только досадить жене и привлечь внимание.

Как это ни покажется вам удивительным, однако викторианские присяжные проглотили эту крайне невероятную историю о добродетельной жене, которая не могла позволить себе половой связи даже с собственным мужем. Они поверили, несмотря на то, что в кармане Эдвина были обнаружены резиновые контрацептивы, которые он, по всей видимости, использовал по назначению именно со своей женой. Но главный

упор защиты все же был сделан на загадку, связанную с хлороформом. Если все же Аделаида отравила мужа, то как она смогла влить жидкость в его желудок? У обвинителя на данный вопрос ответа не было. После этого суд мог вынести только одно решение. «Несмотря на то, что подсудимая все еще находится под подозрением, мы, однако, не располагаем достаточными данными, которые позволили бы нам утверждать, что известно, как и кем был введен хлороформ». Следовательно, приговор мог быть только один: «Не виновна». Судье пришлось долго успокаивать аудиторию, когда в зале суда раздались крики одобрения.

С тех пор споры о виновности или невиновности Аделаиды возникали неоднократно. Некоторые, вроде Найджела Морланда, считают ее невиновной, полагая, что Бартлетт принял хлороформ в знак протеста или из вредности. Большинство склонно считать, что она с самого начала травила мужа каким-то ртутным составом и решилась на такой опасный шаг, как применение хлороформа, только тогда, когда увидела, что он пошел на поправку. Одна из авторов, Иселт Бриджес, правда, считает, что Аделаида под гипнозом заставила Эдвина принять хлороформ. Но никто из них, насколько мне известно, не увидел наиболее простого и очевидного объяснения этой загадки.

Давайте попробуем восстановить ход событий. Когда Эдвин Бартлетт впервые встречается с прекрасной Аделаидой, он испытывает слишком большую робость, чтобы надеяться на то, что она может стать его возлюбленной или женой. Тогда он заверяет ее, что их отношения будут носить исключительно платонический характер. Но после двух лет брака он уже не чувствует себя таким ничтожным и незначительным и начинает настаивать на своих супружеских правах. В результате Аделаида беременеет, но из-за особого отношения мужа к докторам теряет ребенка.

Странное отношение Эдвина к тому, что доктор,

осматривающий его жену, может вступить с ней в связь, свидетельствует о его почти патологической физической ревности. Такое отношение является характерным для мужчины, которому стоит огромного труда добиться близости от своей жены. Мысль, что посторонний мужчина должен увидеть ее интимные места, вызывает в нем приступ ревности. Со своей стороны, Аделаида считает половые сношения с мужем чрезвычайно неприятными – возможно, из-за дурного запаха изо рта Эдвина (вспомним о его гнилых зубах). Приложив огромные усилия, используя ласку и нежность, она убеждает его сохранить платонические отношения, постоянно выказывая любовь и заботу и потакая ему во всем, кроме одного. (На суде особо подчеркивался тот факт, что они выглядели очень счастливой супружеской парой.) Она находит стандартную отговорку, сославшись на то, что боится забеременеть. Тогда Эдвин покупает контрацептивы.

Для Эдвина жизнь превращается в постоянные посягательства на добродетель жены (с нечастыми победами). Чтобы как-то смягчить ее, он знакомит Аделаиду с преподобным Джорджем Дайсоном, вводит его в свой дом и поощряет их флирт. Он даже просит священника, которому всецело доверяет, «подогреть ее». Пока она добра к мужу и испытывает к нему чувство благодарности, Аделаида едва ли может отказать ему в редких объятиях. Эдвин заболевает, правда, мы не знаем, что послужило причиной, давала ли она, как считает Иселт Бриджес, супругу небольшие порции свинцовой соли уксусной кислоты или какого-то ртутного яда. Но у Аделаиды, во всяком случае, появляется свет надежды, что ненавистное супружество вот-вот кончится. Однако муж начинает поправляться, а вместе с этим пробуждается и его сексуальный аппетит. Возможно, она находит в его кармане контрацептивы.

Именно тогда она просит Дайсона купить ей хло-

роформ. Вероятно, в глубине души у нее уже зародилась мысль об убийстве мужа. Едва ли можно поверить в то, что она намеревалась смачивать в хлороформе носовой платок и прикладывать к лицу мужа всякий раз, когда он будет приставать к ней, домогаясь ее любви. Но ей хорошо была знакома страсть Эдвина, закоренелого ипохондрика, принимать «лекарства». Он пребывает в состоянии невротической депрессии, вызванной его «червями». Доктор Лич уже прописал ему от них всевозможные средства, но все это должного эффекта не возымело. Эдвин все еще одержим мыслью о том, что они копошатся в нем. Аделаиде не составило никакого труда показать мужу хлороформ и заявить, что это средство рекомендовано доктором Личем для избавления от недуга. Возможно, ей нужно было всего лишь намекнуть. Возможно, она дала хлороформ, разбавленный бренди, но средство показалось Эдвину неприятным. Но пока она сидела у его постели, положив руку ему на ногу, он, чтобы завоевать ее расположение, решил принять лекарство. Когда ее дыхание стало ровным и глубоким, он протянул руку к каминной полке и взял бутылку.

Сэр Джеймс Пейджет, уважаемый доктор, произнес ставшую известной фразу: «Теперь, когда процесс закончен, она в интересах науки должна нам сказать, как же она сделала это». Ответ на этот вопрос может быть только один. Это сделала не она, а сам Эдвин. А было ли это сделано по совету Аделаиды, нам уже не узнать.

12

ВЕК ШПИОНАЖА

Всякое преступление есть своего рода предательство. Но в XX веке один из видов предательства, шпионаж, стал общепризнанной политической необходимостью, вследствие чего приобрел сомнительную респектабельность. Нравственная дилемма, с которой сталкиваются шпионы, взволновала таких авторов, как Грэм Грин и Джон Ле Карре, в результате чего во второй половине XX века к шпионскому роману пробудился невероятный интерес. Если с падением русского коммунизма придет конец политики «холодной войны», что представляется вполне вероятным, то наши внуки будут вспоминать «век шпионажа», конец которого наступил в начале 90-х годов нынешнего столетия, с некоторым чувством ностальгии.

Век современного шпионажа, по всей вероятности, наступил в сентябре 1914 года, когда из ледяных вод Балтики был извлечен труп, сжимавший в руках две объемистых книги. Капитан русского судна, который обнаружил его, был озадачен. Какого черта понадобилось моряку выпрыгивать за борт с двумя увесистыми томами в руках и почему он их не бросил, когда начал тонуть? Русские в то время были еще совершенными новичками в вопросах ведения современной войны. Стоял сентября 1914 года, и большинство офицеров все еще наивно полагали, что войны выигрываются солдатами. Капитан мало что знал о шпионах и секретных шифровках. Почти не было об этом осведомлено и его верховное командование в Русском адмиралтействе. Его представители поняли, что у них в руках оказались германские шифровальные книги,

переданные капитаном тонущего судна «Магдебург» одному из своих людей с приказом утопить их в море. Но это открытие не вызвало у сделавших его людей никакого особого энтузиазма. Несколько дней спустя к Уинстону Черчиллю зашел русский атташе и сообщил, что ими были обнаружены германские шифровальные книги, и, если англичане пожелают прислать корабль, то смогут получить их.

Черчилль по достоинству оценил предложение. Он немедленно отправил корабль и доставил книги адмиралу Оливеру, возглавлявшему разведку. Оливер передал их своему самому лучшему специалисту, бывшему учителю по имени Альфред Эвинг, который уже на протяжении нескольких месяцев пытался разгадать германский шифровальный код. А теперь ему преподнесли разгадку в качестве подарка. Но ему показалось, что это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Должно быть, это какой-то трюк, или немцы уже узнали о потере и сменили шифр. Он схватил кипу последних перехваченных по радио шифрованных депеш, которые посылались с германской военной базы в Вильхельмгавене. Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы удостовериться, что судьба действительно вознаградила его. Теперь он мог читать секретные приказы гросс-адмирала Тирпица и других высших командиров.

Два месяца спустя, в ноябре 1914 года, у Эвинга сменилось начальство. Теперь его боссом стал капитан Уильям Реджинальд Холл, прозванный «Блинкер» («тот, кто мигает»), поскольку у него все время подергивалось веко. Новый шеф морской разведки совершенно не походил на разведчика: он был маленького роста, пухлый, и обладал веселым нравом. Но в действительности он был одним из самых замечательных профессионалов в истории шпионажа.

Первое, что Холл хотел выяснить – смогут ли они извлечь какую-либо пользу из шифров. 14 декабря

1914 года Эвинг расшифровал донесение, в котором говорилось о том, что германский флот намерен выйти в море. Без всякого шума Холл тоже вывел свои корабли в Северное море. Два дня спустя Британия подверглась первой морской бомбардировке. Корабли германского флота из тяжелых орудий обстреляли Скарборо и Хартлпул. Холл подал сигнал своим крейсерам, находившимся неподалеку, и приказал им преследовать цель. В течение всего дня Черчилль и Холл с нетерпением ждали новостей. Когда они наконец поступили, то оказались совершенно обескураживающими. Над Северным морем, как только британский флот двинулся выполнять приказ, лег туман и заморосили дожди. Противники обменялись всего несколькими выстрелами, и германский флот исчез в тумане. Черчилль был разочарован. Но, к его изумлению, Холл выглядел очень довольным. «Нам еще предоставится шанс...» – объяснил он причину своей радости. Но истинная причина ее крылась в другом. Его поразила одна мысль. Победа в современной войне в большой степени зависела от неожиданности предпринятых действий. Благодаря внезапности вторжения в Бельгию, германцам удалось добиться там успеха. Но с тех пор, как в 90-х годах прошлого века Маркони изобрел радио, неожиданность всецело зависела от человека с передатчиком и шифровальными книгами. Раз он сумел завладеть шифровальными книгами врага, то сможет предвидеть любое важное передвижение противника. Но как получить все необходимые шифровальные книги? Тех двух, что у него уже были, оказалось явно недостаточно, поскольку существовали и другие.

Например, довольно странные сигналы поступали с радиопередатчика в Брюсселе. Эвинг на протяжении нескольких месяцев бился над шифром, но безуспешно. У него было ощущение, что эти сообщения имели особую важность. Он отдал приказ своим разведчикам

разузнать все возможное о передатчике из Брюсселя. Это не составило большого труда: он находился в офисе на Рю де Луа и до войны. После дополнительных поисков выяснилось, что работал на нем молодой человек по имени Александр Сек. «Фамилия не похожа на немецкую», – задумчиво произнес Холл. Он сделал еще несколько запросов и обнаружил, что близок к разгадке. Как оказалось, Александр Сек был подданным Австро-Венгрии, однако родился в Кройдоне, в южной части Лондона, где до сих пор жили его родственники. Холл сумел заставить одного из них написать письмо Секу с просьбой начать работать на британскую разведку. Британский агент в Голландии тайком переправил это письмо в Брюссель. Вскоре он выяснил, что настроение Сека не было истинно прогерманским: немцы убедили его работать на них только потому, что он был хорошим радиоинженером. Но он не был профессиональным разведчиком, и мысль о том, чтобы похитить тайну шифровального кода немцев, привела его в ужас. Тогда британцы намекнули ему, что, если он откажется, то члены его семьи, проживавшие в Англии, попадут в тюрьму. После этого Сек согласился.

Фактически кодом он не владел. Вместе с ним работал один офицер германской разведки, который и показывал ему шифр, когда возникала необходимость. Он мог бы запомнить его – за один раз по нескольку цифр, которые мог бы выписывать. В начале 1915 года Сек начал выполнять свое задание. Каждый раз, заканчивая страницу, он передавал ее британскому агенту. Но нервы его сдали. Он сказал агенту, что хочет вернуться в Англию, как только будет завершена его работа по передаче шифра. Агент заметил, что если они его переправят, немцы тотчас изменят шифр. Но Сек продолжал настаивать. В один прекрасный день Сек был найден мертвым в собственном доме. Казалось, убийство это было совершено с целью ограбления. Но не

приходится сомневаться в том, что убит он был британцами. Немцы почти сразу обнаружили, что все их секретные передвижения перестали носить характер внезапности. Дислоцированные в Европе войска стали терпеть поражение, поскольку противник словно предвидел все их маневры. Так наступила эра современного шпионажа, шпионажа эпохи «холодной войны».

В самом деле эта история, так похожая на эпизод из романа «Шпион, который вернулся с холода», является типичной иллюстрацией методов ведения шпионажа в XX веке. Но «Блинкер» Холл вовсе не был безжалостным человеком. Все, кто знал его, говорили, что он был жизнерадостным, добрым и отзывчивым. Однако он понимал, что, раз необходимо получить секретные шифры, то ни в коем случае нельзя было позволить Секу выдать себя. А поскольку Сек запаниковал, то единственным выходом оказался «несчастный случай». Очевидно, убийство Холл считал вполне оправданным, ибо этот шаг мог спасти тысячи жизней британцев, что соответствовало действительности. Такой способ действия – нанесение ударов исподтишка – был и остается типичным для современного шпионажа. Эта ужасающая безжалостность была подмечена Яном Флемингом, что нашло отражение в его романах о Джеймсе Бонде.

Первая мировая война стала своего рода водоразделом в истории шпионажа. До этого периода шпионаж был более или менее благородным, джентльменским занятием. По правде говоря, до войны в последнем громком деле о шпионаже предателю разрешили взять пистолет и застрелиться, чтобы избежать скандала. Государственная измена полковника Альфреда Редля стоила его стране, вероятно, не менее четверти миллиона жизней.

Редль был высокообразованным человеком из простой бедной семьи. Он был гомосексуалистом. Для людей типа Редля в австрийской армии концаXIX века

открывались широкие возможности для продвижения. В начале нового столетия его взлет по служебной лестнице был стремительным. Его интеллектуальные возможности обратили на себя внимание барона Гизла, руководителя австро-венгерской разведывательной службы. Он поручил молодому офицеру заниматься шпионажем, что едва ли считалось престижным в той старомодной милитаристской стране. Но Редль на этом месте проявил весь свой талант. У него оказалось такое развитое воображение, что он далеко пошел бы, если бы работал в ЦРУ. Он начал использовать скрытые камеры, снимая на пленку ничего не подозревающих гостей, он покрывал предметы тончайшим порошком, чтобы снимать их отпечатки пальцев, он делал записи их бесед (на старых цилиндрах Эдисона). Для первого десятилетия XX века его ведомство имело великолепную техническую оснащенность.

К несчастью, Редль жил в стране, где гомосексуализм считался самым настоящим умышленным злодеянием. В гостиных, где любил появляться элегантный и остроумный полковник Редль, любое подозрение в гомосексуальных наклонностях могло бы испортить всю его карьеру. Ему следовало быть чрезвычайно осмотрительным. Поскольку его сексуальные аппетиты были непомерными, он, подобно Оскару Уайльду, встал перед необходимостью оплачивать услуги мужчин-проституток. Это удовольствие стоило недешево.

Один русский агент проник в тайну Редля. Примерно в 1903 году он поставил полковника перед фактом, что, если тот не желает огласки, то ему придется помогать русской секретной службе в некоторых операциях. Детали остались невыясненными. Однако хорошо известно, что в ход был пущен шантаж и взятки, которые и сделали Редля предателем.

Фон Гизл переехал в Прагу, а вместе с ним и Редль. Его место в Вене занял любимый ученик, капитан Максимилиан Ронге. Ронге не был таким одаренным

и изобретательным, как Редль, но он был старательным службистом. По предложению Редля в стране был введен институт строгой цензуры всех почтовых отправлений, Ронге принял все меры, чтобы это выполнялось неукоснительно. В 1913 году во время обычной проверки один из агентов обнаружил два письма «до востребования», адресованные просто «Бал в опере 13». Оба конверта содержали довольно приличные суммы денег. Ронге отдал распоряжение наблюдать за почтой и выяснить, кто придет за этими конвертами. В ожидании, когда прозвучит колокольчик, извещающий о том, что адресат явился, они провели не одну неделю в полицейском участке по соседству с почтой. В один прекрасный день он зазвонил. Они добежали до соседней двери как раз в тот момент, когда нанятый экипаж скрылся из виду. Однако они сумели проследить за ним до отеля, где им сказали, что интересовавший их человек пересел в другой экипаж и отправился к гостинице «Кломзер». На сиденье кареты один из агентов обнаружил маленький замшевый футлярчик. Обычно в футлярах такого типа хранят щипцы для обработки ногтей. У клерка в «Кломзере» он поинтересовался, не знал ли тот владельца футляра. Клерк взял его и обратился к человеку приятной наружности с военной выправкой. Тот кивнул и опустил футляр в карман. Это был Редль.

Один агент тайно последовал по пятам Редля, а другой позвонил Ронге. Ронге содрогнулся. Он не мог поверить в то, что бывший глава секретной службы стал предателем! Он взял подписанные Редлем корешки квитанций, по которым тот получил письма, и сравнил с почерком Редля в его деле. Подписи были идентичны. К этому времени Редль заметил, что за ним следят. Он совершил глупость У него в кармане лежали изобличающие его квитанции, по которым он получил деньги от русской разведки. Он порвал их на мелкие кусочки и осторожно разбросал по пути следо-

вания. Но агенты Ронге хорошо владели методами контрразведки: они собрали все кусочки до единого и доставили их в контору Ронге.

Ронге отправился к главнокомандующему армией. Тот был совершенно ошеломлен известием о том, что Редль мог работать на врага на протяжении нескольких лет. В планы Австрии входило напасть на Россию и Балканы, особенно их интересовала Сербия. Ко всем документам по этому вопросу, известным под общим названием «План три», у Редля имелся доступ.

Австрийцы повели себя как джентльмены, что, с их стороны, было большой ошибкой. Они зашли к Редлю в отель и выложили перед ним все факты. Редль выглядел бледным и смущенным. Он сказал, что все данные, которые им нужны, они смогут найти в его квартире в Праге, а сам попросил разрешения на минуту удалиться. Из соседней комнаты раздался выстрел: он поступил так, как подобает джентльмену и офицеру. Вероятно, в последние мгновения жизни он не думал о себе так уж плохо. Он не подозревал о том, что в Сербии вот-вот должны были убить австрийского эрцгерцога и что Европа стояла на пороге войны. И только когда война началась, австрийский генеральный штаб узнал о масштабах предательства, совершенного Редлем. Сербы и русские были в курсе мельчайших деталей австрийского плана наступления. Редль оказался более чем предателем: он стал палачом Австро-Венгерской империи.

К тому времени, когда Редль застрелился, 15-летний немецкий мальчишка увлекся чтением революционных брошюрок Карла Либкнехта и Розы Люксембург, руководителей находившейся в зачаточном состоянии Коммунистической партии Германии. Звали его Эрнст Вольвебер. Будучи сыном рурского шахтера, он знал, что такое бедность и нищета. В 1917 году Вольвебер начал служить на германском военно-морском флоте. Его идейными вдохновителя-

ми были русские революционеры: на палубах кораблей он проповедовал социализм. Когда война закончилась, он был признан одним из наиболее многообещающих деятелей революционного движения в Германии. Он тоже сыграл свою роль в поражении Германии: его пропаганда на флоте возымела действие, и в ноябре 1918 года вспыхнул мятеж. Именно Вольвебер при входе в Кильский канал поднял над крейсером «Хелиголанд» красный флаг, послуживший сигналом к началу восстания. Вскоре после описанных событий кайзер отрекся от престола. Некоторое время казалось, что коммунизм в Германии восторжествует так же, как он восторжествовал в России. Но Германия не была к этому готова. В 1919 году образовалась Веймарская республика. Вольвебер, уверенный в том, что в один прекрасный день Германия станет коммунистической, поехал в Москву готовиться к роли тайного агента. Но он ошибался. К изумлению и испугу международного коммунизма, Гитлер и нацисты расправились с Коммунистической партией Германии с удивительной легкостью. Но к этому времени Вольвебер уже усвоил необходимость соблюдать секретность: он стал одним из самых сильных и удачливых тайных агентов и диверсантов Кремля в Германии.

Был ли Вольвебер предателем своей родины? Вопрос почти что риторический. Он был убежденным коммунистом и своей страной считал Россию. В длинном списке изменников, куда вошли Клаус Фукс, супруги Розенберг, Алгер Хисс, Алан Нанн Мэй и Ким Филби, он был первым великим шпионом, занимавшимся агентурной работой из идеологических соображений. Вольвебер стал непревзойденным мастером шпионажа всех времен. Он любил работать в морских доках и вербовать агентов-диверсантов из числа завсегдатаев международных матросских клубов. Целая серия пожаров и взрывов на кораблях, начиная с французского «Жорж Филлипар» в 1932 году и закан-

чивая «Куин Элизабет» в 1953 году, была, несомненно, делом рук Вольвебера. Не раз гестапо считало, что поймало его, не раз попадались и были расстреляны его агенты, но самому Вольвеберу удача не изменяла. Когда секретная служба Гитлера узнала о его существовании, он переехал в Данию и руководил операциями оттуда. Когда немцы вторглись в Данию, он переехал в Швецию, где был вскоре арестован. Шведы продержали его в заключении почти до конца войны. Они непременно передали бы его в руки гестапо, если бы только появилась надежда, что немцы выиграют войну. В 1944 году стало ясно, что русские в Вольвебере были заинтересованы больше. Шведам сообщили, что он разыскивался по поводу незаконного присвоения партийный денег. Но на самом деле, когда Вольвебер вернулся в Москву, он был встречен как советский герой. В Берлин он вступил почти сразу вслед за Жуковым. После окончания войны он организовал в Восточной Германии настоящую шпионскую сеть. На британских и французских кораблях снова стали происходить загадочные взрывы и пожары. В 1953 году он был назначен министром Государственной безопасности Восточной Германии. Со своей работой он справлялся безупречно, но между ним и Вальтером Ульбрихтом, секретарем Коммунистической партии Восточной Германии, возникли трения. Ульбрихт почувствовал, что после того, как Хрущев расстрелял Берию, главу советской разведывательной службы, Вольвебер стал более уязвимым. По свидетельству одного историка, приказ об аресте Вольвебера был отдан Ульбрихтом в 1961 году. Вольвебер, однако, укрылся в советской штаб-квартире в Восточном Берлине. От гнева Ульбрихта не осталось и следа после того, как из Москвы он получил телеграмму, в которой содержался приказ оставить Вольвебера в покое. Подписана она была Хрущевым... Год спустя в возрасте 64 лет Вольвебер скончался.

Сейчас, оглядываясь назад, удивляешься тому факту, что западным державам потребовалось так много времени, чтобы понять, что большинство коммунистов считали своей родиной Россию, следовательно, были способны на государственную измену. В 1941 году британская служба безопасности совершила непростительную ошибку, позволив германскому ученому Клаусу Фуксу подписать обязательство о неразглашении служебной тайны и получить доступ к секретной информации. Фукс выехал из Германии в 1933 году в возрасте 22 лет. Он не был евреем, но был квакером, которых в фашисткой Германии также преследовали. Ему позволили стать британским гражданином и работать над атомной бомбой, поскольку британская служба госбезопасности резонно предположила, что информацией он, скорее, будет снабжать русских, чем немцев, а в 1941 году Россия была, по крайней мере, союзницей. Соблюдать свое обязательство о неразглашении служебной тайны Фукс был не намерен с самого начала. Он сразу же вступил в контакт с русским военным атташе в Лондоне и предложил передавать секреты, касавшиеся атомной бомбы, в Москву, поскольку Сталин санкционировал проведение всего объема научно-исследовательских работ по созданию атомной бомбы. Фукс работал в тесном сотрудничестве с русскими шпионами в Англии до 1943 года, когда был отправлен в Америку для продолжения работ над проектом бомбы в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико. Ему не сразу удалось связаться с американской ветвью русской шпионской сети, представители которой также прикладывали неимоверные усилия, разыскивая его. Фукс наслаждался теплом Нью-Мексико и временным чувством спокойствия. Но когда он навестил свою сестру в Кембридже, штат Массачусетс, русские наконец обнаружили его местожительства. И снова он начал передавать в Россию секретную информацию по атомной бомбе. К

этому времени англичане и американцы уже поняли, что после окончания войны Россия будет претендовать на мировое господство. Тогда ими были предприняты все возможные и невозможные усилия, чтобы предотвратить малейшую утечку информации относительно атомной бомбы и не позволить советским ученым опередить себя в этих исследованиях. Но все эти неимоверные предосторожности союзников сводились на нет одним-единственным человеком, которым был Фукс. Довольно странно, но к этому времени он начал уже испытывать угрызения совести. Возможно, он просто стал более политически зрелым. На протяжении шести месяцев он избегал встречи со своим связным. Русские продолжали оказывать мягкое, но настойчивое давление, тогда Фукс передал им материалы о последних секретных достижениях, сделанных на пути создания атомной бомбы.

В 1946 году он вернулся в Англию и возглавил теоретический отдел Центра по атомной энергии в Харуэлле. Теперь русских интересовали тайны водородной бомбы, но Фукс помочь уже ничем не мог. Похоже, быть шпионом ему надоело, но делать ничего не оставалось. Он продолжал передавать информацию, хотя и менее ценную, вплоть до начала арестов шпионов. После ареста Нанна Мэя под подозрение попал и Фукс. Один из агентов Британской службы безопасности получил задание убедить его признаться. К этому времени Фукс в Харуэлле больше не работал. Его уволили под предлогом того, что его отец был профессором в Восточной Германии. И 30 января 1950 года за тихим обедом в отеле «Абингдон» он во всем признался британскому агенту, Уильяму Скардону, сообщив, что на протяжении многих лет был послушным орудием в руках Кремля. Но быть предателем он больше не хотел. Не сделай Фукс этого признания, его никогда, по всей вероятности, не обвинили бы в шпионаже. Официально ему было предъявлено обвинение не в государственной

измене, а в шпионаже. Судебное разбирательство продолжалось всего полтора часа. Фукс был приговорен к девяти годам тюремного заключения. Выйдя на свободу в 1959 году, он выехал в Восточную Германию, где стал руководителем Института ядерных исследований в Карлсруэ.

Каким же образом Фукс попал в число подозреваемых? По иронии судьбы, причиной тому послужили откровения другого предателя, на сей раз русского. Игорь Гузенко не был шпионом. В 1945 году он работал в чиновничьем аппарате советского посольства в Оттаве. Гузенко был воспитан как настоящий коммунист, то есть считал, что капиталистические страны угнетают свои народы и ненавидят всех представителей «свободного» коммунистического мира. В Канаде, к своему удивлению, он открыл, что рабочий при капитализме живет куда лучше, чем он думал, и что канадцы были дружелюбными и открытыми людьми. Перспектива вернуться в Москву Гузенко больше не привлекала, и он решился остаться. Для этого он вскрыл сейф советского военного атташе и извлек оттуда объемистое дело. Потом началась «комедия ошибок». Канадцам, похоже, советский невозвращенец был не нужен. Одна оттавская газета отказалась принять секретные документы, канадская полиция тоже посчитала себя не вправе воспользоваться ими. Когда дело дошло до канадского премьер-министра, он велел полиции вернуть Гузенко в советское посольство. Но Гузенко сбежал и возвратился к себе на квартиру. Тут русские совершили ошибку. Они взломали дверь в его доме и попытались вытащить его наружу. В демократическом обществе это было против всяких правил, и Гузенко снова был взят под охрану полиции. Только теперь канадцы осознали, что держали в руках ключ к русской агентурной сети, разбросанной по всему миру. И на свет Божий, как черви после дождя, стали появляться всевозможные шпионы и предатели.

Среди них оказался и Алан Нанн Мэй, британский физик, коммунист по убеждениям. Он занимался ядерными исследованиями в Оттаве, когда передал русским образцы изотопов урана, получив за это 200 долларов и две бутылки виски. Бумаги, переданные Гузенко, содержали материалы о связях Мэя после возвращения в Англию в 1945 году. Когда в мае 1946 года Мэй был арестован, прокурору ничего не стоило привести доказательства его деятельности в качестве русского шпиона, за что он был приговорен к десяти годам тюрьмы. В свою защиту он сказал, что считал своим долгом ученого сделать информацию об открытиях в области создания атомной бомбы достоянием всего мира, а не одной только Америки. Аргумент этот казался вполне допустимым и сумел убедить многих либеральных интеллектуалов. Никто не потрудился задаться вопросом, проявил бы Сталин аналогичное благодушие по отношению к русским ученым, открой они секрет атомной бомбы первыми. Мэй проявил очевидную политическую наивность. Американцы более сурово отнеслись к такой, весьма типичной, измене. Откровения Гузенко привели их к американскому связному Клауса Фукса, Гарри Голду, который без всякого суда получил 30 лет тюремного заключения. Голд привел их к Дэвиду Гринглассу, американскому солдату, который также работал в Лос-Аламосе и занимался шпионажем в пользу русских. Грингласс, спасая себя, сказал, что шпионажем занялся под давлением со стороны своей сестры, Этель Розенберг, которая вместе с мужем Джулиусом была преданной коммунисткой. Розенберги были приговорены к смертной казни и, несмотря на развернувшуюся мощную кампанию в их защиту, а, возможно, именно вопреки ей, 19 июня 1953 года были отправлены на электрический стул.

Но даже шпионы, занимавшиеся выведыванием атомных секретов, всего лишь любители в сравнении с

британским суперпредателем, считавшимся «самым важным шпионом русских на Западе», Кимом Филби. Имя Филби впервые стало известно британской публике вскоре после провала агентов Бурджесса и Маклиана в 1951 году. Член британского парламента заявил, что Бурджесс и Маклиан были предупреждены кем-то «третьим» за несколько часов до неминуемого ареста, что способствовало их побегу в Москву. Имя этого «третьего» он назвал позже – Гарольд Филби, известный как Ким, который был сыном уважаемого ученого-филолога, арабиста Сент-Джона Филби, и дружил со многими литераторами, такими, как У. Г. Оден, Сирил Коннолли и Филип Тойнби. На защиту Филби встал премьер-министр Гарольд Макмиллан. Члену парламента пришлось забрать назад свое заявление. Но Филби оставил свою работу в министерстве иностранных дел и стал корреспондентом газеты «Обсервер» и журнала «Экономист» на Ближнем Востоке. Потом в январе 1963 года Филби внезапно исчез и появился снова спустя несколько недель уже в Москве, куда позже прибыла и его жена-американка. Тогда начались отчаянные попытки проверить всю его подноготную. Вскоре стало совершенно ясно, что британский дипломат, сотрудник британской секретной службы, с 1930 года был русским агентом.

Филби стал коммунистом в Кембридже, когда был еще молодым человеком, и такой поступок был вполне в духе времени: в начале 30-х годов в Вене и Берлине он воочию столкнулся с фашизмом, что послужило толчком к его деятельности в рядах коммунистов. Для прикрытия Филби выступал как лицо, сочувствовавшее нацистам, и работал в группе «Англо-германской дружбы». Позже во время гражданской войны в Испании он в качестве репортера отправился в эту страну. Там он работал в штаб-квартире Франко. Прикрытие было просто идеальным. Когда началась война с Гитлером, Филби ничего не стоило стать сотрудником

британской секретной службы. Начав с малого, он очень скоро сумел стать ценным специалистом, связав британскую разведку с русской шпионской сетью в Швейцарии, у которой были выходы на верховное командование Германии. Начиная с этого времени карьера Филби постоянно шла в гору, пока он не стал офицером по связям с ЦРУ отдела контрразведки (МИ-5) с доступом ко всем военным секретам, имевшимся у британцев и американцев. Никому не суждено узнать, сколько секретов, касавшихся, в том числе, и ядерных исследований, удалось ему передать русским. Но количество их, по всей видимости, невообразимо. Вместе со своим приятелем по Кембриджу, гомосексуалистом Гаем Бурджессом, Филби путем шантажа сумел уговорить работать с ними еще одного чиновника из министерства иностранных дел, Дональда Маклиана. Но к 1950 году оба, Бурджесс и Маклиан, по-видимому, не выдерживая напряжения шпионской работы, начали сдавать. Они слишком много пили и устраивали публичные скандалы. Отдел МИ-5 заподозрил неладное, Филби предупредил их, тогда Бурджесс и Маклиан исчезли, чтобы появиться снова в Москве.

Как ни странно, это был еще не конец шпионской карьеры Филби – несмотря на то, что его имя публично было названо среди подозреваемых. Он отправился на Ближний Восток в качестве репортера и проработал там 12 лет, до 1963 года, когда почувствовал, что ищейки уже находятся поблизости. На русском корабле он отбыл в Россию. Для британской секретной службы он навсегда останется одним из самых крупных супершпионов всех времен и народов.

Впрочем, шпионаж не всегда был таким неблагодарным занятием. Когда в 1460 году король Эдуард IV создал институт «тайного наблюдения короля», он считался вполне уважаемым учреждением междуна-

родной дипломатии. Во времена королевы Елизаветы I одной из самых мощных разведывательных сетей в Европе руководил лорд-казначей Бургли. Удивительно, но одним из его шпионов был драматург Елизаветы, Кристофер Марло, погибший при загадочных обстоятельствах во время потасовки в таверне в мае 1593 года. Творческий путь его оборвался, едва начавшись, иначе он мог бы стать столь же великим, как Шекспир. Один историк, изучавший елизаветинскую эпоху, Кельвин Хоффман, совершенно убежден в том, что Марло и был Шекспиром. Марло умер, и началась карьера Шекспира. Стиль ранних произведений Шекспира тоже очень напоминает стиль Марло. В книге «Убийство человека, который был Шекспиром» Хоффманн приводит удивительную историю о том, что Марло «умер» не без помощи руководителя агентуры шпионов сэра Фрэнсиса Уолсингема, а потом продолжил жизнь, но уже под другим именем – Шекспира. Теория эта никогда не считалась общепризнанной среди филологов, но в ее защиту Хоффманн приводит несколько убедительных фактов.

Во время американской войны за независимость некоторые шпионы совершали поступки, делавшие их знаменитыми. В начале войны был схвачен и казнен Натан Хейл, шпионивший в пользу американцев. Он умер со словами: «Я сожалею только о том, что у меня одна жизнь, которую я могу отдать за свою страну». У современных шпионов такое высказывание вызвало бы циничную усмешку. Хейл стал мучеником – так же, как и британский шпион, майор Джон Андре, передававший послания печально знаменитому предателю Бенедикту Арнольду. Во время войны за независимость появились и первые женщины-шпионки, поскольку по их виду никогда нельзя было определить, на чьей они стороне, кроме того, офицеры были слишком галантными, чтобы обыскивать женщин. Белл Бойд, шпионка «мятежников», разместила у себя в доме в

Мартинсбурге, штат Вирджиния, офицеров-северян. Благодаря этому она могла собирать важную информацию о передвижении войск и немедленно сообщала ее Стоноуоллу Джексону. (Однажды она смогла пробраться через оборонительные линии северян и передать послание Стоноуоллу Джексону, позволившее ему выиграть важное сражение.) Самым удивительным было то, что офицеры-северяне довольно скоро поняли, что она шпионка, но из рыцарского благородства не посмели тронуть ее. Она была арестована только тогда, когда один из ее посыльных попал в руки агента Соединенного Королевства, но ее обменяли на пленного северянина. Белл стала героиней южан. Подвиги «Мятежной Розы» Гринхау и Полин Кушман (шпионившей в пользу северян) были не менее знамениты и стали частью американского фольклора.

Германский кайзер Вильгельм I был вторым человеком, представителем старой школы, который считал шпионаж «недостойным занятием». Когда он стал кайзером, то у него на службе состоял один из самых замечательных мастеров шпионажа в Европе – Вильгельм Штибер. Штибер предстал перед судом в 1858 году. Ему предстояло защитить себя на открытом процессе. Он был оправдан, но в течение пяти лет оставался не у дел.Потом Бисмарк решил привлечь его. Именно благодаря Штиберу завоевание Австрии в 1866 году длилось всего 45 дней: Бисмарк все планы врага знал заранее. Штибер приложил немало сил, чтобы германская шпионская служба стала одной из лучших в Европе.

Но только при советском режиме шпионская деятельность стала такой, какой мы знаем ее сегодня. В России издавна существовали собственные традиции тайной полиции. Во времена правления последних царей она называлась «охранное отделение», главной ее задачей было искоренение революционной активности. Секретная полиция Ленина, ЧК, вскоре пре-

вратилась во внушающее страх ГПУ. Но Ленин умер, и Сталина, с его врожденной подозрительностью, стало беспокоить все возрастающее влияние секретной службы. Во время чистки 1937 года был казнен ее руководитель, Ягода. Русской разведывательной службе необычайно повезло в том, что два ее величайших агента, Эрнст Вольвебер и Рихард Зорге, работали за границей.

Считается, что Зорге был, вероятно, самым великим шпионом всех времен. Он родился в России в 1895 году, но когда Зорге был еще ребенком, его семья переехала в Германию. Будучи студентом, он примкнул к левому крылу, вступил в Коммунистическую партию Германии и стал руководителем ее разведки. Этому ремеслу он обучался в России, а потом отправился в Европу, налаживая шпионские связи в Англии и Скандинавии. (Правда, британская секретная служба раскрыла его довольно быстро, после этого Зорге не раз говорил, что она была одной из лучших в мире.) В России в конце 20-х годов он был замешан в столкновении интересов армейской секретной службы и службы госбезопасности. Его вполне могла ожидать судьба Ягоды, если бы Советы не решили, что он окажется особенно полезным на Дальнем Востоке. Именно там были осуществлены сенсационные операции, которые сделали его имя самым знаменитым в истории шпионажа. Инструкции, полученные им, были простыми. В Советском Союзе уже поняли, что основная угроза для будущего исходит от Японии и Германии. Перед Зорге стояла задача создать в Японии шпионскую сеть.

Для этой работы он был очень хорошо подготовлен. Высокообразованный человек, владевший несколькими иностранными языками, он, кроме того, имел прекрасное прикрытие. Он был горячим поклонником и любимцем женщин. Его успех у прекрасных дам был просто феноменальным. (Интересно отме-

тить, что большинство шпионов были любителями женщин – Вольвебер тоже относился к их числу, – словно шпионаж и любовь были две неразрывно связанные между собой сферы человеческой деятельности.) Зная о том шлейфе скандальной известности, что окружала его имя, о репутации неисправимого Дон-Жуана, кто мог предположить, что Зорге был шпионом, к тому же коммунистом из высших эшелонов власти? Он даже не выглядел достаточно серьезным.

В Японии Зорге тотчас начал собирать под свое знамя коллег: Агнес Смедли, хорошо известного автора книг о Китае, друга Мао Цзе-дуна; Озаки, японского корреспондента; югославского репортера Вукелича. Мало-помалу Зорге наладил в Китае разведывательную сеть. Затем, после прихода Гитлера к власти в1933 году, Зорге получил другое задание: следить за немцами в Японии. Но этому предшествовало важное событие: Зорге подал заявление о вступлении в нацистскую партию. Гитлеровская разведывательная система была такой слабой, что Зорге получил партийный билет. Вернувшись в Японию, Зорге завершил создание собственной японской шпионской сети, вдобавок к американо-японской, организованной Мийяги Йотука. Мийяги и Озаки получили приказ создать собственную агентуру из числа японцев.

Благодаря своему обаянию Зорге стал вскоре желанным гостем в посольстве Германии. Он близко сошелся с помощником военного атташе, подполковником Евгением Оттом. Никому и в голову не могло прийти, что волокита из «Франкфурт таймс» был русским шпионом. Озаки стал ведущим членом «Брекфаст клаб», где собирались японские интеллектуалы, близко связанные с кабинетом. Именно он предупредил Зорге о подготовке японцами нападения на Китай. Эта информация оказалась радостной для Кремля, поскольку Япония, сражающаяся с Китаем, вряд ли могла вторгнуться на территорию Советского Союза.

Когда полковник Отт был назначен германским послом в Японии, Зорге получил доступ к информации, касавшейся политики Японии и Германии, что делало его одним из наиболее значительных секретных агентов мира. О готовящейся атаке японцев на Пирл-Харбор Зорге был информирован за несколько недель до события. Он знал точную дату вторжения германских войск в Россию. И если бы не глупость Сталина, наивно считавшего Гитлера человеком слова, то план «Барбаросса» потерпел бы крушение в течение нескольких дней.

Глава японской разведки полковник Осаки (не путать со шпионом Озаки) знал о существовании в Японии разветвленной шпионской сети: его радиоприемники ловили шифрованные передачи, однако прочитать шифрограммы он не мог. В конце концов он уверовал, что Зорге был его человеком. Он знал, что у Зорге была одна большая слабость – женщины. (Был случай, когда Зорге едва не погубил агентурную сеть, связавшись с любовницей Вукелича.) Он попросил германского атташе устроить ему встречу с Зорге в одном из ночных клубов. За бутылкой саке он рассказал Зорге о красивой девушке, танцевавшей в кабаре, о том, сколько мужчин были влюблены в нее. Зорге заинтересовался. Его любопытство стало еще сильнее, когда он узнал, что девушка не такая, какой кажется. Все свои вечера он начал проводить в кабаре, пока наконец девушка не стала его любовницей. Но она была агентом полковника Осаки. Представительница аристократического японского рода, она согласилась пожертвовать собой ради блага собственной страны.

Однажды Зорге остановил машину и занялся с девушкой любовью, он хотел, чтобы она вернулась назад и провела с ним всю ночь, поскольку чувствовал, что его работа в Японии близилась наконец к завершению. Он вынул портсигар, и оттуда выпал крохотных бумажный комочек. Зорге тщательно пор-

вал его и выбросил из окна автомобиля. Девушка сказала, что ей нужно срочно позвонить и позвонила в японскую разведку. Едва машина отъехала, как японские агенты аккуратно собрали все обрывки бумаги. Следующим утром, когда Зорге спал рядом с девушкой, в спальню вошел полковник Осаки. Он протянул Зорге клочок бумаги – донесение, которое последний считал уничтоженным. Зорге поднялся и поклонился. Он понял, что проиграл.

Согласно одному сообщению, Зорге предстал перед своими палачами в ноябре 1944 года. Он сохранял полное спокойствие и курил сигарету. Но точных сведений о том, что Зорге был казнен, нет. Мы знаем, что он требовал отсрочки исполнения приговора, ссылаясь на то, что был советским гражданином и что Япония с Советским Союзом не воевала. Британский дипломат, знавший Зорге, утверждал, что встречал его в Шанхае в 1947 году. Примерно в это же время была убита девушка, предавшая Зорге. Вполне вероятно, что свои дни он закончил, сидя за столом в штаб-квартире ГПУ в Москве.

После войны советская разведка перенесла тяжелый удар, когда сотрудник посольства Гузенко стал невозвращенцем и передал Западу полный список русских шпионов и их связных. В результате этого Россия решила полностью реорганизовать свою агентурную сеть в Америке. Человеком, которому была поручена эта работа, стал полковник Рудольф Абель, наравне с Зорге и Вольвебером считавшийся одним из наиболее удачливых русских шпионов. Абель, по правде говоря, уж находился в Нью-Йорке в то время, когда предательство Гузенко повлекло арест Розенбергов и других агентов. Он был ветераном секретной службы и работал в ней с того самого момента, как только после революции Троцкий основал ее. Теперь, в 1948 году, после провала всей шпионской сети в Америке Абель приступил к выполнению задачи по ее

восстановлению. Мастер шпионажа обосновался в художественной студии на Фултон-Стрит в Бруклине. На двери была табличка: «Эмиль Голдфус, фотограф». Его квартира была битком набита всевозможной радиоаппаратурой. Абель объяснял это тем, что был радиолюбителем и подрабатывал ремонтом радиотехники, что действительно соответствовало истинному положению вещей. Его легенда, как и легенда Зорге, была почти идеальной: образованный мужчина среднего возраста, приятной наружности, который был не прочь повеселиться с девочками, прекрасно играл на гитаре и довольно сносно рисовал. Художники, посещавшие его приемы в студии, утверждали, что он был истинным представителем богемы.

В действительности же его работа состояла в том, чтобы наладить связи с уцелевшими агентами русской шпионской сети и реорганизовать ее. Кроме того, ему надлежало повторно связаться с теми работниками американского посольства, которых во время их пребывания в Москве посредством шантажа склонили к работе на русскую разведку. В 1953 году советская агентурная сеть в Америке стала сильной, как никогда. Выведанные секреты, включая информацию об американской водородной бомбе, атомных подлодках и ракетах, передавались в Москву по радиосвязи.

Провалил Абеля его новый помощник, Рейно Хайанен, обрусевший финн. Подобно многим финнам, он был любителем выпить. Кроме того, ему не нравилось быть шпионом в чужой стране. Абель сумел устроить так, чтобы к Хайанену приехала его жена, что в конечном счете оказалось ошибкой. Они постоянно ссорились, и толку от Хайанена стало еще меньше. Последний обижался на отсутствие контактов с Абелем. Разведчики встречались обычно в людных местах или в нью-йоркской подземке. В 1955 году Абель уехал в Россию. По возвращении в Америку он обнаружил, что Хайанен на протяжении нескольких не-

дель не выходил из запоя. Он заявил своему совершенно опустившемуся помощнику, что для того настало время вернуться в Москву и отдохнуть. Хайанен пришел в ужас: из-за репутации пьяницы у него было 50 шансов из 100, что его уберут. Он доехал до Парижа, где отправился в американское посольство и заявил, что хочет стать невозвращенцем. Советская шпионская сеть в Америке рухнула во второй раз. Абель был приговорен к 30-летнему тюремному заключению, однако в тюрьме он провел только пять. В 1962 году его обменяли на американского летчика Гарри Пауэрса. И величайший русский шпион со времен Рихарда Зорге вернулся в Москву, чтобы выйти в отставку и дожить спокойно свои дни.

Вероятно, использование слова «великий» применительно к шпиону кажется несколько абсурдным, как если бы мы сказали «великий карманник» или «великий похититель дамских сумочек». В целом шпионаж в XX веке едва ли можно было назвать делом чести, какая бы страна им ни занималась. Если конец «холодной войны» означает также конец эпохи шпионажа, то причин для сожалений на этот счет ни у кого не будет, разве что у авторов, специализирующихся на создании шпионских триллеров.

13

БРИТАНСКОЕ УБИЙСТВО: 1900–1935

В английской криминологии XX век наступать не спешил. Большинство убийств первой половины нового столетия сильно «отдавали» духом викторианской эпохи. Бегло ознакомиться с ними можно, просмотрев любопытный сборник под названием «Записки палача», в котором содержится перечень и описание всех мало-мальски значительных казней, начиная с 1600 года. В записях за 1900 год мы не обнаружим ни одного знаменитого или печально знаменитого имени. Зато мы узнаем, что 9 января была повешена некая Луиза Массет, приговоренная к смертной казни за убийство собственного сына в туалете железнодорожного вокзала Далстон, 14 августа за убийство жены был казнен Уильям Ирвин и 27 августа за убийство своей возлюбленной был повешен Джеймс Барджин. Далее, чтобы увидеть более или менее знакомое имя, нам придется «перескочить» сразу на 21 марта 1901 года. Речь идет о деле Герберта Джона Беннетта. Связано оно было с вечным любовным треугольником. Утром в воскресенье 22 сентября 1900 года прогуливавшийся по морскому побережью в Ярмуте мальчик обнаружил тело молодой женщины. Одежда жертвы оказалась в полном беспорядке, что предполагало сексуальное нападение. Она была задушена шнурком от ботинка и, по всей видимости, изнасилована. Похоже, личность пострадавшей была никому не известна. В конечном счете местная владелица меблированных комнат опознала в ней некую «миссис Гуд», до недавнего времени проживавшую у нее. Впоследствии на основании меток из прачечной установили, что погиб-

шая была замужней дамой 21 года по имени Мэри Беннетт. Выяснилось также, что за несколько часов до смерти ее видели в пабе вместе с каким-то мужчиной, у которого были пышные усы и густая шевелюра. Полиция предприняла поиски ее мужа. Чтобы отыскать его, ей понадобилось семь недель. Его арестовали в Вулидже 6 ноября 1900 года. В его вещах был обнаружен парик и усы, а также длинная золотая цепочка с серебряными часами, которую видели на «миссис Гуд» в последний вечер ее жизни.

Выяснилось, что мистер и миссис Беннетт оказались самыми настоящими мошенниками. Они познакомились три года назад, когда девушке было 18 лет от роду, а ему – 17. Она была преподавательницей музыки. В тот же год они поженились. Первой их попыткой утвердиться в мире стало мелкое мошенничество. В магазине старьевщика они купили старые скрипки, и она, переходя от двери к двери, рассказывала грустную историю о трагической смерти мужа и пыталась продать «его последнее достояние», чтобы не умереть с голоду. Таким образом они сумели сколотить приличную сумму в 400 фунтов и открыли бакалейный магазин. Во время их отсутствия магазин сгорел дотла, и им выплатили страховку. Взяв кредит, они закупили товары для другого магазина, а потом, оставив кредиторам долги, сбежали в Южную Африку, где Беннетт, по-видимому, подвизался на шпионском поприще в пользу буров, за что был депортирован в Англию. В Англии он работал в арсенале Вулиджа, вероятно, продолжая шпионскую деятельность, что можно предположить, исходя из его материального достатка. Именно в это время у него завязался роман с хорошенькой горничной Элис Медоуз. 15 сентября 1900 года миссис Беннетт каким-то образом дала себя уговорить отправиться в Ярмут на праздник, где она выдала себя за вдову и развлекала домовладелицу всякими вымышленными историями, по-видимому, просто из-за своего пристрас-

тия ко лжи. В первый же вечер пребывания в Ярмуте она ушла и вернулась слегка навеселе. В следующее воскресенье ее видели выпивавшей в компании мужчины с усами. Этот вечер закончился тем, что она была найдена мертвой на берегу. Когда владелец паба опознал в Беннетте человека с усами, а клерк из кассы железнодорожного вокзала – пассажира, уехавшего в Лондон первым же поездом, то всего через несколько часов после убийства стало ясно, что все улики свидетельствовали против Беннетта.

Мотив как будто тоже был очевиден – прелестная Элис Медоуз. Шпионская деятельность Беннетта или еще какие-то другие сомнительные дела, которыми он занимался, приносили ему солидный доход, и ему не терпелось избавиться от своей ни в чем не повинной жены и жениться на девочке-горничной. Выдающийся адвокат Маршалл Холл, взявший на себя защиту Беннетта, искренне верил в его невиновность. Он, правда, не отрицал того, что последний был изрядным негодяем, но никак не мог поверить, что Беннетт оказался настолько глуп, чтобы избавиться от жены таким неуклюжим способом. Даже после того, как его подзащитный был повешен, Маршалл Холл, учитывая все свидетельства, продолжал считать, что убийство было совершено «сексуальным маньяком».

Как и многие другие убийства того периода, оно с самого начала было обречено на провал. Одним из немногих убийц, которому удалось мало-мальски преуспеть в своих злодеяниях, стал Сэмюель Герберт Дугал, проходимец из кокни*, говоривший с ирландским акцентом, чьи обе жены, по странному совпадению, умерли, отравившись устрицами. Он был неисправимым соблазнителем, обладавшим чарами законченного сердцееда. В 1898 году он встретился с

* Кокни – здесь: коренной лондонец (прим. ред.).

утонченной старой девой по имени Камилла Холланд, которая в свои 54 года внезапно почувствовала потребность «в мужчине на всю жизнь». В скором времени Дугалу удалось убедить ее переехать вместе с ним в один уединенный сельский дом. Но когда Камилла застала его с горничной, которую Дугал пытался соблазнить, то приказала немедленно оставить ее. В действительности уйти пришлось ей: как сообщил Дугал, она отправилась в путешествие на яхте, в то время как он был занят соблазнением горничных. Прошло четыре года, прежде чем полиция заподозрила неладное и проверила его банковский счет. Вскоре стало ясно, что он подделывал чеки от имени пропавшей мисс Камиллы Холланд. После ареста Дугала за подделку чеков полиция перекопала всю землю в районе его сельского дома, резонно полагая, что сможет отыскать тело пропавшей. Это оказалось не так-то легко. Над сточной канавой, где оно было похоронено, Дугал посадил живую изгородь. Когда труп наконец был найден, патологоанатомы установили, что смерть наступила от огнестрельного ранения в голову. Даже на эшафоте Дугал продолжал настаивать на своей невиновности. Он признался во всем священнику лишь за несколько минут до того, как был вздернут на виселице.

В Америке убийства приняли еще более отвратительный характер. В 1905 году в Нью-Йорке в меблированных комнатах был арестован мужчина среднего возраста по имени Йоганн Хох. Он скрылся с деньгами жены, за что его и разыскивала полиция. В ходе полицейского расследования выяснилось, что Хох был «Синей Бородой», то есть за последнее десятилетие он был женат на 24 женщинах. От половины из них он избавился сразу, как только завладел их сбережениями, отравив ядом. Остальных он просто бросал. До поимки он был женат на сестре своей нынешней жены, Джулии Уолкер, умершей сразу

после того, как она передала ему свои деньги. Тогда он женился на ее сестре Амелии, которой суждено было стать его последней женой. Мышьяк, найденный в теле Джулии Уолкер, послужил основанием для того, чтобы в феврале 1906 года отправить злодея на виселицу. Дело его получило печальную известность во всем мире, вследствие чего и было изложено в «Записках палача».

Тем временем во Франции свою карьеру, давшую ему прозвище «Синяя Борода» и приведшую его в 1922 году на эшафот (за 11 убийств), начинал негодяй по имени Анри Дезире Ландрю. В Германии в1904 году казнью завершилось жуткое дело о детоубийце Людвиге Тесснове, разрывавшем свои жертвы на кусочки. В Германии также действовал Питер Кюртен, который к 20 годам уже успел погубить двух своих школьных товарищей, представив все как несчастный случай в результате утопления. В конце 20-х годов в Дюссельдорфе создалась атмосфера такого ужаса, которая сравнима только с ужасом, царившим во времена убийств Джека Потрошителя в Лондоне. В Англии сравниться с его делом по скандальной известности могло только дело Джорджа Чэпмена, известного также под именем Северина Клоссовски, которое было описано в одной из предыдущих глав. Британские убийцы того периода действовали на удивление бездарно. Преступления их с самого начала были обречены на неудачу.

Дело Криппена

Первое британское убийство XX века, получившее мировую известность, произошло в 1910 году. Убийцей был американец по имени Хаули Гарвей Криппен. Дело это довольно загадочно, даже сейчас, спустя 80 лет после его казни, никто толком не может сказать,

зачем понадобилось Криппену убивать свою жену, когда он мог без всякого труда просто покинуть ее, чтобы сойтись со своей любовницей Этель Ле Нив.

Криппен родился в Колдуотере, штат Мичиган. Его родители были очень религиозными и трудолюбивыми людьми. С детства они внушали ему мысль об «Американской Мечте». До 25 лет Криппен трудился в поте лица, чтобы получить медицинскую степень. Вскоре после этого он совершил непростительную ошибку, женившись на скудоумной медицинской сестре, ирландке по происхождению, которая родила ему сына и умерла от апоплексического удара. Он переехал в Нью-Йорк, где стал временным заместителем врача. Там же он влюбился в польскую нимфоманку, обладавшую очарованием и именем вольтеровской героини – Кунигунда. Эта пухленькая и совершенно восхитительная молодая дама – когда Криппен встретил ее, ей было 18, а ему 30 лет – была любовницей богатого промышленника, уверовавшая в то, что ей суждено было стать великой певицей. Кунигунда, которой больше нравилось, когда ее называли Белль, сыграла на чувстве ревности Криппена, сказав, что ее богатый патрон предлагает ей сбежать с ним, бесхитростный Криппен, бывший близоруким не только в буквальном, но и в переносном смысле, тотчас предложил ей стать его женой. Вскоре он понял, что доктора зарабатывают меньше, чем торгующие запатентованными лекарствами шарлатаны. Ему ничего не стоило забыть клятву Гиппократа. Вскоре маленький доктор уже продавал средство для успокоения младенцев, состоящее в основном почти из одного чистого опиума, а также лекарство от геморроя, для рекламы которого использовался символ с изображением руки с поднятым пальцем. Криппен настолько преуспевал, что его работодатель решил отправить его в Лондон. Там Белль предприняла попытку стать певицей в мюзик-холле. Однако, не добившись того успеха, на который

рассчитывала, Белль стала все чаще устраивать скандалы. (Но справедливости ради следует заметить, что коллег ее жизнерадостность восхищала, и вскоре она стала приятельницей Мэри Ллойд.) Она также начала принимать у себя любовников. На Криппена один за другим посыпались удары судьбы. Когда его уволили из медицинской компании на том простом основании, что босс считал недостойным занятием для «доктора» быть менеджером певички из мюзик-холла, он тотчас нашел себе другую работу в фирме, специализировавшейся на лечении болезней уха (с такой же плохой репутацией).

Здесь он совершенно потерял голову от стенографистки, Этель Нив, предпочитавшей, чтобы ее называли «Ле Нив». Она тоже в него влюбилась, когда узнала, что жена наставляет ему рога и транжирит его деньги. Они начали тайно встречаться, хотя цитадель своей непорочности Этель удерживала почти семь лет, наконец решившись расстаться с девственностью в гостиничном номере, снятом на час. Белль догадывалась о том, что у мужа появилась женщина, в которую тот был влюблен, но никак не реагировала на это, поскольку ей было на руку не замечать увлечения мужа, раз он не замечал ее увлечений.

Но тогда зачем в первый день февраля ему понадобилось убивать жену? Почему 44-летний доктор просто не оставил ее и не уехал с Этель?

На этот счет существует множество теорий. Одна из них состоит в том, что сделал он это случайно. Яд, который он дал ей, назывался гиосцин. Обычно он применяется в малых дозировках для успокоения буйнопомешанных. Согласно одной точке зрения, он давал ей небольшие дозы вещества, чтобы сдерживать ее сексуальные аппетиты. Однако представляется маловероятным, чтобы она в последние годы их жизни включала мужа в сферу своих сексуальных интересов. В романе «Дневник доктора Криппена» писатель Эм-

лин Уильямс выдвинул предположение о том, что при слабом освещении в ванной комнате Криппен просто перепутал «транквилизатор» со снотворными таблетками. Но почему он тогда не пошел в полицию и не сказал, что случилось? Несомненно, в этом случае он был бы оправдан.

А произошло вот что. Белль пожелала друзьям, пришедшим отобедать с ними, спокойной ночи, и в живых ее больше никто не видел. Ту ночь Этель провела в доме номер 39 на Хиллдроп Креснт в Камден-Тауне. На следующий день секретарь мюзик-холла Гильд получил записку, подписанную Белль Эльмор, в которой сообщалось, что она уезжает в Америку и расторгает контракт. Несколько недель спустя Криппен сообщил друзьям, что жена его серьезно заболела в Лос-Анджелесе, а потом сказал, что она умерла.

У ее друзей, однако, возникло подозрение. Они связались с судоходными компаниями и выяснили, что никто под таким именем в феврале в Америку не отбывал. А исполнительница мюзик-холла Лил Хоторн даже сделала запрос в Нью-Йорк, но ее попытки найти следы Белль успехом не увенчались. В конце июня 1910 года Лил Хоторн вместе с мужем обратилась в Скотланд-Ярд, заявив о своих подозрениях приятелю, суперинтенданту Франку Форесту, который, в свою очередь, послал за инспектором Уолтером Дью. Вместо того, чтобы перепоручить дело младшему по званию, Дью решил повидаться с Криппеном сам. Он пошел на Хиллдроп Креснт и поговорил с Этель Ле Нив. «Назвать ее прелестной было нельзя, но было в ней что-то удивительно притягательное». Оттуда он направился в стоматологический кабинет Криппена. Там мисс Ле Нив представила его мягкому близорукому человечку, говорившему с американским акцентом. Когда Дью объяснил цель своего визита, Криппен вздохнул и произнес: «Мне лучше сказать вам прав-

ду». «Да, – согласился Дью, – это будет самое лучшее». Правда же состояла в том, что Белль якобы уехала с любовником, и Криппен, чтобы избежать скандала, объявил о ее смерти.

Дью наполовину поверил сказанному. Когда обыск в доме номер 39 по Хиллдроп Креснт ничего подозрительного не выявил, он решил, что, Криппен, возможно, говорил правду.

Это происходило в пятницу вечером. В понедельник утром Дью снова отправился повидаться с Криппеном и обнаружил, что его пташки улетели. Криппен совершил ошибку, которая стоила ему жизни. Если бы он спокойно продолжал жить на Хиллдроп Креснт, Дью наверняка прекратил бы расследование. Побег Криппена был равнозначен признанию. Дью вместе со своим помощником сержантом Митчеллом обыскали дом сверху донизу. Наконец они спустились в подвал. Там с помощью лома они стали поднимать кирпичи на полу. Вскоре они расчистили участок площадью в несколько квадратных футов. Митчелл сходил в сад и принес лопату. После нескольких движений по ужасному зловонию они поняли, что нашли Белль Эльмор. Чтобы не задохнуться, им все время приходилось выбегать на свежий воздух.

Прибыл сэр Мелвилл Макнатен – человек, полагавший, что знает, кто скрывался под маской Джека Потрошителя, с ним приехал полицейский врач. То, что лежало на полу подвала, было останками человеческого тела, частью туловища с различными внутренними органами: сердцем, легкими, гортанью, пищеводом, желудком, печенью и кишечником. Все это было завернуто в куртку от мужской пижамы. Установить пол жертвы по этим останкам было невозможно, поскольку половые органы были удалены. Рук, ног и головы также не было. Все кости также были отделены от плоти.

Газеты запестрели заголовками типа «УБИЙСТВО

И РАСЧЛЕНЕНИЕ». Криппен и Этель в это время находились в Брюсселе. 20 июля на «С. С. Монтрозе» они отбывали из Антверпена в Квебек. Но капитан судна, Генри Кедалл, перед отплытием купил континентальный выпуск «Дейли Мейл», где увидел фото разыскиваемого полицией человека. В первый день, когда он пригласил на обед за свой столик пассажира Джона Робинсона с сыном, представленным просто «мастер Робинсон», ему понадобилось всего несколько минут, чтобы понять, что мастер Робинсон был женщиной. Он извинился и на минуту спустился в их каюту. Багажа у них было мало, но шляпа мастера Робинсона оказалась набита бумажными салфетками, чтобы соответствовать размеру его головы. Он изучающе посмотрел на фотографии Криппена и мисс Ле Нив, помещенные в «Дейли Мейл». Сомнений быть не могло: они были его пассажирами. На следующий день по только что изобретенному Маркони беспроволочному телеграфу он послал хозяину корабля телеграмму следующего содержания: «ИМЕЮТСЯ СИЛЬНЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ, ЧТО КРИППЕН, ЛОНДОНСКИЙ УБИЙЦА ИЗ ПОДВАЛА, ВМЕСТЕ С СООБЩНИЦЕЙ НАХОДЯТСЯ СРЕДИ ПАССАЖИРОВ СУДНА...»

Инспектор Дью заказал себе билет до Квебека на более быстроходный лайнер «Лоурентис». Как только Криппен в порту Квебека сошел на берег, к нему подошел человек в форме штурмана и сказал: «Доброе утро, доктор Криппен!» Уставившись на него в испуге, Криппен спокойно ответил: «Доброе утро, мистер Дью».

Свою защиту Криппен построил на утверждении, что не имел ни малейшего представления о том, чьи останки были обнаружены у него в подвале. Он был совершенно уверен, что не оставил ничего такого, что позволило бы с уверенностью опознать его жену, следовательно, полиция не сможет доказать, что он убийца. Но он оказался не так аккуратен, как думал. Он завернул туловище в свою собственную пижамную

куртку. Кроме того, он оставил часть кожи живота, где был виден операционный шрам, который смогли описать подруги Белль. Обвинение пригласило нескольких самых известных в Англии судебно-медицинских экспертов, включая докторов Пеппера, Уиллкокса и Лаффа, а также в то время никому не известного молодого человека по имени Бернард Спилсбери.

Позиция обвинения была как никогда сильна: в теле жертвы был обнаружен гиосцин. Было известно, что незадолго до смерти жены Криппен купил17 гранов этого лекарства. Медицинские эксперты защиты настаивали на том, что кусок кожи со шрамом был взят с бедра и что шрам на самом деле был складкой, но Спилсбери со спокойной уверенностью заявил, что это был шрам. Его точку зрения, вне всякого сомнения, подтверждали волокна прямых мышц, прикрепленные к коже.

Но самой сильной уликой против Криппена стала его пижамная куртка. Полиция нашла какую-то пару пижамных брюк без куртки, однако Криппен утверждал, что брюки куплены им три или четыре года назад. Прокурор Ричард Муир заявил суду, что ткань, из которой они были изготовлены, до 1908 года не выпускалась. Криппена уличили в прямой лжи. 27 октября 1910 года старшина присяжных огласил вынесенный ими приговор: Криппен виновен. 23 ноября 1910 года, 10 месяцев спустя после убийства жены, он был повешен. Дело Этель Ле Нив разбиралось другим судом, но суд присяжных, состоявший в основном из мужчин, посчитал, что ее большие глаза и стройная фигура слишком хороши для соучастницы в убийстве, она была оправдана.

Если бы Криппен был оправдан или его вину признали бы не столь тяжелой, общественное мнение, несомненно, осталось бы недовольно. Однако после его казни оно изменилось в пользу Криппена. Причиной тому было его поведение джентльмена: он сделал все

возможное, чтобы отвести вину от Этель. После короткого периода пребывания в роли монстра и вампира Криппен стал кем-то вроде народного героя: мягкий маленький доктор, которому наставляла рога неверная жена, убитая им либо случайно, либо в порыве неконтролируемого гнева, который он испытал, когда жена стала насмехаться над его возлюбленной. Таким предстает Криппен в романе Эрнста Реймонда «Мы обвиняем» и в мюзикле Вольфа Манковитца «Белль». В книге Реймонда Криппен становится символом мягкости и терпения, Белль – вульгарности и нимфомании, Этель – очаровательной женственности. Тень Криппена проступает также в романе Джеймса Хилтона «Мы не одиноки», повествующем о мягком маленьком человеке, который случайно отравил свою жену, но которого признали виновным в убийстве с отягчающими обстоятельствами только потому, что у него была невинная любовная связь.

Книга, наиболее точно передавшая суть дела Криппена, появилась в 1977 году. Она называлась «Криппен, мягкосердечный убийца» и была написана Томом Калленом, известным автором книг о Друитте как Джеке Потрошителе. В своих исследованиях он, главным образом, подчеркнул, что никто из действующих лиц драмы не был на самом деле таким, каким его изображали в художественных произведениях. Белль, к примеру, вовсе не была алкоголичкой-мегерой: она была веселым, щедрой души человеком с блестящими черными глазами и добрым сердцем. Она не стала великой артисткой мюзик-холла, но коллеги обожали ее. Она была неисчерпаемым источником добродушия и преданным товарищем. Правда, было и другое – на кухне у нее царил невообразимый беспорядок, и она переспала со всеми своими постояльцами мужского пола. Но такое поведение можно простить, учитывая ее принадлежность к богеме.

Эта «птица с ярким оперением» была женой серо-

го, скучного маленького человека, который совершенно не подходил ей. Прежде чем мы начнем жалеть Криппена, нам следовало бы посмотреть на него более реалистичным взглядом. Уже в первые годы их брака с Белль он был настоящим мошенником, хорошо зная, что продаваемые им патентованные лекарства не более, чем фикция. Уволенный своим американским боссом, он стал консультирующим доктором в шарлатанской фирме специалистов по ушным болезням, которые также торговали бесполезными лекарствами. Более того, он даже не был настоящим врачом: медицинскую степень он получил в колледже по гомеопатии. Один издатель журнала, зашедший к Криппену проконсультироваться относительно своего слуха, был шокирован, когда тот стал осматривать уши пациента с помощью отвратительно грязного зеркала, которое даже не потрудился продезинфицировать ни до, ни после обследования. Его также поразило яркое одеяние Криппена – кричащая рубашка и желтый галстук с огромной бриллиантовой заколкой. Для спокойного, непритязательного маленького человека у Криппена был чересчур странный вкус в одежде. Кроме того, он был известен свой скупостью, в чем был полной противоположностью жене. У него была также привычка предлагать купить выпивку, после чего он обнаруживал, что забыл свой бумажник и занимал полкроны. Издатель не преминул также упомянуть об «отвислых кончиках стоячего воротничка доктора и его бегающих глазках». В конце концов специалист по ушным болезням стал банкротом после того, как был обвинен в профессиональной некомпетентности, повлекшей за собой смерть одного слесаря и еще нескольких человек. Следовательно, нам не нужно забывать о том, что Криппен был, по сути своей, мошенником.

А кто же была эта очаровательная и женственная Этель Ле Нив? Мы уже знаем, что она сменила имя «Нив» на «Ле Нив», поскольку это звучало более

представительно. В результате долгих изысканий Каллен установил следующее: «Этель... лгала просто из извращенности... она практически была не способна говорить правду». Когда Криппен только пришел работать к Дровету – специалисту по болезням уха, горла, носа, – Этель представляла собой постоянно ноющего ипохондрика с бесконечными жалобами на головную боль и вечный катар, чем даже заслужила прозвище «не слишком хорошо, благодарю вас». В детстве она была несчастным ребенком, болезненно переживавшим свой физический недостаток – деформированную стопу, ненавидящим отца за то, что тот отказался в свое время сделать ей операцию; он утверждал, что нога придет в норму, если девочка будет правильно ходить, и фактически оказался прав. Она страшно завидовала своей младшей сестре, которая была более жизнерадостной и умной, чем она сама. Все же, несмотря на эти неприятные черты, у нее был сильный, напористый характер. Она, вне всяких сомнений, доминировала в отношениях с Криппеном. В «Улиссе» Джеймса Джойса есть сцена, где его мягкий маленький герой Леопольд Блум представляет себя лошадью, а его жена с плетью и шпорами скачет на нем верхом. Если мы Криппена и Белль заменим Блумом и Молли, то получим очень точное представление о сути отношений этой четы. Криппену нравились женщины с сильным, доминирующим характером. Именно по этой причине он и влюбился в Этель, а вовсе не потому, что она была очаровательной и женственной (хотя она могла быть и той, и другой, когда этого хотела). Его привлек в ней твердый характер. Кроме того, подобно ему самому, она была в некоторой степени непорядочной. Отношения их весьма напоминали отношения между Джоном Гербертом Беннеттом и его женой, о которых мы говорили в самом начале главы.

Они стали любовниками в 1906 году после того,

когда Криппен застал Белль в постели с немцем, проживавшим в их доме. К 1910 году Этель надоело быть «второй женщиной». Она даже забеременела для того, чтобы заставить Криппена принять решение. Однако у нее произошел выкидыш. В конце января 1910 года у нее случился особенно жестокий приступ истерии, продлившийся несколько дней. Возможно, именно по этой причине Криппен и решил избавиться от Белль. Этель, вероятно, обдумывала план убийства вместе с ним. Скорее всего, она помогала ему спрятать или уничтожить части тела Белль, которые так и не были обнаружены. Она хотела всецело распоряжаться своим мужчиной и ради достижения этой цели была готова пойти на убийство или всячески содействовать ему.

Но почему он все же решился совершить убийство Белль вместо того, чтобы просто убежать с Этель? Изощренные умы авторов, описывавших это дело, не могли додуматься до ответа, по всей вероятности, только ввиду его исключительной простоты. Он был слишком невзрачным, лишенным хоть какого-то воображения маленьким человеком, потерпевшим фиаско во всех своих делах. Покинуть Белль для него означало бы оставить свою карьеру дантиста и оказаться перед необходимостью обустраиваться на другом месте. Мысль о грядущих неудобствах, должно быть, была слишком страшной для него. С другой стороны, у него был комфортабельный дом и устраивавшая его работа. Предоставленный сам себе, он бы по-прежнему продолжал жить с Белль и встречаться с Этель в гостиничных номерах, надеясь, что Белль разрешит его проблему, оставив его сама. Но Этель хотела пробудить его от такой бездеятельности. Своими истериками она все поставила с ног на голову, пока он не почувствовал, что начинает сходить с ума. Честный человек, возможно, попробовал бы найти честный выход из создавшегося положения. Но Крип-

пен был мошенником до мозга костей, в силу чего мог придумать только наиболее «удобный» бескомпромиссный путь. Этель добилась своего и получила мужчину. Она не стала терять времени понапрасну и тотчас переехала в дом к любимому, не постеснявшись воспользоваться мехами и украшениями Белль. Но уже очень скоро он перестал принадлежать ей, а стал подопечным инспектора Дью. Игра, как оказалось, не стоила свеч, поскольку у Криппена сдали нервы (или, что представляется более вероятным, нервы сдали у Этель). Ее любовник отправился на виселицу, а Этель вышла замуж за человека, удивительным образом напоминавшего Криппена, и прожила до глубокой старости. Можно нисколько не сомневаться в том, что она с одобрением прочитала книги типа «Мы обвиняем» и «Мы не одиноки», в них дело Криппена предстает в трагическом свете. Но оно было не трагедией, а всего-навсего омерзительным фарсом с налетом мелодрамы.

«Переплюнуть британскую преступность вы не в силах», – поет хор в мюзикле Манковитца «Белль». Но, по правде говоря, всего несколько британских преступлений первой половины XX века можно назвать «классическими». Через год после казни Криппена состоялся судебный процесс над Стейни Моррисоном, евреем, эмигрантом из России, уже судимым однажды за кражу. На этот раз он обвинялся в убийстве несчастного владельца меблированных комнат в районе трущоб, Леона Берона из Клапем Коммон. Мотивом убийства был грабеж. Главным свидетелем против Моррисона стал кэбмен, утверждавший, что от Ист-Энда до Клапем Коммон с ним ехали двое мужчин, описание которых совпадало с описанием Моррисона и Берона, а также второй кэбмен, по словам которого назад из Коммон он привез одного Моррисона. Моррисон был признан виновным и приговорен к

смерти, позже приговор был смягчен до пожизненного заключения. Согласно имевшимся свидетельствам, он мог оказаться и невиновным. В то время, пока еще оставался в силе смертный приговор Моррисона, некая англичанка по имени Мод Райдер случайно подслушала странный разговор, происходивший между двумя французами в парижском омнибусе. Из разговора следовало, что они знали о невиновности Моррисона и знали, кто был настоящим убийцей. Представлялось вполне вероятным, что убийство Берона было частью какого-то политического заговора. В Ист-Энде Лондона было довольно много иностранных анархистов, и всего через несколько дней после убийства Леона Берона двое из них умерли во время знаменитой «осады Сидней-Стрит». Однако показания миссис Райдер учтены не были, и Моррисон десять лет провел в тюрьме Паркхерт, он был преисполнен горечи и обиды и не уставал твердить о своей невиновности. В 1921 году он умер в результате голодовки.

Дело об отравлении Седдона (1912 год), а также дело о «новобрачных в ванне», несомненно, заслуживают того, чтобы их упомянули среди наиболее значительных преступлений XX века. Седдон был скрягой, который ради индийских облигаций с помощью мышьяка лишил жизни своего постояльца, другого скрягу по имени Элайза Барроу. Защита Седдона утверждала, что их подзащитный был хорошо обеспеченным человеком и не нуждался в деньгах. Но поведение Седдона во время дачи им свидетельских показаний красноречиво говорило о том, что он был помешан на деньгах и был способен убить человека даже за купюру достоинством всего в пять фунтов. После того как было отклонено его прошение о смягчении смертного приговора, он, услышав о низкой цене, вырученной за его собственность, взорвался: «На том и покончим!»

Джордж Джозеф Смит был мошенником, который женился на одиноких старых девах, растрачивал их

наличность, а потом бросал их. Когда же одна дама, Бесси Манди, отказалась расстаться со своими деньгами, он уговорил ее составить завещание на его имя и утопил ее в цинковой ванне, что случилось в июле 1912 года. В декабре 1912 года другая его жена, медицинская сестра по имени Элис Бернхем, также утонула в собственной ванне. В декабре 1914 года в ванне утонула третья, и последняя его жертва, Маргарет Лофти. Когда сообщение об этом в газете прочитала родственница Элис Бернхем, она отправилась в полицию. Спилсбери и инспектор Артур Нейл решили провести эксперимент и проверить, можно ли утопить женщину в ванне. Как выяснилось, это оказалось чрезвычайно просто – убийце достаточно было схватить женщину за колени и поднять их. Этот эксперимент едва не стоил жизни «добровольцу» в купальном костюме. Суд присяжных был совершенно убежден в том, что гибель трех жен в цинковых ваннах едва ли могла быть простым совпадением: поверить в это было просто невозможно. В результате Смит был повешен, хотя до последнего момента продолжал слезно твердить о своей невиновности.

Дело Гарольда Гринвуда, имевшее место в 1920 году, интересно уже тем, что этот однозначно виновный человек, отравивший мышьяком свою жену с целью жениться на более молодой женщине, был оправдан на том основании, что доказательств того, что это сделал именно он, не было. Но это дело испортило карьеру его поверенного, скончавшегося восемь лет спустя.

Другой отравитель, адвокат Герберт Роуз Армстронг, оказался менее удачливым. После смерти жены он начал покушаться на жизнь своего соперника, адвоката из валлийского города Хей, посылая ему отравленный шоколад, потом (когда от шоколада заболели только пришедшие на обед гости) пригласил его на чай и посыпал мышьяком булочку с изюмом.

(Армстронг самолично со словами: «Извини, что беру руками», – подал ее гостю.) Соперник его серьезно заболел, но остался жив. Тогда Армстронг буквально закидал его приглашениями отобедать. В конце концов тело миссис Армстронг было эксгумировано, и экспертиза показала, что оно было практически нашпиговано мышьяком. В мае 1922 года он был повешен.

В том же году была казнена 28-летняя Эдит Томпсон. Вместе с ней на эшафот поднялся и ее любовник Фредерик Байуотерс. Они были приговорены к смерти за убийство ее мужа. Байуотерс служил стюардом на корабле. Он был на восемь лет моложе своей любовницы, их связь длилась уже немалое время, когда между любовниками завязалась любопытная переписка относительно планов убийства мужа Эдит. Она утверждала, что подсыпала мужу в кашу толченое стекло, однако Спилсбери на суде отклонил вероятность этого. Байуотерсу, чтобы покончить с мужем Эдит, пришлось пустить в ход нож, что он и сделал, когда Эдит с мужем возвращались из театра. Каких-либо свидетельств, что Эдит была замешана в убийстве, в деле не имелось. Однако суд присяжных был совершенно шокирован содержанием писем, откуда явствовало, что она и Байуотерс состояли в любовной связи. На основании этого Эдит также была приговорена к смерти.

1923 год был необычным годом, не отмеченным никаким громким судебным процессом. Но 1924 год, когда слушалось дело Жана Пьера Вакиера, тщеславного хлыща, маленького француза, с лихвой восполнил этот «недостаток». Внешне он был похож на Эркюля Пуаро Агаты Кристи. Вакиер, как и Фредерик Байуотерс, убил мужа своей любовницы. В январе 1924 года миссис Мейбл Джоунз, жена владельца паба в Байфлите, графство Суррей, отправилась на выходной в Биарриц. В отеле она познакомилась с разговор-

чивым 45-летним французом, который был старше ее на десять лет и занимался тем, что ремонтировал радио. Несмотря на то, что он не говорил по-английски, а она по-французски, они быстро стали любовниками. Общались они с помощью словаря. Когда она вернулась в Англию, он последовал за ней. Встречались они в Лондоне. 14 февраля он явился в «Голубой якорь», паб, владельцем которого был муж миссис Джоунз, запойный пьяница Альфред. Вакиер объяснил, что прибыл в Англию, чтобы продать права на одно из своих изобретений – машину для производства колбасы. По прошествии шести недель он все еще находился там. Когда мистер Джоунз, пошатываясь, вошел в помещение бара после ночной попойки и осушил стакан сельтерской воды с бромом, он воскликнул: «Боже, как горько!» Вскоре после этого он умер. Посмертное вскрытие показало, что он был отравлен стрихнином. Бутылка с бромом оказалась пустой (Вакиер вымыл ее), но в оставшейся воде были обнаружены следы стрихнина. Когда оказалось, что за четыре недели до этого Вакиер ездил в Лондон, чтобы купить стрихнина, все его заявления о невиновности оказались напрасными. В августе 1924 года он был повешен.

Еще три года прошло без сенсационных судебных разбирательств. Но в 1927 году на скамье подсудимых в Эдинбурге оказался весьма непривлекательный 18-летний юноша по имени Джон Дональд Мерретт. Он обвинялся в убийстве матери. В марте 1926 года Марта Мерретт была найдена на полу своего дома с пулевым ранением в голову. Она умерла две недели спустя, отрицая попытку самоубийства. Но только по прошествии нескольких месяцев опекун Мерретта обнаружил, что тот на протяжении довольно длительного времени занимался подделкой подписи матери на чеках, снимая деньги с ее счета: следовательно, повод для убийства матери у него имелся. Судебный процесс

был знаменит тем, что со стороны защиты на нем выступал Спилсбери, а со стороны обвинения – второй видный патологоанатом Сидней Смит. К сожалению, заявление Спилсбери относительного того, что миссис Мерретт могла сделать роковой выстрел сама, не получив при этом ожогов порохом, подействовало на суд присяжных, и они сняли с подозреваемого обвинение в убийстве на основании шотландского положения о «недоказанности». Эксперт по баллистике Роберт Черчилл, также выступавший со стороны защиты, в феврале 1954 года осознал ошибочность своей точки зрения. Мерретт, носивший теперь имя Рональда Чеснея, в Илинге убил свою жену и тещу, после чего при попытке сбежать в Германию покончил с собой. К этому времени сэр Бернард Спилсбери уже умер: в 1947 году он совершил самоубийство.

Сенсацией 1928 года стал суд над двумя «деспарадо», Брауном и Кеннеди. Когда они ехали в угнанном автомобиле, их остановил полицейский, которого они убили, прострелив ему сразу оба глаза. Полиция ни на йоту не продвинулась в этом деле до тех пор, пока один старый каторжник не сообщил о том, что убийцей П. К. Гаттриджа считает Фредерика Брауна. Орудие убийства было найдено в гараже последнего. Его сообщник, Уильям Кеннеди, во всем сознался, ссылаясь, однако, на то, что убийцей был Браун. Но, поскольку Кеннеди стрелял в полицейского, который арестовал его (только осечка пистолета спасла жизнь человека), у суда присяжных не нашлось для него оправданий, и Кеннеди был признан виновным. Оба преступника были повешены.

В 1929 году правосудия едва не избежал еще один убийца матери, Сидней Фокс. Было установлено, что мать его умерла, задохнувшись от дыма во время пожара, случившегося в ее гостиничном номере. Фокс застраховал ее жизнь на 6000 фунтов. Но подозрения страховой компании привели к эксгумации тела, и сэр

Бернард Спилсбери установил, что женщина в действительности была задушена руками. Умертвив ее, Фокс облил горючим ковер и устроил пожар. В апреле 1930 года он был повешен.

Но, пожалуй, самым жестоким преступлением десятилетия стало тщательно подготовленное убийство, совершенное донжуанствующим моряком, кавалером Ордена Подвязки, по имени Альфред Артур Роуз. Во время первой мировой войны он получил ранение в голову и из тихого трезвенника превратился в лжеца с навязчивым комплексом Казановы. После того, как он обольстил более 80 женщин и стал отцом огромного количества незаконных детей, нескольких из которых ему пришлось содержать, Роуз разработал гениальный план, который мог ему помочь избавиться от всех проблем за одну ночь. Вечером 6 ноября 1930 года, крутя баранку своего «моррис майнора», он подобрал незнакомца. На пустой дороге недалеко от Нортгемптона он попросил человека долить в бак горючего, сказав, что сам тем временем сбегает в поле справить малую нужду. С помощью кувалды он оглушил попутчика и усадил его на водительское место, затем, обрызгав машину бензином, поджег ее. Так Роуз полагал тихо «исчезнуть» и начать жизнь под новым именем. Он решил, что тело погибшего будет принято за его собственное. Но это была ночь Гая Фокса*, и прежде, чем он успел скрыться, его заметили два молодых человека, возвращавшихся после традиционного костра. Он сделал какое-то шутливое замечание и поспешил прочь. Когда жена Роуза опознала останки полусгоревшей одежды своего мужа, план, казалось, сработал. Но помещенная в газете фотография обгорелого автомобиля с описанием человека,

---

* Ночь Гая Фокса – вечер 5 ноября, когда, по традиции, отмечают раскрытие «Порохового заговора» сожжением пугала и фейерверком (прим. пер.).

которого видели поблизости, заставили Роуза сомневаться в правильности своего плана. Он собирался навестить беременную медицинскую сестру, которой обещал жениться на ней, но теперь переменил решение и заторопился в Лондон, где и был арестован при выходе из автобуса. И снова решающее слово было за Спилсбери, который сумел убедить присяжных в том, что человек в момент начала пожара был еще жив, а кусок ветоши, пропитанный бензином и засунутый между ног жертвы, свидетельствовал о том, что пожар был устроен преднамеренно. Только час понадобился суду, чтобы установить виновность Роуза. В марте 1931 года он был повешен.

Дело Уоллиса

К настоящему времени читателю, должно быть, уже стало ясно, что британские убийства первых трех десятилетий XX века лишены какой бы то ни было загадочности – не было ни одного, в котором мотив не представлялся бы совершенно очевидным. Дело Уоллиса, имевшее место в Ливерпуле в 1931 году, является исключением. Оно могло бы поспорить с творениями Агаты Кристи. Несмотря на последние свидетельства, которые как будто способствовали его раскрытию, тем не менее, дело это сохранило налет таинственности, присущий классическим неразгаданным преступлениям.

Уильям Герберт Уоллис был совершенно ординарным незаметным человеком. Критик Джеймс Агейт однажды сказал о нем: «Этот человек сразу родился стариком». Но под внешней простотой скрывалась какая-то печаль и незавершенность. Уоллис родился в Кесвике, в Озерном крае, в 1878 году и рос в малообеспеченной семье, принадлежавшей к среднему классу. Но, имея склонность к интеллектуальным

5 Зак. 1759

занятиям, Уоллис, прочитав «Размышления» римского императора Марка Аврелия, решил, что сам он по природе стоик, то есть человек, который не ждет многого от жизни, но считает, что это можно исправить тяжелым трудом и дисциплиной. Подобно Кипсу или мистеру Полли Г. Дж. Уэллса – о котором он постоянно напоминает нам – он стал помощником торговца мануфактурными товарами. Как он понял, жизнь была так же скучна, как и герои Уэллса. Жажда приключений привела его в Индию – но опять же в роли помощника торговца мануфактурой, оттуда он направился в Шанхай. Оба места страшно разочаровали Уоллиса. Кроме того, ему пришлось как следует настрадаться от дизентерии, подорвавшей его и без того слабое здоровье. Итак, с «Размышлениями» Марка Аврелия в кармане он вернулся в Англию. В Йоркишире он стал участником выборной кампании от партии либералов, ее политическим агитатором. Как-то в выходной в Харрогите* он познакомился с темноволосой, спокойной на вид молодой леди по имени Джулия Торп. Она, по всей видимости, была гораздо умнее Уолиса; она была весьма начитана, говорила по-французски, играла на пианино и прекрасно умела рисовать. Разговаривали они о Марке Аврелии и на другие интеллектуальные темы. Далее все было просто и обыденно: во время этих бесед они поняли, что нравятся друг другу достаточно, чтобы вступить в брак. В 1913 они поженились и обосновались в Харрогите. Но начавшаяся в следующего году война оставила Уоллиса без работы: потребности в политических агитаторах во время войны не возникало. К счастью, образовалось множество вакансий в других местах, Уоллис стал работать страховым аген-

* Харрогит – фешенебельный курорт с минеральными водами (прим. пер.).

том «Пруденшл»* в Ливерпуле. Они переехали в отвратительный тесный домик с террасами в переулке под названием Уолвертон Креснт в районе Анфилд. На протяжении последующих 17 лет они вели размеренную, довольно скудную однообразную жизнь. Уоллис развлекался в химической лаборатории, созданной им дома, выступая иногда с лекциями по химии в техническом колледже. Он также вступил в шахматный клуб, члены которого регулярно встречались в городском кафе на Норт Джон-Стрит. Джулия читала взятые в библиотеке книги и пела, аккомпанируя себе на пианино. У них не было детей и, по всей видимости, настоящих друзей тоже. И, несмотря на то, что жизнь на четыре фунта в неделю трудно назвать идиллической, тем не менее они производили впечатление вполне счастливой четы.

Вечер 19 января 1931 года выдался холодный и сырой, но к семи часам в городское кафе все же прибыло несколько членов шахматного клуба. Вскоре после 7.15 зазвонил телефон. Ответил на звонок Сэмюел Биттай, глава клуба. Мужской голос спросил Уоллиса. Биттай сказал, что Уоллис придет позже, и предложил мужчине перезвонить. «Нет, я слишком занят – сегодня моей девушке исполняется 21 год», – последовал ответ. Человек сообщил, что зовут его Кволтру. Он попросил Биттая оставить для Уоллиса записку. В ней содержалась просьба прийти к 7.30 следующего дня в дом Кволтру по адресу: Менлав Гарденз Ист, 25. Речь шла о бизнесе, добавил Кволтру. Уоллис незаметно появился в клубе около восьми. Биттай передал ему записку, и Уоллис занес в свою записную книжку адрес звонившего.

На следующий день Уоллис пришел домой сразу после шести. Хорошенько поев, он без четверти семь

* «Пруденшл» – крупнейшая страховая компания (прим. пер.).

вышел из дома. Жене он велел запереть за ним заднюю дверь на засов – так они всегда поступали. Джулия Уоллис, несмотря на то, что была сильно простужена, все же пошла вместе с мужем к задней двери и проводила его взглядом. Уоллис пошел на трамвай, где спросил кондуктора, идет ли он до Менлав Гарденз Ист, после чего сел. Кондуктор посоветовал ему на Пенни Лейн пересесть на другой трамвай. Он также сказал, где выходить. Кондуктор второго трамвая посоветовал ему выйти на Менлав Гарденз Вест.

Уоллис потратил уже целых полчаса в попытке отыскать Менлав Гарденз Ист. По всей видимости, такой улицы попросту не существовало, хотя была Менлав Гарденз Норт и Менлав Гарденз Вест. Тогда Уоллис решил заглянуть в дом номер 25 по Менлав Гарденз Вест – так, на всякий случай если вдруг Кволтру дал неверный адрес. Но хозяин дома сказал, что не знает никакого мистера Кволтру. Уоллис предпринял попытку зайти к суперинтенданту «Пруденшл», мистеру Джозефу Кру, жившему неподалеку на Грин Лейн, однако дома никого не оказалось. Он спросил у полицейского дорогу и заодно поинтересовался временем: «Восьми еще нет, верно?» Полицейский ответил: «Без четверти». Он зашел в универсальный магазин, а оттуда в справочное бюро, где попросил посмотреть путеводитель по городу, из которого явствовало, что улицы Менлав Гарденз Ист не существует. Он даже попросил владелицу заглянуть в ее справочник, чтобы проверить, нет ли такой улицы. Наконец даже упрямый Уоллис сдался и вернулся домой.

Вернулся он в 8.45 и вставил ключ в парадную дверь. К его большому удивлению, она как будто была заперта изнутри. Тогда он попробовал открыть заднюю дверь, но та тоже оказалась закрытой. Не дождавшись ответа на стук, он с озадаченным видом обратился к соседям, Джонстонам, и спросил, не слышали ли они чего-нибудь необычного. От Уолли-

сов их отделяла всего лишь тонкая перегородка. Они ответили, что нет. Джон Джонстон предложил Уоллису попробовать воспользоваться его ключом от задней двери, но для начала все же попытаться открыть парадную дверь. На этот раз, к величайшему изумлению Уоллиса, она поддалась. Уоллис вошел в дом, а Джонстоны вежливо остались стоять у порога. Несколько мгновений спустя Уоллис выскочил наружу, вид у него был испуганный. «Идите, посмотрите, – она убита!» Они прошли за ним в гостиную, находившуюся в дальней половине дома. Джулия Уоллис лежала на полу лицом вниз, рана в затылке свидетельствовала о том, что она стала жертвой нападения. Пол был забрызган кровью. Уоллис зажег газовый камин, для чего ему понадобилось обойти тело, он казался удивительно спокойным. Потом он предложил осмотреться на кухне получше, чтобы узнать, все ли цело. На кухонном полу валялась крышка, которая, по словам Уоллиса, была сорвана со шкатулки. Тогда он сказал Джонстону, что пропали четыре фунта. Затем по совету Джонстона Уоллис поднялся наверх, чтобы узнать, забрали ли что-нибудь оттуда. Он почти тотчас спустился вниз со словами: «Там в кувшине лежат пять фунтов, которые остались не тронуты». В этот момент Джонстон отправился за полицией. Тут Уоллис не выдержал, обхватил голову руками и зарыдал, но вскоре справился с собой. Миссис Джонстон и Уоллис вернулись в гостиную, где Уоллис сказал: «Они ее прикончили, даже мозг виден...» В самом деле, мозг Джулии Уоллис был разбрызган по полу. Потом он с удивлением воскликнул: «Но зачем ей понадобились наши с ней макинтоши?» Под телом в самом деле лежал плащ, в котором Уоллис тотчас узнал свой собственный.

В дверь постучали, это оказался полицейский. Уоллис рассказал ему о своей тщетной попытке отыскать Кволтру, а потом вместе с ним прошел наверх.

Констеблю Уильямсу показалось, что Уоллис был «чрезвычайно холоден и спокоен». Спальня была в беспорядке, подушки валялись возле камина, но ящики туалетного столика были задвинуты.

Незадолго до десяти прибыл второй представитель полиции, Дж. Э. У. Мак-Фолл, профессор судебной медицины из Ливерпульского университета. Мак-Фолл пришел к выводу, что смерть миссис Уоллис наступила вследствие сильного удара по голове, нанесенного с левой стороны (или нескольких ударов). Он предположил, что в момент нанесения удара она сидела в кресле, подавшись вперед, словно с кем-то разговаривала. Когда она упала на пол, нападавший обрушил на нее еще одиннадцать ударов. Он пришел к еще одному любопытному заключению: миссис Уоллис умерла около четырех часов назад, то есть в шесть часов.

Но позже выяснилось, что это совершенно невозможно, поскольку 14-летний мальчик, развозивший молоко, Алан Клоуз, доставил им молоко в 6.25 и его приняла сама миссис Уоллис, которая к тому же приказала ему поторопиться домой, поскольку он сильно кашлял.

Но Мак-Фолл уже посеял в умах полицейских подозрение насчет Уоллиса. Две недели спустя, 2 февраля, Уоллис предстал перед судом по обвинению в убийстве своей жены. Смертельно бледный, он произнес: «Что я могу сказать по поводу этого обвинения, которого совершенно не заслуживаю?»

Суд над ним под председательством мистера Джастеса Райта начался 22 апреля. Обвинение было построено на том, что Уоллис сочинил изощренный план убийства своей жены, в соответствии с которым позвонил в кафе и назначил себе встречу с Кволтру вечером накануне убийства. Бесконечные хитроумные расспросы относительно местонахождения Менлав Гарденз Ист были придуманы специально, чтобы создать для него идеальное алиби. Но когда мистер Уоллис уходил

из дома, миссис Уоллис уже лежала мертвой в гостиной их дома. В заключительной речи обвинения Э.Д.Шеммерд особое внимание обратил на «изначальную неправдоподобность» истории Уоллиса, а именно: страховой агент не стал бы тратить весь вечер на бессмысленные поиски, а, убедившись в том, что Менлав Гарденз Ист не существует, тотчас вернулся бы домой. Он также обратил внимание присутствовавших на удивительное спокойствие Уоллиса в момент обнаружения тела. Он, как бы между прочим, упомянул также о возможности того, что Уоллис, прежде чем покинуть дом, чтобы отправиться на поиски несуществующего мистера Кволтру, разделся донага, после чего накинул макинтош и размозжил жене голову.

В подведении итогов слушания дела мнение судьи склонялось в пользу Уоллиса. Однако, к его величайшему изумлению, после часового заседания суд присяжных вынес обвинительный приговор. Уоллис ужаснулся, он был совершенно уверен в том, что его оправдают. Он подал апелляцию. Не прошло и месяца, как Апелляционный суд по уголовным делам удовлетворил ее, и Уоллис вышел на свободу.

Он вернулся на прежнее место работы, правда, большинство его коллег сомневались относительно невиновности Уоллиса. Теперь он работал в конторе. С прежнего места жительства Уоллис переехал на Мидоусайд Роуд в Бромсборо, пригород Ливерпуля. 26 февраля 1933 года – менее чем через два года после судебного разбирательства – он скончался в больнице от рака печени. Начиная с этой даты и до сегодняшнего дня, писателей продолжает волновать вопрос его невиновности.

Главная загадка, конечно же, заключается в мотиве преступления. Уоллис на протяжении всей жизни вел дневники. Судя по оставленным записям, его семейная жизнь была безоблачной и спокойной. Никаких намеков на наличие другой женщины или уста-

лости от жены в них не содержится. Пометки в его дневниках уже после суда, вроде: «Джулия, моя дорогая Джулия, почему тебя отняли у меня?» – также свидетельствуют о его невиновности. Автор криминальных историй Найджел Морланд, досконально изучивший дело, считал Уоллиса виновным в убийстве, о чем написал в книге «За кулисами убийства». В своих выводах он опирался на обобщения Уоллиса типа: «Человеческое сердце – всегда загадка».

Иселт Бриджес, также писавшая об этом деле, по прочтении серии статей о жизни Уоллиса, опубликованных в 1932 году в «Джоне Булле», тоже прочно уверовала в его вину. Она ссылается на замечания Уоллиса о том, что он померился силами с лучшими шахматными игроками мира. Иселт Бриджес следующим образом комментирует эти слова: «Он был всего-навсего третьеразрядным шахматистом в сомнительном маленьком клубе», из чего она заключила, что Уоллис был патологическим лжецом. Но другой автор, Джонатан Гудман, более внимательно изучивший проблему, пришел к выводу, что Уоллис в конечном счете говорил правду (книга «Убийство Джулии Уоллис»). В 20-х годах он и на самом деле участвовал в «показательных сеансах одновременной шахматной игры», проводимых такими известными мастерами, как Касабланка, в которых был разбит наголову.

Кеннет Ганнелл, кандидат в депутаты парламента от партии «Ред трус», Корнуолл, независимо от других исследователей также обнаружил тот факт, что Уоллис говорил правду относительно своих шахматных противников. По этой причине он занялся углубленным изучением дела, в результате чего сделал одно странное открытие. Эми Уоллис, жена старшего брата Уоллиса, Джозефа, была довольно жесткой дамой с твердым характером. Ганнелл выяснил, что во время жизни в Малайе в 20-х годах Эми была членом секты флагеллатов и принимала участие в бичевании чер-

ных мальчиков. Еще он заметил, что после вынесения оправдательного приговора Уоллис иногда вел себя как человек, на совести которого была какая-то вина – может быть, не в убийстве, но в чем-то другом. Могла ли Эми Уоллис быть любовницей Герберта Уоллиса? Могла ли она убить Джулию? Мистер Ганнелл даже предположил, что орудием убийства была металлическая ручка хлыста для верховой езды. К сожалению, далеко идущая версия мистера Ганнелла осталась неопубликованной. Все же, когда я прочитал машинописный вариант его книги, мне он показался совершенно неубедительным. Хотя мое отношение к Уоллису крайне негативное – он всегда представлялся мне холодным, расчетливым эгоистом, женившимся на Джулии исключительно из-за ее денег (которые он тратил на погашение своих долгов) и впоследствии обращавшимся с ней как с частью домашней обстановки, на мой взгляд, он все же не относился к тому типу мужчин, которых привлекают любовные связи с сильными, властными женщинами; Эми Уоллис внушала ему страх.

В 1960 году я сотрудничал с Патрицией Питман. Мы вместе работали над «Энциклопедией убийств». Миссис Питман была уверена в виновности Уоллиса, я же – несмотря на недостатки его характера – в его невиновности. У него просто не было никакой причины для убийства Джулии. Два или три года спустя она удивила меня своим заявлением о том, что теперь считает Уоллиса невиновным. Оказывается, она имела разговор с одним из ведущих британских криминалистов, Дж. Г. Г. Готом, директором «Харперс Паблишерс», в котором тот назвал ей имя настоящего убийцы. Я поспешил связаться с Джо Готом, с которым вел интенсивную переписку относительно разного рода преступлений. Именно от него я впервые услышал имя человека, бывшего наиболее вероятным убийцей Джулии Уоллис. Его звали Гордон Парри.

Похоже, что Уоллис и сам был уверен в том, что Парри убил его жену. После выхода на пенсию он даже публично заявил о том, что на входной двери установил кнопку сигнализации.

После убийства полиция интересовалась у Уоллиса, кого из гостей Джулия могла впустить в дом, он назвал 15 человек (включая и жену своего брата, Эми). Когда его спросили, не подозревает ли он кого-нибудь, он задумался, а потом нерешительно назвал имя молодого человека, Гордона Парри. Этот человек заходил к ним по делам, и Джулия доверяла ему. Но у него было криминальное прошлое. Кроме того, он знал, где Уоллис держал свои деньги. В момент убийства Парри буквально погряз в долгах. Допрошенный полицией, Парри заявил, что в вечер убийства был с «приятелями», друзья его подтвердили это. Тем не менее, через два года Парри признал, что это была «ошибка».

Джо Гота интересовало нынешнее местонахождение Парри. Он даже искал его по списку абонентов телефонной книги Лондона. Это были долгие поиски, но они увенчалась успехом. Имя Парри значилось по адресу в южном Лондоне. Его решили навестить Джонатан Гудман, писавший книгу о деле Уоллиса, и специалист по уголовным делам Ричард Уиттингтон-Эган.

Парри, мужчина невысокого роста, но мощного телосложения, с офицерскими усами и лысеющей головой, покрытой на затылке седыми волосами, встретил их с «фальшивым радушием торговца автомобилями». В дом он их не впустил, и они разговаривали на пороге. Они решили, «что его манера вести себя таит в себе немалую твердость характера и даже некоторую безжалостность... Было бы неприятно столкнуться с ним где-нибудь». Парри намекнул, что мог бы многое рассказать им об Уоллисе, назвав его «очень странным человеком» и «сексуально ненормальным». Похоже, он был осведомлен обо всех людях, проходив-

ших по этому делу, словно тщательно следил за их жизнью на протяжении всех этих лет. Когда наконец Гудман и Уиттингтон-Эган ушли, то у них обоих было такое чувство, словно Парри считал, что обводил вокруг пальца и не таких умников, как они... В своей книге «Убийство Джулии Уоллис» Гудман называет Парри «мистером X». Из книги явствует, что он является подозреваемым номер один.

В 1980 году делом Уоллиса заинтересовался редактор отдела новостей ливерпульского городского радиовещания, Роджер Дилкес. Он хотел подготовить программу на эту тему и приступил к его изучению. Для начала он связался с Джонатаном Гудманом, который, естественно, не был склонен раскрыть имя Парри, поскольку не желал быть обвиненным в клевете. Но через поверенного Уоллиса, Гектора Монро, тот все же вышел на Парри. На момент убийства Парри было 22 года. Сын хорошо обеспеченных родителей, он некоторое время работал в «Пруденшл», но не выплатил несколько страховых премий, по которым пришлось рассчитываться его родителям. Парри несколько раз привлекался к уголовной ответственности за воровство, растрату и непристойное поведение; на суде медицинский эксперт охарактеризовал его как «сексуального извращенца».

Дилкес настойчиво продолжал расследование. Когда он наконец сумел найти следы Парри в Северном Уэльсе, выяснилось, что за несколько недель до этого, то есть в апреле 1980 года, он умер. Тем не менее, Дилкес не сдался. Кто были «приятели», обеспечившие Парри алиби на вечер убийства? Далее открылось, что в действительности это были не приятели, а подруга – мисс Лили Ллойд, с которой Парри был обручен. От Джонатана Гудмана он узнал, что после того, как Джонатан два года спустя обманул ее, мисс Ллойд обратилась к адвокату Уоллиса и предложила дать письменные показания о том, что алиби

Парри в вечер убийства было ложным. Тогда Дилкес проверил, чем в то время занималась мисс Ллойд. Выяснилось, что в 30-е годы она играла в кинотеатре на пианино. Если бы полиция удосужилась проверить ее алиби, то непременно узнала бы, что в вечер убийства последняя никак не могла находиться с Парри. В это самое время она была занята в кинотеатре.

Наконец Дилкес отыскал решающее доказательство. В момент совершения убийства возле дома Парри работал молодой гаражный механик по имени Джон Паркес. Он знал, что Парри был «ловкий парень»: они вместе ходили в школу. В ночь убийства Парри появился в гараже в возбужденном состоянии и под сильным напором воды вымыл машину. Паркес заметил в машине перчатку и, чтобы ее не намочило водой, вынул из кабины. Она была пропитана свежей кровью.

Так, с опозданием на полвека, Дилкес все же обнаружил убийцу Джулии Уоллис.

После судебного процесса над Уоллисом в Англии на четыре года установилось временное затишье. Хотя в этот период можно отметить одно судебное разбирательство, имевшее место в Шотландии и ставшее известным благодаря блестящей работе судебных медиков, сумевших уличить преступницу. Речь идет о деле Дженни Дональд. В рабочем квартале в Абердине была убита восьмилетняя девочка, Хелен Пристли. 20 апреля 1934 года Хелен не вернулась домой после выполнения данного ей поручения. Позже под лестницей в мешке было обнаружено ее тело. По отсутствию штанишек и струйки крови из вагины можно было заподозрить убийство на сексуальной почве. Однако судебно-медицинское расследование не выявило следов спермы и высказало предположение о том, что травма могла быть нанесена каким-то предметом вроде ручки ложки для пудинга. Тело было найдено недалеко от квартиры женщины по имени Дженни

Дональд, которая, как известно, обладала вспыльчивым характером и совершенно не выносила Хелен Пристли за то, что девочка в ее присутствии любила выкрикивать прозвище Дженни – «кокос». У Дженни Дональд, однако, как будто существовало идеальное алиби – в момент убийства она была в магазине, но, когда она назвала цены на товары, то выяснилось, что некоторые из них не соответствовали таковым за прошлую пятницу.

Для поиска решения загадки был приглашен из Эдинбурга профессор судебной медицины, Сидней Смит. С помощью увеличительного стекла в мешке, где было спрятано тело, выявили наличие волосков человека и животных, а также отмытые частицы угля. В этом доме многие жильцы повторно использовали полусгоревший уголь, но Дженни Дональд была единственной, кто прежде, чем снова пустить его в дело, сначала мыла его, чтобы удалить сажу. Человеческий волос оказался совершенно идентичным волосам Дженни Дональд. Кроме того, сам мешок был точно такого же типа, которые оставались в ее квартире и использовались для хранения картофеля (брат ее был фермером и снабжал Дональдов овощами). Пятна крови, найденные на газете в квартире Дженни Дональд, имели группу «О» – такую же, какая была у Хелен Пристли. Но они также могли бы оказаться и кровью самой Дженни. Однако сдавать свою кровь на анализ она отказалась. Смит сумел раздобыть в тюрьме одно из ее использованных гигиенических полотенец. Оказалось, что группа крови женщины была иной. Решающим моментом стало то, что в обнаруженных на кухонном полу пятнах крови был выявлен тот редкий тип бактерий, который наличествовал в кишечнике Хелен Пристли. Случившееся больше не представлялось тайной. По всей видимости, Хелен, пробегая мимо квартиры Дональд, как всегда, выкрикнула «кокос», выскочившая Дженни схватила девочку и

втащила в квартиру. Возможно, она только намеревалась задать ей хорошую взбучку, но девочка, очевидно, упала в обморок. Дженни, решив, что убила ее, предприняла попытку представить все как убийство на сексуальной почве, после чего спрятала тело в мешок.

Защита недооценила силу научно подтвержденных показаний и просила вынести оправдательный приговор. Однако выступление Смита в качестве свидетеля обвинения, длившееся всего 18 минут, сумело убедить суд присяжных в виновности Дженни Дональд. Ее приговорили к смертной казни, которая позже была заменена пожизненным заключением. Осужденная отбыла в заключении десять лет.

Дело Ракстона

На следующий год слушалось еще одно сенсационное дело об убийстве, в расследовании которого ведущую роль снова сыграла судебная медицина. «Медицинским детективом», работа которого оказалась жизненно важной для обвинения, был доктор Джон Глейстер, профессор судебной медицины из университета Глазго. Он был приглашен потому, что убийца совершил промах, попытавшись избавиться от тела на территории Шотландии.

Осенний день 29 сентября 1935 года выдался прохладным. Прогуливавшаяся после полудня молодая леди из Эдинбурга на минуту остановилась на мосту, перекинутому через живописный поток под названием Гарденхолм Линн. Она облокотилась на парапет. Зрелище было чудесным: внизу в узком каменистом ложе, затененный деревьями и папоротниками, струился ручей, образуя по пути следования небольшие водоемы и водопады. Но, любуясь этим полным очарования пейзажем, она вдруг заметила

нечто, что заставило ее содрогнуться и подавить приступ тошноты. Под мостом на валунах лежал сверток, завернутый в кусок ткани. Он открылся, и из него торчало что-то, похожее на человеческую руку.

Девушка поспешно вернулась в гостиницу в Моффате, в двух милях от места, и рассказала брату об увиденном. Вместе они вернулись назад и спустились под мост. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что девушка не ошиблась. Несомненно, это была часть человеческой руки, и весь вид свертка, откуда она торчала, говорил о том, что в нем содержались и другие части тела. Брат и сестра, не мешкая более, поспешили в полицейский участок.

Полицейские вскоре обнаружили четыре свертка. Им тотчас стало ясно, что они имеют дело с двойным убийством, поскольку в свертке под мостом лежала голова человека, а в нескольких футах от моста был найден другой сверток с еще одной головой. В остальных пакетах содержались отдельные части рук и ног, а также большие куски мяса.

На следующий день в морге два местных доктора приступили к изучению останков, к экспертам позже присоединились профессор Глейстер с коллегой, доктором Джильбертом Милларом. Они столкнулись с проблемой, которая заставила бы сердце Шерлока Холмса забиться сильнее. Это убийство не было делом рук перепуганного насмерть любителя. Оно было тщательно подготовлено и совершено человеком, который точно знал, что делает. Убийца допустил только один существенный просчет. Он бросил свертки в разлившийся от дождей ручей, полагая, что они будут отнесены в реку Аннан, что протекала в нескольких сотнях ярдах ниже от места обнаружения страшной находки. Оказавшись в Аннане, пакеты непременно попали бы в Солвей Ферт (морской залив). Но в Линне было полно валунов, и несколько свертков зацепились за них. Потом, когда дожди прекратились, наступил

короткий период бабьего лета, широкий водяной поток превратился в узкий ручей, змеящийся среди скал, и предательские свертки оказались на суше, вне досягаемости воды.

Убийца, однако, предпринял все возможное, чтобы скрыть следы. Он не только расчленил тела, но также снял с голов кожу, чтобы сделать лица неузнаваемыми, и, чтобы исключить дактилоскопию, отрезал первые фаланги пальцев. То, что увидели Глейстер и Миллар, представляло собой жуткие куски бесформенной плоти, несколько разрозненных частей двух тел людей неизвестного пола, возраста и происхождения, не имевших имени. Было даже трудно решить, с чего начинать.

Первым делом нужно было остановить процесс дальнейшего разложения. Останки отослали на кафедру анатомии в Эдинбургский университет. Там, чтобы уничтожить личинки мух, их обработали эфиром, а затем поместили в слабый раствор формалина, чтобы «замариновать». Кроме того, это позволило избавиться от сильного зловония. В течение нескольких недель в районе русла Линна было найдено еще несколько частей тела. Один сверток был даже обнаружен у обочины дороги. Глейстер и Миллар столкнулись с головоломкой из 70 частей, составлявших человеческие тела. Но головоломка была далеко не полной, поскольку одно «тело» имело только голову и конечности.

В истории британской криминалистики уже было достаточно случаев расчленения тел. Но в большинстве из них идентификация личности погибшего не составляла большого труда. В 1875 году Генри Уэйнрайт, лондонский предприниматель, убил свою любовницу Гарриет Лейн и закопал ее расчлененное тело на своем складе в восточной части Лондона. Но его поймали в тот момент, когда он хотел откопать останки, чтобы перевезти их в другое, более надежное

место. В 1910 году печально знаменитый доктор Криппен убил свою жену Белль Эльмор и похоронил ее тело в подвале своего дома. Проведенное расследование и работа сэра Бернарда Спилсбери над реконструкцией тела явились шедевром медицинской экспертизы. Но там не было и тени сомнения относительно личности убитой – Криппен был пойман во время попытки сбежать в Америку. В1924 году Патрик Мэйон убил свою беременную любовницу и разбросал куски ее расчлененного тела из окон разных поездов. Но подозрения его жены вывели полицию на домик в Суссексе, где были обнаружены прочие части тела «нежелательной возлюбленной». На следующий год занимавшийся выращиванием птицы фермер, Норман Торн, также убил свою любовницу и закопал части ее тела под вольером для цыплят. Однако дело закончилось тем, что он показал полиции, где нужно искать их.

Конечно, встречались и случаи, когда идентифицировать тело было сложно. В 1725 году в грязи на берегу Темзы возле Ламбетского моста ночной сторож нашел сильно поврежденную голову. Приходские служащие приказали выставить ее на шесте в церковном дворе Вестминстера. В конечном счете выяснилось, что она принадлежала мужу Кэтрин Хейс. Она вместе с двумя своими любовниками была признана виновной в смерти своего мужа и сожжена заживо. Консервация головы помогла разоблачить Джеймса Гринакра, который в 1836 году убил и расчленил тело женщины, на которой обещал жениться. Голова, обнаруженная в канале Риджент в Степнее, была помещена в спирт, ее опознал брат погибшей. (Мотивом убийства в данном случае, похоже, было ограбление.) В 1917 году на Риджент Сквер в Блумсбери было найдено завернутое в простыню туловище. Личность жертвы была установлена моментально благодаря меткам прачечной. За убийство любовницы был осуж-

ден и повешен француз по имени Луи Вуазен. (Но этот приговор явился, по-видимому, все-таки судебной ошибкой, поскольку было почти наверняка известно, что женщина была убита другой любовницей в приступе ревности, а Вуазен только помогал избавиться от тела.)

Во всех этих случаях проблема опознания была легко разрешима. Но Глейстер и его коллега столкнулись со случаем, в котором, казалось, были предприняты все меры, чтобы исключить идентификацию.

Первое, что им предстояло сделать – это рассортировать останки по признаку принадлежности двум разным телам. К счастью, тело одной из жертв оказалось более чем на шесть дюймов короче другой. Поэтому задача по отделению большого тела от малого была осуществлена. Когда это было сделано, Глейстер со своей бригадой обнаружил, что в их распоряжении имеется только одно почти полностью «собранное» тело, более крупное, второе же оставалось без туловища. Еще одна находка вначале вызвала у них огромные затруднения: невероятных размеров глаз, «глаз Циклопа», который однозначно не принадлежал ни одному из тел. «Глаз Циклопа» – известное в медицине название патологического изменения органа зрения, встречающееся и у людей, и у животных вследствие слияния двух глаз в один, подобно слиянию сиамских близнецов. Медики провели его препарирование, однако так и не поняли, откуда он взялся, не узнав даже, какому животному он принадлежал. Эта загадка стала одной из наиболее важных, связанных с этим делом.

Что же мог сказать Глейстер на основании останков двух тел? Согласно его первому предположению, менее крупное тело принадлежало мужчине. Второе, вне всякого сомнения, было женским, поскольку имелся таз. Все это производило впечатление преступления, совершенного в порыве страсти. Ревнивый муж,

заставший жену в постели с любовником, в приступе гнева убивает обоих, а потом тщательно скрывает следы преступления.

Что же на основании всего этого они могли сказать об убийце? Скорее всего, этот человек был медиком или, во всяком случае, изучил основы медицинской науки. В данном деле присутствовала деталь, которая отличала его от всех остальных известных случаев расчленения, а именно: для этого преступник использовал не пилу, как обычно, а нож. Если вы не владеете анатомическими знаниями, то расчленить человеческое тело с помощью ножа очень трудно. Проще использовать пилу. В данном же случае убийца аккуратно вычленил конечности из суставов, что явно свидетельствует в пользу того, что он был либо медиком, либо мясником.

Он также тщательно снял с обеих голов кожу. Но, по-видимому, во время работы над меньшей из голов ему помешали, поскольку на ней уцелело несколько волос, хотя и коротко остриженных. Зубы в обоих случаях были удалены, чтобы исключить возможность опознания жертв дантистом по стоматологическим записям. По какой-то странной причине убийца также удалил часть стопы более крупного тела. Очевидно, он провел немало времени, стараясь максимально избавиться от малейших признаков, способных привести к опознанию. Все выглядело безнадежным. Даже если полиции станет известно об исчезновении того или иного мужчины или женщины, будет очень трудно доказать, что найденные останки принадлежат им.

Но Глейстеру повезло. Кисти, обнаруженные под мостом, были лишены кончиков пальцев, следовательно, исключалась дактилоскопия. Однако в обнаруженных позднее свертках лежали кисти, принадлежавшие второму телу, а также кончики пальцев первого. После выдерживания в горячей воде стало

возможным снять с них отпечатки. Убийца совершил одну элементарную ошибку (что казалось совершенно невероятным), однако благодаря ей личность одной из жертв была установлена абсолютно точно.

Глейстер и его бригада, куда входил доктор Джемс Браш, еще один блестящий анатом, приступили к жуткой работе: они начали изучать мелкие куски мяса, найденные в свертках. Многие из них были нераспознаваемы. Правда, как и ожидалось, были идентифицированы две молочные железы. Потом бригада сделала открытие, которое придало всему делу новый оборот. Была обнаружена часть, которая также выглядела похожей на женскую грудь. Микроскопические исследования подтвердили предположение: ткань однозначно относилась к молочной железе. Итак, оба тела принадлежали женщинам, а не мужчине и женщине, как считалось ранее. Более внимательное изучение останков еще более укрепило исследователей в этом решении, поскольку были выявлены части, относившиеся к внешним половым органам двух женщин.

Следующим важным шагом на пути решения задачи было определить возраст жертв. Для ее решения существует несколько методов. Наши черепа имеют «линии стыков», называемые швами. Пока мы растем, они остаются неплотно соединенными между собой. Как только рост прекращается, они постепенно зарастают, это обычно происходит к 40 годам. У меньшего из черепов швы были еще незакрытыми. У второго – почти полностью заросшими, что однозначно свидетельствовало о том, что одной из жертв было около 40 лет, а второй – менее 30. Рентгеновское исследование костей челюсти молодой женщины показало, что зубы мудрости у нее еще не прорезались. Это значило, что ей могло быть чуть более 20. По суставам также можно с большой долей достоверности судить о возрасте. Хрящ – мягкая субстанция, из которой формируются кости – постепенно преобразу-

ется в «головку», называемую «эпифизом», по состоянию которого также можно определить возраст. Эпифизы обоих тел показали, что одна из жертв была девушкой около 20 лет, а вторая – женщиной, возраст которой приближался к 40 годам.

Что же касалось причины смерти, то здесь как будто все было ясно, несмотря на ужасающее состояние трупов. У более высокой женщины имелось пять колотых ран в области груди, несколько сломанных костей и следы множества кровоизлияний. Сломанная подъязычная кость позволяет предположить, что женщину сначала придушили, а потом нанесли все остальные увечья. Опухший, в кровоподтеках язык также подтверждает это предположение. Убийца, который сначала задушил свою жертву, а потом продолжал бить и колоть ее, несомненно, должен быть охвачен приступом бешеной ярости. Такая ярость часто бывает вызвана ревностью. Поскольку туловище второй жертвы отсутствовало, то нельзя было сказать, были ли нанесены ей ножевые раны. Но характер имевшихся ран говорил об обратном. Глейстер пришел к выводу о том, что ей был нанесен смертельный удар по голове тупым орудием. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы сообразить, что девушку убили вследствие первого убийства, возможно, для того, чтобы заставить ее замолчать. На это же указывает и тот факт, что убийца не проявил столько же усилий, чтобы исключить возможность ее опознания, как в первом случае.

Но если он и в самом деле стремился исключить всякую возможность идентификации, то просмотрел одну немаловажную деталь. У более высокой женщины было необычно длинное лицо, обычно о таком говорят «лошадиное». Ему следовало бы позаботиться и об этом.

Итак, даже не будь у полиции больше никаких зацепок, выясненные Глейстером и его командой фак-

ты уже давали полиции все необходимые нити. Полиция тем временем тоже не дремала, прорабатывая имевшиеся у нее данные. Голова молодой женщины была завернута в детский комбинезон. Один из свертков был упакован в блузку с заплатой под мышкой. Некоторые куски сначала были завернуты в газеты, а потом в ткань. Некоторые газеты относились к августу, а самая свежая, «Санди график», была датирована 15 сентября 1935 года, что однозначно дает понять, что убийство произошло либо в этот день, либо позже. Более того, сама газета «Санди график» была местным изданием, выпускавшимся для жителей районов Моркам и Ланкастер.

В эту пору в Ланкастере полиция вела расследование убийства женщины, миссис Смоли, в ходе которого был допрошен слуга доктора по имени Ракстон, по национальности перса. Настоящее имя Ракстона было Бахтияр Хаким, он был выходцем из Бомбея. Медицинской практикой в Ланкастере он занимался с 1930 года. Ракстона очень расстроили вопросы относительно миссис Смоли, чей труп был найден год назад. 24 сентября, за пять дней до обнаружения останков в Линне, Ракстон навестил ланкастерскую полицию и пожаловался на то, что допрашивали его слугу. Доктору было 36 лет, он был маленького роста, довольно приятной наружности, с весьма экспансивным темпераментом. Он много говорил и жестикулировал. С этим несдержанным иностранцем ланкастерская полиция уже встречалась. Два года назад в полицейский участок с жалобами на жестокость мужа явилась миссис Ракстон. Муж тоже был доставлен в полицию, где размахивал руками, с пеной у рта кричал, что жена его была неверна, и грозился убить ее, если ее поведение не изменится. Потом внезапно он как-то сник, успокоился и даже дал жене денег, чтобы она могла уехать к своей сестре в Эдинбург. В тот же день она собрала вещи, но потом изменила решение и

осталась. По всему было видно, что в отношениях между супругами не все ладилось.

Итак, когда Ракстон пришел в полицию пожаловаться на то, что был допрошен его слуга, то нисколько не удивил полицейских заявлением, что жена все же оставила его – второй раз за этот год. Он сказал, что она уехала в Шотландию две недели назад, прихватив с собой служанку, 20-летнюю девушку по имени Мэри Роджерсон.

Мэри Роджерсон была родом из Моркама, и ее родители весьма встревожились по поводу исчезновения дочери. Она была довольно сильно привязана к дому и все выходные проводила в семье. Однажды, когда Мэри в течение двух недель отдыхала на ферме вместе с тремя маленькими детьми Ракстонов, она каждый день посылала родителям весточку. Теперь же они ничего не слышали о ней вот уже две недели, что немало обеспокоило их. Еще больше они разволновались, когда их навестил Ракстон после визита в полицию. Им он сказал, что Мэри связалась с мальчишкой из прачечной и забеременела от него. Его жена, по его словам, повезла девушку на аборт. Роджерсоны были ошеломлены. Такое не могло случиться с Мэри! Она была девушкой совершенно другого склада – очень спокойная и не слишком привлекательная (у нее слегка косил один глаз). К тому же она казалась исключительно привязанной к детям Ракстонов, младшему из которых было четыре года, а старшему – семь лет. Вероятность того, что она могла забеременеть от работника прачечной, была не больше, чем вероятность того, что она могла ограбить банк. Все же Ракстон утверждал, что Мэри действительно забеременела, ссылаясь на то, что сам обследовал ее. Расстроенный и заподозривший недоброе отец заявил, что пойдет в полицию. Ракстон как будто встревожился. «Не делайте этого, – сказал он, – в воскресенье я привезу ее». Подождать до воскресенья они согласились.

Но и в воскресенье девушка не вернулась. Три дня спустя, несмотря на уговоры со стороны Ракстона, мачеха Мэри Роджерсон заявила в полицию о пропаже девушки. Через неделю она оставила в полиции описание падчерицы, которое было разослано во все газеты и в другие полицейские участки. Вечером 9 октября Ракстон, будучи, как всегда, в состоянии лихорадочного возбуждения, снова появился в полиции Ланкастера. Он обратился за помощью в поисках его жены. Ходили слухи, что ее убили и тело сбросили в Линн. Это пагубно отражалось на его практике. Он разрыдался: «Не могли бы вы напечатать в газетах, что нет никакой связи между двумя случаями?» Старший констебль произнес несколько успокаивающих слов и набросал ни к чему не обязывающее заявление для публикации в местной прессе . Это как будто успокоило Ракстона, и он ушел.

Но, начиная с этого дня, он стал главным подозреваемым в линнском деле. Старший констебль Дамфрисшира увидел статью об исчезновении Мэри Роджерсон в газете Глазго «Дейли рекорд». Он тотчас решил связаться с полицией Ланкастера и родителями Мэри. Шотландская полиция прибыла в Моркам и привезла с собой блузку и детский комбинезон. Как только миссис Роджерсон увидела блузку, она поняла, что ее падчерица мертва. Она тотчас узнала блузку, поскольку сама купила ее на дешевой распродаже и поставила подмышкой заплатку. Эту вещь она подарила Мэри на прошлое Рождество. Комбинезон она не узнала, но назвала имя женщины, которая могла быть в курсе. Эта женщина в прошлом году вместе с Мэри и детьми Ракстонов гостила на ферме, звали ее миссис Холм. Миссис Холм развеяла последние сомнения относительно личности погибших. В найденном комбинезоне она признала тот, что дала Мэри для детей Ракстонов. Миссис Холм показала узел, который со-

бственноручно завязала на резинке, и последние сомнения отпали.

Ланкастерские полицейские теперь точно знали, что нужный им человек был у них в руках, однако продолжали действовать с осторожностью. В доме Ракстона работали еще по крайней мере три поденщицы: миссис Смит, миссис Оксли и миссис Кевен. Полиция переговорила с миссис Оксли, которая обычно приходила в дом Ракстонов на Далтон-Сквер в 7 часов утра. В воскресенье утром 15 сентября – в тот день, когда пропали миссис Ракстон и служанка – Ракстон появился у нее в доме в 6.30 и сказал ее мужу, мистеру Оксли, чтобы она не приходила к ним в этот день, поскольку миссис Ракстон уехала в Эдинбург, а он собирается отвезти детей в Моркам. Она пришла на следующий день и обнаружила в доме страшный беспорядок. Дорожки с лестниц были убраны, а ванна была вся в желтых пятнах. На заднем дворе лежала груда какого-то тряпья, которое, по-видимому, облили горючим и пытались сжечь.

Но последним доказательством вины Ракстона стало свидетельство миссис Хэмпшир, одной из пациенток доктора. Она рассказала, что в воскресенье Ракстон заходил к ней во второй половине дня. Своих троих детей он отвез в Моркам, что в пяти милях от их местожительства, и оставил у своего ближайшего приятеля, дантиста Андерсона. Этот поступок он объяснил тем, что жена уехала в Блэкпул, а Мэри Роджерсон взяла отпуск. На днях в дом должны были прийти декораторы, и ему нужно было снять все ковры. К несчастью, открывая банку с персиками, он поранил руку, и ему требовалась помощь. Миссис Хэмпшир с мужем приехали вместе с ним на Далтон-Сквер, 2 и помогли «подготовить» дом для прихода декораторов. В гостиной стояла нетронутая еда, стол был сервирован на двоих, и воскресный мясной обед так и остался

не приготовленным до конца. С лестниц и лестничных площадок ковры были сняты, один из них был в пятнах крови. На поверхности ванны виднелись пятна желтого цвета. Миссис Хэмпшир попыталась оттереть их чистящим порошком, но особых успехов не добилась. Муж ее скоблил ступеньки. Ракстон оставил их в доме, а сам снова поехал в Моркам. Там он попросил дантиста и его жену оставить детей до утра. Андерсон согласился, тогда миссис Андерсон вместе с детьми и Ракстоном вернулись домой, чтобы взять пижамы детей. По дороге они заходили в дом родителей Мэри Роджерсон, где Ракстон оставил сообщение о том, что Мэри на несколько недель уехала в Шотландию. Вернувшись на Далтон-Сквер, Ракстон сказал Хэмпширам, которые все еще занимались оттиранием его полов, что они могут забрать себе ковры, а также синий костюм, который был на нем в тот момент, когда он порезался. Костюм тоже был залит кровью. Потом он снова ушел, а Хэмпширы остались работать. В доме они пробыли до 9.30, после чего заперли двери и ушли к себе. Они обратили внимание на то, что двери спальни Изабеллы Ракстон и спальни доктора были заперты.

Что увидели бы в запертых комнатах Хэмпширы, если бы только нашли ключи и смогли открыть двери? Возможно, они нашли бы изрубленное на мелкие кусочки тело Изабеллы Ракстон, уже «упакованное» в несколько свертков. Возможно, они увидели бы труп Мэри Роджерсон – без одежды, но еще не тронутый ножом. Тело ее будет расчленено в ванне грядущей ночью, потому что, когда утром пришла миссис Оксли, ванна вся была в желтых пятнах.

Итак, Ракстон отдал запачканные кровью ковры Хэмпширам. Они были вынесены во двор. Возможно, Ракстон сначала планировал сжечь их, но шел сильный дождь. Ковры были такими тяжелыми, что Хэмпширы решили отнести их домой позже. Но костюм

они взяли сразу. Рано утром следующего дня Ракстон снова зашел к Хэмпширам и сказал, что хочет отправить костюм в химчистку. Вид у него был болезненный, лицо небритое. На нем был надет старый плащ. Обычно Ракстон был очень опрятен в одежде. Миссис Хэмпшир обещала отнести костюм в чистку. Ракстон настоял на том, чтобы она прямо при нем удалила с костюма метку с его именем и тут же сожгла. Когда все было сделано, он как будто успокоился и ушел.

Миссис Оксли, поденщица, рассказывала, что, когда в газетах опубликовали сообщение о найденных в реке останках, Ракстон, казалось, был очень доволен собой. Он прочел ей заметку и прокомментировал: «Видите, миссис Оксли, это мужчина и женщина, а не наши двое».

Все это однозначно свидетельствовало о том, что человеком, которого разыскивала полиция, был Ракстон. И сам Ракстон тоже хорошо понимал, что полиция была близка к разгадке. В тот день, когда миссис Роджерсон опознала блузку Мэри, Ракстон отправился в Эдинбург, чтобы повидаться с сестрой жены. Он поинтересовался, не появлялась ли у нее Изабелла. Сестра, миссис Нельсон, задала встречный вопрос, не сделал ли он с ней чего дурного. (Она тоже читала о находке в Линне расчлененных трупов.) Ракстон ответил, что, конечно же, нет, поскольку слишком любил свою жену.

Когда рано утром 10 октября он вернулся в Ланкастер, то дома его уже поджидал детектив. Ракстон было уже подумал, что его пришли арестовывать, но детектив хотел только задать несколько вопросов. Ракстон ответил, что ездил в Эдинбург искать жену. Еще он добавил, что о ее местопребывании мог знать человек по имени Бобби Эдмондсон. У Эдмондсона, по словам Ракстона, был роман с его женой. Несколькими неделями раньше Эдмондсон и Изабелла Ракстон ездили в Эдинбург, где вместе останавливались в гостинице.

Как ни странно, но это было правдой, хотя не в такой степени, как то было преподнесено Ракстоном. Роберт Эдмондсон служил помощником адвоката в здании городской ратуши, что располагалась напротив дома Ракстона. Вся его семья, включая родителей и сестру, тепло и по-дружески относилась к Ракстонам. И Эдмондсон часто бывал у них в доме в качестве гостя. За неделю до исчезновения миссис Ракстон в Эдинбург вместе с ней ездила вся семья Эдмондсонов. В гостинице они занимали четыре отдельные комнаты. Доктор солгал, сказав, что Эдмондсон и миссис Ракстон останавливались под именем четы Ракстонов.

В тот же день, только позже, Ракстон снова заглянул к Хэмпширам и спросил, что стало с синим костюмом. Миссис Хэмпшир ответила, что он лежит наверху. «Тогда сожгите его», – сказал Ракстон. Он спросил насчет ковров и получил ответ, что один из них слишком сильно испорчен и не подлежит чистке. «Тогда сожгите и его», – посоветовал доктор. Он ушел, сказав, что намерен пойти в полицию и сделать заявление. Он и в самом деле зашел в полицию и пожаловался на слухи, кроме того, он дал словесный портрет жены. Весь следующий день он посвятил тому, что написал длинный отчет о своих визитах в полицию, именно тогда он попросил старшего констебля, капитана Ванна, напечатать в газете заявление о том, что нет никакой связи между найденными телами в Линне и пропавшей миссис Ракстон.

Следующий день, суббота 12 октября, стал последним днем его пребывания на свободе. Он посетил нескольких людей с просьбой подтвердить кое-какие факты в его заявлении. Но большинство этих фактов оказалось вымыслом. Так, миссис Оксли он просил сказать, что в воскресенье утром, в день исчезновения миссис Ракстон, она провела пару часов в его доме, наводя порядок. Но миссис Оксли заявила, что не может сделать этого, поскольку данный факт не соот-

ветствовал действительности. Еще он попросил поденщика показать, что тот приходил в дом Ракстонов субботним вечером, за день до исчезновения его жены, и что дверь ему открывала сама миссис Ракстон. При этом его явно просили солгать, о чем и поставили в известность. (Точная цель этой просьбы не совсем ясна, поскольку было установлено, что смерть миссис Ракстон наступила ранним утром в воскресенье. Доктор Ракстон, по всей видимости, просто начал терять счет времени.)

Этим же вечером 12 октября Ракстона попросили зайти в участок. Там собрались английские и шотландские полицейские. Допрашивали Ракстона всю ночь, и утром в 7 часов 20 минут ему предъявили обвинение в убийстве Мэри Роджерсон. Он с негодованием отверг его. Несмотря на имевшиеся в большом количестве косвенные улики, Ракстон продолжал отрицать свою причастность к обоим убийствам. Он и его защита настаивали на том, что найденные в Линне тела не принадлежали пропавшим женщинам. Действительно, они исчезли, но защите не было никакого дела до того, где они находились сейчас, и Ракстон в их смерти был невиновен. Это значило, что исход дела всецело зависел от медицинской экспертизы. Если ее результаты покажутся суду присяжных убедительными и они поверят в то, что найденные в Линне тела принадлежали миссис Ракстон и Мэри Роджерсон, то Ракстон будет признан виновным, если нет, то его отпустят.

Присяжные, как правило, не слишком стремятся выносить смертный приговор только на основании косвенных улик, но в данном случае улики оказались настолько убедительными, что опровергнуть их было невозможно. До сих пор ни один убийца не пытался до такой степени запутать дело, как это сделал Ракстон. На судебном разбирательстве 99% представленных доказательств были в пользу обвинения. Один Ракстон свидетельствовал в пользу защиты. Это

дело было из тех, где даже дилетанту становилось ясно, что наша система законов является всего лишь изощренной игрой. Адвокат Ракстона должен был видеть, что у его клиента нет ни малейших шансов. Каждый новый свидетель забивал очередной гвоздь в крышку его гроба. Обвинительная речь, произнесенная Дж. К. Джексоном, продемонстрировала вину Ракстона настолько очевидно, что суд присяжных мог вынести решение уже тогда. Прокурор упомянул о том, что за два года до убийства Ракстон уже угрожал своей жене в присутствии полицейских. Он был убежден в ее неверности. Кроме того, в 1935 году он «вел себя как сумасшедший», обвиняя жену в супружеской измене (снова в присутствии полицейских) и угрожая убить ее. За неделю до убийства миссис Ракстон ездила в Эдинбург с семьей Эдмондсонов. Тогда Ракстон взял напрокат автомобиль (миссис Ракстон поехала на их машине) и последовал за ними. Он был совершенно убежден в том, что его жена провела ночь в постели Боба Эдмондсона. В следующую субботу миссис Ракстон отправилась в Блэкпул навестить своих двух сестер. Вместе с ними она провела вечер и в Ланкастер вернулась только к полуночи. Не нужно обладать живым воображением, чтобы представить себе, что произошло. Ревность Ракстона довела его до состояния бешенства. Вероятно, он весь вечер «заводил» себя тем, что представлял, как его жена отдается Эдмондсону на пляже в Блэкпуле или на заднем сиденье их автомобиля... Тот факт, что в гостиной был накрыт стол на двоих, свидетельствует о том, что он ждал ее возвращения к ужину. Когда же она приехала далеко за полночь, от гнева и ревности он почти обезумел. Возможно, вначале он избил ее, чтобы добиться признания в измене, потом задушил и нанес несколько ножевых ранений. Мэри Роджерсон, вероятно, услышав крики, вошла в спальню, а может быть, Ракстон сам ворвался к ней и убил девушку в ее

комнате. За год до этого он заявил полиции, что в его доме было два человека, с которыми он мог бы разделаться. Почему два? Потому что, по его мнению, Мэри Роджерсон была доверенным лицом миссис Ракстон, сообщницей, посвященной во все дела его супруги.

В 6.30 утра наступившего дня он уже был в доме поденщицы с предупреждением не приходить в этот день. В 8.50 в дверь его дома позвонила женщина, доставлявшая почту, но ей никто не ответил. Во второй раз она пришла в девять, и на этот Ракстон открыл дверь. Он сказал, что жена вместе со служанкой уехала в Шотландию. Когда пришла девушка, разносившая молоко, он впустил ее в дом. Его рука была перевязана. Ракстон сказал, что прищемил ее – может быть, дверью. Другим людям Ракстон потом говорил, что порезал ладонь, открывая банку с персиками. В 10.30 Ракстон уже находился в местном гараже (но не в том, куда он обычно ходил), где купил две большие канистры горючего. Потом он отправился в собственный гараж, где до отказа наполнил баки машины бензином. Зачем ему понадобилось обращаться в два гаража, если бы он не хотел замести следы? В этот день он использовал горючее для того, чтобы сжечь что-то во дворе – возможно, окровавленную одежду и ковры. После того как он снял ковры с лестниц, Ракстон попросил миссис Хэмпшир, одну из своих пациенток, помочь ему подготовить дом к приходу «декораторов». (Двумя днями позже он действительно пригласил декоратора и попытался уговорить его в случае чего сказать, что обещал зайти и начать работу на день раньше, но декоратор наотрез отказался сделать это.) Миссис Хэмпшир видела и окровавленные ковры, и запачканную кровью ванну, и пучки соломы – тела частично были пересыпаны соломой. Детей он отвез друзьям Андерсонам, которых попросил оставить их до утра. В эту ночь он предпринял первую попытку избавиться от трупов. Он и в самом

деле куда-то отбывал, поскольку поденщице, пришедшей в 7.10 утра, дверь никто не открыл. В девять утра ровно он снова был в доме Хэмпширов. При этом он был неопрятен и выглядел усталым. У миссис Хэмпшир он поинтересовался залитыми кровью коврами и костюмом. Позже в тот же день он сообщил миссис Хэмпшир, что его жена вместе с другим мужчиной сбежала от него в Лондон. На следующий день он пригнал машину в гараж для ремонта, хотя та ни в каком ремонте не нуждалась, а сам нанял другую машину большего размера. Вероятно, он решил, что не сможет сделать более одного рейса, следовательно, ему понадобится более вместительный багажник. Позже в тот же день на этой взятой напрокат машине он сбил велосипедиста, но даже не остановился. Велосипедист записал номер машины и заявил о случившемся в полицию. Ракстона остановили полчаса спустя, вместе с ним в машине сидел один из его детей. Он дал какое-то бессвязное объяснение относительно своего пребывания в Карлайле, но впоследствии изменил показания, заявив, что был в Сиэтле, где его семья ранее проводила отпуск. Похоже, что Ракстон бросил останки тел куда-то еще, но на этот раз не в Линн. Моффат находится примерно в трех часах езды от Ланкастера. Но озеро Уиндермер было как раз в пределах его досягаемости. Однако в Уиндермере останки обнаружены не были, хотя тяжелый сверток едва ли мог всплыть на поверхность.

Тем временем показания против Ракстона продолжали накапливаться. Утром в среду 18 числа Ракстон несколько раз поднимался к себе в спальню, поденщице он сказал, что собирается пойти к врачу и показать поврежденную руку. (Но зачем ему нужен был специалист по ранам?) Когда он ушел, работница наконец смогла войти в его спальню, которая на этот раз была оставлена открытой. Там она почувствовала отвратительный запах, позже Ракстон приказал ей разбрыз-

гать в комнате одеколон. Во второй половине того же дня, наконец избавившись от последних частей тела, он занялся решением других проблем. Ему нужно было успокоить Роджерсонов относительно исчезновения Мэри и поскрести топором забор во внутреннем дворе. (Он даже сказал работнице, что ему нужно отчистить кровь.) Во время судебного процесса ни разу не возникла ситуация, которая могла бы вызывать у присяжных малейшие сомнения относительно виновности Ракстона. Но когда настал черед выступать медикам: профессору Глейзеру, доктору Миллару, профессору Сиднею Смиту (который как раз вовремя вернулся из-за границы, чтобы также прокомментировать имевшиеся у обвинения свидетельства) – все надежды на милосердие исчезли. Жуткие фотографии с изображением отделенных стоп, аккуратно вставленных в обувь, принадлежавшую обеим женщинам, кисти без кончиков пальцев, головы без глаз и ушей – всего этого было достаточно, чтобы убедить любых присяжных в том, что они имеют дело не с человеком, а с чудовищем. Поведение Ракстона в роли свидетеля отличалось излишней патетикой. При каждой возможности он старался опровергнуть показания свидетелей – свидетелей, не имевших ни малейшей причины для лжи (конечно, если весь город Ланкастер не вступил против него в заговор). Там, где он мог привести хоть какие-то объяснения, они были весьма неубедительными: например, он утверждал, что солому в воскресенье утром раскидали по дому его дети... Адвокат защиты подвел итог: «...если вы считаете безусловно доказанным тот факт, что человеческие останки, найденные в лощине близ Моффата, являются останками миссис Ракстон и Мэри Роджерсон, то в таком случае со своей задачей вы действительно справились. Пользуясь данными мне полномочиями, заявляю суду присяжных, что с этим не согласен...» Но в зале не было ни одного человека, который усомнился

6 Зак. 1759

бы в том, что он тратит слова понапрасну. Суду присяжных потребовался всего час, чтобы единогласно решить, что Ракстон был виновен в убийстве. Три месяца спустя его просьба о помиловании была отклонена, и Ракстон был повешен 12 мая 1936 года в Стренджвейской тюрьме в Манчестере.

Но вопрос остается открытым: следовало ли вешать Ракстона? Он был виновен, но виновен в чем? В непреднамеренном убийстве, совершенном в состоянии помутнения рассудка, когда был охвачен безумной ревностью? Если бы в первые часы воскресного утра он явился в полицейский участок Ланкастера и сказал: «Я только что убил свою жену, и, боюсь, что вместе с ней и горничную...», то наверняка у него было бы 50 шансов на 50 получить пожизненное заключение или быть заключенным в Бродмур. Можно утверждать, что его последующие действия свидетельствовали о расчетливости, но в такой же степени они свидетельствовали о его безумии, которое можно разве что сравнить с безумием леди Макбет, пытавшейся смыть с рук воображаемые пятна крови. Если бы поведение Ракстона после убийства было изучено психиатром, то он однозначно заявил бы, что тот потерял ощущение реальности. В доме было оставлено столько следов крови, что шансы Ракстона избежать правосудия были ничтожны, даже если бы он смог превратить тела в прах. Да, особую ловкость он проявил в расчленении тел: удалил зубы, вырезал нарост на стопе ноги своей жены, забыв при этом, что длинное лицо его супруги останется безусловным основанием для идентификации, что и доказал Глейстер, наложив фотографию миссис Ракстон на фотографию черепа. Он мог бы убедить полицию в том, что одно из тел принадлежало мужчине или, по крайней, мере, посеять в их умах сомнение, не оставь в свертках три женских груди и достаточное количество тканей женских гениталий, чтобы определить, что женщин было

двое. Все эти улики он мог в течение десяти минут сжечь в собственной плите.

Если бы у Ракстона была хоть капля разума, он непременно пришел бы с повинной, тогда у его защиты была бы хоть одна возможность избавить его от виселицы. Единственный шанс Ракстона на спасение состоял в том, чтобы рассказать историю его «женитьбы». Об этом можно прочесть между строк отчета по делу. Но эта повесть бледнеет на фоне других, более весомых свидетельств. Теперь, когда Ракстон вот уже 54 года покоится в земле, мы могли бы бесстрастно рассмотреть эту сторону его дела.

Ракстон родился в 1899 году в Бомбее. В 1922 году он получил образование и поступил на службу в медицинский корпус. В Англию он приехал в 20-х годах в чине капитана. По-французски он говорил лучше, чем по-английски. Он обладал приятной наружностью, был умным, удивительно привлекательным, с буйным темпераментом. Но ему явно не доставало самодисциплины. Не стоит также забывать и о том, что он рос и воспитывался в Индии времен расцвета английского господства. Британцы относились к индийцам с явным чувством превосходства, развивая в местных жителях комплекс неполноценности, – любой может ощутить это, стоит только прочитать «Рейс в Индию» Э. М. Форестера.

Изабелла Керр, шотландка, была на два года моложе Ракстона. Назвать ее красавицей было нельзя, но в ней чувствовалась бьющая ключом жизненная сила, и она не была лишена обаяния. Она казалась умной и достаточно энергичной, чтобы работать сразу в нескольких местах, а именно менеджером нескольких ресторанов. В 19 лет она вышла замуж за голландца по имени ван Эсс, но их брак не удался. Вскоре она познакомилась с красивым капитаном Хакимом, который учился в Эдинбурге, чтобы стать хирургом. Возникшее между ними чувство было сильным и

глубоким. Для нее он был загадочным и романтичным иностранцем (это была эпоха Рудольфо Валентино), совершенной противоположностью флегматичного голландца, с которым она рассталась. К тому же он был квалифицированным доктором. Для него она была холодной, бесстрастной англичанкой, уравновешенной, с высоко поднятой головой женщиной, которую он страстно желал. Она представляла собой воплощение его мечты. Можно не сомневаться, что она вовсе не была сексуально холодной. Вместе их связывала полная страсти физическая близость, подогреваемая с обеих сторон. Когда Ракстон поехал в Лондон продолжать учебу, она бросила свою работу менеджера и последовала за ним. Возможно, ей в некоторой степени был присущ и мазохизм. Их жестокие ссоры обычно завершались периодами страстной любви. «Мы были людьми, которые не могли жить вместе, и в то же время не могли жить врозь», – сказал Ракстон в суде. Она пробовала начать жить отдельно, когда бросила его и вернулась в Эдинбург, но через несколько месяцев вернулась в Лондон. Они, оказывается, не были женаты, хотя родственникам она говорила, что состояла с ним в законном браке. Ее первый брак распался. Это еще раз свидетельствует о свойственном ей мазохизме: в те времена «жить во грехе» было куда страшнее, чем сейчас, особенно для шотландки благородного воспитания.

В физическом смысле она была для Ракстона необыкновенно притягательна. Среди вещественных доказательств, представленных в суде, было бесчисленное множество пар шелкового белья, шелковые ночные сорочки, шелковые корсеты, шелковые нижние юбки, шелковые блузки, светло-желтые шелковые чулки. У миссис Ракстон была также пара серебряных вечерних туфель и зеленый шелковый жакет. Ракстону нравилось, когда его жена была хорошо одета, нравилась она ему и раздетая. Будучи

персом, он хотел видеть свою даму разодетой в шелка.

Была ли она на самом деле неверна ему? Доказательств тому в деле не имеется. В маленьком городке, подобном Ланкастеру в 30-е годы, бесчестное поведение жены доктора наверняка стало бы известно всем. Но Изабелла была прелестна и энергична, возможно, она даже позволяла себе флиртовать с мужчинами вроде Роберта Эдмондсона. И Ракстону, с его восточными представлениями о положении женщины в доме, трудно было представить, что в Англии между флиртом и постелью может пролегать бездонная пропасть. Он считал свою жену настолько привлекательной и желанной, что полагал, будто каждый мужчина в Ланкастере только и мечтал о том, чтобы раздеть ее. Отсюда и их ссоры, в результате которых он избивал ее до синяков, и она раз или два бросала его. Однажды после очередней ссоры она даже хотела отравиться газом.

Все же они оставались вместе, а она продолжала производить на свет младенцев – трое из них остались живы, а один родился мертвым. Своих детей Ракстон обожал. Похоже, он был неплохим главой семьи. Цвет кожи детей не заставлял его сомневаться в том, кто был их отцом. Все же, имея комплекс неполноценности, он не мог поверить, что она не предпочитала ему английского любовника. Он был совершенно убежден в том, что им был Эдмондсон, а ночь в Эдинбурге, безусловно, дала им возможность быть вместе. Все же он продолжал оставаться с Эдмондсоном вежливым и дружелюбным – еще одно проявление того же комплекса неполноценности.

После той поездки в Эдинбург он был совершенно убежден, что жена была ему неверна. И она совершила ошибку, солгав ему, когда сказала, что провела ночь у сестры. Так что когда она ездила в Блэкпул, он был на все сто процентов уверен, что она изменила ему. Кто знает, что произошло, когда миссис Ракстон

вернулась домой за полночь? Но можно не сомневаться в том, что во время их ссор она-то уж не молчала. (Ракстон рассказывал, что иногда она заходила к нему в хирургический кабинет с улыбкой и спрашивала: «Интересно, как можно найти повод для ссоры с тобой?») Возможно, она не стала разубеждать мужа в его заблуждении. Может быть, в тот раз Ракстон зашел слишком далеко, доведя себя до безумной ярости. Он бил, душил ее и колол ножом. И потом он все еще продолжал избивать бездыханное тело каким-то тяжелым предметом. Это было предельным выражением его садо-мазохистской любви к ней. Но ему помешала служанка, и он ударил и ее каким-то тупым предметом, хотя, возможно, к тому моменту от первоначальной ярости уже не осталось и следа. Он убил ее только для того, чтобы она не выскочила из дома и не подняла крик.

Дети, несмотря на крики и стоны, продолжали спать. (Они были в спальне миссис Ракстон. Убийство, вероятно, произошло в его комнате.) Когда Ракстон остался наедине с трупами, он, по всей видимости, начал возвращаться к реальности. Женщина, которую он любил на протяжении десяти лет, была мертва. Ярость его из одной крайности перешла в другую: безумный гнев сменился слезным раскаянием. Обычно он мог загладить любую вину, вылечить любую нанесенную им рану. Но сейчас пути назад не было. Возможно, у него промелькнула мысль о самоубийстве, но он отогнал ее, поскольку вспомнил о детях. Наконец он решил разрубить тела на мелкие кусочки и в несколько приемов избавиться от останков. Вероятно, сначала он решил утопить тела в море или озере, однако для этого ему понадобилась бы лодка. Но, поскольку все и так было залито кровью, он решился-таки на расчленение. Но Ракстон не был хладнокровным, уравновешенным человеком: он часто давал волю своим необузданным эмоциям. Что чувствовал

он, отделяя от туловища голову жены, вырывая щипцами зубы, выкалывая глаза? Расчленение тела Мэри тоже было работой не из приятных, но Изабелла была матерью его детей, женщиной, которую он обожал. Должно быть, святотатство, совершаемое им, было для него чем-то вроде саморазрушения.

С наступлением дня он, по-видимому, был истощен до предела – и физически, и морально. Но к семи утра должна была прийти поденщица, а дом был весь залит кровью. Ему нужно было срочно пойти и предупредить ее, чтобы она не приходила. Когда он вернулся, то тотчас принялся снимать ковры. Он обнаруживал все новые и новые пятна крови на полу и на стенах – следовательно, требовалось ободрать старые обои и наклеить новые. Все это время мысль о детях не покидала его: что теперь будет с ними? Должно быть, он уже не раз пожалел о том, что не мог вернуть Изабеллу к жизни и молить ее о прощении; все казалось ночным кошмаром. Ему не верилось, что ее расчлененное тело лежало в его спальне, а кровь была спущена в канализацию. В дверь позвонили. В первую минуту он до ужаса испугался, но потом понял, что принесли почту. Руки Ракстона были в крови, но у него не было времени пойти и вымыть их, так что он решил не открывать. Но вот из комнаты послышались детские голоса, через несколько минут появятся детишки и спросят, где мама. Заметят ли они кровь на коврах? Нет, они слишком невинны. Они поверят всему, что он им скажет... Мысль о невиновности заставила сжаться его сердце, и от чувства жалости к себе он едва не разрыдался. Но времени горевать о себе не было. Кто-то снова звонил в дверь...

Все оборачивалось против Ракстона, что бы он ни говорил, ложь выплывала на поверхность. Даже его утверждение о беременности Мэри Роджерсон и то было опровергнуто: во время уборки поденщица обнаружила в ее комнате использованные гигиенические

салфетки. Судьба отвернулась от Ракстона. После убийства любое принятое им решение оказывалось неверным, начиная от решения расчленить тела и кончая заявлением о невиновности, ведь обвинению ничего не стоило доказать, что он был убийцей, лжецом и настоящим чудовищем. Если бы он признался во всем, то, возможно, у защиты появился бы шанс сыграть на чувствах присяжных, ссылаясь на то, что он и так уже достаточно настрадался, подвергнувшись мукам помутившей разум ревности.

Создается впечатление, что Ракстон хотел добиться смертного приговора: все, что он делал после убийства жены, свидетельствовало только о его диком, неосознанном желании присоединиться к ней: «Мы относимся к типу людей, которые не могли жить вместе и в то же время не могли жить врозь». Эта фраза созвучна шекспировской – о том, «кто не был в любви благоразумен, но любить умел». Она заставляет нас задуматься над тем, читал ли Ракстон «Отелло».

14 КЛАССИЧЕСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПОХИЩЕНИЕ ЛИНДБЕРГА

С точки зрения судебной медицины, дело Ракстона относится, вне всякого сомнения, к британским «классическим» случаям 30-х годов. В Америке таковым считается дело о похищении Линдберга.

21 мая 1927 года Чарльз Линдберг стал самым знаменитым молодым человеком в мире. На протяжении 33 часов вся Америка и Европа, затаив дыхание, следила за его крохотным самолетом «Спирит оф Сент-Луи», в одиночестве совершавшим перелет через Атлантику. По меткому замечанию одного из биографов Линдберга, с его легкой руки и благословения началась эпоха воздухоплавания.

Менее чем через пять лет весь мир проникся к Линдбергу самым глубоким сочувствием. 1 марта 1932 года из детской кроватки был похищен его 11-месячный сын Чарльз. Началась десятинедельная пытка, переполнившая Линдберга такой злобой и ненавистью, что его единственным желанием стало как можно скорее покинуть Америку.

В тот мартовский ветреный и дождливый день Линдберги были простужены и решили на сутки отложить поездку к родителям жены в Энглвуд, штат Нью-Джерси. Во вторник в 7.30 вечера Анн Линдберг и работавшая у них няней Бетти Гау уложили малыша в постель, закрыли и заперли на задвижки все ставни дома, кроме одной, которая перекосилась и не закрывалась. Через 15 минут после этого из Нью-Йорка возвратился Чарльз Линдберг, находившийся всего в получасе езды от их нового дома в Хопвелле, Южный Джерси. Стол уже был накрыт, и они поужинали у

горевшего камина. В 9.10 Линдберг насторожился: «Что это могло быть?» Он услышал звук, напоминавший треск раздавленной корзины. Но шума не последовало, и он вскоре забыл об этом.

Сразу после десяти Бетти Гау постучала в дверь спальни Линдбергов и спросила: «Миссис Линдберг, ребенок с вами?»

«Нет, почему ты спрашиваешь?»

Вместе они спустились вниз в библиотеку посмотреть, не забрал ли малыша Линдберг – он был способен на такие «штучки». Потом все трое бросились в комнату ребенка. На подушке все еще был виден отпечаток головки Чарли, но выбраться из кроватки он сам не мог. Линдберг сказал: «Анн, они похитили нашего ребенка».

На радиаторе под окном он увидел конверт. Линдберг не разрешил женщинам прикасаться к нему. Когда час спустя полиция открыла его, там оказалось требование заплатить 50000 долларов выкупа.

Обнаружились и кое-какие следы. Под окном были оставлены несколько грязных отпечатков ног, приставная лестница из трех секций и стамеска. Лестница – довольно грубая, вероятнее всего, самодельная – была сломана в том месте, где верхняя секция соединялась со средней. Очевидно, именно этот звук и слышал Линдберг ранее. Отпечатков пальцев похититель не оставил – по всей видимости, на нем были перчатки.

Сенсационная новость о похищении распространилась во всей стране. Но пока Линдберги еще не начали волноваться по-настоящему. Анн написала свекрови: «...детективы настроены очень оптимистично, хотя считают, что придется набраться терпения и ждать. По правде говоря, они полагают, что похитители попали в трудное положение – такая реакция по всей стране, и полиция повсюду расставила свои сети...» Шум, действительно, был невероят-

ный. На Восточном побережье мошенникам всякого рода было за что проклинать похитителей, так как полиция начала облавы. Полные сочувствия письма приходили мешками – 200 000 за несколько дней. В Хопвелл продолжали прибывать полицейские, агенты ФБР и секретные агенты всякого рода, а также отряды репортеров и фотографов. Линдберги потеряли покой. Население Америки снова прониклось любовью к «Линди», но, похоже, что от любви Линди к американскому образу жизни не осталось и следа.

Записка, оставленная преступником, давала кое-какие путеводные нити. В ней оказалось довольно много орфографических ошибок: так, вместо «anything» было написано «anyding» и «gut» вместо «good». Специалист-графолог определил, что она была написана немцем, к тому же весьма низкообразованным. Вместо подписи были нарисованы два соединенных вместе круга – синий и красный.

Очевидно, поднявшийся шум испугал похитителя. Больше он не пытался связаться с Линдбергами. Находившийся в заключении крупнейший американский гангстер Аль Капоне обещал помочь выручить малыша, если только его выпустят на свободу, но власти на это не пошли. Миссис Линдберг выступила по радио с обращением, и газеты напечатали перечень продуктов, входивших в меню ребенка. В ответ от похитителя пришло письмо, снова подписанное двумя цветными кругами. В нем говорилось: «Теперь мы можем обозначить (так в оригинале) любые встречи», а также содержалось обещание кормить малыша согласно меню. Снова в нем были типичные для немца ошибки: «gut» вместо «good» и «aus» вместо «out».

Неделю спустя после похищения какой-то доброжелатель по имени доктор Джон Ф.Кондон прислал в местную газету в Бронксе письмо, в котором предлагал собственные 1000 долларов за выкуп малыша. В

результате Кондон тоже получил послание, подписанное двумя кругами. Оно начиналось словами: «Уважаемый сэр, если вы хотите выступать посредником в деле Линдбергов пожалуйста строго придерживайтесь следующих инструкций...» Далее говорилось о том, что ему следовало забрать деньги у Линдбергов и поместить в «Нью-Йорк америкэн» объявление: «Деньги готовы». Тогда последуют дальнейшие «указания». Когда Кондону удалось связаться с Линдбергом, знаменитый пилот показался ему безразличным и совершенно измотанным. Но стоило ему упомянуть о подписи из соединенных вместе кругов, голос его сразу оживился, и он предложил Кондону встретиться немедленно. Согласно договоренности, в «Нью-Йорк америкэн» появилось объявление: «Деньги готовы, Джефси». В тот же вечер в телефонной трубке Кондона раздался глубокий мужской голос – Кондон слышал, что рядом с говорившим в комнате находился другой мужчина, говоривший по-итальянски. Звонивший сообщил Кондону о том, что с ним вскоре встретятся. На следующий день ему было передано письмо с инструкциями, где найти следующее послание. Во втором послании автор предлагал Кондону встречу на городском кладбище на 233-й улице. У кладбищенских ворот молодой человек, лицо которого было прикрыто носовым платком, спросил Кондона, принес ли тот деньги – сумма выкупа возросла теперь до 70 000 долларов. Кондон объяснил, что у него было мало времени. Мужчина внезапно испугался и спросил: «Вы привели полицию?» – «Нет! Вы можете доверять мне». Но мужчина убежал. Кондон бросился за ним и в парке догнал его. Здесь молодой человек, назвавшийся Джоном, задал странный вопрос: «Прогорю ли я, если ребенок мертв?» Испуганный Кондон спросил: «А что, ребенок мертв?» Но «Джон» заверил его, что тот был жив и находился на небольшом судне (лодке) в шести часах от места встречи. Произнося английское

слово «лодка», он глухой согласный заменил звонким. Наконец, в знак проявления своей доброй воли «Джон» решил прислать Кондону ночную рубашечку малыша. Она и в самом деле пришла по почте. Линдберги опознали в ней одежду сына.

2 апреля на кладбище состоялось второе свидание. На этот раз вместе с Кондоном пришел сам Линдберг. В картонной коробке он принес 70 000 долларов. Неизвестный Линдбергу казначей записал номера всех купюр. Кондон переговорил с похитителем и сумел уговорить его согласиться на 50 000 долларов. Когда он вернулся в машину Линдберга, тот ясно услышал голос похитителя, прокричавший: «Эй, доктор!» Спустя мгновение Кондон протянул «Джону» деньги, и тот пообещал прислать с утренней почтой сообщение о местонахождении пропавшего мальчика.

В присланном письме говорилось о том, что ребенок находился на судне под названием «Нелли» возле острова Элизабет. Кондон вместе с Линдбергом отправился на самолете в названное место, чтобы найти лодку. Однако ее там не оказалось. К великой своей горечи они поняли, что их провели.

Пять недель спустя, 12 мая 1932 года, последняя надежда угасла. Темнокожий водитель грузовика, прогуливаясь в лесу неподалеку от дома Линдбергов, обнаружил неглубокую, забросанную листьями могилу. В ней находилось полуразложившееся тельце ребенка. Надетая на нем рубашечка была сшита Бетти Гау из фланелевой нижней юбки. Чарльз Линдберг-младший – «малек» – умер в ту же ночь, когда был похищен из своей кроватки. Смерть наступила в результате удара по голове.

След был старым, однако охота за похитителем – теперь уже убийцей – возобновилась с новой силой. В причастности к похищению публика подозревала Бетти Гау, но Линдберги были совершенно убеждены в ее невиновности. Среди подозреваемых оказалась и гор-

ничная, работавшая в доме родителей Линдберга, Вайолет Шарп, которая совершила самоубийство, выпив яд.

Тем временем технолог по обработке дерева Артур Келер продолжал вести собственное расследование, изучая использованную преступником лестницу. Он предложил Линдбергам провести анализ древесины, из которой она была сделана, в лаборатории Лесной службы. Ему потребовалось 11 месяцев, в течение которых он десятки раз посещал лесосклады, однако все-таки обнаружил то место, где было куплено дерево для ее изготовления. Им оказался склад пиломатериалов в Бронксе, это подтвердило предположение полиции, что похититель ребенка Линдбергов жил где-то в Бронксе – слишком уж быстро он увидел первое объявление, данное Кондоном...

В мае 1934 года президент США Рузвельт отказался от золотого стандарта. Похитителям не повезло, поскольку 35 000 долларов выкупа были выданы золотыми сертификатами. Теперь они были отозваны, то есть золотые сертификаты перестали находиться в легальном обращении.

15 сентября 1935 года произошло заключительное событие. К гаражу в верхней части Манхэттена подкатил темно-синий «додж-седан». Сидевший за рулем человек, говоривший с немецким акцентом, попросил залить в бак бензина и расплатился золотым десятидолларовым сертификатом. Заправщик заколебался, но человек за рулем пояснил: «Все в порядке, их у вас примут в любом банке». Заправщик дал сдачу, но записал номер машины. В Нью-Йорке появился еще один золотой сертификат, также оказавшийся из выкупа Линдбергов, но никто не запомнил разменявшего его человека. Сертификат был принят в местном банке.

Четыре дня спустя банковский кассир понял, что это был второй золотой сертификат из денежного выкупа, заплаченного Линдбергом. Он перевернул его

и на обратной стороне увидел номер 4 U-13-41-N.Y. Он проследил путь золотого сертификата из зала обслуживания в Манхэттене, и банковский служащий заверил его, что этот номер на обратной стороне сертификата был поставлен его рукой. Тогда полиция связалась с нью-йоркским Государственным бюро выдачи водительских прав. Нужно было узнать, кому принадлежал автомобиль с таким номером. Вскоре пришел ответ. Владельцем был Ричард Хауптманн, проживавший по адресу: 222-я улица, Восток, 1279, Бронкс.

В тот же вечер полицейские окружили небольшой блочный дом. Когда наружу наконец вышел мужчина, они еще выжидали. Он сел в синий «додж-седан» и отъехал. Через несколько минут они заставили его прижаться к обочине, возможно, полагая, что человек, сжимавший в руках руль, вряд ли выхватит пистолет и станет стрелять. Хауптманн оказался невооружен. В его бумажнике была обнаружена 20-долларовая купюра – также из выкупа Линдберга. В гараже Хауптманна были обнаружены остальные тщательно спрятанные 14 600 долларов выкупа. На кусочке дерева в темной кладовке был нацарапан номер телефона Кондона. Когда Хауптманна попросили написать фрагмент текста со словами из различных записок похитителя, Хауптманн сделал такие же орфографические ошибки, какие оказались в записках.

Как эти деньги попали к нему? Хауптманн сказал, что они для сохранности были оставлены в гараже его приятелем, Исидором Фишем, ныне покойным.

35-летний Хауптманн был по специальности плотником. В Германии у него уже были нелады с законом – квартирные кражи и грабеж, – за что он был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Отпущенный условно, он снова был уличен в кражах и опять был арестован. Ему, однако, удалось сбежать, и он покинул страну. В Соединенные Штаты он прибыл нелегально, где женился на официантке и

основал свое плотницкое дело, в котором немало преуспевал, зарабатывая 50 долларов в неделю. Последние два года он не работал, но бухгалтерские книги, которые он вел с педантичной точностью, свидетельствовали о значительном улучшении благосостояния хозяина с 1932 года.

Согласно его собственной версии, он и Фиш с 1932 года были компаньонами, однако Фиш задолжал ему 7500 долларов. В 1933 году он уехал в Германию и в 1934 году умер в Лейпциге. В конце 1934 года прошли сильные дожди, которые затопили чулан, где лежала коробка из-под обуви, оставленная Фишем Хауптманну на хранение. Только тогда Хауптманн обнаружил, что она была полна денег. Он высушил их, но о находке не сообщил ни своей жене, ни семейству Фиша. Сам он стал потихоньку тратить деньги из коробки, поскольку Фиш в конце концов был ему должен...

Но, вероятно, самой убедительной уликой против Хауптманна на процессе, открывшемся 2 января 1935 года во Флеммингтоне, штат Нью-Джерси, стала лестница. Полиция обнаружила, что на чердаке дома Хауптманна отсутствует одна половица. По опилкам определили, что она была выпилена. Доска, пошедшая на изготовление левой стороны лестницы, которой воспользовался похититель, была сделана из древесины того же типа, что и отсутствующая половица. В деле она была обозначена как «доска 16». Когда «доску 16» установили на место отсутствовавшей половицы чердака, оказалось, что четыре отверстия для гвоздей в точности совпали с отверстиями, оставленными гвоздями на лагах. Это, казалось, однозначно указывало на то, что лестница была изготовлена Хауптманном. Хауптманн же с презрением заявил, что он был плотником-профессионалом, а лестница была сделана неумелым любителем, а не человеком, который дорожит и гордится своим ремеслом, как он.

Но суд присяжных его заявление в расчет не принял. 13 февраля 1935 года суд присяжных признал Хауптманна виновным в убийстве. В октябре апелляционный суд отклонил апелляцию Хауптманна. В декабре начальник тюрьмы, Гарольд Хоффманн, провел беседу с Хауптманном в его камере, откуда вышел совершенно озадаченным. Хауптманн снова заявил, что такую лестницу никогда бы не сделал, и просил подвергнуть его тестированию на детекторе лжи. Его мольбы показались Хоффманну искренними, и он решил провести расследование дела сам. Спустя несколько дней после ареста Хауптманна миссис Хауптманн выехала из дома, не в силах больше переносить продолжавшуюся шумиху. Именно тогда полиция «нашла» отсутствовавшую доску. Разве не могли они выпилить ее сами, как могли и написать в темном чулане номер телефона Кондона?.. Кондон вначале не был уверен в том, что Хауптманн и был «Джоном». Но немного погодя он изменил свое мнение. Обвинение настаивало на том, что в планировании и осуществлении похищения Хауптманн действовал один, но тогда голос какого итальянца слышал Кондон в телефонной трубке, разговаривая с «Джоном»?

Попытки расследовать дело, предпринятые комендантом Хоффманном, большинством газетчиков были восприняты как желание прославиться. Другие считали, что у него на уме были какие-то политические мотивы, то есть, что он якобы пытался скомпрометировать главного прокурора штата, Дэвида Виленца, предъявившего обвинение Хауптманну. Для Линдберга это была последняя капля. Абсолютно уверенный в виновности Хауптманна, а также в том, что американское правосудие зависит от политиков, он уехал в Англию. В Европе он провел около пяти лет, став приверженцем, а затем и частым гостем собраний нацистской партии. Во время второй мировой войны он прикладывал неимоверные усилия, чтобы предот-

вратить вступление Америки в войну на стороне союзников. Такое поведение заставило англичан изменить отношение к американцу, к которому они относились как к герою...

Предпринимаемые Хоффманном попытки, однако, оказались тщетными, и 3 апреля 1936 года Ричард Хауптманн сел на электрический стул, по-прежнему отрицая свою виновность.

Насколько вероятна возможность того, что он действительно был невиновен? Один исследователь, Людовик Кеннеди, почти наверняка уверен в этом. В начале 80-х годов Кеннеди взял на себя труд опросить еще раз всех свидетелей, которых смог найти, и более внимательно вникнуть в показания – в те, что были представлены в суде, и в те, которые там не фиксировались. Из его книги «Авиатор и плотник», написанной в 1985 году, с очевидной ясностью вытекает одно: если бы в суде были выслушаны все показания, то Хауптманн неминуемо был бы оправдан. Хауптманн прибыл в Америку безбилетным пассажиром в 1924 году, для него тяжелый период инфляции был отмечен несколькими записями о мелких кражах. В Америке его дела пошли на поправку: он и его жена много работали, и к 1926 году он уже мог давать деньги в долг и купить закусочную. После падения Уолл-стрит* он снял со своего счета 2800 долларов и начал скупать акции и облигации по самым низким ценам. У Хауптманна не было никакой причины для похищения ребенка Линдбергов, потому что по современным меркам в 1932 году он был очень обеспеченным человеком.

Исследования Кеннеди показали также, что история Хауптманна о его приятеле Исидоре Фише соответствовала действительности. Фиш был мошенни-

---

* Речь идет о знаменитом финансовом кризисе 1929 года (прим. ред.).

ком, игравшим на доверии людей. Они вместе с Хауптманном занимались куплей-продажей мехов, и Фиш действительно был должен Хауптманну 7000 долларов. Мошенничество его обнаружилось в Лейпциге только после его смерти в 1934 году.

Тогда как уплаченные в виде выкупа деньги попали к Хауптманну или Фишу? Наиболее вероятный вывод, к которому пришел Кеннеди, состоит в том, что скорее всего, сертификаты Линдберга были распроданы подпольными бизнесменами Нью-Йорка ниже их номинальной стоимости. Один осужденный купил несколько сертификатов по цене сорок центов за доллар. Нет ничего неправдоподобного в том, что Фиш, с его обширными связями в подпольном мире, купил большое количество денег, которые и оставил Хауптманну, отплывая в Европу. Судебно-криминалистическая экспертиза показала, что деньги действительно были подмочены, а затем высушены, что подтверждает правдивость истории Хауптманна, согласно которой он оставил их на верхней полке чулана и совершенно забыл о них.

Но главное открытие Кеннеди состояло в том, что большая часть улик против Хауптманна была сфабрикована. Сразу после ареста его заставили написать несколько предложений, позже в суде было сказано, что орфографические ошибки, допущенные Хауптманном в отдельных словах, совпадали с такими же ошибками из записок с требованием выкупа. Но это было неправдой. Сначала он все написал правильно, однако потом ему велели исправить некоторые слова, а именно: «singature» вместо «signature», «were» вместо «where» и «gut» вместо «good». Кроме того, суду были представлены данные о том, что графологическая экспертиза нашла почерк Хауптманна якобы идентичным почерку в записках. Кеннеди представил их образцы двум современным графологам, оба они с уверенностью сказали, что записки были написаны

разными людьми. В своем расследовании Кеннеди также установил, что Миллард Уайтед, сезонный рабочий, узнавший в Хауптманне человека, которого он якобы встречал в районе дома Линдбергов, ранее однозначно отрицал встречу с какими-либо подозрительными лицами. Позже ему предложили щедрое «вознаграждение», которое заставило его изменить первоначальные показания. Что до самого Линдберга, то во время допроса Хауптманна он по приглашению следствия тихонько сидел в углу комнаты, чтобы потом на суде суметь опознать в нем «Джона». Что касается телефонного номера в чулане, то Кеннеди установил, что запись была оставлена там одним из репортеров, Томом Кэссиди, сделавшим это «шутки ради». У Хауптманна не было повода записывать номер на двери, поскольку телефона у него не было, кроме того, номер имелся в телефонном справочнике. Номера купюр, записанные на двери, не совпадали с номерами на купюрах Линдберга.

Но самой серьезной уликой против Хауптманна, вне всяких сомнений, была, конечно, лестница, которая явилась «величайшей победой научного расследования всех времен и народов». Но при ближайшем рассмотрении все это вызывает сильные сомнения. Согласно исследованиям Келера, складом пиломатериалов в Бронксе было получено немного желтой сосны, и именно из материала этой партии могли быть изготовлены перекладины лестницы. Однако этот склад был одним из 30, которые получили аналогичные партии древесины. Человек, сделавший лестницу, мог купить материал на любом из них. Хауптманн правильно заметил на суде, что являлся плотником высокого класса, а лестница была делом рук любителя. Если бы суд присяжных не оставил данное замечание без внимания, это могло бы обернуться против Хауптманна под предлогом того, что он умышленно сделал это, чтобы запутать следствие, – тем более, что име-

лось однозначное заключение относительно «доски номер 16», выпиленной из половицы чердака Хауптманна. Как уже указывал Кеннеди, эта доска была «обнаружена» только после того, как миссис Хауптманн выехала из дома, бросив его на произвол следователей. Выглядит ли правдоподобным то, что Хауптманн, испытай он недостаток в древесине, воспользовался бы половицей, чтобы выпилить и подогнать по размеру нужную доску? Было бы проще взять другой кусок дерева. В конце концов он был профессионалом в своем деле. Кеннеди был совершенно уверен в том, что «доска номер 16» была сфабрикована детективом Борнманном или кем-то еще из следователей. Всю историю в целом он называет не иначе, как «Борнманн в стране чудес».

Итак, оглядываясь назад на это дело, мы видим, что «величайшая победа научного расследования всех времен и народов» целиком и полностью основывалась на фальсифицированных и скрытых от следствия показаниях. Полиция твердо верила в виновность Хауптманна и, где было нужно, укрепила следствие недостающими фактами. Хауптманн мог бы быть виновным, однако все вновь открывшиеся факты однозначно свидетельствуют в пользу его невиновности.

В другой книге, «Поиски ребенка Линдберга», написанной фон Райтом, присутствовавшим на судебном процессе в качестве репортера, высказывается еще одно, более неожиданное предположение. Суть его заключается в том, что «малек» Линдберг вовсе не был убит. Бизнесмен из Коннектикута по имени Гарольд Олсон с детства слышал разговоры о том, что он был сыном гангстеров, которого еще в младенчестве отдали в семью Роя и Сары Олсон. Его настоящим отцом, как ему сказали, мог быть и Аль Капоне. Но когда он вырос, родственники его матери заявили, что он мог быть сыном Чарльза Линдберга. К тому же и женщина, бывшая его няней в раннем детстве, одноз-

начно уверяла его в том, что он был ребенком Линдбергов. Возраст Олсона действительно соответствует возрасту малыша Линдбергов, а на его детских фотографиях у него такие же глаза, как у «малька» и такой же шрам на подбородке. Много лет потратил Олсон на то, чтобы раскрыть тайну своего происхождения. В конце концов он пришел к выводу, что похищение сына Линдберга было организовано гангстерами Капоне специально для того, чтобы выручить своего главаря из тюрьмы. Следует вспомнить, что Капоне и в самом деле предлагал свои услуги в поисках малыша в обмен на свободу.

Тогда труп какого ребенка был обнаружен в лесу? На помещенной в книге Райта фотографии видно, что от тела мало что уцелело, кроме костей скелета. Рубашечка, в которую был завернут мертвый ребенок, была настолько испорчена, что вряд ли можно доверять опознанию, сделанному Бетти Гау. В книге «Преступление Ричарда Хауптманна» имеется довольно странное показание, данное Уильямом Дж. Алленом, водителем грузовика, который обнаружил тело. Суть его в том, что земли по другую сторону дороги принадлежат «католической миссии, которая была чем-то вроде больницы для бездомных детей». Не могли ли останки, которые даже Линдбергам трудно было опознать, принадлежать одному из этих несчастных детей?

Конечно, это предположение может показаться далеко идущим, но одно совершенно ясно: на основании имевшихся у обвинения свидетельств Ричарда Бруно Хауптманна признавать виновным было нельзя.

15

ВОЛНА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Как вы могли заметить, до середины XIX века большая часть преступлений имели «экономический» мотив, то есть совершались из-за денег. Большинство людей едва сводили концы с концами. А как известно, секс для голодного человека не является вопросом первостепенной важности.

Одно из первых зарегистрированных преступлений на сексуальной почве было совершено в Англии в 1867 году. Трое детей, игравших на лугу вблизи города Олтон, графство Гэмпшир, увидели, что к ним приближается молодой человек по имени Фредерик Бейкер. Было известно, что с ним случались «приступы депрессии». Отец его также страдал от «всяких маний». Молодой человек работал клерком и был на «хорошем счету». Каждому из детей он дал по полпенни и уговорил восьмилетнюю Фанни Адамс пойти прогуляться с ним. Через несколько часов к Бейкеру пришла мать Фанни и поинтересовалась, что стало с ее дочерью. Бейкер казался спокойным и уверенным в себе. Он сказал, что девочка ушла купить себе конфет. Через несколько часов останки ребенка были обнаружены в зарослях хмеля. Тело ее было разрублено на мелкие кусочки и разбросано по всей округе. Первой обнаружили голову. Половые органы ребенка были вырезаны. Бейкер утверждал, что невиновен. Однако в его дневнике имелась запись следующего содержания: «Сегодня убил маленькую девочку. Было хорошо и жарко». Позже он пытался убедить суд присяжных в том, что запись означала: «Сегодня убита маленькая

девочка. День был хороший и жаркий». Но ему не поверили, и он был казнен.

Четыре года спустя, в 1871 году, за четыре убийства перед судом предстал француз Юзевий Пейданель. Суду присяжных он заявил, что происходит из респектабельного семейства и имеет хорошее образование. Напротив их дома в Винювилле располагалась лавка мясника, хозяином которой был господин Кристобаль. Запах свежей крови и куски мяса просто завораживали его: «Я начал завидовать помощнику мясника, который мог трудиться над тушей с закатанными рукавами и красными от крови руками». Кое-как молодому человеку удалось убедить родителей отдать его в ученики к Кристобалю. На бойне мясника он тайно от всех наносил животным ножевые удары и пил кровь. Но самое большое удовольствие он получал, когда ему разрешали зарезать животное самому: «Наивысшее наслаждение испытываешь, когда чувствуешь, как животное бьется у тебя под ножом. Жизнь из него уходит по лезвию ножа и передается прямо тебе в руку. Звук мощного удара, способного свалить вола, звучал для моих ушей самой божественной музыкой».

Отец мальчика стыдился профессии сына и решил отдать его в ученики юриста. Пейданель впал в глубокую депрессию, которая и привела его в конечном счете к убийству. Его первой жертвой стала 15-летняя девочка – он тайком проник в ее спальню. «Как только я взглянул на прелестное создание, моим первым желанием было поцеловать ее. Я наклонился... но остановился – какой смысл в украденном поцелуе? Мысль о том, что я разбужу ее, была мне непереносима. Я взглянул на ее прелестную шейку, и в тот же момент мне на глаза попался кухонный нож, лежавший рядом на тумбочке. Что-то непреодолимо потянуло меня к этому ножу». После убийства он пришел в ужас. Подавив в себе желание вновь испытать пережи-

тое, он даже уединился в лесной пещере. Но проку в этом оказалось мало. Охваченный непреодолимой страстью, он начал убивать. Его последней жертвой стал бывший хозяин, господин Кристобаль. После этого он сдался властям. Он молил присяжных приговорить его к смерти, утверждая, что покончил бы с собой, если бы не боялся совершить смертный грех, который послужит продолжением его падения и после смерти. Хиршфельд, оставивший запись об этом деле, не упомянул, однако, о том, каким был приговор.

В том же году итальянский юноша Винсент Верцени был обвинен в покушении на убийство нескольких женщин, которых он пытался задушить. Кроме того, он подозревался в трех убийствах. В поле была убита 14-летняя девочка, Джоанна Мотта. Смерть наступила в результате удушения: рот ее был забит землей. Тело ее было раздето, а половые органы вырваны. 28 августа 1871 года в поле была обнаружена мужем сеньора Фриджени. Она тоже была раздета, живот ее был вспорот так, что внутренности свисали наружу. Она была задушена шнурком. На следующий день за 19-летней девушкой Марией Превитали в поле пошел ее двоюродный брат, 22-летний Винсент Верцени. Там он повалил ее на землю и начал душить. Она взмолилась, чтобы он оставил ее в живых, и он в конце концов сбежал. После этого случая его арестовали.

Верцени признался в убийствах. Он объяснил их тем, что в тот момент, когда хватал женщин за горло, испытывал сильное сексуальное возбуждение, «невыразимо приятное чувство». За четыре года до этого он придушил в постели свою няньку, но, достигнув оргазма, отпустил ее. То же самое он проделал еще с двумя женщинами, в обоих случаях испытав оргазм. Однако в трех последующих случаях он продолжал душить своих жертв до момента их гибели.

Впервые Верцени понял, что душить других доставляет ему удовольствие, в 12 лет. Тогда он убивал

цыплят. Дома он говорил, что в курятник пробралась ласка. Потом в возрасте 18 лет он начал душить женщин. «Душить женщин доставляло мне невыразимое удовольствие, во время этого у меня были эрекции и я испытывал настоящее наслаждение. Еще мне нравился запах женской одежды... Но самое большое удовольствие я получил, выпив крови Мотты. Я забрал одежду и вынул кишечник потому, что мне страшно нравилось прикасаться к одному и другому, нравился их запах... Мне и в голову не приходило рассматривать половые органы и тому подобное. Мне было достаточно схватить женщину за горло и сосать ее кровь». Верцени был приговорен к пожизненному заключению.

В Бостоне в 1873 году у звонаря Томаса У.Пайпера произошла внезапная перемена характера. Он начал заглядываться на девушек и делать им непристойные предложения. В декабре того же года он набросился на служанку по имени Бриджит Ландреган и оглушил ее дубинкой. Потом он оттащил ее в кусты и раздел. Но когда проходивший мимо человек заинтересовался причиной шума и пошел посмотреть, в чем дело, парень испугался и убежал. Спустя несколько часов он оглушил другую девушку, Салливан, и изнасиловал ее, позже в больнице она скончалась. Таким же образом он оглушил спящую проститутку и изнасиловал ее, она тоже умерла в больнице.

В воскресенье 23 мая 1875 года в баптистской церкви на Уоррен Авеню Пайпер пригласил пятилетнюю девочку пойти посмотреть на голубей на колокольне. Там он ударил ее по голове крикетной клюшкой. Но отсутствие девочки не осталось незамеченным. Когда группа людей, искавших ее, поднялась наверх, Пайпер выбрался из окна и спрыгнул на землю. Тем не менее, его увидели и вскоре задержали. Потерявшую сознание девочку доставили в больницу, где она умерла. Пайпера признали виновным в убийстве и приго-

ворили к повешению. За пять дней до казни он признался в пяти убийствах на сексуальной почве, а также в изнасиловании нескольких детей. Еще он признался, что желание изнасиловать кого-либо обычно посещало его в состоянии опьянения.

В том же Бостоне в апреле 1874 года был допрошен 14-летний подросток по имени Джесси Померой, подозреваемый в убийстве четырехлетней девочки, Горации Муллен, чье изуродованное тело было обнаружено на болоте в районе Дорчестера. Двумя годами ранее Померой был приговорен к отбыванию наказания в исправительной школе за то, что раздевал, избивал и садистски, с применением ножа, издевался над мальчиками, которых хитростью заманивал в уединенные места. Таких мальчиков оказалось в общей сложности семь. Померой был высоким, долговязым парнем с заячьей губой и бельмом на глазу. Когда его доставили в участок, у него в кармане был найден окровавленный нож. Его туфли были испачканы такой же грязью, что была на болоте, где нашли тело девочки. С оставленных там отпечатков следов были сделаны гипсовые слепки, которые совпали с отпечатками подошв Помероя.

Померой жил с матерью, бедной швеей. Они переехали из дома на Бродвей-Стрит, что в южной части Бостона. Когда в июле 1874 года хозяин квартиры продал ее, рабочие, копаясь в подвале, обнаружили останки девочки примерно десяти лет. Она оказалась соседкой Помероев, по имени Мэри Карран, которая пропала еще в марте прошлого года. Померой сознался в ее убийстве, а также и в убийстве Горации Муллен. Еще он сказал, что им овладевало непреодолимое желание причинять боль, а детей он выбирал в качестве жертв потому, что справиться с ними не представляло никакого труда.

Померой был приговорен к смертной казни, однако, согласно апелляции, она была заменена пожизнен-

ным заключением. Большую часть заключения он провел в одиночной камере и, много читая, «стал высокообразованным человеком». Но им было предпринято несколько попыток побега. Одна из его наиболее дерзких попыток состояла в том, что он добрался до труб газоснабжения, проходивших за гранитной глыбой в стене его камеры. Повредив трубу, он дождался, пока камера наполнится газом, после чего чиркнул спичкой. Он надеялся, что взрывом выбьет дверь, так оно и случилось, только взрыв выбросил наружу также и Джесси Помероя. При этом он получил серьезные ранения, однако выжил. В газетах сообщалось, что во время возникшего пожара жестоко пострадали и другие заключенные, а некоторые даже погибли. Однако эта история звучит неправдоподобно. Из Чарльстонской тюрьмы Померой был переведен в федеральную психиатрическую лечебницу «Бриджуотер». Он умер в 1932 году, проведя в заключении 52 года.

В Париже 15 апреля 1880 года в квартале Гренель из дома пропала четырехлетняя Луиза Дре. На следующий день соседи стали жаловаться на черный дым, валивший из трубы, и сразу поняли, что это дело рук умственно отсталого 20-летнего парня по имени Луи Менеклу, который жил на последнем этаже того же дома, где проживала семья Дре. Прибывшая полиция обнаружила в его печи горевшую голову ребенка и внутренние органы. В кармане Менеклу было найдено предплечье, а другие части тела находились в туалете. В комнате Менеклу было также найдено стихотворение с такими словами: «Я увидел ее, я взял ее». Менеклу сознался, что задушил ребенка, а потом спал под кроватью с ее телом. Он с негодованием отверг мысль о том, что изнасиловал ребенка, и был очень удивлен, узнав, что половые органы девочки отсутствуют. Менеклу с девяти месяцев страдал от конвульсий. Родился он в семье, где уже имелись психические

больные, а также алкоголики. Мать его во время менструаций впадала в маниакальное состояние. Некоторое время Менеклу находился в исправительном учреждении, а потом пытался стать моряком, однако оказался «ленивым и неподатливым». После смерти его мозг был отправлен для изучения, как выяснилось, в нем имелись множественные очаги «болезненных» изменений.

Французский Джек Потрошитель, также известный под именем «потрошителя», действовал во Франции в 90-е годы прошлого века. В период с 1894 по 1897 годы он совершил в юго-западном районе, по крайней мере, 11 убийств. Первой его жертвой стала работница мельницы, 21-летняя Эжени Делом. Она была задушена, изнасилована и выпотрошена за живой изгородью у деревни Борепер близ Лиона. Двумя другими жертвами стали девочки-подростки, а потом 58-летняя вдова, которая была задушена у себя дома. В сентябре 1895 года неизвестный «потрошитель» стал насиловать и кастрировать мальчиков.

4 августа 1897 года крестьянка крупного телосложения по имени Мари-Эжени Плантье собирала сосновые шишки в лесу возле Турнона, когда сзади подкрался мужчина и набросился на нее. Он рукой зажал ей рот, но женщине удалось освободиться и закричать. На помощь прибежали ее муж и сыновья. После жестокой схватки мужчину наконец поборoли и доставили на ближайший постоялый двор. Там до прибытия полиции он играл на аккордеоне. Оказалось, этого человека звали Жозеф Вашер, он был бывшим солдатом 27 лет. У него была черная борода и гноящийся правый глаз. Осмотревшие его врачи отметили, что этот человек был подвержен приступам жалости к себе и вспышкам ненависти. В армии во время прохождения всеобщей воинской повинности он так разозлился из-за того, что не состоялось его назначение в капралы, что попытался перерезать себе горло, за что и был

уволен в запас. Еще он предпринимал попытку убить девушку, которая отказалась выйти за него замуж, а потом пытался застрелиться. Пуля вошла ему в правое ухо, сделав его глухим и парализовав лицевые нервы с правой стороны. Помещенный в психиатрическую лечебницу, в апреле 1894 года он, как поправившийся пациент, был выпущен. Тогда он и начал свой путь убийцы. Несмотря на все попытки докторов убедить суд в его психической неполноценности, Вашер все же был признан виновным и казнен.

Суд над Вашером еще не закончился, когда в деревне Лехтинген, возле Оснабрюка, пропали две девочки школьного возраста, вскоре тела их были обнаружены в соседнем лесу. Убийца разрубил их на кусочки, которые разметал с такой силой и на такой большой площади, словно пребывал в состоянии дикой ярости. Подозрение пало на плотника Людвига Тесснова, которого видели вблизи того места. Пятна на его одежде были похожи на кровь. Но он упорно твердил, что это краска. За отсутствием улик полиция была вынуждена отпустить его. Поскольку он не стал скрываться и остался жить в деревне, многие жители поверили в его невиновность. Год спустя он уехал.

1 июля 1901 года домой в деревне Горен на острове Рюген на Балтийском побережье не вернулись два брата. Одному было шесть, а другому восемь лет. Их изуродованные тела были найдены в зарослях, у одного из них было вырезано сердце (его, кстати, так и не отыскали).

Подозрение снова пало на Тесснова, проживавшего в Горене. У него в доме нашли пару испачканной чем-то обуви, а на свежевыстиранной одежде тоже остались темные пятна. Он вновь твердо заявил о том, что это была краска. Фермер, у которого с особой жестокостью была зарезана овца, признал в Тесснове человека, который, по его мнению, убегал с места преступления. Тесснов снова отрицал все. Ведущий

дело следователь запросил предшествующее дело из Лехтингена. Стоило ему узнать, что и там подозреваемым был Тесснов, все его сомнения насчет убийцы развеялись. На этот раз – как уже описано в главе 10 – Пауль Уленхут взялся идентифицировать обнаруженные пятна. Одежда подозреваемого была прислана ему, и в скором времени он с уверенностью заявил, что многочисленные пятна на одежде были пятнами крови – как человеческой, так и овечьей. Тесснов был признан виновным в преступлениях и казнен.

Следует отметить, что у всех этих отталкивающих случаев есть некие общие черты. Вот уже в который раз мы сталкиваемся со странным непреодолимым желанием преступника задушить жертву или разорвать на части. В большинстве случаев в истории болезни преступника имеются сведения о психических отклонениях и алкоголизме в семье. (На основании этого можно предположить, что у Джека Потрошителя ситуация была ничуть не лучше.) Словом, Бейкер, Пейданель, Пайпер, Верцени, Померой, Менеклу, Вашер и Тесснов – все они были психически неуравновешенными. Доктор Магнус Хиршфельд, специалист по сексуальным отклонениям, хорошо известный своими либеральными взглядами, благодаря которым снискал ненависть общественности, негодовал по поводу того, что людей с ярко выраженными психическими отклонениями вроде Тесснова отправляли на казнь. Общепризнанным считался факт, что сексуальные убийцы все, как один, были людьми психически нездоровыми.

Однако уже в 80-х годах прошлого века стало ясно, что вовсе не обязательно быть сумасшедшим, чтобы совершить преступление на сексуальной почве. В Сан-Франциско молодой управляющий воскресной школы по имени Теодор Дюррант заманил девушку, Бланш Ламонт, на колокольню Эмануэльской баптистской церкви и там задушил ее, после чего изнасиловал.

Пока тело оставалось необнаруженным, он неделю спустя привел в церковную библиотеку подругу Бланш, Минни Уильямс, где на некоторое время оставил ее. Вернулся он без одежды. Увидев его, девушка вскрикнула, Дюррант задрал ей юбку и заткнул ею рот девушки, потом изнасиловал ее и заколол ножом. Потом он изнасиловал ее во второй раз. Вечером того же дня после вечерней молитвы он снова вернулся в библиотеку и, возможно, снова изнасиловал уже мертвую Минни Уильямс.

После того как выяснилось, что Дюррант был последним человеком, с кем видели Минни Уильямс, он был арестован. Тем временем на колокольне было обнаружено и тело Бланш Ламонт. Психиатрическое обследование показало, что Дюррант был совершенно здоров. Продолжительный судебный процесс по его делу стал сенсацией, не оставшейся без внимания репортеров Европы. Несмотря на многочисленные апелляции, поданные преступником, он все же был повешен. Из полученных показаний стало ясно, что оба убийства были спланированы заранее и не являлись следствием внезапного импульса. А повторные акты насилия, совершенные преступником над телом Минни Уильямс, служили ярким свидетельством очевидности мотива преступления, в основе которого лежало неудержимое половое влечение в сочетании с чувством сексуальной неудовлетворенности.

В 1902 году в один из домов Сан-Франциско обманным путем (по объявлению о работе в качестве няни) заманили 14-летнюю девочку по имении Нора Фуллер. Месяц спустя было найдено ее обнаженное тело. Установили, что она была задушена и изнасилована, после чего ей, уже мертвой, были нанесены физические увечья. По подозрению в убийстве полиция принялась разыскивать клерка по имени Чарльз Б. Хадли, который поместил объявление в газете, но обнаружить его следы не удалось.

Первое зарегистрированное в Австралии убийство на сексуальной почве имело место в Гаттоне, к западу от Брисбейна, 26 декабря 1898 года. Гаттон представлял собой сельскохозяйственную общину. В «день подарков» (второй день Рождества, когда подарки получают слуги, посыльные и т.п.) были устроены танцы. Два брата и две сестры решили сходить поразвлечься. Патрик Мэрфи отправился верхом, его старший брат Майкл, 29 лет, поехал туда с сестрами – Норой, 27 лет, и 18-летней Эллен в легкой двухколесной коляске. Но, поскольку пришло слишком мало народу, танцы были отменены, и экипаж повернул к дому, находившемуся всего в шести милях от танцевального зала. Однако домой он так и не прибыл. Утром на поиски пропавших отправился один из родственников. Он обнаружил их без признаков жизни в ближайшем загоне для скота. Одежда девушек была измята и разорвана. Согласно медицинскому освидетельствованию, они были изнасилованы. Руки Эллен были связаны у нее за спиной носовым платком, погибла она от сильного удара по голове «тяжелым, тупым предметом». Руки Норы тоже были связаны, вокруг ее шеи была затянута полоска ткани. Майкл также был убит сильным ударом, лошадь застрелена. Создавалось впечатление, что орудовали, по крайней мере, два человека, которые остановили коляску и заставили ее въехать в загон, где и были обнаружены убитые. Сначала, по всей видимости, тяжелым ударом свалили Майкла Мэрфи, затем связали и изнасиловали девушек, после чего они были убиты. Несмотря на то, что число подозреваемых оказалось велико, ни один из них привлечен к судебной ответственности не был.

Итак, в криминалистике появилось новое явление – «преступления на сексуальной почве» (в современном понимании этого термина). Однако сенсационные преступления такого рода совершались довольно редко. В апреле 1914 года в городе Атланта, штат

7 Зак. 1759

Джорджия, 14-летняя девочка Мэри Фейган отправилась на карандашную фабрику, чтобы получить зарплату. На следующий день ее обнаружили мертвой в подвале дома. Мотив убийства был сексуальным, однако акт насилия завершен не был. Под подозрение попал управляющий фабрикой, еврей по имени Лео Франк. И несмотря на то, что улики явно указывали на чернокожего ночного сторожа Джима Конли, на скамье подсудимых оказался обвиненный в убийстве Франк. Он был приговорен к пожизненному заключению, но вскоре после вынесения приговора озверевшая толпа захватила тюрьму, увезла Франка за 125 миль от города и линчевала. Прошло более 60 лет, и свидетельство человека, видевшего, как Джим Конли перетаскивал тело девочки, установило невиновность Франка, вследствие чего тот был посмертно оправдан. Дело получило беспрецедентную огласку, были распроданы сотни тысяч газет с его описанием. Оглядываясь назад, становится ясно, что в вынесении смертного приговора Франку были повинны беспринципные газетчики, сочинявшие «скандальные» истории о нем для поднятия тиража своих изданий.

Но почему преступления на сексуальной почве возникли именно на данном этапе истории? О причине этого мы уже говорили в предыдущих главах. Появление такого рода преступлений было предсказано еще в 1889 году Толстым в его повести «Крейцерова соната». Вот как убийца жены Позднышев объяснил причину своего поступка: ревность в нем зародилась тогда, когда вместе с молодым аристократом жена играла «Крейцерову сонату» Бетховена для фортепиано и скрипки. Вот в чем, по словам Позднышева, заключается проблема нынешнего общества: не так давно многим людям для того, чтобы выжить, нужно было трудиться в поте лица с рассвета и до заката, даже у дворян было много дел, чтобы содержать в

порядке собственные поместья. Сейчас же появилось слишком много свободного времени, в результате чего общество впало в какое-то сексуальное безумие. Когда людям нечем занять свои пустые головы, они позволяют себе заводить «романы», что на деле означает «половые связи».

Рядовому крестьянину, говорит Позднышев, некогда заниматься такой ерундой: он встает с восходом солнца и с наступлением темноты совершенно без сил засыпает. Секс для него – средство продолжения рода человеческого, как учит католическая церковь. Половой акт оправдан только тогда, когда направлен на воспроизведение себе подобных. Во всех остальных случаях он не более чем потворство плотским желаниям, нечто вроде мастурбации.

Учитывая то обстоятельство, что это было написано всего год спустя после убийств Джека Потрошителя, данное рассуждение поражает нас проницательностью и глубиной анализа. В результате промышленной революции огромное число людей получило массу свободного времени, и секс вдруг приобрел для них чрезвычайную важность, которая нашими предками была бы воспринята не иначе, как нечто сильно преувеличенное. Это новое отношение отразилось в пуританстве викторианцев и той стыдливости, которую они проявляли, имея дело с естественными отправлениями. Даже ножки стола были прикрыты свисавшими до пола скатертями, чтобы мысль о ножках не могла ввергнуть благовоспитанных дам в краску. Даже название нижнего белья, «drawers» (кальсоны), буквально означающее «то, что натягивают», вызывало смущение, поскольку значение этого слова предполагало и обратное действие, то есть то, что стягивают. Название женского белья «knickerbockers» (панталоны) приняло сокращенную форму «knickers», то есть короткие брюки. (В легкой промышленности оно до сих пор используется как название брюк для мальчи-

ков.) Но со временем и это слово стало казаться достаточно «бесстыдным», и к середине XX века его заменили на «panties». В Америке, где многочисленные половые связи весьма обычны, нижнее женское белье теперь имеет общее название «underpants». Нам же остается только ждать, чтобы посмотреть, скоро ли изменится и оно.

Жаркие споры о границах вмешательства цензуры, имевшие место в конце XIX – начале XX веков, также являются свидетельством этого нового отношения к вопросам секса. Филдинг, Смоллетт и Стерн писали о половых отношениях без всякого стеснения, так же, как Рабле свободно писал о выделительных функциях наших органов. Для названных писателей это были всего-навсего естественные моменты человеческого существования. Таким же литераторам, как Золя, Стриндберг, Г. Дж. Уэллс и Д. Г. Лоуренс, приходилось бороться за право описывать жизнь хотя бы с некоторой долей реализма. Все же необходимо отметить, что защитники «чистоты» в определенной степени были правы. Сексуальные сцены нельзя ставить вровень, скажем, с изложением кулинарных рецептов, хотя бы потому, что уже простое описание полового акта вызывает сексуальное возбуждение. «Пуритане» считали, что если писателям разрешить описывать половые отношения без всяких ограничений, то общество вскоре станет «сексуально озабоченным», в результате чего возрастет безнравственность и уровень преступности. В этом они были совершенно правы. Эпоха сексуальных преступлений началась одновременно со сражениями против цензуры.

В 1890 году Эмиль Золя хорошо нажился на сенсации, вызванной описаниями убийств в его романе «Человек-зверь». В нем повествуется о мужчине, охваченном садистским стремлением мучить женщин, фактически, сюжет основывался на деле Юзевия Пейданеля. Золя был первым писателем, описавшим

состояние человека, находящегося во власти патологической сексуальной страсти. 18 лет спустя подобный фурор произвел Анри Барбюс, создав роман «Ад». В нем речь идет о человеке, который в стене своего гостиничного номера нашел маленькую дырочку, позволившую ему подглядывать за жизнью постояльцев соседнего номера, и все свободное время проводил, наблюдая за своими постоянно менявшимися соседями. В основу романа лег реальный случай, имевший место в то время, когда один официант проделал отверстие в стене номера, где останавливались молодожены, и массу времени проводил, подглядывая за его обитателями и мастурбируя. Эти два примера являются лишь отражением происходившей в тот период перемены в отношении к сексу, а именно – нараставшего интереса к нему. Но искусство всегда служило своего рода катализатором, и в течение десятилетия отношение к сексу благодаря литературному влиянию изменилось. Скотт Фитцжеральд полагал, что он всего лишь отражал в своих произведениях «Век джаза», а на самом деле , как это стало ясно по прошествии времени, он вместе с себе подобными сыграл важную роль в его создании.

Первая мировая война стала своего рода водоразделом. В 1916 году в деревне близ Будапешта один кузнец заинтересовался большим количеством цистерн для нефти, что были в мастерской, и открыл одну из них. В ней оказалось обнаженное тело женщины, засунутое туда в скрюченном положении. В шести других цистернах также были обнаружены трупы женщин. Предыдущий жилец дома, Бела Кисс, сражался на фронте и пойман не был. В 1919 году в Париже был задержан лысый мужчина по имени Ландрю. Он обвинялся в убийствах десяти женщин и одного юноши, совершенных им на протяжении пяти лет. В 1921 году в Берлине соседи по квартире услышали за стеной шум борьбы и вызвали полицию, перед

глазами которой предстал лежавший на кровати труп только что убитой девочки со скрученными ногами и руками. Убийца намеревался приступить к его расчленению. Георг Гроссманн, садист, предпочитавший детей в качестве жертв, на протяжении всех лет войны занимался тем, что убивал девочек и торговал их мясом. В 1924 году В Мюнстерберге за попытку покушения на жизнь молодого поденщика был задержан мужчина по имени Карл Денке. В его доме были обнаружены засоленные куски тел еще десятка подобных поденщиков, был также раскрыт могильник с останками еще 30 жертв, как оказалось, среди них были и женщины. Денке жил за счет торговли их мясом. В 1924 году в Ганновере был арестован мясник Фриц Харманн. Он был гомосексуалистом, который, начиная с 1918 года, насиловал и убивал молодых людей, а затем торговал их мясом.

Во всех этих случаях, однако, прослеживается «экономический» мотив. Известно также, что все названные убийцы, включая Кисса и Ландрю, отличались сексуальной ненасытностью. В их случаях имело место причудливое смешение сексуального и экономического мотивов.

В середине 20-х годов почти во всех развитых странах наблюдался ярко выраженный рост преступности на сексуальной почве, хотя в Америке эта тенденция была выражена более отчетливо, чем в Европе, где еще преобладали старые типы преступлений. Но даже в Америке имело место смешение сексуального и экономического мотивов. В деле о «сожжении машин» в Ипсиланти в 1931 году – запомнилось оно еще и тем, что убийцам удалось избежать линчевания, – первоначальным мотивом была кража. Трое бывших заключенных поймали две парочки 16-летних влюбленных и обобрали их (на два доллара). Затем одну из девушек изнасиловали, по-видимому, из-за того, что грабители остались недовольны

своим уловом, когда остальные оказали сопротивление, то были убиты. Это преступление насквозь пронизано беспокойным духом 20-х годов, начиная с контрабандного виски, которое пили бывшие каторжники прежде, чем решиться пойти на грабеж.

В Англии в 30-е годы тип убийств оставался прежним: вспомним преступления Сиднея Фокса, Уильяма Герберта Уоллиса, Роуза (убийцы, поджегшего автомобиль), Манчини («брайтонского убийцы»), Ракстона. Дело любого из них могло бы лечь в основу романа вроде произведения «Мы невиновны», на написание которого автора вдохновило дело Криппена. В каждом из них ощущается атмосфера предыдущего десятилетия. Вам ничего не стоило бы вообразить, что их расследованием занимался Шерлок Холмс.

С другой стороны, в Америке нарастала волна злодейских, немотивированных убийств на сексуальной почве. Убийства при этом совершались случайно или же с целью избежать в будущем узнавания и задержания. Типичным для того периода является дело Джерри Томпсона. Томпсон, 25-летний инженер из Пеории, штат Иллинойс, в 1935 году был обвинен в убийстве Милдред Холлмак. Полуобнаженное тело девушки было обнаружено на кладбище. Когда полиция, обещая полную анонимность, обратилась за информацией к женщинам, то оказалось, что за последние полтора года было изнасиловано более 25 женщин. Дело обстояло следующим образом. Когда они ожидали автобуса на остановке, к ним подходил молодой человек приятной наружности и предлагал подвезти. Он отвозил пассажирку в какое-нибудь уединенное место и насиловал ее. Если жертва оказывала сопротивление, избивал ее или оглушал. Несколько раз он фотографировал обнаженных девушек, освещенных светом автомобильных фар, угрожая отправить фотографии родственникам в случае, если они не будут молчать. Милдред была дочерью человека, с которым

Томпсон вместе работал, поэтому на предложение подвезти она согласилась, ни минуты не колеблясь. Когда она оказала насильнику сопротивление, то он сначала оглушил ее, а потом изнасиловал. Возможно, он решил убить ее, чтобы избежать огласки. Согласно его собственной версии, Томпсон понял, что она мертва, только после того, как совершил над ней надругательство. Одна из прежних жертв Томпсона – девушка, изнасилованная и сфотографированная им шестью месяцами раньше – встретила своего обидчика на танцах и узнала его. Когда полиция обратилась к населению за информацией, она была одной из тех женщин, что откликнулись на эту просьбу. В комнате Томпсона были найдены дневники с детальными описаниями актов насилия и фотографии обнаженных девушек. В полиции он признался, что насилует женщин с 16-летнего возраста и что за этот срок его жертвами стали более 50 женщин.

В 1935 году начались убийства, получившие название «кливлендский торс». Совершавший их убийца был, несомненно, садистом типа Джека Потрошителя. С сентября 1935 года по август 1938-го «безумный мясник с Кингсбери-Ран» (как газеты окрестили его) убил не менее дюжины мужчин и женщин. Большинство из них были отбросами общества или проститутками. Во многих случаях у жертвы отсутствовала голова (в шести случаях головы так и не были обнаружены), в двух случаях он одновременно совершил два убийства, а тела расчленил. Элиотт Несс, занявший пост руководителя департамента общественной безопасности Кливленда (после «чистки» Чикаго), резонно предположил, что убийца должен быть крупным, сильным мужчиной, возможно, гомосексуалистом, у которого есть автомобиль и, вероятно, свой дом (где он мог спокойно расчленять трупы). Запрос в социальные органы Кливленда помог найти человека, соответствовавшего описанию, которым, как сказано в документах

Несса, оказался Оскар Фрейли. Несс повстречался с подозреваемым и сказал ему о своих подозрениях. Но, пока люди Несса пытались набрать необходимый для предъявления обвинения материал, тот добровольно обратился в частную психиатрическую лечебницу, и убийства сразу же прекратились.

В Англии в 40-е годы произошло несколько убийств на сексуальной почве, большая часть которых была совершена отчаявшимися солдатами-отпускниками, но ничего такого, что могло бы сравниться с американскими убийствами, не было. Такая ситуация оставалась до 50-х годов, когда наступила эпоха Хита и Кристи. Дело Альфреда Уайтвея (1953 год) в некоторых деталях напоминает случай с насилиями в Пеории. Уайтвей в свои 22 года уже был насильником с изрядным опытом. Его решение убить двух девочек-подростков близ Теддингтона было продиктовано, вероятно, тем, что одна из них узнала его, когда он напал на них.

Тем временем в Америке продолжался рост числа садистских и прямо-таки зверских преступлений. В 1946 году была совершена серия «лунных убийств». В 1947 году всю страну потрясло дело «Черной Лилии». На заброшенном участке земли было найдено тело Элизабет Шорт, собиравшейся стать киноактрисой. Труп в области талии был разрезан на две части и страшно изуродован ножом. Патологоанатом установил, что жертва была подвешена вниз головой за ноги, и в таком состоянии ей, еще живой были нанесены многочисленные ножевые ранения. Затем тело было разрезано пополам и тщательно вымыто. Несмотря на интенсивные поиски, преступник так и не был пойман. (По-видимому, следует предположить, что вскоре после совершения убийства он покончил с собой.) В этом преступлении созналось довольно большое число мужчин, но все их признания оказались ложными. Также было совершено несколько сходных, носящих имитационный характер, преступлений.

В декабре 1953 года поступило сообщение, что в районе Памплико, штат Южная Каролина, пропала влюбленная парочка. Полуобнаженное тело 16-летней Бетти Кейн вскоре было обнаружено в свежевырытой могиле. Головы у трупа не было. Голова была найдена позже в могиле с телом ее жениха, Генри Аллена. В преступлении был обвинен сбежавший заключенный Реймон Карни, 37 лет. Он заявил, что мотивом преступления послужил грабеж, однако медицинское освидетельствование тела показало, что девушка была изнасилована. Осталось неизвестным, для чего преступнику понадобилось отделять голову жертвы от туловища, неясно также, когда это было сделано – до совершения насилия или после. Доподлинно известно только одно: что убийца был садистом.

В 1959 году в Майами, штат Флорида, произошло убийство, во многих аспектах напоминавшее дело Элизабет Шорт, «Черной Лилии». Жертвой стала 53-летняя старая дева, работавшая секретаршей. В ночь на 14 декабря Этель Айон Литл вернулась домой. Она разделась, чтобы лечь спать, когда прятавшийся в кладовке человек выскочил и сбил ее с ног. Потом он положил ее на постель и привязал руки и ноги к стойкам кровати. Подробное описание того, что происходило дальше на протяжении шести часов, так и не было опубликовано в газетах. Известно только одно – что все это время она подвергалась издевательствам сексуального извращенца и маньяка до тех пор, пока от шока и потери крови не скончалась. Следов спермы обнаружено не было, однако, судя по природе полученных ранений, включая следы от укусов, можно однозначно сказать, что нападение было совершено на сексуальной почве. Несмотря на принятые полицией меры, включая массовые снятия отпечатков пальцев, убийца так и не был найден.

В Англии в том же месяце произошло убийство, похожее на двойное убийство, совершенное в Южной

Каролине. В канун Рождества пьяный 28-летний ирландский рабочий, Патрик Берн, влез в женское общежитие в Эджбастоне, Бирмингем, в надежде подсмотреть, как девушки будут раздеваться. Когда он заглянул в одну из комнат, оттуда вышла девушка и сразу же подверглась нападению с его стороны. Он задушил и изнасиловал ее. Потом ножом для резки хлеба отрезал ей голову. Потом еще раз изнасиловал ее. Все это возбудило Берна до такой степени, что он отправился на поиски новой жертвы. Но когда он ударил еще одну девушку по голове, кто-то закричал, он испугался и убежал. В списке подозреваемых Берна не было, однако, когда по прошествии семи недель его вызвали на допрос, как и всех мужчин проживавших в этом районе, он сразу же во всем признался. Он рассказал и о том, что часто предавался садистским фантазиям в отношении женщин, а Стефани Бэрд убил в отместку всем женщинам, чтобы «показать им наконец-то задницу за то, что вызывали такое нервное напряжение».

Эти примеры, взятые почти произвольно, позволяют увидеть, как изменился тип тяжких преступлений за последние 30 или 40 лет. Убийства, известные под названием «кливлендский торс», как и убийства Джека Потрошителя, стоят в стороне, поскольку являются исключением из правила, предвестником грядущего. Мы видим, как медленно менялся мотивпреступлений – от чисто денежного до чисто сексуального – приблизившись наконец к типичным для конца XX века убийствам, которые можно охарактеризовать как «вызов обществу». Все эти убийства связывает один общий признак, в их основе один общий мотив: ненависть к обществу, выраженная через жестокость. Довольно трудно, правда, выделить «типичный пример», поскольку характерные черты быстро изменяются.

Растет число нетипичных случаев. Так, Ричард Спек, убивший в 1966 году в Чикаго восемь медицин-

ских сестер, из которых только одна была изнасилована, тем не менее, был убийцей с сексуальным мотивом. 11-летняя Мэри Белл из Нью-Касл-он-Тайн просто так, «ради смеха», задушила в 1968 году двух малышей трех и четырех лет. Из-за сильного отрицательного влияния, которое она оказала на 13-летнюю девочку (также обвиненную вместе с ней), прокурор назвал ее «злобной Свенгали»*.

14 июля 1970 года патрульный калифорнийской полиции задержал двух мужчин, управлявших украденным автомобилем. Один из них, Дин Бейкер, бородатый хиппи, признался полицейским: «У меня проблема. Я – людоед». Потом он рассказал им, как застрелил человека, который взялся подвезти его возле Йеллоустонского парка, как вырезал у него сердце и съел его. В его карманах были найдены пальцы убитого, которые преступник решил сохранить на память. В реке были обнаружены куски расчлененного трупа, все – кроме сердца.

Проявление протеста против общества отчетливо прослеживается в немотивированных актах насилия, что особенно характерно для Америки. Большой проблемой стала стрельба «снайперов». Обычно снайперы скрываются за чуть приоткрытым окном или за парапетом крыши, где их очень трудно заметить. Так, в Нью-Йорке стрельба снайперов с крыш по проходящим в Гарлеме поездам стала настоящим бедствием. Еще 20 лет назад психологи однозначно заявили, что снайпер – это человек, движимый сексуальной агрессией, ружье в его руках является заменителем пениса. Сегодня агрессия имеет, скорее, социальные корни. 3 июля 1968 года человек, взобравшийся на крышу туалета на детской площадке в Центральном парке

---

* Свенгали – персонаж известного романа Д. Дюморье «Трильби», который, используя гипноз, открывает в девушке талант певицы и подчиняет ее своей воле (прим. ред.).

Нью-Йорка, открыл беспорядочный огонь, в результате, пока полиция не уложила стрелка, были убиты 80-летний старик и 24-летняя девушка. Снайпером оказался болгарский иммигрант «с глубоко укоренившейся ненавистью к коммунизму», которая, похоже, обернулась глубокой ненавистью к американскому обществу.

Приведенные выше замечания, возможно, напомнят почитателям мрачно-зловещих произведений Лавкрафта отрывок из его наиболее знаменитого рассказа «Зов Стульху». Стульху – патриарх «древних старцев», монстровидных чудовищ, когда-то обитавших на Земле, но которые, занимаясь черной магией, разрушили свою цивилизацию. Стульху пребывает на дне Атлантического океана в состоянии транса, но время его возвращения приближается. Художников всего мира посещают пугающие видения огромных чужих городов. Один профессор, который, похоже, понимает, что происходит, собрал газетные вырезки, в которых говорится о проявлениях странных психических воздействий.

Вот сообщение о ночном самоубийстве в Лондоне: одинокий человек с диким криком выпрыгнул из окна. Вот невнятно написанное письмо к редактору одной газеты в Южной Америке, автор которого на основании своих бредовых фантазий рисует пригрезившиеся ему ужасные картины будущего. В депеше из Калифорнии описывается теософская колония, раздающая всем белые одежды для какого-то «славного свершения», которое так и не наступает, в то время как сообщения из Индии предупреждают о серьезных местных беспорядках, которые грядут в конце марта. В Гаити продолжают множиться колдовские оргии, из отдаленных африканских поселений доносится зловещее бормотание. Американским офицерам на Филиппинах некоторые племена кажутся чрезмерно докуч-

ливыми. В ночь с 22 на 23 марта полицейские Нью-Йорка оказались окруженными толпой истеричных жителей Леванта. Западная Ирландия также полна диких слухов и выдумок, а один фантастичный художник по имени Ардуа-Бонно на весеннем вернисаже 1926 года в Париже выставил богохульное полотно «Приснившийся пейзаж». А в психиатрических лечебницах фиксируется так много всевозможных волнений, что только чудо не позволяет медицинскому персоналу отмечать странные параллели...

Читатель понимает, что, напиши Лавкрафт все это в 1988, а не 1928 году, список непременно пополнился бы убийствами Мэнсона, убийством семьи Ота, каннибализмом Дина Бейкера и преступлениями «Зодиака».

Литературная параллель является более значимой, чем это может показаться на первый взгляд. Произведение Лавкрафта – это не просто гротесковый эскапизм. Когда автор говорит о «богохульном» приснившемся пейзаже, это вовсе не означает, что он имеет в виду непристойную насмешку над христианской религией: скорее, речь идет о каких-то жутких, страшных, тошнотворных созданиях, вроде странных грибовидных существ с картин Иеронима Босха. Романтизм Лавкрафта стал горьким и мрачным: он не уводит читателя в мечтательные миры, как Китс и Шелли. Он создает кошмары, посредством которых выражает свое отвращение к современной цивилизации. Он совершенно без ума от слова «отвращение», в которое вкладывает вполне определенный смысл: «чувство омерзения при виде чего-то склизкого, гадкого». В одном письме он пишет о «несметных ордах мерзких азиатов, протащивших свои грязные кости по улицам, по которым когда-то ходили белые люди», другим объектом его «безумного физического отвращения» стали семиты, заполонившие нью-йоркскую подземку, он добавляет также, что часто испытывал желание убить кого-

нибудь из них. Это напоминает определенные отрывки о евреях из «Майн кампф». Но было бы ошибкой навесить на Лавкрафта ярлык эксцентричного рационалиста. Ненависть – это застывший романтизм, несбывшаяся мечта о прекрасном. (Антисемитизм Гитлера пустил корни в Вене еще в те годы, когда он был неудачливым молодым художником, скитавшимся по ночлежным домам.) Еще раз мы можем сказать, что «корни любви уходят в глубины ада».

Источником вдохновения Гитлера стала работа англичанина, Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы девятнадцатого века». В переводе на немецкий язык книга появилась в Вене в 1899 году. В ней идет речь о двух «чистых» расах: евреях и арийцах, а также лишенных этнической чистоты жителях Средиземноморья. В ней содержится пространное ностальгическое исследование наследства, оставленного Грецией и Римом. В результате автор приходит к выводу о том, что германцы являются истинными наследниками всей этой славы. (Автор также указывает на то, что Иисус почти наверняка был арийцем.) Чемберлен приводит довольно убедительные доводы в пользу того, что германская культура является величайшей в Европе, указывая, что ее музыка, литература, философия превзошли все, созданное в остальных европейских странах. Будущее запада, вещает Чемберлен, находится в руках нации, давшей миру Баха, Бетховена, Гете, Канта, Гегеля, Вагнера...

На Гитлера все это произвело глубокое впечатление, также на него сильно действовала музыка Вагнера и философия Ницше. (Он по многу раз слушал все оперы Вагнера.) Сам Вагнер тоже идеализировал немецкое прошлое (мейстерзингеры Нюрнберга, рыцари тевтонского ордена), и поэтому нацизм воспринимался как идеалистический бунт против тех же аспектов современного мира, которые Лавкрафт так ненавидел, а именно: материализм и принижение роли культуры.

«Отвращение» Лавкрафта выражалось в картинах видений далекого кошмарного прошлого, которое еще может вторгнуться в наш нынешний мир, ненависть Гитлера нашла свое воплощение в Бухенвальде и Бельзене. Однажды в разговоре с Германом Раушнингом Гитлер заметил, что, несмотря на то, что он не в большом восторге от Гете, одной только его строчки «Вначале было дело» уже достаточно, чтобы восхищаться им. Та же идея выражена в строчке Уильяма Блейка «Желать и действовать, чтобы не пасть». Гитлер желал и действовал, Лавкрафт желал, но оставался в бездействии. Теперь, когда мы уяснили себе, каким духом проникнуты его творения и какой смысл кроется в его «богохульных» ужасах и мерзостях, мы в состоянии понять нечто важное относительно Нормана Джона Коллинза и убийцы «Зодиака», так же как относительно Чарльза Мэнсона и Айана Брейди. Основная направленность произведений Лавкрафта имеет то же происхождение, что и дух литературных трудов маркиза де Сада. Главным в них остается желание шокировать, потрясти кулаком перед лицом современной цивилизации. Использование ужаса как литературного приема является главным средством для достижения цели. В действительности многие рассказы Лавкрафта, скорее, относятся к жанру научной фантастики, чем к «триллерам». Огромные подземные города, построенные миллионы лет назад, странные обитатели космического пространства – такие темы не обязательно должны вызывать страх. Лавкрафт предпочитает, однако, передавать эти реалии посредством внушения ужаса, поскольку «триллер» выражает агрессивность, а научная фантастика нет.

В рассказе «Тот, кого нельзя назвать» персонаж, от лица которого ведется повествование, автор «триллеров», упоминает о том, что один из его рассказов появился в журнале в 1922 году, но тогда большинство магазинов «сняли его с прилавков из-за жалоб глупых

слабаков». Действительно, такой факт имел место в жизни – только в 1924 году, и объектом поднявшейся в Лондоне шумихи стал не Лавкрафт со своим рассказом, а К.М.Эдди и его «Любимые мертвецы», в результате чего его «Роковые сказки» подверглись нападкам за их непристойность, а не за то, что пугали слабаков. В этом рассказе повествуется о некрофиле, ставшем сексуальным маньяком-убийцей. Рассказчик так говорит о своем детстве: «Воспитанный в духе строгой аскетичности, болезненный, бледный, маленького роста, подверженный приступам болезненной замкнутости, я всегда изгонялся из общества своих здоровых, нормальных сверстников...»

В 15 лет он видит своего мертвого деда: «Гибельный, зловредный дух, исходивший, казалось, от самого тела, оказывал на меня магнетическое воздействие. Но по прошествии двух недель, в течение которых он испытывал это болезненное возбуждение, он снова вернулся к своей «прошлой апатии» (что очень похоже на «инфантильный аутизм» ван Зона.) После смерти родителей он идет в помощники к владельцу похоронного бюро. Каждый труп вызывал в нем «возрождение того неудержимого смятения чувств, учащение пульса, что превращало жуткую работу в одну из самых любимых привязанностей». Потом он недвусмысленно добавляет: «Но каждое плотское наслаждение настоятельно требует своей дани». Он становится кем-то вроде Джека Потрошителя, проделывая всякие (конкретно не указано, какие) «жуткие вещи с внутренностями». Иногда трупы его жертв присылались ему для бальзамирования («О, такие редкостные и сладостные воспоминания!») Но после того, как его заметили обнимающим труп, он был уволен. К счастью для него, началась война 1914 года, что дало ему еще четыре года «чудесных наслаждений». Вернувшись в Америку, он снова занялся преступлениями «а-ля Джек Потрошитель». Это продолжалось до тех пор,

пока полиция не принялась за расследование убийства одной семьи, что навело на его след. Свою историю он записывает, свернувшись калачиком на кладбище и прислушиваясь к лаю приближающихся ищеек. Этот рассказ захватывает в большей степени, чем какой-либо из написанных Лавкрафтом, поскольку возбуждает не только ужас, но и те глубинные эмоции, что кроются в его природе. Одинокий болезненный мальчик, отвергнутый здоровыми, сильными сверстниками, чувствует себя чужим в мире обычных людей до тех пор, пока не открывает для себя мир мертвых. Но при более пристальном изучении за этим кроется первопричина сексуального преступления. Его влечет к мертвым по той же причине, что и сержанта Бертрана. Кроме того, он, по его же собственным словам, убийца-садист. На самом же деле некрофилия и садизм совершенно не связаны. Некрофила труп привлекает своей пассивностью, возможно, женщина под наркозом вполне могла бы заменить его. С женщинами, пребывающими в полном сознании, даже с теми, кто готов вступить с ним в половую связь, у него возникают проблемы, которых не бывает с трупом. Страсть садиста не имеет ничего общего с половой слабостью: его страстное желание разжигает в нем силу. В опубликованных материалах о сексуальных преступлениях упоминается считанное число случаев, когда некрофилы были садистами или садисты – некрофилами. Рассказчик из «Любимых мертвецов», вернее сказать, его автор, не знает об этом. Он слабо разбирается в вопросах сексуального удовлетворения. По этой причине рассказ внезапно после темы некрофилии переходит на тему убийств. На самом деле это рассказ о сексуальном маньяке, который попирает законы человеческого общества, вся его жизнь – это кричащий протест против общества, завершившийся в финале убийством семьи.

Сам Лавкрафт оставался слишком привержен пу-

ританским взглядам, чтобы в своих рассказах затронуть тему секса. Возможно, наиболее близко к этому предмету он подошел в своем рассказе под названием «Картина в доме». В ней говорится о старике, воображением которого неуклонно завладевала книга о каннибализме, полная, к тому же, омерзительных иллюстраций. «Этот парня, разделанный под орех, каждый раз, когда я смотрю на него, вызывает у меня ощущение щекотки – поэтому я и не могу оторваться. Вы только гляньте, что за мясник отрубил ему ноги?» Описывая помешательство старика, Лавкрафт использует искаженные слова. Когда на страницы книги начинает капать кровь, рассказчик замечает на потолке расплывшееся кровавое пятно...

После того, как со времени его смерти (в 1937 году) прошло более 50 лет, произведения Лавкрафта переживают второе рождение, как и Борхеса, близкого ему по духу. В молодежной среде возникло нечто вроде культа Лавкрафта. Мягкие обложки его «Роковых сказок» можно увидеть на любой книжной полке в магазинах морских курортов. Есть даже поп-группа, почтительно именующая себя «Г. Ф. Лавкрафт». Но притягательными его книги делает вовсе не готический стиль «триллера» (иначе были бы «возвращены к жизни» и другие писатели этого жанра: Уильям Хоуп Ходжсон, Роберт У. Чэмберс, Зилия Бишоп, Кларк Эштон Смит). Нет, культ объясняется самим духом творений Лавкрафта, выражающих бунт против цивилизации, дающих ощущение, что материальный успех, которым так гордится современный мир, является самым ничтожным и мелким из всех прочих достижений. Лавкрафт, в отличие от Ницше, не был демократом; ему казалось, что приход демократии будет означать рост числа «сапожников», посредственностей и других прихлебателей по сравнению с людьми незаурядными. Но его нельзя отнести и к числу логически мыслящих философов (Лавкрафт не

утруждал себя вопросом, что бы он хотел увидеть вместо демократии), но совершенно четко знал, что ненавидит безликую толпу и суету современных городов, а также все остальные стандарты и ценности «человека индустриального».

Сегодня дела у нас обстоят не хуже, чем во времена Лавкрафта или, раз уж мы коснулись этого вопроса, в эпоху «черных сатанинских мельниц», что миновала более века назад. Напротив, ситуация даже улучшилась. Появилось больше прав и свобод, времени для отдыха, возросло качество образования, государство более энергично субсидирует сферу культуры. Но с расширением прав и свобод участились волнения, возросло число неприспособленных к современным условиям людей. Блейк, Ницше и Лавкрафт были одиночками, «аутсайдерами» (один из лучших рассказов Лавкрафта так и называется «Аутсайдер» – «Посторонний»), одинокими бунтовщиками в чужом для них обществе. По мере того, как росла численность населения и необразованность становилась, скорее, исключением, чем правилом, их точку зрения стало разделять все большее количество людей.

В таком отклике нет ничего удивительного. Джазовый музыкант Мелвин Риз сказал как-то своему приятелю: «Ты не можешь утверждать, что убивать плохо. У каждого свои собственные понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо». Однажды ночью под влиянием бензедрина другому приятелю он сообщил, что хочет испытать все – любовь, ненависть, жизнь, смерть. Это случилось в субботу, 10 января 1959 года, к этому времени Риз уже реализовал часть своих амбиций, убив и изнасиловав, по крайней мере одну девушку (по другим сведениям, пятерых). На следующий день Риз загнал в кювет автомобиль, мимо которого проезжал, но пока он выходил из собственной машины и готовил пистолет, другой водитель

сумел дать задний ход и скрыться. Риз намеревался убить водителя и изнасиловать находившуюся в салоне машины его жену. Вторая попытка, предпринятая Ризом в тот же день, оказалась успешной. Своим старым синим «шевроле» ему удалось прижать к обочине другой автомобиль, в котором семья выехала на загородную прогулку. Риз застрелил мужа, Кэррола Джексона, и сбросил его тело в канаву вместе с полуторогодовалой девочкой, которая, придавленная телом отца, задохнулась. Потом он заставил жену Джексона и их пятилетнюю дочь поехать вместе с ним. Точно неизвестно, что было с ними на протяжении последующих часов. Когда через несколько месяцев были найдены их трупы, было ясно только одно: Милдред Джексон была задушена, а ее дочь забита до смерти каким-то тяжелым инструментом.

И только в 1960 году, год спустя после происшедшего, Риз был арестован в музыкальном магазине Арканзаса, где он работал. В убийстве семьи Джексонов его заподозрил приятель, с которым Риз откровенничал по поводу своих желаний, о чем и сообщил в полицию. При обыске в доме родителей был найден пистолет, использованный преступником ранее, когда им было совершено нападение на влюбленную пару, прогуливавшуюся в уединенном месте. Женщина была убита выстрелом в голову, а мужчина сумел сбежать. Затем труп 36-летней медицинской сестры, по всей видимости, подвергся сексуальному надругательству. В комнате Риза также были обнаружены газетные вырезки – публикации об убийстве семьи Джексонов и сообщение о преступлении. Риз был казнен. Незадолго до ареста Риза для расследования дела был приглашен голландский ясновидящий Хуркос. Он не только дал точное описание внешности Риза (левша, с татуировками и длинными «обезьяньими» руками), но также заявил, что тот совершил девять убийств. Друзья Риза по Мэрилендскому университету не могли пове-

рить в то, что он был убийцей. Они охарактеризовали его как мягкого и умного парня.

Портрет сексуального маньяка-убийцы, нарисованный Эдди в «Любимых мертвецах», является вымышленным. Риз же – реально существовавший человек. Сомнительно, правда, чтобы он, убивая Джексонов, испытывал какие-то угрызения совести. По всем признакам, они относились к «буржуа», к тому же весьма добропорядочным: Милдред Джексон была председателем женского миссионерского общества в местной баптистской церкви, муж ее был банковским служащим, трезвенником и противником табакокурения. Для человека со взглядами Риза такие люди воспринимались как его неизбежные жертвы. Его мозг работал так, словно его обладатель был шпионом во вражеском стане. Ризу приходилось притворяться кем-то, кем он не был на самом деле, стараться завоевать доверие людей, ради убийства которых он прибыл в этот мир. Верность он хранил только своим людям. Если бы они знали об этом, то непременно уничтожили бы его.

Почему он чувствует себя таким чужим? Виноват ли в этом он сам или же общество? Лавкрафт чувствовал, что в развитии современной цивилизации было что-то изначально губительное. И это «что-то» ставило людей, подобных ему, в положение аутсайдеров, бунтовщиков.

А теперь не помешало бы вспомнить, что эта же идея высказывалась более двух сотен лет назад Жан-Жаком Руссо. Иногда суть всего учения Руссо сводят к одной-единственной фразе: «Назад к природе», словно он призывает людей жить на деревьях, это слишком упрощенный подход к делу. Человек отчуждается от матери-природы искусственностью общества, считает Руссо. Главным врагом являются условности общества, которые взращивают гордыню, эгоизм, безжалостность при утрате естественных добродетелей,

достоинства, честности. Культура, которой Мэтью Арнольд придает столь большое значение, подвергается нападкам и признается продуктом тщеславия и гордыни. Даже наука и искусство не нужны человеку, поскольку их творения порождают праздность, неестественность и ограниченность. По мнению Руссо, цивилизация пошла неправильным путем. Все ее ценности ошибочны, но, поскольку они стали залогом успеха, а успех порождает успех, то, следовательно, они повлекут за собой новое зло. Человечество, говорит он, живет счастливо только племенами или небольшими тихими сельскими общинами, город – это нечто ужасное.

Прямыми последователями Руссо стали романтики. Сонет Вордсворта «Мир – это слишком для нас» выражает главное чувство Руссо: «Мы почти ничего не замечаем в природе, которая принадлежит нам. Мы отдали свои сердца омерзительному благу...» Жалоба эта эхом отозвалась и в других столетиях. Человек «утратил единство» с Вселенной, затерявшись в мире, «где все продается и все покупается». Природа этой жалобы становится более очевидней по мере того, как цивилизация и промышленное производство поглощают Европу. Это голод по прекрасному. Как сказал один поэт-романтик, красота – это жизненно важный витамин, без нее душа сморщивается, становится сухой и ломкой. Рескин рассказывает отцу Йетса о том, что каждый раз, когда он ходит в Британский музей, то видит, как с каждым днем лица людей становятся все более испорченными. Сам Йетс пишет, что «безобразие уродливых вещей так безобразно, что невозможно это передать словами». Но, в отличие от Оскара Уайльда, он и в самом деле думал так. «Религия красоты» эстетов вызывала немало насмешек – как добродушных, так и не очень. Но насмешки не достигли цели. Разговор о прекрасном не был «праздной болтовней трансцендентального характера», это

было инстинктивное признание того факта, что недостаток красоты в конечном счете является для человека таким же пагубным, как, к примеру, недостаток кальция в организме или облучение радиоактивными элементами. Он вызывает разрушение воли, увядание жизненных сил. Потому что ощущение красоты есть то же самое, что и ощущение успеха. Когда вы голодны и созерцаете хороший обед, испытываемое вами чувство сродни чувству прекрасного, это же чувство возникает при достижении очевидного для всех успеха. Путешественник, стоя на горной вершине, тоже испытывает голод и пьянящее чувство успеха: широкие горизонты обещают большое будущее, великие свершения, важность которых нужно не проглядеть. Чувство свободы и чувство открытости миру сливаются и воплощаются в чувстве красоты. С другой стороны, безобразное вызывает ощущение загнанности в капкан, ограниченности свободы движений. Человеку вдруг кажется, что от грязи и тривиальности он начинает задыхаться. Человек – существо эволюционное, все лучшие качества которого начинают проявляться тогда, когда ему известна цель и мечты о будущем успехе кажутся достижимыми. С другой стороны, он теряется и мрачнеет, когда оказывается в удушливой атмосфере обыденности и безысходности.

Но по мере того, как XIX век близился к завершению, никаких признаков улучшения не наблюдалось: все, что Вордсворт так ненавидел, становилось еще ужаснее. Романтики с горечью писали о «красоте, что проходила», и мечтали о возврате изысканных времен средневековья. Война, начавшаяся в 1914 году, стала водоразделом: печаль сменилась гневом и ненавистью. Эзра Паунд перестал писать о трубадурах Прованса и начал изобличать:

«Там их погибли мириады И лучшие из лучших За старую шлюху с шамкающим ртом, За никчемную цивилизацию...»

«Моберли» Паунда и «Пустыня» Элиота являются прямыми наследниками творений Руссо и Вордсворта. В них даже используется тот же прием для выявления морального уродства цивилизации на фоне мира природы и прошлого: «Пока я допою свою песню, тихая Темза будет течь спокойно...» Как будто нет ничего, что связывало бы Пруста, Д. Г. Лоуренса, Уильяма Фолкнера, Эрнста Хемингуэя, Олдоса Хаксли, Томаса Манна, Роберта Музиля, Германа Гессе и Грэма Грина. Но для всех них характерно чувство протеста – протеста, вызванного недостатком прекрасного, «цивилизацией «сапожников». В «Доме, где разбиваются сердца» Шотовер спрашивает Элли Данн, сколько нужно пищи для ее души, и она отвечает: «Много. Она питается музыкой и картинами, книгами и горными вершинами, озерами и красивой одеждой, и приятными людьми, с кем хочется пообщаться.. В этой стране вы не можете получить все это, не обладая большими деньгами: поэтому и наши души так ужасно изголодались». Об этом могли бы написать и Лоуренс, и Манн, и Хаксли, только каждый из них выразил бы эту мысль по-своему. Но суть ее состоит в том, что, раз цивилизация создана для того, чтобы удовлетворять и все возрастающие «аппетиты» эволюции, и растущие материальные потребности, то, в таком случае, наравне с обеспечением безопасности она должна придавать жизни хоть какой-то смысл. Если вместо смысла возникает пустота, то в результате появляется ощущение тщетности усилий, суеты, что в конце концов ведет к насилию.

Русский писатель Валерий Брюсов выразил это в замечательной сказке под названием «Республика Южного Креста», написанной им в 1910 году. В ней говорится об идеальном городе на Южном полюсе, раскинувшемся под стеклянным куполом. Рабочие там хорошо зарабатывают и хорошо питаются, живут в одинаковых удобных домах, носят одинаковую одеж-

ду. Но в один прекрасный день у них всех начинает развиваться весьма странный психоз, называемый «манией противоречия». Выражается он в том, что у обитателей города возникает желание делать прямо противоположное тому, что они должны: вместо «да» они говорят «нет», вместо того, чтобы быть вежливыми, проявляют грубость; в конце концов, естественное желание жить сменяется жаждой разрушать и кончать с собой. В финале город гибнет, разрушенный безумной толпой свихнувшихся мятежников. Полиции любого крупного города, имеющей дело с общественными беспорядками, хорошо известно значение этой «мании противоречия», когда толпа охвачена единым порывом разрушить любую, даже с в о ю собственность. Мятеж может начаться с протеста против того или иного произвола, но заканчивается он, как правило, всеобщим выражением бунтарства, направленного против скуки, однообразной рутины повседневной жизни.

В деле об убийстве, имевшем место в сентябре 1969 года в Уимблдоне и получившем название «избиение «подозрительного», группа юнцов насмерть забила Майкла де Гручи. Они не были озлобленными выходцами из трущоб, но принадлежали к рабочим семьям, родители которых проживали в «архитектурной достопримечательности», называемой Альтон Эстейт. Мать одного из осужденных юношей заметила: «Мы думали, что нас ждет рай, а попали в ад». С точки зрения планирования и застройки строителям Альтон Эстейт есть чем гордиться: огромные жилые дома из стекла и бетона стоят на сваях, которые создают впечатление парящих над землей зданий, придавая конструкциям воздушность и легкость, вокруг зеленеют лужайки, и совсем рядом раскинулись общинные земли Уимблдон Коммон. Но никто не подумал о том психологическом эффекте, который может иметь место при переселении семей из лондонских трущоб в это

странное, обезличенное пространство посреди пустыря, о чувстве скуки и оторванности от своих корней. Коммон всегда был скопищем гомосексуалистов. 29 сентября 1969 года группа юнцов в возрасте от 15 до 18 лет отправилась искать «подозрительных», с собой они взяли деревянные палки. Ранее они ограничивались тем, что громили машины, принадлежавшие «голубым», но их жертвы с тех пор стали умнее и начали парковать машины несколькими кварталами дальше. Майкл де Гручи, 28-летний клерк, живший вдвоем с матерью, припарковал свой «остин 1100» на Альтон Эстейт, а затем спустился в подземный переход, ведущий на Квинсмер (прозванный местными «Квирсмер»*), бывший частью района Коммон. Навстречу ему выступили 12 парней, и один из них ударил Майкла палкой. Де Гручи хотел убежать, но его окружили. Послышался крик «В атаку!», и на его спину обрушился град страшных по силе ударов. Позже патологоанатомы скажут, что в области затылка его череп был разбит на мелкие кусочки, как если бы это была ваза. Мальчишки убежали, оставив Гручи умирать на асфальте. На следующий день главарь банды, Джеффри Хаммонд, рассказал обо всем своему работодателю, и тот отвел парней в полицию. Хаммонд, достигший 18-летия, получил пожизненное заключение, другие – более короткие сроки отбывания наказания или же были отправлены в Борстал**.

Следует сказать, что Хаммонд не был безграмотным бандитом с большой дороги, вооруженным дубиной, как это может показаться. Он когда-то пел в церковном хоре, служил на «скорой помощи» Сент-

---

* Игра слов: название «Queensmere» образовано – от «Queen» (англ. «королева»); перефразированное «Queersmere» – от «queer» (англ. «странный», «подозрительный») – (прим. ред.).

** Борстал – учреждение для малолетних преступников (прим. пер.).

Джона и был кадетом Королевского военно-морского флота. Он был награжден бронзовой медалью герцога Эдинбургского, участвовал в детской телевизионной программе по спасению жизни «Блу Питер». Отец его сказал: «Ему нравится все, связанное с природой. Он любит детей. Он – чувствительный мальчик, к тому же спортсмен, увлекается плаванием, альпинизмом, прыжками в воду». Однако все это не смогло перевесить скуки образцового района, медленно разгоравшегося негодования, жажды развлечений и действия.

У Мелвина Риза и Джеффри Хаммонда как будто нет ничего общего. Но их связывает чувство оторванности от своих корней, бессмысленности существования, а также достаточно высокий (выше среднего) коэффициент интеллектуального развития. И, хотя Хаммонда едва ли можно назвать умным и образованным, скука, однако, оказала на него точно такое же воздействие, как и на Риза или Нормана Смита, снайпера, застрелившего Хейзел Уодворд «просто от нечего делать». «Жизнь складывается из мечтаний о мести», – сказал Гоген. А «бирмингемский убийца», орудовавший в общежитии Женского союза христианской молодежи, тоже говорил о мести всем женщинам за то, что они вызывали в нем такое нервное напряжение, для него само существование женщин являлось опасным и провоцирующим его сексуальные желания.

Одним из самых интересных свойств человеческого ума является его неистребимая жажда нового и странная тенденция к бездеятельности. Именно эта страсть к познанию, ко всему неизведанному, к приключениям вместе с жаждой впечатлений отличает человека от всех остальных живых существ, обитающих на Земле. Коровам это почти не свойственно, даже львы как будто вполне довольны несколькими квадратными милями своей территории. Но человек готов вечно стремиться к «новизне». Вам стоит только

взглянуть на лицо ребенка, наблюдающего из поезда, несущегося к морю, за сменой ландшафта, чтобы понять, как сильно он жаждет необычного. Для большинства людей слово «путешествие» ассоциируется с удовольствием и отдыхом, потому что вид новых мест, сменяющих друг друга картин природы обладает такой силой воздействия, что способен вернуть интерес к жизни даже самым пресыщенным индивидуумам. Чем большую усталость мы испытываем, тем реже замечаем окружающий нас мир. А «новизна», перемена обстановки, приключения способны удовлетворить главную потребность, присущую всем без исключения. Нет ни одного человеческого существа настолько серого и скучного, чтобы не согласиться с мнением, что «смена обстановки равносильна отдыху». Похоже, что наша потребность в перемене мест и смене впечатлений так же велика, как потребность детей в витаминах. Именно по этой причине жители Республики Южного Креста превратились в насильников. Отсутствие «новизны» вызывает что-то вроде болезни, которая постепенно прогрессирует.

Но почему стал убийцей Мелвин Риз? У него была масса разнообразных впечатлений – как джазовый музыкант он все время был в разъездах. Но одно дело стоять на борту фешенебельного лайнера и лениво наблюдать за приближением береговой линии Александрии, и совсем другое – подобно бродяге, шататься по городам, останавливаясь в дешевых гостиницах, не имея возможности выспаться. Такая жизнь не дает вам покоя, ваш разум постоянно занят самыми примитивными проблемами повседневного физического существования. Дух ваш лишен свободы. «Новизна» также зависит от готовности и «открытости» разума для ее восприятия. Во время песчаной бури вы вряд ли оставите рот открытым, иначе его забьет песком. Так и ваш разум не может быть восприимчивым к новизне, если вы ведете жизнь странствующего музыканта,

потому что обыденность подобна песчаной пыли. Она превращает нас в «роботов», ибо мы не растрачиваем силы и внимание на то, что, по нашему мнению, является безотрадным и повторяющимся изо дня в день. Как я уже сказал, одним из самых странных свойств человеческого разума является не только его жажда новизны, но и удивительная способность пребывать в бездействии. Марсианин, знакомый с человеческой натурой лишь по учебникам психологии, может предположить, что человеческий ум становится «ленивым» только при виде серости и уродства, но, как ни покажется странным, косность воздействует на нас и в довольно приятных условиях существования, когда комфорт кажется незыблемым. Пассивность человеческого ума просто поразительна. Умирающий от голода человек бьется изо всех сил, чтобы выжить. А биржевой маклер, живущий в пригороде с привлекательной женой и прелестными детьми, становится настолько утомленным, что ему приходится на протяжении всего уикэнда напряженно играть в гольф.

Психолог Джон Хьюлингс Джексон сделал интересное наблюдение. Суть его состоит в том, что глаз не может долго оставаться сфокусированным на неподвижном предмете. То же можно сказать и применительно к человеческому сознанию. Несмотря на высшую степень благополучия, мы все равно начинаем впадать в бездействие, если только новые перемены не взбодрят нас. Более того, влияние застоя таково, что в течение удивительно короткого времени легкая скука способна обернуться диким отвращением к самому себе. Именно по этой причине «темная комната», совершенно лишенная света и звуков – отличное средство для «промывания мозгов». Там люди впадают в скуку, а дальше остается только ждать, что психическое давление сделает все остальное. Это так же жестоко, как и та пытка, которой подвергал Тиберий мужчин, когда перевязывал им мочеиспуска-

тельный канал и заставлял выпивать большое количество воды.

Таковы основные свойства человеческой природы. Все как будто в той или иной степени осведомлены о них, но никто не представляет, насколько они важны и какую опасность таят в себе. Больному диабетом требуется соблюдать бессахарную диету, а в случае ее нарушения его ждут серьезные последствия. Но человеческая потребность в «новизне» и проявление пассивности являются более серьезными недугами, чем диабет, что с очевидностью подтверждают и приведенные в этой книге примеры. Мы не сможем понять необъяснимой жестокости современного общества, если не согласимся с тем, что «исключения из правил мирного, неагрессивного существования» не является патологией. Если какой-то тип самолетов постоянно терпит аварии, эксперты приходят к выводу о том, что в его конструкции имеется какой-то принципиальный дефект. И заявление о том, что аварии каждый раз случаются по разным причинам, было бы неправильным. То же касается и эксцентричных, необъяснимых с позиций логики преступлений, которые встречаются все чаще. Чтобы объяснить их, нужно предпринять попытку отыскать их общие психологические корни, которые таятся, возможно, в сферах далеких, на первый взгляд, от повседневной жизни. Нам ясно только одно: в любом типе преступлений, начиная с терроризма и кончая убийствами на сексуальной почве, мы сталкиваемся с одним и тем же видом иррационализма, странной «зеркальной логикой», никак не связанной с реальностью. Преступник обычно винит в своем проступке других людей и общество. В этом состоит суть логики преступника: свою вину он всегда старается возложить на чужие плечи. Страстное желание Патрика Берна терроризировать женщин, мстить им за то, что они вызывали в нем такое сильное

нервное напряжение, является хрестоматийным примером «зеркальной логики» преступника. То же можно увидеть в странных заявлениях Чарльза Мэнсона и его учеников, сделанных ими на судебном процессе относительно того, что в современном буржуазном обществе полно грязных «свиней», а их задачей было уничтожать их. Но этот тип поставленной с ног на голову логики характерен не только для преступников: вся философия Карла Маркса основана именно на таком выводе: во всех проблемах человечества виноваты «свиньи» (а следовательно, и в неудачах самого Маркса).

В своей ранней работе под названием «Очерки теории эмоций» Жан-Поль Сартр охарактеризовал эту тенденцию как «магическое мышление». Существует старый анекдот о том, как один араб в Сахаре спрашивает другого араба, почему тот несет зонт. «Я купил его в Лондоне. Если вы хотите, чтобы пошел дождь, то вам просто нужно оставить зонтик дома». Яркий пример такого «магического мышления» в реальной жизни был дан Малькольмом Маггериджем, когда он процитировал отрывок из статьи «Таймс», посвященной контролю над рождаемостью в Азии. Всемирная организация здравоохранения изготовила для неграмотных крестьянок бусы, состоящие из 28 бусинок, семь из которых были янтарными, семь – красными, следующие семь опять янтарными и последние семь – зелеными; женщинам требовалось каждый день передвигать по одной бусинке до тех пор, пока не достигнут «безопасного периода». «Многие женщины решили, что достоинство бус заключается в них самих, – писал репортер, – и двигали бусинки произвольно по своему усмотрению».

В качестве примера «магического мышления» Сартр приводит также мифического страуса, прячущего голову в песок при приближении опасности, что равносильно умышленной попытке сделать вид, что

чего-то не существует или что все происходящее – не то, что творится на самом деле. Такой образ «магического мышления» типичен для насильников. Он насилует не реально существующую женщину, а выдуманный им объект его фантазии. Типичен в этом случае пример Леонарда Лейка: «Идеальная женщина – это та, которая полностью подчиняется. Женщина, выполняющая все, что ей скажут, и более ничего. Никаких сексуальных проблем с покорными женщинами не бывает. Нет никакого разочарования – только удовольствие и удовлетворение».

Примером, пожалуй, крайней степени проявления «магического мышления» становится некрофил, для которого труп более привлекателен, чем живое тело. Наиболее показательным из известных случаев этого типа было дело сержанта французской армии Бертрана. Сержант Бертран ни в коем случае не был ни стеснительным, ни замкнутым. Как военнослужащий сержантского состава, он был на хорошем счету. Солдаты любили его, с деревенскими девушками он вел себя как Дон-Жуан. Его арест в 1849 году и суд стал для его сослуживцев настоящим шоком. Он был обвинен (а вина его доказана) в том, что на протяжении последних двух лет пристрастился по ночам посещать кладбища и откапывать свежие трупы молодых девиц. Эти трупы, обычно захороненные без гробов, возбуждали его больше любой живой женщины. О трупе одной 16-летней девушки он сказал: «Я делал с ней все, на что только способен страстный любовник со своей возлюбленной, – а потом добавил: – Все мое удовольствие, полученное с живыми женщинами – ничто по сравнению с этим».Впервые, когда он увидел в могиле незакопанный труп, волна безумия настолько захлестнула его, что он спрыгнул в яму и начал избивать его лопатой. Потом он вернулся, откопал тело и совершил с ним акт некрофилии. Желание его было столь велико, что однажды, чтобы попасть на

кладбище, он даже бросился зимой в ледяной поток. Акты некрофилии он обычно завершал вспарыванием живота трупа.

Нет ничего удивительно в том, что товарищам Бертрана все это казалось совершенно немыслимым. Бертран не был ни жестоким, ни злобным человеком. Он производил впечатление уважаемого и работоспособного военнослужащего. Его поведение в обществе ничем не выдавало скрытых внутри сильных сексуальных переживаний. Ухаживая за девушками, ему приходилось играть роль любовника; владея трупом, он забывал о себе, не думал о мертвом теле, а полностью предавался абсолютной власти желания. Более сложные личные отношения с «живой» женщиной не давали ему такого же полного удовлетворения. Некрофилия Бертрана – яркий пример «магического» поведения, выразившегося в диком и неутолимом желании разрешить деликатную проблему.

Подобный образ действий можно проследить в большинстве крупнейших преступлений на сексуальной почве, совершенных в XX веке. Стеснительный или нервный мужчина, подверженный приступам депрессии, «варится» в собственных сексуальных переживаниях до тех пор, пока его не охватывает непреодолимое желание совершить насилие. Одно убийство сменяет другое, но после каждого из них приступы депрессии только усиливаются. В конце концов, он дает себя арестовать или совершает самоубийство. Для всех этих случаев характерно полное отсутствие логики, так что нормальный, уравновешенный человек такое поведение склонен объяснять помешательством. Однако дело заключается не в сумасшествии, а в «магии», – то есть имеет место самообман человека, бросающего камни в мираж.

Одним из наиболее характерных примеров такого «магического» поведения, поведения «зарывающегося в песок» страуса, является дело другого некрофила,

Джона Реджинальда Холлидея Кристи, совершившего с 1940-го по 1953 год в Ноттинг-Хилле восемь убийств на сексуальной почве. Наиболее яркой чертой характера Кристи была его склонность к авторитарности. Будучи констеблем специального резерва во время второй мировой войны, он стал известен своим чрезмерным вмешательством в чужие дела. Ему доставляло явное удовольствие заявлять обо всех мельчайших проступках людей. Первые его жертвы были убиты в период с 1940-го по 1950 год. Убийства всегда совпадали с отъездом его жены к родственникам в Шеффилд. В 1952 году он убил свою жену и закопал ее под полом. Вслед за этим в течение следующих месяцев последовало еще три убийства. Применяемый им способ убийства заключался в том, что он под предлогом лечения астмы или катара заставлял женщину вдыхать газ, называя это «бальзамом Фрайра», после чего насиловал находившуюся в бессознательном состоянии жертву. Затем, чтобы избежать опознания и обезопасить себя, он душил женщин.

Любопытной чертой этого дела является полное нравственное падение преступника. Своих первых двух жертв он тщательно похоронил в крохотном заднем дворике. Тогда его никто ни в чем не заподозрил. Третьей жертвой стала миссис Берил Эванс, жившая вместе с мужем в квартире этажом выше. Кристи убедил ее мужа в том, что он отлично умеет делать аборты. Аборт предполагалось выполнить в то время, пока муж, мистер Тимоти Эванс, был на работе. Маловероятно то, что Кристи намеревался убить ее заранее, поскольку его шансы остаться вне подозрения на этот раз были бы чрезвычайно малы. Но вид ее обнаженного тела оказался слишком большим испытанием для него. Ударом по голове он лишил ее чувств, потом задушил и изнасиловал. Потом он убил и ее 14-месячную дочь, Джеральдину. Когда Эванс вернулся с работы, Кристи, похоже, настолько напу-

кладбище, он даже бросился зимой в ледяной поток. Акты некрофилии он обычно завершал вспарыванием живота трупа.

Нет ничего удивительно в том, что товарищам Бертрана все это казалось совершенно немыслимым. Бертран не был ни жестоким, ни злобным человеком. Он производил впечатление уважаемого и работоспособного военнослужащего. Его поведение в обществе ничем не выдавало скрытых внутри сильных сексуальных переживаний. Ухаживая за девушками, ему приходилось играть роль любовника; владея трупом, он забывал о себе, не думал о мертвом теле, а полностью предавался абсолютной власти желания. Более сложные личные отношения с «живой» женщиной не давали ему такого же полного удовлетворения. Некрофилия Бертрана – яркий пример «магического» поведения, выразившегося в диком и неутолимом желании разрешить деликатную проблему.

Подобный образ действий можно проследить в большинстве крупнейших преступлений на сексуальной почве, совершенных в XX веке. Стеснительный или нервный мужчина, подверженный приступам депрессии, «варится» в собственных сексуальных переживаниях до тех пор, пока его не охватывает непреодолимое желание совершить насилие. Одно убийство сменяет другое, но после каждого из них приступы депрессии только усиливаются. В конце концов, он дает себя арестовать или совершает самоубийство. Для всех этих случаев характерно полное отсутствие логики, так что нормальный, уравновешенный человек такое поведение склонен объяснять помешательством. Однако дело заключается не в сумасшествии, а в «магии», – то есть имеет место самообман человека, бросающего камни в мираж.

Одним из наиболее характерных примеров такого «магического» поведения, поведения «зарывающегося в песок» страуса, является дело другого некрофила,

Джона Реджинальда Холлидея Кристи, совершившего с 1940-го по 1953 год в Ноттинг-Хилле восемь убийств на сексуальной почве. Наиболее яркой чертой характера Кристи была его склонность к авторитарности. Будучи констеблем специального резерва во время второй мировой войны, он стал известен своим чрезмерным вмешательством в чужие дела. Ему доставляло явное удовольствие заявлять обо всех мельчайших проступках людей. Первые его жертвы были убиты в период с 1940-го по 1950 год. Убийства всегда совпадали с отъездом его жены к родственникам в Шеффилд. В 1952 году он убил свою жену и закопал ее под полом. Вслед за этим в течение следующих месяцев последовало еще три убийства. Применяемый им способ убийства заключался в том, что он под предлогом лечения астмы или катара заставлял женщину вдыхать газ, называя это «бальзамом Фрайра», после чего насиловал находившуюся в бессознательном состоянии жертву. Затем, чтобы избежать опознания и обезопасить себя, он душил женщин.

Любопытной чертой этого дела является полное нравственное падение преступника. Своих первых двух жертв он тщательно похоронил в крохотном заднем дворике. Тогда его никто ни в чем не заподозрил. Третьей жертвой стала миссис Берил Эванс, жившая вместе с мужем в квартире этажом выше. Кристи убедил ее мужа в том, что он отлично умеет делать аборты. Аборт предполагалось выполнить в то время, пока муж, мистер Тимоти Эванс, был на работе. Маловероятно то, что Кристи намеревался убить ее заранее, поскольку его шансы остаться вне подозрения на этот раз были бы чрезвычайно малы. Но вид ее обнаженного тела оказался слишком большим испытанием для него. Ударом по голове он лишил ее чувств, потом задушил и изнасиловал. Потом он убил и ее 14-месячную дочь, Джеральдину. Когда Эванс вернулся с работы, Кристи, похоже, настолько напу-

гал его, что дело закончилось неожиданным признанием Эванса в убийстве собственной жены. (Коэффициент умственного развития Эванса оказался достаточно низким, однако до сих пор остается загадкой, как сумел Кристи заставить его признаться в преступлении, которого тот не совершал.) В 1950 году Эванс был повешен. Много лет спустя по требованию общественности он был все же реабилитирован.

Берил Эванс была убита в 1949 году, миссисКристи – в декабре 1952-го. Избавившись от ее тела, Кристи как будто утратил всякое чувство осторожности, словно решил до ареста предаваться самым разнузданным оргиям. В начале января в его дом номер 10 по Риллингтон-Плейс вошла проститутка Рита Нельсон. Он ее усыпил, задушил и изнасиловал, а тело сбросил в угол находившегося на кухне погреба. Через десять дней Кристи задушил и изнасиловал другую проститутку, Кэтлин Мэлони. Тело он оставил на стуле до утра, а сам пошел спать. Утром он завернул его в одеяло и бросил в подвал. В течение следующих месяцев его убогое крохотное жилье превратилось в отвратительное, грязное место. У Кристи не было работы, но он не предпринимал никаких попыток получить ее. А в случае с последней жертвой он даже не потрудился замести следы. В начале марта он познакомился с девушкой по имени Гекторина Макленан и ее любовником, водителем грузовика Бейкером. Они три дня провели в его квартире, ночуя на стульях или полу. На четвертый день Кристи подошел к Гекторине возле биржи труда, где Бейкер становился на учет, и попросил ее вернуться к нему. Дома он задушил и изнасиловал ее, а потом засунул в шкаф. Позже появился Бейкер и поинтересовался у Кристи, не знал ли тот, где она может быть. Кристи ответил, что не знает, и они на кухне выпили по чашечке чая, после чего Кристи помог Бейкеру в поисках пропавшей.

Через неделю Кристи сдал квартиру другой паре,

взяв с них предварительную плату в 7 фунтов 13 шиллингов, а сам уехал, оставив тела в заклеенном обоями шкафу. Хозяин квартиры, узнав о том, что она была вторично сдана внаем его постояльцем, велел новым жильцам съехать, не забыв заглянуть в шкаф. Несмотря на поднявшийся шум и гам, попытки сбежать из Лондона Кристи не предпринимал. Он даже записался в Раутон-Хаус* под собственным именем. Он продолжал бродить по городу, обрастая щетиной и грязью, пока на Путни Бридж один полицейский не узнал его. Что было с ним в течение тех последних недель свободы? Трудно не поддаться искушению и не сказать, что он перестал отвечать за свои поступки. Однако он продолжал строить планы, мысли его были все о том же: даже будучи в розыске, встретив в кафе беременную женщину, он сказал ей, что является доктором и может помочь ей...

Вне всякого сомнения, ясно одно: Кристи оказался затерянным в каком-то странном лабиринте. Его ранние убийства – Рут Фуерст и Мюриэл Иди – были тщательно подготовлены: женщины были приглашены в дом, когда его жена отсутствовала, после убийства их трупы он закопал в садике внутреннего двора, никто его тогда не заподозрил. Вот как описал свои чувства Кристи, когда смотрел на тело Мюриэл Иди после того, как задушил и изнасиловал ее: «...Еще раз я испытал этот тихий сладостный трепет. Я ни о чем не жалею». Для него это было так же естественно, как для лисы украсть цыпленка. Убийство Берил Эванс было продумано менее других. Однако впоследствии Кристи проявил немалую ловкость и тонкий расчет. Во время суда над Эвансом он вел себя как бесстрастный и толковый свидетель. Барристер записал о нем: «Кристи несет на себе печать респектабельности и

---

* Раутон-Хаус – ночлежка для рабочих (прим. пер.).

правдивости». Но убийства 1953 года больше не были ни продуманными, ни толковыми. Если бы Кристи продолжал хоронить тела у себя в саду, не оставляя основной работы (в Британской дорожной службе), шансы его избежать наказания были бы высоки. Никто не бросился бы искать ни одну из трех женщин. Его единственной задачей было избавить от подозрений сестру жены, но та жила в Шеффилде, и Кристи уже сообщал ей о том, что жену его до такой степени разбил ревматизм, что Этель была не в силах даже писать. Но время его расчетов прошло: Кристи оказался на том же горном склоне, что и Сад, охваченный безумием, что лишило его жизнь всякого смысла. Его стремление разрушать было одновременно и стремлением погубить себя. Он больше не контролировал свое поведение, теперь им завладел «червь» – отсюда то странно-бесцельное, «магическое» поведение последних нескольких месяцев свободы.

Дело «убийцы с берегов Темзы», оставлявшего голые трупы, которого иногда называют «Джеком Стриппером»*, является другим, еще более поразительным примером того, как сексуальное помешательство преобразуется в стремление к бесцельному разрушению. Преступления, совершенные «Стриппером», послужили причиной самой крупной в криминальной истории Британии облавы, закончившейся вполне типично для данного случая – самоубийством преступника.

С февраля 1964-го по январь 1965 года в прилежащих к Темзе районах было обнаружено шесть трупов женщин, преимущественно проституток. Первое тело, принадлежавшее 30-летней проститутке Ханне Тейлфорд, было найдено в воде неподалеку от Хаммерсмитского моста. На ней не было ничего, кроме чулок.

* «Стриппер» – от английского «strip» – раздевать (прим. ред.).

Ее трусики были засунуты ей в рот. Нижнюю челюсть покрывали кровоподтеки, но причиной их могло стать падение с высоты. 18 апреля в Дьюкс Меддоуз возле Барнес Бридж, недалеко от того места, где был обнаружен труп Ханны Тейлфорд, было найдено тело другой проститутки, 26-летней Арин Локвуд. Ее задушили, как и Ханна Тейлфорд, она была беременна. В ее убийстве признался 54-летний сторож из Кенсингтона, Кеннет Арчибальд. Было похоже, что он много знает о девушке, однако во время судебного процесса выяснилось, что его признание оказалось ложным, и он был оправдан. Кроме того, имелось и другое основание для уверенности в его невиновности: пока он находился в предварительном заключении, на дорожке Остерли-Парк в Брентфорде было найдено еще одно обнаженное тело девушки. Со дня обнаружения трупа Айрин Локвуд прошло всего три недели. Убитая девушка, единственная из всех жертв, кого можно было бы назвать хорошенькой, оказалась 22-летней проституткой и артисткой стриптиза Хелен Бартелми. В ее случае имело место несколько любопытных особенностей. Линия вокруг талии свидетельствовала о том, что трусы с нее сняли уже после смерти. Признаков сексуального посягательства (в буквальном смысле слова) не было. Однако у нее не хватало четырех передних зубов. Странно, но зубы не были выбиты вследствие удара, но были выдавлены – обломок одного из них был найден у нее в горле. Медицинское обследование выявило наличие в горле мужской спермы. Стала очевидна причина смерти: девушказадохнулась во время орального полового акта. Отсутствующие зубы свидетельствовали о том, что убийца повторил акт уже после ее смерти. Было также установлено, что она исчезла за несколько дней до того, как было найдено ее тело. Где, в таком случае, оно могло находиться? Частички краски на ее теле подсказали предполагаемый ответ, поскольку это была краска,

распыляемая при окрашивании автомобилей. Следовательно, тело прятали где-то в районе мастерской или гаража, в таком месте, где его не могли случайно найти рабочие.

«Голые трупы» произвели в обществе настоящую сенсацию, поскольку стало очевидно, что убийства были делом рук одного человека. Огромные полицейские силы были задействованы для выявления мастерских, занимающихся покраской автомобилей, а также для того, чтобы более пристально осмотреть места, где были подобраны все три жертвы, – район Ноттинг-Хилла и Шефердс Буш. Вероятно, по этой причине в течение нескольких месяцев убийца не рисковал.

Тело четвертой жертвы, Мэри Флеминг, 30 лет, найденное 14 июля, подтвердило мысль о том, что во всех четырех убийствах был замешан один и тот же человек. Ее вставные зубы отсутствовали, в горле обнаружили мужскую сперму, на теле имелись уже знакомые следы распыленной краски. Она исчезла за три дня до смерти.

Тело ее, в полускорченном положении, было обнаружено возле гаража в Эктоне. Люди также видели, что с того места отъезжал фургон. Проезжавший по переулку мимо Берримид-Роуд в половине шестого утра водитель автомобиля был вынужден резко нажать на тормоз, чтобы не врезаться в появившийся прямо перед ним фургон. Он так разозлился, что заявил о случившемся в полицию. Если бы только он записал номер фургона, дело с «голыми трупами» было бы раскрыто. Прибывшие через несколько минут на место происшествия на дежурной машине полицейские нашли во дворе перед гаражом тело Мэри Флеминг.

Едва не попавшийся убийца, по-видимому, не на шутку испугался, поскольку в то лето убийства прекратились. Но 25 ноября 1964 года под всяким хламом

в автопарке на Хорнтон-Стрит, Кенсингтон, снова было найдено голое тело. Погибшей оказалась Маргарет Мак-Гаун, 21 года, шотландка. Под именем Фрэнсис Браун она участвовала в качестве свидетеля в судебном процессе над Стивеном Уордом. Людовик Кеннеди описал ее (в своей книге о судебных процессах) как маленькую, похожую на птицу, женщину с бледным лицом и челкой. Маргарет Мак-Гаун исчезла за месяц до того, как было обнаружено ее тело с явными признаками разложения. Снова частицы краски и отсутствующие передние зубы указывали на то, что она умерла так же, как и две ее предшественницы.

Последней жертвой «Стриппера» стала проститутка по имени Брайди О'Хара, 28 лет. Она была найдена 16 февраля 1965 года в лесных посадках на территории «Херон Трейдинг Эстейт» в Эктоне. Последний раз ее видели 11 января в гостинице Шефердс Буш. Тело частично мумифицировалось, что указывало на то, что оно хранилось в прохладном месте. Как и в предыдущих случаях, зубов не было, а в горле была сперма. Следы от пальцев на задней части шеи свидетельствовали о том, что она, как и остальные жертвы, умерла, стоя на коленях и перегнувшись через колено убийцы.

Чтобы возглавить расследование в районе Шефердс Буш, из отпуска был отозван детектив, старший суперинтендант Джон дю Роз. В «Херон Трейдинг Эстейт» руководителя расследования ждали и обеспечили всем необходимым. Проведенное в лако-красочной мастерской исследование показало, что используемая там краска была идентична той, следы которой имелись на трупах, и химический анализ подтвердил это. Удаленность неиспользуемого склада дала ответ на вопрос, где оставались тела перед тем, как вывозились в другое место. Мощные распылители разбрызгивали краску на несколько сотен ярдов. Анализ частиц на трупах позволил экспертам установить то место, где они были спрятаны: на складе под трансформатором.

Однако, несмотря на все эти находки, дело еще было далеко от завершения. В «Херон Трейдинг Эстейт» работает тысяча людей. (Может показаться странным, но и Кристи тоже работал здесь.) Массовые допросы полиции ничего не дали. Тогда дю Роз решил окружить район кордоном протяженностью в 29 миль, чтобы контролировать все машины, проезжающие через него ночью. Водителей, которые проезжали более двух раз, брали на заметку, а потом допрашивали. Дю Роз вел против убийцы, по его выражению, «войну нервов», время от времени снабжая телевидение и прессу информацией о том, что полиция уже близка к разгадке. Полиция знала, что у него был фургон, знала, что у него должно быть разрешение посещать территорию предприятия ночью. Судя по росту жертв – а все они были невысокими, – можно было предположить, что убийца был ниже среднего роста. Шли месяцы, новых убийств не последовало, и дю Роз уже стал думать, что «войну нервов» выигрывает он. Убийца бездействовал. Тогда он проверил всех мужчин, попавших в заключение начиная с середины февраля, всех мужчин, имевших судимости, всех госпитализированных, а также всех умерших и совершивших самоубийства. В своей книге «Я занимался убийствами» дю Роз пишет, что список подозреваемых из 20 человек уменьшился до трех, но один из троих совершил самоубийство. В оставленной им записке говорилось, что он больше не в силах переносить напряжение. Человеком этим был охранник, водивший фургон и имевший доступ на территорию предприятия. В те дни, когда были убиты женщины, в зону его охраны входил и лакокрасочный цех. Работал он ночью с 10 вечера до 6 утра. Женат он не был.

Это, несомненно, пример проявления навязчивого состояния, еще более яркий, чем случай Кристи. Кристи отличался тем, что не мог вступить в половую связь с женщиной, находившейся в полном сознании,

«Стриппера» интересовал только оральный секс. (Во время проведения расследования об этом ничего не было сказано, а в книге дю Роза имеются только намеки на это обстоятельство.) Если он к тому же был убийцей Ханны Тейлфорд и Айрин Локвуд, то тогда, по всей видимости, его навязчивое состояние еще не достигло пика. Можно предположить, что для удовлетворения своих желаний он пользовался услугами проституток. Смерть Ханны Тейлфорд, по словам дю Роза, могла быть случайной: в момент высшего полового удовлетворения он, поддерживая одной рукой ее голову, а другой волосы, мог потерять над собой контроль и задушить ее, запихнув в рот не только пенис, но и мошонку. Как написал в своей статье, уже выйдя в отставку, дю Роз, это выглядело так, как если бы она подавилась застрявшим в горле яблоком. Но несчастный случай маловероятен, иначе зачем потребовалось бы ему запихивать ей в рот ее трусы – возможно, для того, чтобы убедиться что она мертва. Убив Айрин Локвуд, он знал наверняка, что намерен предпринять дальше. Он повстречал ее ночью 7 апреля. Убийство, по всей вероятности, произошло в его фургоне. Потом он раздел ее и бросил тело в реку. Один из авторов, писавших о деле, предположил, что убийца раздевал трупы для того, чтобы исключить опознание, но такое заявление совершенно лишено оснований. Что за дело убийце до того, будет ли опознана женщина после смерти и сколько понадобится для этого времени? Раздевание, скорее, было частью его сексуальной потребности, желанием ощутить себя полным властелином. Его воображение рисовало обнаженное тело женщины, а также рот вместо вагины, только для начала требовалось удалить зубы. В более поздних убийствах тела оставались на складе на протяжении нескольких недель, но не потому, что он выжидал благоприятного момента, чтобы избавиться от них (напротив, чем дольше он выжидал, тем выше

становилась вероятность, что их обнаружат на складе), а, скорее, для того, чтобы можно было повторять извращенные акты насилия. Последнее тело он прятал дольше других и затем бросил на территории предприятия. Возможно, это было вызвано страхом быть задержанным с телом в фургоне, хотя в это время полицейский кордон еще не был выставлен. Но я склонен полагать, что убийцей овладело то же чувство безразличия, что и Кристи – убийство стало привычкой, а в разрушении всегда присутствует элемент саморазрушения.

Убийство на сексуальной почве является самой крайней формой «магического» поведения по Сартру. Неотъемлемой частью всякого «магического» поведения является самообман, влекущий за собой неизбежный конфликт с реальностью. Друзья человека, страдающего легкой формой самообмана в виде мании величия, вполне способны переносить его; они могут даже подшучивать над ним, так что в данном случае прямого столкновения с реальностью не возникает. Садомазохист, покупающий одетую в форму медицинской сестры проститутку, которую он может раздеть и выпороть, платит за привилегию иметь партнера, способного участвовать в его придуманных «играх», ему также не грозит столкновение с действительностью. Но насильник или сексуальный маньяк-убийца принуждает своего «партнера» к сотрудничеству силой и ни за что не платит, откладывая, таким образом, столкновение с действительностью. В момент получения высшего наслаждения он Дон-Жуан, Казанова, Гарун-аль-Рашид, но спустя десять минут он уже человек в бегах, который, если только его поймают, всю последующую жизнь может провести за решеткой, в кандалах. Тяжесть такого существования не только в том, чтобы сохранить свою тайну, но и в том, что жить приходится сразу как бы на двух

уровнях; это равнозначно тому, как если бы вы попытались одновременно пройти по двум натянутым канатам. Тогда становится понятным, почему убийца постепенно становится столь безразличным к собственной судьбе или кончает жизнь самоубийством. Существует и вероятность того, что он придумает для себя мир, в котором найдут примирение «Джекил и Хайд» его личности. (Согласно утверждению психолога Роберта Эйслера, вера в оборотней появилась на свет в результате примитивной попытки сексуального маньяка разобраться в своем поведении.)

Насильник с острова Джерси Эдвард Пейснел (арестованный в 1971 году) верил в то, что одержим духом Жиля де Рэ. Пейснелу было предъявлено 15 обвинений в совершении развратных действий, в основном в отношении малолетних детей. Он врывался в дом, выхватывал из постели спящего ребенка, уносил его в сад и насиловал. За шкафом в спальне Пейснела была обнаружена потайная комната, в которой имелись всевозможные принадлежности черной магии – маски, странные одежды, алтарь, блюдо с жабами. Когда полиция задала ему вопрос о раффийском кресте, он побагровел и глаза его вылезли из орбит, Пейснел сказал: «Мой господин будет долго и громко смеяться над этим». Поступки Пейснела в буквальном смысле являются примером «магического» поведения, попыткой примирить себя со своими безудержными желаниями. Что еще характерно для данного случая, так это то, что на протяжении всех лет, когда он терроризировал Джерси, Пейснела знали как доброго человека, любящего детей: на Рождество он исполнял роль Санта-Клауса, и десятки детей называли его «дядей Тедом». Можно не сомневаться, что он действительно был добросердечным человеком, за исключением тех случаев, когда им овладевал его «демон».

«Демонический» элемент прослеживается и в других случаях сексуальных убийств. Эд Джейн, одино-

кий маленький холостяк из Плейнфилда, штат Висконсин, первоначально был некрофилом, а закончил убийством женщин. Помощник шерифа в поисках своей матери (владелицы магазина) зашел на ферму Джейна, поскольку Джейн был последним ее клиентом. Он действительно нашел ее там – без головы, подвешенной ногами к потолку. В жутком фермерском доме были найдены останки и других женщин. Джейн после смерти своей властной матери, религиозной фанатички, жил один. Несмотря на внешнюю мягкость и обходительные манеры, Джейном владели сильные сексуальные желания. В 1942 году, за 15 лет до его ареста, он буквально был зачарован видом голых ног гостьи, остановившейся в соседнем доме – женщина носила шорты. В ту же ночь он пробрался в дом и спросил маленького сынишку женщины, где ее найти. Мальчику показалось, что он узнал Джейна, но тот, никем больше не замеченный, быстро сбежал. Три года спустя умерла мать Джейна. Оставшись в одиночестве, он совершенно помешался на сексе. Однажды ночью, узнав из местной газеты о похоронах женщины, он отправился на кладбище и откопал ее тело, зарыв в землю пустой гроб. Вернувшись на ферму, он наконец сполна смог предаться обуревавшим его желаниям. «Я получил массу удовольствия», – заметил Джейн, это напоминает комментарий Кристи относительно смерти Мюриэл Иди. В отличие от Кристи, Джейн каждый раз, поддаваясь неотвратимому желанию отправиться на местное кладбище, сожалел об этом. Тем не менее, он питался частями трупов, а из кожи делал жилеты и надевал их на голое тело. Этот импульс возникал у него, как правило, раз в году, обычно в полнолуние. (Данной чертой он напоминает Пейснела.) Две убитых им женщины были престарелого возраста, это позволяет предположить, что мотивом убийства послужило желание отомстить матери. Джейна приговорили к содержанию в психиатричес-

кой лечебнице. Как и Пейснела, все в округе его любили и часто приглашали к детям в качестве няни. Невероятно заброшенный вид его фермерского дома указывает на то, что он, как и Кристи, целиком ушел в мир своего кошмара.

9 ноября 1949 года в Фолс-Крик, Ванкувер, Британская Колумбия, было найдено тело женщины. Перед тем, как живой бросить в воду, ее сначала придушили и избили. Отсутствие на ней трусиков и пояса с резинками свидетельствовало о сексуальном мотиве нападения. В ней опознали Бланш Фишер, которая была привлекательной женщиной, выглядевшей гораздо моложе своих 45 лет. Вечером накануне убийства она не вернулась домой из кинотеатра.

Через месяц, 5 декабря, полицейским на патрульной машине повстречался человек в плаще и резиновых сапогах, надетых на босу ногу. После короткой погони его поймали. Оказалось, что под плащом, кроме рубашки, на нем ничего не было. Он заявил, что у него в этот вечер произошла потеря памяти, а когда он пришел в себя, то увидел, что идет куда-то и на нем нет брюк. Естественно, полицейские не поверили. Они вместе с ним прибыли на яхту под Баррард Бридж, которая служила 34-летнему Фредерику Дюшарму домом. На веревке для просушки белья они увидели шесть пар женских трусов, а в жилом помещении – туфли и часы Бланш Фишер. Как и сельский дом Джейна, яхта имела страшно неопрятный вид. Дюшарм (назвавшийся вначале Фарнсуортом) не отрицал, что вечер, когда была убита Бланш Фишер, провел вместе с ней. Он утверждал, что к нему в машину она села добровольно, однако не позволила ему вступить с ней в половую связь и убежала. Но полиции было ясно, что на самом деле он силой затащил женщину в машину, возможно, предварительно оглушив ее, а затем привез ее на свою яхту, где

избил и изнасиловал, а также нанес несколько ножевых ранений, затем он сбросил свою жертву за борт.

Откуда взялись остальные трусы и другие принадлежности женского туалета, найденные в каюте Дюшарма, выяснено не было, хотя тот утверждал, что несколько вещей стащил с бельевой веревки. Его случай напоминает случай Джейна: одинокий, сексуально озабоченный мужчина, бродящий иногда ночами по улицам и обнажающийся перед женщинами, ворующий с веревок женское белье и, возможно, совершающий единичные акты насилия. Тот факт, что он подвергал убитую пытке, свидетельствует о непреодолимом желании быть полным владыкой своей жертвы. (Следует сказать несколько слов о самой жертве. Несмотря на красоту, Бланш Фишер никогда не была замужем. Она была стеснительной, скромной женщиной, регулярно посещала христианскую церковь. Своим коллегам по работе в магазине она намекала на какой-то роман и возможность скорого замужества, но, как выяснилось, друзей-мужчин у нее не было. Она с удовольствием ходила в кино и увлекалась чтением журналов для любителей кино. Для такого человека, как Дюшарм, она была просто идеальной жертвой.)

Бросается в глаза страшная беспечность Дюшарма и всякое отсутствие с его стороны элементарной осторожности. Если бы он выкинул часы и туфли Бланш Фишер, то против него не было бы никаких улик. А рассказанная им история о том, что Бланш Фишер убежала, никак не объясняет появления у него ее часов и туфель. Все факты свидетельствуют о том, что он жил в каком-то вымышленном мире, где единственной реальностью был секс.

«Убийца, действовавший в полнолуние» из Тексаркана, штат Техас, так и не был пойман, по-видимому, он совершил самоубийство. Между концом февраля и маем 1946 года он совершил пять убийств; среди

ого жертв были и две молодые пары. Мотивом было изнасилование. Застрелив мужчину, он насиловал и мучил девушку. Преступления следовали одно за другим и становились все более жестокими. Молодая пара, подвергшаяся нападению 20 февраля, была только оглушена, после чего девушка была изнасилована. Месяц спустя мужчину застрелили, а девушка в течение двух часов подвергалась пыткам и насилию, а затем была убита. В апреле снова был застрелен сопровождавший девушку мужчина, а она сама подвергалась истязаниям на протяжении уже шести часов, после чего была убита. В мае преступник совершил свое последнее убийство (снова в ночь полнолуния), застрелив читавшего газету фермера, сидевшего у раскрытого окна. Убийца, по всей вероятности, собирался напасть на его жену, но та с криком убежала из дома. По отпечаткам покрышек стало ясно, что это преступление также было делом рук «действовавшего в полнолуние» убийцы. Спустя несколько дней какой-то человек совершил самоубийство, бросившись в Тексаркане под колеса поезда. В лесистой местности, недалеко от места предыдущих убийств, были найдены остатки сгоревшего автомобиля. Больше убийств не было.

Харви Глатман, фотограф из Сан-Диего, штат Калифорния, является воплощением другой стороны «суицидальных» наклонностей. Глатман был еще одним невзрачным, маленьким человеком, носившим очки, увлекавшимся порнографией и собиравшим порнографические открытки. Наконец свои фантазии он решил реализовать. Трижды он давал объявление о том, что требуются модели для порнографических съемок; каждый раз он, угрожая пистолетом, связывал девушек, делал снимки связанной жертвы, потом насиловал и убивал ее. От тел Глатман избавлялся где-нибудь на пустынной дороге за городом. Четвертая девушка оказала более решительное сопротивление, и

Глатмана поймали прежде, чем он смог убить ее. Удивительно то, что ему удалось это сделать с тремя предыдущими девушками. Любая из тех, кто ответил на объявление, могла запросто сказать, куда пошла, своей подруге или приятелю. Глатман знал об этом, но его это не волновало. Потребность в сексуальном удовлетворении была выше страха быть пойманным. Такого человека можно рассматривать как кандидата в самоубийцы, который прежде, чем отправиться на тот свет, решил хорошо повеселиться.

В 1970 году в полицейский участок в Лос-Анджелесе пришел строительный рабочий 51 года по имени Мэк Эдвардс и признался в серии убийств детей, совершенных им на протяжении 17 лет. Он признался в шести преступлениях, совершенных в период между 1953-м и 1956 годом, и в трех – с 1968-го по 1970 год. Подробное описание убийств убедило полицию в правдивости признания. Полицейские также предположили, что Эдвардс был виновен в серии убийств детей, совершенных в период с 1956-го по 1968 год. Итого количество жертв равнялось 22. Эдвардс был приговорен к смертной казни, при этом он потребовал, чтобы казнь был осуществлена в Калифорнии и чтобы он мог «стать на очереди» первым (в Калифорнии на протяжении уже многих лет смертные приговоры не приводились в исполнение, несмотря на некоторые решительные воззвания). «Мой адвокат сказал мне, что своей очереди очутиться на стуле ждут сотни человек. Я прошу судей позволить мне стать первым из них. Вот кто-то уже сидит и от страха обливается потом. Позвольте мне занять его место. Я не обливаюсь потом. Я готов к этому». Он производил впечатление человека, пробудившегося от ночного кошмара и страстно желавшего раз и навсегда покончить с этим.

Это позволяет нам дать четкое определение психологии «убийцы». Человек – существо развивающееся, с потребностями самого разного уровня. Физическое

выживание находится на самом низком из них, как только этот уровень достигнут, он может немедленно переходить на следующий – «территориальной безопасности», то есть потребности в крыше над головой. Вслед за этим идут потребность в сексе, семье и т.д., в полном соответствии с иерархией ценностей Маслоу. Кроме того, не следует забывать о том, что процесс эволюции осуществляется скачкообразно. Это вы можете легко заметить, попытавшись добиться в чем-либо успехов, будь то изучение иностранных языков или катание на лыжах и ходьба на руках: сегодня у меня это получается неуклюже, а завтра «все встало на свои места». То же касается и эволюции личности: нас вдруг начинает заботить то, что вчера еще казалось совершенно незначительным. Ребенок, которому вчера ничего не стоило украсть или сказать неправду, сегодня просыпается и понимает, что вышел из этого возраста; молодой человек, обольщавший девушек своим обаянием, вдруг начинает испытывать отвращение к тому обману, к которому ему невольно приходилось прибегать. Бернард Шоу был до такой степени очарован неожиданностью таких внезапных перемен в моральных устоях, что даже обыграл некоторые из них в своих пьесах.

Основной закон здравого смысла и здоровой морали заключается в том, чтобы никогда не делать того, что может помешать вашему дальнейшему развитию. Этот же закон справедлив и для физического здоровья: никогда не разрушать его ради сиюминутных удовольствий. Именно этот – психологический, а не религиозный или моральный – запрет является реальным препятствием на пути правонарушений. На протяжении 14 лет Мэк Эдвардс убивал детей ради удовлетворения своей сексуальной потребности, но однажды утром он проснулся и понял, что это ему не нужно, что демона больше нет. Но как ему подняться на уровень самоутверждения – этот истинно общественный уро-

вень, – когда на его совести 22 мертвых ребенка? Фактически он стал другим человеком, осудившим свое прежнее «эго» и приговорившим его к смерти.

Теперь читателю уже должно стать ясно, что проблема «магического мышления» тесным образом связана с другой, обсуждаемой нами ранее, а именно: проблемой «правого человека», человека, который никогда и ни при каких обстоятельствах не признается в своей неправоте. В большинстве случаев он представляет собой одержимого невропата, чья потребность в самоутверждении столь велика, что у него даже в мыслях не возникало желания взглянуть на себя критически. Его поглощает желание властвовать над людьми, чувствовать себя «важной персоной». Если условия его жизни не позволяют реализовать эту потребность на работе или в общественном положении, тогда он пытается превратить свою семью в крохотное диктаторское государство. При малейшем признаке сопротивления он впадает в неистовство, причина его гнева коренится в неистребимой жажде властвовать.

То, насколько важное место в нашей жизни занимает «доминантность», а у животных – «закон клевания», стало известно сравнительно недавно. Впервые это было замечено в поведении домашней птицы, когда доминирующие особи клевали своих стоящих на более низкой ступени собратьев. Потом постепенно пришло понимание того, что такой «закон клевания» существует у всех животных, включая и человека. То есть каждое живое существо является доминантным или подчиненным по отношению к другому. В группах таких животных, как львы, гориллы или крысы, доминантная особь определяется в жестоких схватках. Но стоит одному животному победить, как от агрессии не остается и следа. С этого момента побежденный подчиняется победителю. Как только кон-

кретное животное заявляет о своем превосходстве над другими «соискателями», оно словно обретает некий статус социальной ответственности и тотчас поднимается над мелкими ссорами. Тот же феномен можно наблюдать и у людей, когда политик выдвигается в премьер-министры или президенты: средней руки партийный деятель вдруг начинает проявлять качества подлинного руководителя. Этим можно объяснить неистребимое стремление человека к власти, а также тот факт, что те, кто ее имеют, крепко держатся за нее. Высшая власть ставит индивидуума выше «мышиной возни».

Одно из наиболее интересных наблюдений, касающихся доминантности, было сделано во время корейской войны. Пытаясь понять, почему среди американских пленных было так мало случаев побега, наблюдателям удалось узнать, что китайцы применили один очень интересный способ. Они внимательно изучали пленных с целью выявления среди них «доминантных» личностей, а потом отделяли их от остальных и тщательно охраняли. Остальные пленные, оставшись без «лидеров», становились более или менее инертными и могли содержаться под минимальным надзором.

Но, что было еще любопытней, соотношение числа «доминантных» пленных и общего количества заключенных всегда было одним и тем же: один к двадцати, то есть 5%. Исследователь Стэнли знал об этих 5% «доминирующих индивидуумов» уже в начале века. Бернард Шоу однажды спросил его, сколько его людей могли бы возглавить экспедицию, если бы он вдруг заболел, Стэнли ответил: «Каждый двадцатый». Когда Шоу спросил его, было ли это число точным или приблизительным, Стэнли ответил: «Точное».

Наблюдения, проведенные зоологами Лоренцем и Тинбергеном, указывают на то, что это соотношение справедливо для всех видов животных: 5% любой

совокупности являются «доминантными». Психолог Калаун сделал не менее интересное открытие: 5% «доминантных» крыс в условиях скученности становятся агрессивными. Превосходство таких крыс выражается в поведении, совершенно не свойственном им в нормальных естественных условиях: они совершают акты насилия и каннибализма. Некоторые животные, типа оленя Сика, в условиях скученности погибают от стресса. У человека сопротивляемость к стрессам куда более высокая, чем у животных, но при скученности и перенаселенности проявляется реакция, аналогичная крысиной: возрастает уровень преступности. Следует отметить, что ни один из преступников, совершивших серийные убийства, не был выходцем из благополучной в социальном смысле среды: большинство из них родились и выросли в перенаселенных трущобах. Зоолог Десмонд Моррис заметил как-то, что города – это «человеческие зоопарки», и добавил: «В естественных условиях, в местах привычного обитания, дикие животные никогда не наносят друг другу увечий, не мастурбируют, не нападают на собственное потомство, у них не бывает язв желудка, они не становятся рабами фетишей, не страдают от маний, не образуют гомосексуальные пары, не совершают самоубийств». На основании сказанного можно сделать вывод, что со «взрывом преступности» не справиться до тех пор, пока не будет решена проблема перенаселенности.

Но перенаселенные трущобы существовали всегда. И, конечно, здесь проблема преступности была особенно острой. Но почему убийцы-сексуальные маньяки появились именно во второй половине XX века? Ответ на этот вопрос уже рассматривался в предыдущих главах. В обществах с высоким уровнем бедности наиболее распространенным преступлением является кража. В более «процветающих» обществах совершаются преступления на сексуальной почве, поскольку

перенаселенные трущобы порождают синдром «преступных крыс», когда 5% доминантных личностей доказывают свое превосходство посредством насилия. А в «богатеющих обществах», где более высокий уровень образования для любого социального слоя является ключом к достижению богатства и успеха, жажда «вырваться вперед» становится такой же неутолимой, как и жажда сексуального удовлетворения, тогда и появляются новые типы преступлений, мотив которых – самоутверждение. (Существует также вероятность того, что тип преступлений, совершенных из самоутверждения, появляется после того, как в обществе возникает феномен поп-звезды, то есть когда мечта любого подростка из низших классов о богатстве и признании может стать реальностью.) Во второй половине XVIII века такие мыслители, как Руссо и Пейн, провозгласили фундаментальный принцип, суть которого состоит в том, что каждый человек имеет право на свободу. Во второй половине XX века существует негласное, но практически повсеместное представление о том, что каждый человек имеет право на славу и известность.

Абрахам Маслоу, первым описавший «иерархию потребностей», также сделал интересное наблюдение относительно доминантности. Эта проблема его заинтересовала после того, как он понаблюдал за поведением обезьян в зоопарке Бронкса. Казалось, основным их занятием был секс – такое поведение характерно для многих животных в неволе. Но Маслоу озадачило иное: половые сношения часто были «ненормальными» – самцы покрывали самцов, и даже самки иногда залезали на самцов. Тогда исследователь понял, что секс в данном случае был не чем иным, как формой проявления доминантности. А происходило вот что: более доминантные особи доказывали свое превосходство, взбираясь на более зависимых животных. (Роберт Ардли указывал, что в естественных условиях

«секс для животных – второстепенное действо», которое приобретает такую чрезвычайную важность только в условиях несвободы, что является еще одним объяснением того, почему со второй половины XX века наблюдается столь резкий рост числа преступлений на сексуальной почве.)

Маслоу также заметил, что если в группу обезьян помещали новую особь, то она непременно подвергалась атаке со стороны обезьяны, которая раньше к доминированию не стремилась. Он отметил, что такая, ранее не выделявшаяся, обезьяна действовала обычно с особым ожесточением, словно старалась отомстить за свое предыдущее унижение. В этом мы также можем усмотреть сходство с садистским поведением многих преступников, целью которых было самоутверждение.

Но, пожалуй, самое интересное его наблюдение касается доминантности среди женщин. В 1936 году Маслоу начал серию опросов по типу Кинси среди преподавательниц и студенток колледжей. Для интервьюирования он выбрал женщин только потому, что они, по его мнению, способны дать наиболее достоверные ответы. Ответы мужчин искажены завышенной оценкой собственной личности. Согласно его данным, опубликованным в работе 1939 года (а затем в еще одной – три года спустя), сексуальность женщин связана с доминантностью. По мере возрастания желания доминировать женщина становится более неразборчива в связях, склонной к лесбиянству, мастурбациям и сексуальным экспериментам, включая разные способы достижения полового удовлетворения.

Его поразило то, что испытуемые четко делились на три группы: высокодоминантные, среднедоминантные и низкодоминантные. У женщины, принадлежавшей к средней группе, секс мог занимать в жизни важное место, но ее сексуальный опыт, как правило, был ограничен, она предпочитала принадлежать одно

му мужчине. Женщины с низкой доминантностью (им особенно трудно было попасть в учебную группу) были склонны считать секс занятием, целью которого является исключительно деторождение, а одна из низкодоминантных женщин даже отказывалась спать с мужем, несмотря на то, что испытывала сильное сексуальное влечение. (Важно отметить, что высокая сексуальная потребность могла встречаться во всех трех группах, однако количество половых сношений зависело от степени доминантности женщины.) У женщин со средней доминантностью отмечалось романтическое отношение к сексу, им нравится, когда ухаживание сопровождается свечами, цветами, тихой музыкой, им нравятся мужчины, которые могли бы «хорошо обеспечить семью», то есть более надежные, нежели возбуждающие воображение люди. Женщинам с низкой доминантностью секс представляется чем-то отвратительным. Большинство из них находят половой член уродливым, в то время как высокодоминантные женщины считают его прекрасным.

Наиболее важным наблюдением, сделанным во время этого исследования, было то, что женщины предпочитают выбирать партнеров, степень доминантности которых несколько выше, нежели их собственная, но в пределах «своей» группы. Женщины с низкой доминантностью предпочитают мужчин, которые способны за ними ухаживать годами, не делая попытки сближения. Мужчины среднедоминантного и высокодоминантного типа пугают их. Женщинам с высокой степенью доминантности нравятся мужчины, буквально «сбивающие с ног» и довольно грубые в постели. Одна высокодоминантная женщина потратила годы на то, чтобы найти мужчину, который превосходил бы ее в этом качестве, однако безуспешно. Когда она наконец нашла мужчину, слегка превосходящего ее, то сразу вышла за него замуж и оставалась верной ему. Но ей нравилось устраивать с ним

битвы, вызывать его ярость, что завершалось самым настоящим насилием, но доставляло ей невероятное удовольствие. Одна женщина с высокой степенью доминантности, которая могла испытать оргазм при одном только взгляде на мужчину, призналась, что двое любовников не смогли дать ей наслаждения лишь потому, что были чересчур слабы, и «я не могла отдаться на их милость».

Когда в начале 70-х годов я работал над биографией Абрахама Маслоу, меня поразил факт, что эти отношения доминантности и подчиненности могут объяснить многие преступные альянсы, как например, в деле об убийстве, совершенном Леопольдом и Лоэбом, когда два чикагских студента из богатых семейств после многочисленных мелких преступлений совершили в конце концов убийство «ради смеха». Большинство высказываний, сделанных по этому поводу, сводились к сомнительной мысли о том, что преступники хотели доказать, будто являются «суперменами». Но отношения «господин – раб», существовавшие между Ричардом Лоэбом и Натаном Леопольдом, позволяют нам понять, что произошло на самом деле. «Эго» Лоэба, его самодовольство питалось за счет «раба», но степень доминирования над Леопольдом (который в любом случае хотел быть «полезным») оказалась недостаточной. Как любой малолетний правонарушитель, Лоэб хотел выразить свой гнев путем «попрания устоев общества», они совершали мелкие кражи не ради прибыли, а ради получения удовольствия. Движимый именно этой страстью – доказать обществу свое превосходство, – Лоэб разработал план похищения и убийства ребенка. Но без своего «раба» Леопольда он никогда бы не стал убийцей.

Наиболее важным в данном деле наблюдением является то, что они относились к разным типам доминантности: Лоэб был высокодоминантным, Леопольд – среднедоминантным. Это, согласно Мас-

лоу, довольно редкое явление среди человеческих пар. Начать надо с того, что человек с высокой доминантностью редко проявляет сексуальный интерес к людям из другой группы. Он может получать удовлетворение с женщинами из числа средне- и низкодоминантных, но не в состоянии проявить к ним интерес как к личностям. Однако, если в конце концов из-за одиночества и отчаяния он все же согласится на союз с человеком «чуждого» типа доминантности, то это лишь «добавит масла в огонь» его «эго», что может вызвать что-то вроде интоксикации. У хорошо владеющего собой человека при этом может усилиться чувство самонадеянности. Поведение человека, чья доминантность была подавлена, как в примере с «ранее угнетенной обезьяной» Маслоу, может стать социально-опасным, что является своеобразной формой демонстрации триумфа.

В некоторых случаях отношения между лицами из групп с высокой и средней доминантностью могут сравниться с отношениями гипнотизера и гипнотизируемого. В ноябре 1899 года нью-йоркский адвокат по имени Альберт Т. Патрик постучал в дверь квартиры Уильяма Райса, богатого, удалившегося от дел 80-летнего бизнесмена, жившего на Мэдисон-Авеню. Дверь открыл лакей Райса, Чарльз Джоунз. Патрик не стал терять время и прямо с порога предпринял попытку уговорить Джоунза предать своего хозяина и сообщить некоторые факты, которые могли быть потом использованы в судебном процессе против Райса. Джоунз, бывший единственным другом старика, с ужасом отказался. Но во властном взгляде черных глаз Альберта Т. Патрика было нечто, заворожившее лакея. И когда тот спустя несколько дней вернулся, Джоунз позволил уговорить себя и согласился подделать письмо, в котором его хозяин отказывается от участия в судебном процессе. Когда Патрик узнал от

Джоунза, что Райс завещал 3 000 000 долларов колледжу в Техасе, он предложил Джоунзу сотрудничество с целью изготовления нового завещания, согласно которому все наследство переходит Патрику. Следующим этапом было отравить Райса, дав ему таблетки от несварения желудка, приправленные ртутью. Когда желанный результат достигнут не был, Патрик приказал Джоунзу умертвить старика хлороформом.

К этому времени он уже оказался в сильной зависимости от Патрика и возражать не стал. Как только старик умер, Патрик поспешил в банк с поддельным чеком на сумму в 25 000 долларов. Но Джоунз случайно написал на чеке: «Альберту Т. Патрику», когда кассир обнаружил это, весь план пошел насмарку. Когда управляющий банком пожелал переговорить с мистером Райсом по телефону, Джоунзу пришлось сказать, что старик умер. Вскоре после этого Патрик и Джоунз оказались в соседних камерах. Тогда Патрик передал Джоунзу острый нож и сказал: «Игра закончена. Все потеряло смысл. Ты давай действуй первым, я последую за тобой». Джоунз был настолько загипнотизирован Патриком, что немедленно перерезал себе горло, даже не подумав о том, как сможет передать нож назад... Однако Джоунз поправился и стал давать показания против сообщника. Патрик был приговорен к смерти, но в конце концов помилован и отпущен.

Почти полвека спустя Раймонд Фернандес, мелкий мошенник с накладкой из искусственных волос и золотыми зубами, специализировавшийся на обольщении и обмане одиноких дам среднего возраста, через клуб знакомств познакомился с полной дамой — медицинской сестрой по имени Марта Бек. Фернандес стал мошенником после серьезной травмы головы, повлекшей за собой значительные изменения его психики. (Мы уже знаем, что многие убийцы, на чьей совести большое количество жертв, перенесли когда-

то травму головы.) Первая встреча с Мартой вызвала у него шок (она весила почти 90 килограммов), но в некотором очаровании отказать ей было нельзя. Оказавшись вместе в постели, они обнаружили, что стоят друг друга, и их сексуальная жизнь превратилась в сплошные беспрерывные оргии. Когда Марта узнала, как Ферднандес зарабатывает на жизнь, то предложила присоединиться к нему, играя роль сестры. В его деятельность она решила внести одно маленькое «новшество»: после того, как он обольстит и обворует женщину, ее надлежало убить. За два года они убили не менее пяти женщин, с большинством из которых знакомились через клуб «одиноких сердец» и по объявлениям. Последними их жертвами стали 41-летняя мать и ее двухлетняя дочь. Заподозрившие неладное соседи вызвали полицейских, и те нашли в подвале дома две залитых свежим бетоном могилы. После судебного процесса оба преступника 7 марта 1951 года были казнены на электрическом стуле. Правда, у Марты, когда ее усаживали на стул, возникли некоторые трудности.

Из книги Венцеля Брауна «Убийцы «одиноких сердец», посвященной данному делу, явствует, что в этой паре лидировала Марта, в то время как Фернандес был слабым, малодушным и легкомысленным. У них обоих было несчастное детство, что так характерно для серийных убийц. Из-за своей полноты Марта чувствовала себя «уродиной», но, поскольку ей страстно хотелось делать людям приятное, она еще в детстве стала позволять мужчинам ласкать себя. Фернандес был тщедушным и болезненным маленьким мальчиком, презираемым своим властным отцом. Все детство он провел, витая в облаках, наедине со своими мечтаниями. Когда его вместе с тремя другими подростками уличили в краже кур, отцы других мальчиков выступили их поручителями, и ребят отпустили. Отец Раймонда Фернандеса отказался взять на себя такую мис-

сию, и сын отправился в тюрьму. Даже после травмы черепа, так изменившей его характер, он все же никогда не проявлял садизма по отношению к женщинам, которых обманывал. Только в компании с Мартой он стал «самым ненавистным убийцей Америки».

Но, наверное, наиболее ярким примером проявления «синдрома доминантности» является английское дело об «убийцах с вересковой пустоши». Происшедшее напоминает ночной кошмар, воплощение фантазий садиста, помешанного на порнографии: молодой человек, обожавший Гитлера и де Сада, совращает религиозную и довольно заурядную девушку. Он убеждает ее заняться вместе с ним похищением и насилованием детей с последующим их убийством. Несмотря на большое количество книг, написанных по этому делу, в психологии Айана Брейди и Майры Хиндли остается много загадочного. Доподлинно известно только одно: здесь мы еще раз сталкиваемся с «психозом двоих», как и в случае с Лоэбом и Леопольдом, Патриком и Джоунзом, Фернандесом и Бек.

Что нам известно о Брейди? Он родился в январе 1938 года в изобиловавшем трущобами Клайдсайдском районе Глазго. Он был незаконным ребенком, его матери, когда он родился, было всего 19. Она работала официанткой. Ее фамилия была Стюарт, но Айан взял фамилию женщины, воспитавшей его – Слоун. До семилетнего возраста он жил в переполненном жильцами многоквартирном доме Глазго. Во время жестоких бомбардировок он оставался в Клайдсайде. Когда война закончилась, семейство Слоунов было переселено в новый дом на окраине Глазго. В школе он был прилежным учеником и, сдав в одиннадцатилетнем возрасте квалификационный экзамен, был отправлен в Академию Шоулендс, которая представляла собой «шикарную» школу, оказавшуюся поблизости от нового района. Между детьми переселенных из трущоб семейств и сынками преуспевающих коммерсантов в

синих блейзерах возникли натянутые отношения. Брейди ничего, кроме чувства негодования, не испытывал. У него было живое воображение, воспитанное на комиксах о супермене и гангстерских фильмах. Он непросто сходился с людьми, и друзей у него было мало. Во всем его облике ощущалась угрюмость и отсутствие дружелюбия – этакий правонарушитель с внешностью Элвиса Пресли. Это видно и по фотографиям, сделанным после убийства. Эмлин Уильямс рассказывает историю – услышанную от одного из друзей детства Брейди – о том, как он бросил кошку в дыру в могиле и закрыл камнем: ему хотелось узнать, сколько времени понадобится, чтобы уморить животное голодом. Приятель Брейди тогда отодвинул камень, чтобы убедиться в правоте его слов, и сидевшая в яме кошка убежала.

Впервые на скамье подсудимых Айан оказался в возрасте 13 лет. Тогда его обвинили в краже со взломом и дали два года условно. Год спустя, в 1952-м, он снова предстал перед судом для несовершеннолетних и вновь по обвинению в краже со взломом, но ему удалось отделаться предупреждением. Когда в 1954 году подошел к концу его условный срок, он опять появился в суде, обвиняемый в краже со взломом, на этот раз прокурор просил принять во внимание девять других его краж. Снова он получил два года условно. В том же 1954 году он переехал в Манчестер к матери, вышедшей замуж за человека по фамилии Брейди. Если в раннем возрасте мать не обращала на него внимания, то теперь она попыталась наверстать упущенное. Соседка по дому сказала, что она никогда не спускала с него глаз. Домашняя жизнь оказалась тихой и скучной: фильмы, выступления комиков по радио, книжки про гангстеров в мягких обложках типа «Никаких орхидей для мисс Блэндиш». Он устроился работать на пивоварню, а через год был пойман, когда попытался украсть с крыши кусок

жести. Поскольку его условный срок еще не закончился, его отправили в исправительную школу. В Борстале в Хэтфилде, графство Йоркшир, он провел год, за это время проявил угрюмость характера и нежелание сотрудничать, во всем остальном ничего примечательного замечено не было. Своим товарищам он сказал, что связался с гомосексуалистами. Проведя год в изоляции, он снова вернулся в Манчестер и стал жить на пособие по безработице. Жизнь была скучной – в маленьком домике вместе с матерью и отчимом и без работы. Он занимался тем, что пил чай и читал газеты. Айану исполнился 21 год, когда он снова нашел постоянную работу на полный день. Он стал клерком в «Миллуордсе», химической фирме в Гортоне.

Именно в «Миллуордсе», как пишет в книге «По ту сторону веры» Эмлин Уильямс, у Брейди появился интерес к нацизму, и он начал увлекаться соответствующими книгами. Было бы интересно узнать, какую книгу о фашистской Германии он прочел первой книгу, которая так повлияла на него и смогла убедить в том, что в идее нацизма было что-то, чего не хватало современному миру.

Важно постараться увидеть это глазами Брейди. Ему было 23 года, и он был достаточно развит. Со времени окончания школы жизнь превратилась для него в серую обыденность. Йетс сказал, что жизнь это подготовка к чему-то, что никогда не случается, но жизнь Брейди была лишена даже этого. Она превратилась в череду напрасно потраченных дней и недель, которые ничего не оставляют тебе взамен – кроме того, что ты становишься старше. Брейди не имел достаточной литературной подготовки, чтобы прочитать «Пустыню» или «Опустошенного человека», но, если бы прочел, то непременно узнал бы свои переживания. С нацистами он познакомился, читая антифашистские книги, такие, как «Кара свастики», которые стали для него чем-то вроде религии. Задать вопрос, как он

мог принять эту новую веру, читая антифашистские книги – значит задать неверный вопрос. Сама идея насилия давала эмоциональное удовлетворение, была чем-то реальным в выдуманном мире. При наличии хорошо развитого воображения можно было вызвать ощущение реальности, серьезности и правдоподобия. По этой причине наши предки, викторианцы, зачитывались по воскресеньям «Книгой мучеников» Фокса. По этой же причине одним из главных духовных упражнений святых стало мысленное представление страданий Христа на кресте. До тех пор, пока наш разум не занят чем-либо серьезным, силы его рассеяны, рассредоточены. Чтобы испытать собственную силу, нашему разуму нужно сначала сосредоточиться и напрячься точно так же, как мы сжимаем кулаки или стискиваем зубы. Но чтобы это произошло, он должен сконцентрироваться на чем-то, что вызывает глубокий интерес и возбуждает в нас сильные чувства. Брейди нашел все это в фашизме, что было для него спасением от скуки и рутины повседневности. У него появилась мечта об обществе, в котором подобные ему люди смогут иметь нечто более волнующее, чем работа простого клерка.

Сфера его интересов расширилась: он увлекся книгами о пытках, на основании чего можно предположить, что, если говорить о половых извращениях, то Брейди был садистом, то есть тем, для кого секс и боль могут сочетаться. Но так бывает не всегда. Садизм де Сада развился от желания отомстить обществу. Он имел общие корни с ненавистью Свифта, которую тот питал к 99% своих собратьев. То, что садизм Брейди возник на той же основе, становится очевидным после того, как выясняется его отношение к де Саду. Большинство людей, покупающих книги де Сада, читают их ради сексуальных сцен и возможности вести продолжительные споры. Брейди же захватили сами идеи. Общество насквозь прогнило. Человеческая

жизнь ничего не стоит, природа дарует ее и отнимает с одинаковым бесстрастием. Мы прозябаем в лишенной какого бы то ни было смысла Вселенной, возникшей по воле случая. Окруженные пустотой, мы тешим себя мыслями о великодушном Боге, в то время как страшные землетрясения и приливные волны каждый раз свидетельствуют о том, что это существо – продукт чистого вымысла.

Однако данная точка зрения не такая антирелигиозная, какой может показаться на первый взгляд. Она довольно близка идеям буддизма, который исповедует огромная часть населения Земли. И принятие этой точки зрения свидетельствует вовсе не о больном разуме, а, скорее, о пессимистическом взгляде на мир. Хотя Свифт был психически нездоров, это не есть следствие его ненависти к людям. Наоборот, эта ненависть – признак болезни. Шоу тоже разделял мнение Свифта о том, что человек в том виде, в каком он существует, является крайне неадекватным миру, но Шоу был в высшей степени благоразумен. Дьявол в «Человеке и сверхчеловеке» предупреждает Дон-Жуана: «Не увлекайся поисками сверхчеловека, это неизбежно вызовет презрение ко всему остальному человечеству». Затем он добавляет: «Для человека лошади, собаки и кошки – объекты вне мира морали. Для сверхчеловека мужчины и женщины – тоже объекты вне мира его морали». Но Шоу соглашается с Дон-Жуаном, а не с дьяволом. Взгляды Брейди на своих собратьев не свидетельствуют о его психическом нездоровье или об одержимости духом зла. Они только показывают, что он относился к 5% доминантных личностей». А фанатичность, с которой он придерживался своих взглядов, доказывает лишь то, что он был страшно разочарованным и отчаявшимся, хотя и принадлежал к доминирующему меньшинству.

Именно в этот период своей жизни он встретился с Майрой Хиндли. Она была на четыре с половиной

года младше Брейди, совершенно нормальная девушка из обычной рабочей семьи. И выглядела она весьма привлекательно: светлые волосы, яркая губная помада. Увлекалась она мальчиками и танцами и не отличалась большим умом, напоминая Герти МакДауэлл из «Улисса». Она родилась в католической семье, но воспитывалась как протестантка. В 16 лет она решила обратиться-таки к католичеству. Майра любила детей и животных и была привязана к своей семье. Она была помолвлена с одним парнем, однако расторгнула помолвку, решив, что молодой человек еще «не созрел» для нее. Для девушек из рабочих семей, чьи представления о мужской привлекательности формировались на основании кинофильмов и телепередач, встретить подходящего мужчину было проблемой. Их идеалами были этакие настырные парни с сильными подбородками, а местные мальчики, с которыми они встречались на танцплощадках, казались весьма заурядными, без особых амбиций.

Брейди работал в «Миллуордс» уже два года, когда Майра поступила в эту фирму в качестве машинистки, но тогда он не обратил на нее никакого внимания. Если верить записям из ее дневника, то и по прошествии шести месяцев они не обменялись и несколькими словами. Но она влюбилась со всей страстностью подростка (в это время ей было 18). 1 августа в ее дневнике появилась запись: «Айан на работе бросает на меня косые взгляды». В конце месяца: «Надеюсь, что он любит меня, и когда-нибудь мы поженимся». Очевидно, не получая на свои чувства никакого ответа, она продолжает писать в дневнике о своей любви к Айану. Она встречалась с другим молодым человеком, но запись от 5 ноября констатирует, что свои отношения с Эдди она порывает, потому что он ухаживает за другой девчонкой. Весь декабрь она ненавидит Айана, потому что он груб, неуклюж, употребляет непристойные словечки и не умеет дер-

жать себя в руках: «Я увидела его с другой стороны...» Она называет его «большой свиньей» и добавляет: «Он нарочно так ведет себя, чтобы досадить мне». Но перед самым Рождеством он вдруг приглашает ее на вечеринку. В канун нового 1962 года они вместе пили немецкое вино и шотландское виски. Потом они отправились в дом Майры, ее бабушка уже спала, и на диване в гостиной Майра рассталась со своей девственностью.

На следующий день Брейди снова стал безразличным. По всей видимости, «пресное» блаженство с Майрой утомляло его. Через несколько дней он взял ее прокатиться на мотоцикле, они снова выпили немецкого вина. (Брейди учил немецкий язык и носил черные рубашки.) Довольно рано он объяснил Майре, что брак – это буржуазный предрассудок, держаться которого он не намерен, но Майра была согласна и подождать. Он звал ее «Майра Гесс» и говорил, что она похожа на Ирму Грезе, надсмотрщицу из Бельзена, которая била и расстреливала заключенных ради удовольствия. Он много рассказывал ей о нацизме и Гитлере, объясняя, что он был бунтарем, восставшим против общества. Любовного романа из их отношений не получалось, он никогда не говорил Майре, что любит ее – по той простой причине, что не испытывал этих чувств. Она была просто идиоткой, которая ничего не имела против того, чтобы раздеваться по его малейшему желанию, и идеально удовлетворяла его самолюбие. Она была рабыней, а он – господином. Когда он поделился с ней мыслями о серии задуманных краж с использованием платежных ведомостей, она приняла это как доказательство неординарности и непредсказуемости его смелой натуры.

События развивались постепенно. Они познакомились в январе 1961 года, в январе 1962-го она стала его любовницей. Осенью она уговорила бабушку разрешить ему иногда оставаться у них на ночь. В апреле 1963 года он убедил ее купить для него пистолет. В

Англии не разрешено иметь личное оружие, если ты не являешься членом стрелкового клуба. Майра в соответствии с законом вступила в Чидлский стрелковый клуб, где сумела купить два пистолета. Еще она стала учиться водить автомобиль, поскольку Брейди сказал, что неплохо было бы купить машину. Брейди увлекся фотографией и купил фотоаппарат с таймером. Он фотографировал Майру – в черных кружевных трусиках и обнаженную; она фотографировала Айана, придерживавшего руками возбужденный пенис. Потом, используя таймер, они фотографировали себя во время полового акта. На двух фотографиях на ее ягодицах видны следы ударов хлыста, а сам хлыст висит на стене.

Точных данных о том, когда они совершили свое первое преступление, нет. Полиция начала расследование с дела Полин Рид, 16 лет, 12 июля 1963 года пропавшей без вести в Гортонском районе Манчестера, где проживали Брейди и Майра Хиндли. Вечером того дня Полин одна отправилась на танцы в железнодорожный клуб. Но до клуба она не дошла, и с тех пор ее никто не видел. Кто-то из знакомых заметил, как она свернула на улицу, ведущую к клубу. Вполне вероятно, что ее подобрала какая-то машина. Вряд ли 16-летняя девушка по дороге на танцы могла сесть в машину к незнакомцу. Также невероятно, чтобы летним вечером на переполненной народом улице ее могли незаметно втащить в салон автомобиля силой. Раз она села в машину, следовательно, в ней был кто-то, кого она знала – женщина, мужчина или пара. Майра купила автомобиль за два месяца до происшествия. Дом ее находился всего в нескольких сотнях ярдов от Уайлз-Стрит, улицы, где жила Полин. Тело Полин было обнаружено летом 1987 года после того, как Майра Хиндли призналась во всем старшему сурпеинтенданту Питеру Топпингу.

По своему характеру Майра стала походить на

Брейди. Соседка, знавшая ее подростком, охарактеризовала ее «как любительницу повеселиться», а управляющий «Мидллуордс» – как угрюмую и агрессивную особу. Букмекер Брейди так сказал о нем: «На протяжении четырех лет он приходил ко мне каждый день, но я ни разу не видел, чтобы он улыбался».

К ноябрю 1963 года они избавились от своего зеленого подержанного «морриса». В субботу 23 ноября они взяли напрокат машину и отправились в Эштон-андер-Лайн, небольшой торговый городок недалеко от Гортотона. 12-летний паренек Джон Килбрайд после посещения кинотеатра во второй половине дня околачивался на рыночной площади в надежде подзаработать несколько пенни, выполняя ту или иную работу для хозяев прилавков. Начало смеркаться, на землю опустился туман. В этот момент из приоткрытого окошка автомобиля показалось приветливое лицо леди, предложившей подвезти его. У Джона не было никакого дурного предчувствия, и он согласился. Больше живым его никто не видел.

Только почти через два года тело Джона Килбрайда было выкопано в Саддлуорт Мур. Его брюки и трусы были спущены до колен. Тело уже сильно разложилось, но явных признаков насильственной смерти обнаружено не было: мозг поврежден не был, как и подъязычная кость. Но его могли задушить подушкой. Никто, кроме Брейди и Майры, не мог точно знать причину его смерти и рассказать о том, что ей предшествовало. Известно только, что это убийство было тщательно спланировано и что позже они не испытывали сожаления или угрызений совести. Майра Хиндли даже позволила Брейди сфотографировать себя стоящей на коленях у могилы. Трудно поверить, что это было их первым убийством. В октябре 1965 года, незадолго до их ареста, суперинтендант Артур Бенфилд, ведущий расследование этого дела, сообщил прессе, что полицию интересовало восемь исчезнове-

ний людей за последние три-четыре года. Но в деле было упомянуто только пять фамилий. Имена остальных предполагаемых жертв никогда не были названы публично.

В июне 1963 года Брейди переехал на Бэннок-Стрит, в дом Майры. В начале 1964 бабушку Майры уведомили, что улица подлежит сносу и что жильцов переселяют в новый район Хаттерсли, ближе к вересковой пустоши... Они переехали туда в сентябре.

Тем временем пропал еще один 12-летний мальчик. 16 июня 1964 года Кейт Беннетт вышел из дома, чтобы навестить бабушку в Лонгсайдском районе Манчестера и остаться у нее на ночь. В этом районе жил Брейди до переезда к Майре. В восемь часов вечера Кейт помахал рукой матери, отправившейся играть в бинго. Утром следующего дня мать зашла к бабушке забрать его (и его брата), но узнала, что Кейт не приходил. Бабушка не волновалась, поскольку решила, что мальчик остался дома. В семье было восемь детей, и кто-нибудь каждый день оставался ночевать у бабки. Кейт Беннет исчез так же, как и Полин Рид.

В мае младшая сестра Майры, Морин, поняла, что забеременела. Отцом ребенка был 16-летний парнишка, Дэвид Смит, уже неоднократно вызывавший беспокойство полиции. В августе они с Морин поженились. Накануне свадьбы он зашел на Бэннок-Стрит, где встретил Айана Брейди. Айану парень понравился. Они вместе пили вино и говорили о Гитлере. На следующий день Брейди и Майра взяли молодоженов с собой в однодневную поездку в Озерный край. Сближение между мужчинами продолжилось. В 16-летнем юноше Брейди увидел еще одного почитателя. В конце концов прирожденному лидеру мало было одного последователя. На протяжении следующего месяца Смиты довольно много виделись с Брейди и Майрой. Они переехали на Уайлз-Стрит, где раньше

жила Полин Рид. Брейди привозил им в избытке красного вина (он обнаружил, что испанское вино было дешевле немецкого) и постепенно завоевал доверие Смита. В Смите, которого он познакомил с идеями де Сада, Брейди нашел благодарного ученика. Ему ничего не стоило убедить парня в том, что преступления совершали бы все люди, если бы не боялись или не были рабами ложной морали. Смит начал вести дневник, в котором записал: «Мужчина или женщина всегда являются одним из двух: либо мазохистом, либо садистом. Но только немногие делают то, что хотят... Насилие – это не преступление, это состояние ума. Убийство – это хобби, высшее наслаждение... Бог – болезнь, чума, груз на шее человека... Бог – предрассудок, рак, пожирающий мозг... Садизм – вот высшее наслаждение... Люди подобны личинкам мух – маленькие, слепые и бесполезные». Дэвид Смит оказался способным учеником. Записи в действительности свидетельствуют о том, что у него была своя философия.

Позже Брейди завел разговоры об ограблениях банков и об организации своего собственного маленького преступного синдиката. Нам не узнать теперь, насколько серьезны были его намерения, возможно, Брейди просто повторял тактику, примененную для «обращения» Майры. Он показал Смиту два имевшихся у него пистолета, они выбрали банки в качестве объектов ограбления и составили детальные планы. Но дальше этого дело не пошло.

В сентябре 1964 года Брейди, Майра и бабушка переехали в дом номер 16 по Уордл-Авеню, Хаттерсли. Это был последний из четырех домов, построенных единым блоком на насыпной террасе. Он был небольшой, но достаточно просторный для троих. Смиты продолжали навещать их. Планы ограбления банков также обсуждались, но без особого энтузиазма.

В «День подарков» 1964 года Брейди и Майра Хиндли убили 10-летнюю девочку, Лесли Анн Дауни,

которую подобрали на ярмарке в Анскоутском районе центрального Манчестера. Для тех, кто следил за развитием событий в хронологическом порядке и не понимал смысла всех предшествующих убийств, это было как вспышка молнии, осветившая все вокруг и поставившая все на свои места. В этот день Майра отвезла бабушку в гости к дяде в Дакинфилд, как она всегда делала это после обеда в субботу. Но вместо того, чтобы вернуться за ней в девять часов, она вернулась на два часа позже, объяснив, что по дороге ее застал сильный снегопад, добавив, что было бы лучше, если бы бабушка осталась ночевать там, где была. Та запротестовала, заявив, что тогда ей придется спать на полу. Но Майра проявила удивительное упрямство и в 11.30 уехала в Хаттерсли.

Лесли Анн Дауни пошла на ярмарку в Халм Холл Лейн сразу после обеда, но, возвращаясь домой с подругой, внезапно решила вернуться и посмотреть еще. Брейди и Майра подобрали ее, должно быть, где-то около шести.Они намеревались сделать порнографические снимки ребенка, а потом избавиться от девочки, как избавлялись от других детей. То, что произошло, они записали на пленку – во всяком случае, первые 17 минут. Брейди спросил имя ребенка. По какой-то причине девочка солгала, назвав вымышленное. «Мне нужно вернуться домой до восьми часов, честное слово... «Разговор происходил на фоне пения хора Рея Конниффа. Брейди и Майра намеревались заглушить голос девочки, раздавались их команды: «Вставь это, вставь лучше...» Девочка кричала и плакала, просила освободить ее. Майра Хиндли сказала: «Замолчи, сейчас же заткнись, или я выйду из себя и ударю тебя». По всей видимости, то, что происходило, не было пыткой, не вызывало боли, но пугало ребенка: это единственное, что может служить хоть каким-то оправданием действий преступной пары. Эмлин Уильямс замечает: «Я специально

подчеркиваю это, поскольку ходили слухи о жутких вещах, но на самом деле все было сравнительно спокойно».

Они сделали девять фотографий девочки в разных позах, которые Эмлин Уильямс сравнивает с балетными упражнениями. Она была раздета, только рот был завязан шарфом. По приказу фотографа она поднимала руки или ноги. На девятой фотографии она смотрит в камеру, при этом руки ее сложены, как для молитвы. Пока это была еще пара любителей-фотографов, а не маниакальных садистов, жаждущих видеть муки своей жертвы. Но убийство входило в их план, поскольку только мысль о теле, захороненном на вересковой пустоши, оправдывала всю их затею. Оно должно было укрепить в мысли о том, что они были не просто двумя низкооплачиваемыми конторскими служащими, оказавшимися в тисках полунищей жизни, но врагами общества, опасными революционерами. Чтобы усилить это чувство, они даже выезжали на вересковую пустошь в холодную погоду и спали на могилах, прикрывшись несколькими одеялами. Такие ночевки были для них чем-то вроде упражнения в аскетизме, что придавало значение сотворенному ими мифу, который занял такое огромное место в их жизни и руководил их поступками. Это была жизнь и поступки Брейди и Хиндли, а не святых и апостолов. Святой сидит в пещере и предается медитациям над распятием. Их же проповедью были книги де Сада и трупы в могилах под ногами. Дэвид Смит отметил, что после последнего убийства они выглядели изнуренными и пресыщенными, словно предавались чрезмерным сексуальным утехам. Но, кроме секса, существуют и другие явления, способные вызвать эмоциональный катарсис: искусство и религия, например. Когда тела были уже выкопаны из могил на пустоши, какой-то комментатор с Би-би-си заметил, что ходили слухи о том, что все дело было связано с колдовством и черной

магией. Да, в определенной степени так оно и было. Они словно действительно исповедовали какой-то культ черной магии, исполняя свой богопротивный ритуал. Они и в самом деле создали собственную религию, у которой было что-то общее с индуистской сектой тагов, для которых убийство было неотъемлемой частью религиозной церемонии и удовольствием одновременно.

Начало этой религии положил секс. Именно по этой причине в нее с такой легкостью был обращен Дэвид Смит. Среди цитат из де Сада, приведенных в его дневнике, имелись длинные отрывки, переписанные из романов типа «Саквояжники» и «Вечный огонь». Ни один из них не является порнографическим в прямом смысле этого слова. Они предназначены, главным образом, для того, чтобы помочь мастурбировать современному сексуально озабоченному мужчине, поскольку ни один горожанин XX века не «вкушает секса в полной мере». Да и как это возможно, когда о нем постоянно напоминают короткие юбчонки да бесконечные рекламы нижнего белья? У Шоу в пьесе «Майор Барбара» Андершафт говорит: «Я придерживался моральных правил и голодал до тех пор, пока однажды не поклялся, что любой ценой стану сытым человеком и ничто, кроме пули, не сможет остановить меня...» Брейди принял точно такое же решение относительно секса, и в этом деле значительную помощь ему оказал маркиз де Сад. И всего-то, что нужно было – это принять решение относиться ко всем остальным людям точно так же, как мы относимся к животным, которых поедаем за обедом.

Странно то, что Майра Хиндли в основном была самой обычной девушкой с самыми обычными вкусами и пристрастиями. С особой добротой относилась она к собакам: узнав, что одна из ее собак погибла от руки полицейских, она выкрикнула: «Проклятые убийцы!» Это как будто может служить доказательством того, что физическая жестокость по отношению к детям не применялась – во всяком случае, жестокость

ради жестокости. Дети рассматривались как «объекты» в сексуальных оргиях, как хлыст или черные кружевные трусики. В «Книге об убийствах» я привожу два недавних случая, когда пары на автомобилях подвозили молодых девушек. Пока мужчина насиловал свою жертву, женщина помогала держать ее. Или еще одно подобного рода дело: в Чатеме, графство Кент, в 1968 году миссис Джойс Баллард , 30-летняя дама, призналась, что хитростью заманила к ним в дом 12-летнюю девочку, чтобы ее муж, Роберт Баллард, мог изнасиловать ее. Баллард, помешанный на книгах о колдовстве и черной магии, связал девочку, вскрыл ей вены и убил ударом ножа, а потом совершил самоубийство. Жена была приговорена к трем годам тюрьмы. Во всех этих случаях женщины разделяли сексуальные фантазии мужчин и получали удовольствие, наблюдая за актом насилия. Вот что лежало в основе отношений Брейди – Хиндли.

25 сентября 1965 года, девять месяцев спустя после исчезновения Лесли Анн Дауни, к Брейди зашел Дэвид Смит. За выпивкой у Брейди развязался язык. Брейди сначала спросил парня, не убивал ли тот кого-нибудь в своей жизни, а потом сказал: «Сам я убил троих или четверых. Трупы закопал на вересковой пустоши». Еще он рассказал, что однажды на пустой улице остановил свою машину (за рулем была Майра, поскольку он не умел водить автомобиль) и выстрелил в прохожего. Нам неизвестно, поверил ли этим откровениям Смит, но, признавшись ему в преступлениях, Брейди решил, что пора и его привлекать к убийствам. Возможно, потом он сожалел о сказанном, хотя, с другой стороны, может быть, он хотел привлечь в свою секту еще одного члена, а то и двух – если считать и Морин Смит. (К этому времени их младенец умер, и Смиты тоже переехали в Хаттерсли.)

Чуть позже, 6 октября план по привлечению Смита к участию в деле начал осуществляться. Было

решено, что на этот раз их жертвой станет гомосексуалист, которого они смогут подобрать в одном из баров, где собирается этого рода публика – в районе Оксфорд-Стрит. Между девятью и одиннадцатью они познакомились с 17-летним юнцом, гомосексуалистом Эдвардом Эвансом.

Тем же вечером в 11.30 Майра Хиндли позвонила в дверь квартиры Смитов. Она сказала, что принесла для Морин записку от матери. Спустя несколько минут она попросила Дэвида Смита проводить ее домой. Когда они подошли к дому на Уордл Брук, Майра предложила ему зайти и взять несколько миниатюрных винных бутылочек. Смит прошел на кухню, где Брейди дал ему несколько штук, а потом ушел – якобы отдыхать. Через минуту послышался громкий крик, и Майра взвизгнула: «Дэйв, помоги ему!» Смит бросился в гостиную и увидел, как Брейди ударил Эванса топором. Казалось, что юноша падал бесконечно долго. Когда наконец он упал, уткнувшись лицом в пол, Брейди стукнул его в последний раз. Он бил обухом, чтобы избежать крови. Послышался клокочущий звук – предсмертный хрип. После этого Брейди взял веревку и затянул ее на шее жертвы, тело которой еще дергалось. Все это время Брейди чертыхался. Двух лающих собак Майры наконец успокоили. Брейди протянул Смиту топор и сказал: «Подержи-ка его!» Смысл задуманного состоял в том, чтобы на топорище остались отпечатки пальцев Смита. Смит подержал его в руках, а потом вернул. Вся комната была покрыта пятнами крови. В этот момент сверху послышался голос бабушки, вопрошавшей, что случилось. Майра крикнула в ответ, что уронила на ногу магнитофон. Брейди, увидев, что Смиту стало дурно, подал ему стакан вина. Потом, пока тело еще лежало в комнате, они втроем сделали уборку, подтерев кровь мокрой тряпкой. После этого они завернули труп в полиэтилен; Смит заметил, что ширинка на брюках

была расстегнута. Тело отнесли наверх, в комнату Майры. Брейди пошутил: «Мертвый груз Эдди». Брейди прихрамывал: он получил удар по лодыжке, когда Эванса сбили с ног. Затем они сели пить чай, и Майра вспоминала, как однажды ее остановил полицейский и завел с ней разговор в то время, как Брейди возился, закапывая тело. Смит пообещал прийти на другой день и прикатить старую коляску, чтобы перевезти тело к машине. Почти сразу за этим Дэвид Смит ушел. Когда он пришел домой, ему стало плохо, началась тошнота. Он рассказал Морин обо всем, что произошло. Морин приняла решение пойти в полицию. Они дождались рассвета, так как Смит боялся, что Брейди наблюдает за их домом и может напасть на него, если он вздумает подойти к телефонной будке. Утром, спрятав под пальто кухонный нож и отвертку, он осторожно спустился по лестнице, Морин шла следом.

7 октября в 8 часов 40 минут утра в дверь дома номер 16 на Уордл Брук-Авеню постучал человек, одетый как булочник, доставляющий заказы на дом. Когда Майра, протирая сонные глаза, открыла, гость назвался офицером полиции и заявил, что у него есть все основания полагать, что в доме спрятан труп. Брейди сидел на диване в гостиной и писал объяснительную по поводу своего отсутствия на работе в этот день. На нем была одна нательная фуфайка. К суперинтенданту Тальботу, одетому как разносчик заказов, чтобы обмануть бдительность Брейди, присоединился сержант из следственного отдела. Они потребовали, чтобы им показали дом. Оказавшись у запертой двери спальни, полицейские попросили ключ. Майра сказала, что отдала его слесарю, сержант предложил отвезти ее туда, чтобы забрать ключ. Тогда Брейди проговорил: «Тебе лучше сказать им... У нас вчера здесь была потасовка. Он там...» Под окном в спальне лежало что-то, завернутое в полиэтилен, по

всей видимости, тело. В той же комнате в коробке из-под обуви были найдены два заряженных пистолета.

В доме было обнаружено достаточно улик, включая и записную книжку с описанием плана избавления от тела, чтобы обвинить Брейди в преднамеренном убийстве Эдварда Эванса. В книжке полицейским на глаза попало имя «Джон Килбрайд». Майре Хиндли разрешили пока остаться на свободе, и она отправилась к матери. Через четыре дня она была привлечена к ответственности как соучастница.

При тщательном обыске дома в корешке переплета молитвенника полиция нашла талон от камеры хранения, который привел их на Центральный вокзал Манчестера. В камере хранения оказалось два чемодана. В них содержались порнографические фотографии, пленки, книги о сексе и пытках, тяжелые полицейские дубинки, парики, маски и планы ограбления банков. Среди фотографий было девять, запечатлевших Лесли Анн Дауни, а на одной из пленок имелась запись ее голоса.

Но никакого раскаяния или признания не последовало. Брейди заявил, что Лесли привели в дом двое мужчин, которые и увели ее после того, как были сделаны фотографии. Он понимал, что избежать пожизненного заключения ему не удастся, однако своих позиций не собирался сдавать ни на йоту.

По соседству с ними жила 12-летняя девочка Патрисия Ходжес, дружившая с парой. Она рассказала полиции о том, что те брали ее на вересковую пустошь, где поили вином. Она показала, где Майра Хиндли ставила машину. Это было неподалеку от места, которое называлось Холлин Браун Нолл. Поиски начались. Полиция искала участки земли, по которым было бы видно, что там недавно копали, после чего в дерн втыкали длинную палку и принюхивались к ее концу, определяя, нет ли запаха разложе-

ния. Через шесть дней полиция наткнулась на торчащую из голой земли кость. На глубине трех футов они нашли обнаженное тело Лесли Анн Дауни, одежда лежала у ног трупа. Место, где был похоронен Джон Килбрайд, нашли по фотографии Майры Хиндли, стоящей на коленях рядом с собакой. Как оказалось, позировала она на могиле.

Никаких сюрпризов судебный процесс не принес. Паре преступников было предъявлено обвинение в трех убийствах. Самым ужасающим моментом на суде оказалось прослушивание записи голоса Лесли Анн Дауни. Майра Хиндли опустила голову и сказала: «Мне стыдно». Но Брейди, открыв пакетик перечной мяты, достал пригоршню и засунул в рот. Брейди прикладывал все усилия, чтобы отомстить Смиту и любой ценой представить его как соучастника убийства Лесли Анн Дауни и Эдварда Эванса. На вопросы он старался отвечать подробно, как прилежный ученик, желая произвести впечатление умного парня. Вот как Морис Ричардсон из «Обсервер» описал Майру Хиндли: «Волосы ее, каштановые от природы, на протяжении всех недель судебного разбирательства меняли окраску. Сначала они были серебристо-сиреневыми, затем ярко-канареечного цвета. Она – девушка крупная, с поразительным лицом: красивый прямой нос, тонковатые изогнутые губы, довольно тяжелый подбородок и голубые глаза. В анфас она почти красавица. Викторианцам она бы понравилась». По мнению Ричардсона, это был типичный случай, когда девушка до безумия влюбилась в психически ненормального и разделила его заблуждения.

6 мая 1966 года оба они были приговорены к пожизненному тюремному заключению. Произошло это за 20 лет до того, как получила известность вся история убийств. В 1986 году следователь, старший суперинтендант Питер Топпинг из полиции Большого Манчестера, решил навестить Айана Брейди в тюрьме

Гартри и Майру Хиндли в Кукем Вуд. За год до этого Брейди дал серию интервью журналисту Фреду Харрисону, в которых признался также в убийстве Полин Рид и Кейта Беннетта. Теперь Брейди и Хиндли согласились помочь Топпингу найти их останки. Полин Рид была обнаружена 1 июля 1987 года, но попытки найти останки Кейта Беннета не увенчались успехом, и в конце концов попытки были оставлены.

Майра Хиндли, надеявшаяся все это время на освобождение под честное слово, решила «признаться» и заговорить о своей роли в убийствах. Согласно ее версии, Брейди впервые заговорил с ней о совершении «идеального преступления» в июле 1963 года. Она заявила также, что он заставил ее помогать ему путем «шантажа». Брейди, говорила она, делал ее порнографические снимки, предварительно усыпив – подсыпав снотворное в вино. Потом с помощью этих фотографий он оказывал на нее давление. На свою первую «охоту» они отправились 12 июля 1963 года. Майра вела фургон, а Брейди следовал сзади на мотоцикле. Проезжая мимо Полин Рид, которая шла на танцы, Майра предложила той подвезти ее. Потом она сказала девушке, что на Сэддлуорт Мур потеряла перчатку. Она предложила подарить Полин несколько пластинок, если та поедет с ней и поможет поискать перчатку. Как только они оказались на пустоши, туда приехал Брейди. Майра представила его как своего друга. Потом Брейди и Полин ушли искать перчатку, а Майра, по ее словам, оставалась в машине до тех пор, пока Брейди за ней не вернулся. Полин Рид была мертва, а по беспорядку в ее одежде можно было заключить, что Брейди, прежде чем перерезать ей горло, изнасиловал ее. С помощью прихваченной дома лопаты они вырыли могилу и похоронили убитую, а сами уехали домой.

В своих «признаниях» Майра Хиндли делала упор на то, что никогда не присутствовала рядом с Брейди

в момент совершения им убийств и изнасилований. В случае с Лесли Анн Дауни она находилась в ванной комнате и наполняла ванну водой. Когда же она вернулась в комнату, то девочка была уже мертва и на бедрах у нее была кровь.

Из книги Топпинга явствует, что Хиндли была правдива ровно настолько, насколько ей это было выгодно. В январе 1990 года в открытом письме в газету Брейди заявил, что Майра лгала и что в убийствах она играла самую активную роль: раны, обнаруженные в области лба и носа Полин Рид, были нанесены Майрой. Он также сказал о том, что Майра сама пожелала задушить Лесли Анн Дауни, использовав для этого шелковый шнур длиной в два фута. Позже ей доставляло удовольствие играть со шнуром в присутствии других людей, «упиваясь тем, что никто не знал о его тайном использовании».

Все же главная загадка этого дела так и осталась неразгаданной: как могла совершенно нормальная девушка, какой была Майра Хиндли, позволить уговорить себя принимать участие в нескольких убийствах детей? В середине 70-х годов я разговаривал с доктором Рашель Пинни, которая навещала Хиндли в тюрьме.

Она считала, что дело Майры «было сфабриковано». Вот что она написала мне: «Я по-прежнему полагаю, что Майра не принимала участия в убийствах. Далее в своей работе мне хотелось бы глубже разобраться в психологии «пойманных на крючок» людей в таких парах, как Распутин – царица, Леопольд – Лоэб, Гитлер и его поклонники».

Возможно, мы никогда не узнаем, говорила ли Майра Хиндли правду в своих «признаниях», но в одном из ее признаний звучит нечто похожее на правду, и это подтверждает мнение Рашель Пинни: «На протяжении нескольких месяцев он сумел убедить меня в том, что Бога никакого нет: он мог сказать мне, что земля плоская и что луна сделана из куска

зеленого сыра, и я бы поверила ему. Так велика была сила его влияния на меня, тихие убедительные интонации его так завораживали, что я даже не всегда понимала, о чем именно он говорил, улавливая то там, то здесь странные фразы и считая все сказанное им истинной правдой».

Короче говоря, Майра Хиндли принадлежала к среднедоминантным личностям, в то время как Брейди обладал высокой доминантностью. И Майра, несомненно, стала тем катализатором, под воздействием которого он превратился в убийцу.

16

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА

Большая часть убийц любого пола, на счету которых десятки, а то и сотни человеческих жизней, стремились к достижению определенной цели – обычно это были деньги. К людям, стоявшим на их пути, они испытывали безразличие. Маркиза де Бринвиль, казненная в 1676 году, обожала тратить деньги и считала, что лучший способ для пополнения ее кошелька – убийство путем отравления. С этой целью она отравила отца и двух братьев. Для проверки действия яда она использовала свою горничную, которая серьезно заболела (но выздоровела), а также пациентов благотворительной больницы, которым доставляла еду. Смерть ее любовника стала и ее концом. В его бумагах содержались изобличающие описания, и хотя маркиза укрылась в монастыре, ее все же арестовали и пытками вынудили во всем сознаться, что в конечном счете привело ее на плаху. Мартин Дюмоллар, чьи преступления описывались в одной из предыдущих глав, выбирал в качестве жертв девушек, подыскивавших работу, которых убивал по дороге в его уединенно расположенный фермерский дом только из-за их жалких пожитков.

Поступки других массовых убийц с еще большим трудом поддаются объяснению. Элен Жегадо, бретонская крестьянка, нанимавшаяся домработницей в разные дома, в начале своей преступной деятельности раздобыла большое количество мышьяка, которым потом на протяжении 20 лет распоряжалась по своему усмотрению. В одном из домов, где она работала, в страшных мучениях умерло семь человек, включая и

ее родную сестру. В 1851 году количество ее жертв перевалило за 23. Только смерть служанки, вызывавшей ее ревность, заставила ведущего расследование судью вызвать ее для допроса. Но не успел он и рта раскрыть, как та заявила: «Я невиновна!» – «В чем? – спросил он. – Никто ни в чем не обвиняет вас». К этому времени распознавать наличие мышьяка уже научились, благодаря чему Жегадо была признана убийцей с большим «послужным списком». Она была казнена в 1852 году. Несколькими десятилетиями раньше действовала другая отравительница, Анна Цванцигер, с энтузиазмом раздававшая мышьяк женщинам, стоявшим на ее пути к браку с хозяином дома, где она работала. Ее поймали в 1809 году благодаря только что изобретенному тесту на распознавание мышьяка в организме умершего. Два года спустя ее обезглавили. Говорят, что при виде белого порошка она от радости начинала трепетать и даже заявила: «Мышьяк – мой самый преданный друг».

Эти преступления весьма напоминают убийства, совершенные Елизаветой Батори или бессмысленные отравления Нейла Крима. Немцы назвали этот вид преступлений «lustmord» – «убийство ради развлечения». В предшествующие века этот вид убийств встречался довольно редко. В последних десятилетиях XX века такие преступления, к несчастью, стали настолько часты, что заслуживают права быть описанными отдельно. Их стали назвать «серийными убийствами».

Этот термин впервые стал широко применяться в Америке в начале 80-х годов нынешнего столетия. Правоохранительные органы признают, что за последние 20 лет наблюдается значительный рост числа преступлений на сексуальной почве и так называемых «немотивированных убийств», когда невозможно обнаружить очевидную связь между убийцей и жертвой. Более того, общее количество жертв такого рода преступлений постоянно возрастает. В 60-х годах «семья»

Мэнсона убила не менее семи человек, всех своих жертв убийцы видели впервые. Альберт де Сальво, «бостонский душитель», убил 12 человек. В 70-е годы Дином Корллом было убито 27 мальчиков, Джоном Гейси – 32, Тед Банди убил 23 девушки, Рэндалл Вудфилд, «полуторный убийца» – 44. В Южной Америке Педро Лопес, «чудовище Анд» – 360 девочек, не достигших половой зрелости.

Убийца, который первым поставил полицию Америки перед фактом массового убийства, был бездомный бродяга по имени Генри Ли Лукас. Он заявил, что, бродяжничая по Соединенным Штатам, убил 360 человек. Но самым ужасным было то, что никто не заметил существования массового убийцы. Аналогичный случай произошел в 70-е годы, когда в результате кражи на базаре был задержан Шерман Мак-Крэри, мужчина средних лет, вместе с сыном и зятем. Полиция, проследив за передвижениями семейства Мак-Крэри за последний год, обнаружила, что маршрут их совпадал с географией серии убийств, ставших известными под названием «убийства в пирожковых». По всей стране от Флориды до Калифорнии прокатилась волна нападений на официанток и продавщиц, обычно поздно ночью возвращавшихся домой. Убийцы оставляли раздетые трупы, ограбленные кассы, женщины к тому же бывали изнасилованы. Следователи в конце концов выяснили, что причастной к убийствам оказалась вся семья Мак-Крэри, включая жену и дочь.

Раз термин «серийный убийца» был запущен в оборот , американской публике потребовалась информация, и журналисты с готовностью стали поставлять ее. Так был процитирован один начальник полиции, заявивший, что в Америке в общей сложности действует пять серийных убийц и что каждый месяц число их может увеличиваться на одного. Некий психолог-криминалист «авторитетно» вещал, что количество серийных убийств может вырасти до 5000 в год. А поскольку

в Америке за год случается до 20 000 убийств – примерно в 40 раз больше, чем в Соединенном Королевстве, – это значит, что количество серийных убийств достигнет страшной цифры – 25% всех преступлений.

Но последующие прогнозы остановились на более низких показателях. Вполне реальной представляется цифра, приведенная ФБР, – жертвами серийных убийц оказываются от 300 до 500 человек в год. Но даже этот показатель вызывает серьезные опасения. Уровень преступности в Америке всегда был намного выше, чем в большинстве стран Европы. С 60-х годов он увеличился в два раза, с 10 000 до 20 000 в год. Но, похоже, никто не заинтересовался причиной, которая вызвала такой рост числа бессмысленных убийств в 70-е и 80-е годы.

Этот вопрос представлял особый интерес для нового правового органа, созданного в середине 70-х годов в Квантико, штат Вирджиния. Он назывался Отделом бихейвиористики и заниматься должен был моделированием «психологических портретов» убийц, чтобы полиция могла обнаруживать их в длинном списке подозреваемых. В 1977 году полиция в Платт-Сити, штат Миссури, занималась убийством на сексуальной почве школьницы по имени Джулия Циттмейер. Полицейские позвонили в отдел бихейвиористики, где им посоветовали искать убийцу среди подростков, возможно, школьных товарищей убитой, парней с низкой успеваемостью, сообщалось, что он, к тому же, почти наверняка страдает комплексом неполноценности. Это тотчас позволило полицейским найти убийцу, «вычислив» его в общем списке подозреваемых. В 1983 году полиция Анкориджа, штат Аляска, расследовала серию убийств женщин, посещавших танцевальные вечера. На подозрении находился уважаемый местный предприниматель, после допроса которого полиция стала подумывать о том, что ошибается. Тогда агент Гленн Флот позвонил в отдел бихейвиорис-

тики и дал описание их подозреваемого. Человек на другом конце провода перебил его: «Это не имеет значения. Просто расскажите мне о характере убийств». Убийца заставлял девушек раздеваться на снегу, а потом гонялся за ними с ружьем. Когда Флот закончил, агент ФБР сказал, что убийцей мог быть респектабельный член общества и, что вполне вероятно, имевший дефект речи – заикание. Он фактически описал их главного подозреваемого, булочника Роберта Хансена, который впоследствии и был осужден за убийства.

С изобретением ФБР методов создания «психологического портрета» серийного убийцы многие вещи встали на свои места. Большинство серийных убийц были сексуально озабоченными лицами, но все же секс не являлся для них главным мотивом. Серийным убийцей был человек, у которого доминировало желание самоутвердиться. Серийному убийце был нужен, скорее, не секс, а власть. Один из насильников сказал Роберту Рою Хазлвуду, что само насилие являлось для него наименее приятной частью преступления. Наибольшее удовольствие ему доставляло само планирование преступления и мысль о том, что он бросает обществу вызов. На основании этого Хазлвуд пришел к выводу, что у таких преступников «сексуальное нападение служит несексуальным потребностям, позволяет почувствовать свою силу, власть над другими и эмоциональную разрядку».

Теперь можно подвести краткие итоги того, что мы узнали о серийном убийце. Как уже было сказано, в основе всех его преступлений почти неизменно лежит сексуальная потребность. Таким убийцей обычно является высокодоминантный мужчина с чувством неполноценности. Его преступления являются вызовом, брошенным обществу, которое, на его взгляд, не уделяет ему должного внимания. В этом отношении Айан Брейди, «убийца с пустоши», с его кипящим

негодованием является стопроцентным серийным убийцей. Майра Хиндли выразила саму суть его амбиций, когда сказала: «Он хотел разбогатеть и стать «кем-то», а не вкалывать по восемь часов в день на кого-то еще». Истинным источником этого престранного, лишенного логики негодования, которое объединяет всех преступников, одолеваемых потребностью «самоутверждения», является злоба, порождаемая этим положением «изгоя», и уверенностью в том, что заслуживаешь чего-то большего. Как мы видели, особенно остро чувство обиды Брейди начал испытывать в «шикарной» школе, где большая часть учеников были выходцами из более обеспеченных семей.

Карл Панцрам, другой типичный серийный убийца, также испытывал чувство обиды и негодования при виде несправедливости общественного устройства. Его отец, миннесотский фермер, бросил семью, оставив ее прозябать в бедности, когда Карл был ребенком. В 11-летнем возрасте он совершил кражу со взломом в доме своего более преуспевающего соседа, потому что ему казалось несправедливым то, что у соседа были деньги. Его отправили в исправительную школу, где в силу своей бунтарской натуры он не раз подвергался порке. Но эти порки еще в большей степени озлобляли его, вызывая желание отомстить во что бы то ни стало. И потом, когда на его пути попадалось какое-либо официальное лицо – пусть даже железнодорожный охранник – он обязательно совершал над ним акт сексуального насилия. Постепенно Панцрам перешел на бессмысленные убийства. «Тогда я подумал, что смогу наконец начать мстить, – написал он в своих биографических записках. – Раз я не могу причинить боль тем, кто причинял боль мне, то буду убивать всех подряд». Вот она, перевернутая, «зеркальная логика» преступного «магического мышления» – то, о чем мы говорили в предыдущей главе. О себе Панцрам любил рассуждать как «о человеке,

который делает людям добро», ибо жизнь настолько жестока и отвратительна, что, убивая людей, он оказывал им любезность. Но все же, если взглянуть с другой стороны, которая также является немаловажной для понимания мотивов, движущих серийным убийцей, 22 убийства являются для него своего рода наказанием. Словно он решил, что жизнь настолько бессмысленна, что не стоит и стараться достичь чего-то действительно стоящего. Но для мужчины с высоким уровнем доминантности, которого одолевает глубокое бессознательное стремление стать «кем-то», это равносильно душевному самоубийству. «Дневник» Панцрама, написанный для молодого охранника по имени Генри Лессер, который был добр к преступнику, может рассматриваться как попытка очиститься, исправить неисправимое. В самом деле, его признание произвело впечатление на многих пишущих людей, включая Г. Л. Манкена. Но к этому времени уже было слишком поздно, и Панцрам знал об этом. Каждый раз, совершая немотивированное убийство, включая убийства нескольких детей, он уничтожал частицу самого себя. Когда за убийство такого же заключенного, как он сам, Панцрама приговорили к смертной казни, стало очевидно, что с его стороны это был акт самоубийства. Своему палачу он сказал: «Пошевеливайся, ты, неотесанная деревенщина! Пока ты тут копаешься, я бы уже повесил с десяток мужиков».

Одно дело 80-х годов также служит подтверждением этой мысли. В июне 1983 года в Калифорнии за совершение 10 убийств был приговорен к смертной казни серийный убийца по имени Джеральд Галлего. Галлего совершал преступления с помощью своей гражданской жены Чарлин Уилльямс, дочери богатого бизнесмена из Сакраменто. Он был одержим страстью найти «идеальную сексуальную рабыню» (и периодически вступал в кровосмесительную связь с дочерью с тех пор, как ей исполнилось восемь лет). Чарлин была

единственным избалованным ребенком в семье. К этому времени она уже дважды побывала замужем. В возрасте 21 года она встретилась с бывшим осужденным Галлего, отец которого был казнен в 1954 году за совершение трех убийств. Завороженная его мужской силой, она согласилась оказать ему содействие в поиске «идеальной сексуальной рабыни». В 1978 году она обратилась в супермаркете к двум девочкам-подросткам, спросив, не желают ли они покурить травки. Когда девочки подошли к фургону, Галлего уже поджидал их с пистолетом. Сначала он изнасиловал их по очереди в углу фургона, а потом прикончил выстрелами в голову. Два года спустя (имея на счету уже шесть убийств), они совершили похищение молодой пары, возвращавшейся с танцев в Сакраменто. Мужчина был «казнен», а женщина сначала изнасилована, а потом застрелена. Один из приятелей похищенных видел, как было совершено это нападение, и записал номер автомобиля. Чета Галлего попыталась скрыться, но через несколько недель их все же поймали. Чарлин, ввиду того, что она решила давать показания против своего «мужа», было предъявлено менее суровое обвинение, в результате которого она получила 16 лет тюрьмы; Галлего был приговорен к смертной казни посредством смертельной инъекции.

Социальному работнику в тюрьме Галлего признался: «Моим единственным стремлением является убийство Бога». Это перекликается с замечанием, брошенным Айаном Брейди старшему суперинтенданту Топпингу. Хотя Брейди заявлял, что вера в Бога абсурдна, тем не менее, после убийства Джона Килбрайда он, потрясая кулаками, прокричал: «Получи, ублюдок!». Это очень ярко иллюстрирует пример «магического мышления» серийного убийцы.

Жиль де Рэ и графиня Батори тоже могут быть причислены к тому же ряду. Но все же ими двигало не столько негодование и обида на общество, сколько

садизм. Кроме того, отличает их также и то, что они принадлежали к высшему классу, тогда как все современные серийные убийцы были выходцами из рабочей среды или низших слоев среднего класса. (Это может служить лишним доводом против того, что Джек Потрошитель – первый современный серийный убийца – был богатым хирургом или членом королевской фамилии.)

Но не все серийные убийцы оказывались садистами и не все были движимы чувством негодования. Эрл Нельсон, более известный как «убийца-горилла», разъезжал по Соединенным Штатам и Канаде с февраля 1926-го по июнь 1927 года, изнасиловав и задушив при этом 22 женщины. Он стучался в дома с вывеской «Сдаются комнаты», и если хозяйка была в доме одна, он нападал на нее после того, как она показывала ему комнату. Наконец после объявления всеобщего розыска, он был пойман где-то в районе Виннипега и в январе 1928 года повешен. Он изуродовал только одну из своих жертв, 14-летнюю девочку, обычно же он ограничивался изнасилованием с последующим удушением. С его фотографии на вас смотрит обезьяноподобное лицо с покатым лбом и лишенными выражения глазами. Он кажется типичным «сексуальным маньяком-убийцей». Несмотря на то, что, перенеся в десятилетнем возрасте травму головы, он страдал приступами дурноты, Нельсон не был лишен ума и определенного обаяния. Своим товарищам-постояльцам он казался серьезным, глубоко религиозным парнем. Вопреки внешности, он, вне всякого сомнения, относился к 5% доминантных личностей, что, по всей видимости, является неизменным показателем для всех случаев.

Если все вышесказанное принять во внимание, кажется спорным вопрос, считать ли первым серийным убийцей Америки чикагского «бизнесмена» по имени Герман Уэбстер Маджетт, предпочитавшего

называть себя Генри Говард Холмс. Когда был проведен обыск его «замка», построенного на углу 63-й улицы чикагского района Энглвуд, оказалось, что здание представляет собой лабиринт из тайников и потайных ходов. В подвале откопали большое количество костей, черепов и зубов. Поскольку все преступления были совершены им ради денег, его часто относят к той же группе, что и Йогана Хоха и Анри Ландрю – группе мошенников, играющих на доверии людей. Но один из тех, кто писал о его деле, Джон Бартлоу Мартин, проявляет большую проницательность, говоря о «неравнодушии к мертвецам, сохранившемся у него на протяжении всей жизни». Он забыл упомянуть также о его втором, не менее важном пристрастии – к сексу.

Герман Уэбстер Маджетт родился в 1860 году в Джилмантоне, небольшом городке в Нью-Гэмпшире, в небогатой семье среднего класса – его отец был почтмейстером. Его «неравнодушие к мертвецам» началось в детстве, когда одноклассники притащили его в кабинет хирурга и показали скелет. Болезненный ужас сменился завороженностью. Он закончил школу в Вермонте и некоторое время проработал учителем, а потом поступил в медицинский колледж в Анн Арбор, штат Мичиган. Здесь он «провернул» свое первое дельце, касавшееся мошенничества со страховкой, когда по пути в анатомический театр был украден труп и выдан за тело якобы умершего пациента, застрахованного Холмсом. В 18 лет он женился, но после восьми лет семейной жизни, как раз после окончания медицинского колледжа, бросил жену и ребенка. Его врожденный талант мошенника причудливо сочетался в нем с интересом к гипнозу и всему оккультному. Мартин высказывает предположение о том, что его последующие убийства были попыткой воплотить в практику «некоторые теории относительно человеческой природы», но какие именно, он не

уточняет. Со свойственной Холмсу тягой к одурачиванию он, бросив жену, подстроил так, чтобы до нее дошли слухи о том, что он побывал в железнодорожной катастрофе и теперь страдал потерей памяти. У него была навязчивая потребность в создании у людей благоприятного впечатления о себе.

Под именем Маджетт он некоторое время занимался медицинской практикой в Муерс Форкс, штат Нью-Йорк, но, переехав в 1886 году в Чикаго, решил взять имя Холмс. Предполагается, что это было сделано для того, чтобы жена, Клара Ловеринг, не смогла отыскать его следы. В Уиллмете, пригороде Чикаго, он познакомился с хорошенькой девушкой, Миртой Белкнап, из очень обеспеченной семьи. В начале 1887 года он, не расторгнув предыдущего брака, женился на ней. После того, как он подделал на чеке подпись дядюшки Джона Белкнапа, семья порвала с ним всякие отношения. Имеются сведения о том, что для выяснения отношений с дядей Джоном он пригласил его на крышу своего нового дома. Но внутренний голос подсказал дядюшке, что ходить туда не стоит.

Его единственная попытка заняться законным бизнесом – компания по изготовлению копий – провалилась. Он обнаружил для себя многообещающие возможности на другом поприще: миссис Э. С. Холтен, владелица аптечного магазина на 63-й улице в Энглвуде, нуждалась в помощнике. Холмс со своим медицинским образованием идеально подходил для этого. Три года спустя, в 1890 году, он стал компаньоном хозяйки, а миссис Холтен заговорила о поддельных бухгалтерских книгах и судебном преследовании. Тогда миссис Холтен исчезла, и Холмс стал единоличным хозяином аптечного магазина. Никто не знал, что с ней случилось, и Холмс никому об этом не рассказывал.

Вскоре его дела в бизнесе пошли в гору, и он смог построить еще один дом напротив магазина – «замок убийств». Его метод состоял в том, что каждые не-

сколько недель он ссорился с очередной бригадой рабочих и рассчитывал их, после чего нанимал другую. Так что о доме никто толком ничего не знал. Деньги на строительство он получал от продажи патентованных медицинских лекарств, давая им впечатляющую рекламу. Это было трехэтажное здание, на первом располагались магазины, на втором – «покои» Холмса, на третьем – квартиры. Оно было задумано и спроектировано под видом отеля для размещения гостей Международной чикагской ярмарки 1893 года. Вентиляцию он смонтировал так, что любую комнату можно было наполнить газом (вспомним о Марселе Петиоте), кроме того, были установлены секретные глазки для наблюдения.

Теперь, оставив свою вторую «жену» в доме в Уиллметте, Холмс мог спокойно начать заниматься соблазнением женщин и убийствами. В аптечный магазин вселился ювелир по имени Коннор – было оговорено, что он сможет занять угол магазина под мастерскую по ремонту часов, в то время как его жена Джулия должна была помогать Холмсу с бумагами. Когда Коннор понял, что Холмс и Джулия были любовниками, он выехал, оставив жену и ее18-летнюю сестру Герти. Они обе были любовницами Холмса. Герти забеременела и неожиданно исчезла. Холмс водил ее на встречу со своим деловым партнером, а потом потом вдруг заявил, что девушка умерла. Приятель сказал: «Холмс, ты убил ее». На что Холмс ответил: «Фу! Что навело тебя на такие мысли?» На этом разговор и закончился.

Позже Холмс положил глаз на 16-летнюю блондинку по имени Эмили ван Тассел, которая приходила в магазин поесть мороженого и всегда в сопровождении матери. Когда Эмили однажды исчезла, Холмс отрицал, что ему что-либо известно о ее местонахождении. Больше ее так никто и не видел.

Несмотря на то, что теперь он был владельцем

двух аптечных магазинов и «отеля», Холмс продолжал заниматься различными формами мошенничества. Так, он предлагал к реализации машину, которая, по его словам, могла путем расщепления воды на водород и кислород синтезировать горючий газ. На самом деле машина была подсоединена к газопроводу. Он сумел продать ее одному канадцу за 2000 долларов. Еще Холмс обнаружил, что газированная вода является слабым стимулятором (алкоголики иногда, когда не могли достать ничего другого, использовали газированную воду) и начал продавать ее у себя в магазине, утверждая, что обнаружил минеральный лечебный источник. Когда об этом узнала газовая компания, то пригрозила возбудить против него судебный иск. Свой «замок» он обставил на деньги, взятые в кредит. Когда кредит не был возвращен вовремя, компания попыталась вернуть свою собственность, но дом оказался пустым. Портье, подкупленный компанией за 25 долларов, сообщил, что вся мебель была помещена в одну из комнат, двери которой заложили кирпичом и заклеили обоями. Так компания сумела получить назад то, что ей принадлежало. На чердаке было найдено огромное количество посуды, которая также была конфискована. Тем временем Холмс познакомился с вором по имени Бенджамин Пайтцель, который стал его соучастником в различных махинациях. Когда Бенджамина задержали в Тер От за использование фальшивого чека, Холмс под видом конгрессмена из Индианы освободил арестованного под залог, предъявив к оплате другой поддельный чек.

В то же время Холмс не забывал о своей карьере соблазнителя и убийцы. В его доме появилась новая белокурая секретарша, Эмили Сигранд. Джулия стала проявлять признаки ревности: она часто поднималась на цыпочках по лестнице к дверям апартаментов Холмса и прислушивалась к тому, что там делалось. У Холмса же под ступеньками был встроен зуммер,

предупреждавший о любом приближении к дверям. В конце концов ее ревность утомила его. В начале осени Джулия исчезла вместе со своей восьмилетней дочерью. В декабре исчезла и мисс Сигранд. Причина, казалось, была очевидной – он познакомился с другой девушкой, Минни Уилльямс, наследницей состояния в 20 000 долларов. Минни была хорошеньким, но довольно глупым созданием. Она оставалась с Холмсом на протяжении всего периода работы Международной ярмарки, открывшейся 1 мая 1893 года. Верхние апартаменты «замка» Холмса все время были заняты. Известно, что из его постоялиц, по крайней мере, две пропали без вести, хотя в действительности количество их могло быть гораздо больше. В июне к Минни приехала погостить сестра Анни. Как и Минни, она считала Холмса богатым бизнесменом. В июле она писала своей тетушке, вырастившей их: «Брат Харри утверждает, что тебе больше не нужно заботиться обо мне ни материально, ни как бы то ни было еще». Она собиралась уехать в Германию изучать искусство и тоже исчезла. Минни продолжала жить с Холмсом как жена. Вместе с ними часто оставался Пайтцель. (У него, кстати, тоже была жена и пятеро детей.)

Теперь читателю, должно быть, стало уже совершенно ясно, что Холмс был не слишком удачливым мошенником: у него все время что-то не ладилось. Он настолько погряз в долгах, что, когда «замок» после окончания ярмарки снова опустел, Холмс устроил в нем пожар, желая получить по страховке 60 000 долларов за нанесенный помещениям верхнего этажа материальный ущерб. Но страховая компания заподозрила неладное и начала расследование прошлого Холмса. Холмс вместе с Минни и Пайтцелем жил в небольшом отеле, когда представители компании пригласили его к себе якобы для переговоров. Тем временем с Минни встретился полицейский инспектор по имени Каури и твердо заявил ей, что мошенничество изобличено. Она повери-

ла ему и во всем призналась. Инспектор забрал страховой полис и ушел, страховая компания решила не начинать судебного преследования за попытку обмана. Однако об этом происшествии стало известно другим кредиторам Холмса (наверняка об этом позаботился Каури), и они предъявили Холмсу счет на сумму в 50 000 долларов. 22 ноября Холмс и Минни тайком выехали из Чикаго. К этому времени всю свою собственность она перевела на имя Холмса. Теперь настал ее черед исчезнуть, так оно и случилось. Позже Холмс обвинит ее в убийстве Анни, сказав, что та в приступе ревности ударила сестру табуретом.

Во время выставки Холмс познакомился с еще одной блондинкой, у которой были неправдоподобно голубые глаза. Звали ее Джорджиана Йоук. Но она в обмен на свою девственность потребовала от Холмса законного брака. Для Холмса это не имело никакого значения, потому что к тому моменту у него уже было две жены. Он женился на Джорджиане в Денвере в января 1894 года. В своем рассказе Мартин приводит поразительные детали, подтверждающие, что Минни знала о делах Холмса несколько больше, чем его предыдущие любовницы, и что, возможно, она была даже его сообщницей и действительно принимала участие в убийстве своей сестры. Теперь, когда Минни ему больше не мешала, он вместе с Пайтцелем отправился в Форт Уорт, чтобы воспользоваться ее собственностью. Наследство Минни использовали для получения ссуды в 16 000 долларов, а также для покупки большого количества лошадей. В июне Холмс и Пайтцель переехали в Сен-Луис, где Холмс купил еще один аптечный магазин (под залог имущества), а потом заставил Пайтцеля все вывезти. Это мошенничество не прошло ему даром и привело к аресту 19 июня 1894 года. Однако 31 июля он был выпущен под залог, уплаченный Джорджианой. Это краткосрочное заключение стало его единственным опытом пребывания в тюрьме.

В камере он познакомился с печально известным грабителем, промышлявшим в поездах, Марионом Хеджпетом, о котором детектив Пинкертон сказал: «Он был самым отъявленным негодяем из всех, что я знал. Испорченным до мозга костей». Одевавшийся как банкир, Хеджпет имел славу самого быстрого стрелка на Западе. Рассказывали о том, как он застрелил человека, уже вынувшего пистолет из кобуры в тот момент, когда Хеджпет только начал извлекать свой. Когда началось слушание дела красавчика Хеджпета, женщины сражались за право присутствовать в зале суда.

Холмс поведал Хеджпету о том, что придумал идеальный план мошенничества, связанного с выплатой страховки. Согласно плану, нужно было застраховать жизнь человека, а затем «устроить его смерть» в результате как бы случайного взрыва. В качестве «жертвы» предполагалось предъявить другое тело. (Свою карьеру мошенника Холмс начал с аналогичного дела.) Холмс поинтересовался у Хеджпета, не порекомендует ли он какого-нибудь подходящего юриста с сомнительной репутацией, который знал бы «подходы» к страховым компаниям. Хеджпет свел его с Джептой Д. Хау. «Жертвой» должен был стать Пайтцель, жизнь его предполагалось застраховать на 10 000 долларов. В случае успешной сделки Хеджпету причиталось 500 долларов, 2500 – Хау, а остальное должно было достаться Пайтцелю и Холмсу.

Пайтцель не знал одной существенной детали: в намерения Холмса не входило подыскивать труп для замены его собственного. Метод Холмса был гораздо проще: он собирался убить Пайтцеля и забрать его долю.

Чтобы осуществить задуманное, Холмс и Пайтцель переехали в Филадельфию, где сняли дом по адресу: Коллоуилл-Стрит, 1316, непосредственно соседствующий с моргом. Можно не сомневаться в том,

что Холмс говорил Пайтцелю, будто намерен похитить тело в морге. Под именем Б. Ф. Перри Пайтцель въехал в дом и вывесил табличку, извещавшую, что он является патентным дилером. В доме он поселился 17 августа. Столяр Юджин Смит принес ему устройство для заправки пил. Пайтцель попросил того оставить устройство. 3 сентября Смит снова зашел, чтобы узнать, как обстоят дела с продажей его патента. Однако помещение оказалось пустым, а двери – открытыми. Подождав немного, он вошел и, поднявшись наверх, обнаружил раздувшийся и начавший уже разлагаться труп Пайтцеля. Была вызвана полиция, установившая, что тот проводил какой-то опыт с хлороформом и допустил оплошность, попытавшись прикурить трубку в непосредственной близости от него. Следствие установила, что причина смерти – несчастный случай. Через пять дней компания по страхованию жизни на Уолнат-Стрит получила из своего отделения в Сент-Луисе телеграмму, в которой было сказано, что Б. Ф. Перри на самом деле был Бенджамином Фуллером Пайтцелем, жизнь которого была застрахована в этой компании. Спустя еще несколько дней пришло письмо от юриста Джепты Д. Хау, в котором говорилось, что он представляет интересы вдовы Пайтцеля, Кэрри, и собирается к ним зайти. Страховая компания предприняла попытку отыскать прежний адрес Пайтцеля в Чикаго и вышла на Мирту Белкнап, вторую «миссис Холмс». Холмс, по всей видимости, поддерживал с ней связь, поскольку она согласилась послать ему сообщение: он находился в «командировке». Спустя какое-то время Холмс связался со страховой компанией. К этому времени Пайтцеля уже похоронили. Холмс прибыл в Филадельфию и предложил услуги по идентификации тела. Приехал также и Джепта Д. Хау со старшей дочерью Пайтцеля, Элис. Тело было эксгумировано и опознано. Страховая компания без промедления выплатила стра-

ховку. Но Холмсу совсем не хотелось расставаться с 500 долларами, что он обещал Хеджпету, не говоря уже о 2500 долларах, причитавшихся Хау. Хау высказал недовольство своему старшему брату. Поскольку его старший брат являлся адвокатом Хеджпета, то тот порекомендовал своему подопечному извлечь из создавшейся ситуации максимальную выгоду, а именно: донести на «Говарда» (кличка Холмса) и на основании проявленного духа гражданственности попытаться сократить свой тюремный срок. Но это не сработало. Двенадцатилетний срок, определенный приговором, сокращен не был, однако страховая компания теперь знала, что была обведена вокруг пальца. Холмс узнал о случившемся и вернулся в Сент-Луис, прихватив с собой двух из оставшихся четырех детей Пайтцеля – Нелли, 11 лет, и Говарда, 9 лет, – заявив, что они последуют к своему отцу. Элис оставалась в Индианаполисе, поскольку Холмс боялся, что она в конце концов узнает о том, что тело и в самом деле принадлежало ее отцу. После чего Холмс вернулся за ней.

На протяжении нескольких последующих недель отыскать Холмса не смогли. Позже было установлено, что он навестил свою семью в Нью-Гэмпшире и даже побывал у своей первой жены. Обманув своего брата на 300 долларов, он вернулся в Берлингтон, штат Вермонт, где детективы Пинкертона наконец напали на его след. Он жил вместе с Джорджианой. Миссис Пайтцель с ее двумя оставшимися детьми – 16-летней дочерью и младенцем – жила поблизости. Детективы вышли на Холмса, проследовав за миссис Пайтцель из Сент-Луиса до Детройта и Торонто. Затем беглецы отправились в Бостон. Когда Холмс начал обхаживать пароходные компании, полиция решила, что настало самое подходящее время для его ареста. 17 ноября 1894 года Холмс был задержан. Его путь убийцы был коротким (с 1890-го по 1894 год), но полным событий.

По пути в Филадельфию (вместе с миссис Пай-

тцель) Холмс много и убедительно врал, предлагая охраннику 500 долларов за то, чтобы тот разрешил загипнотизировать себя (что наводит на интересное предположение о том, почему ему удавалось всецело подчинить Минни Уилльямс и других женщин своей власти). По прибытии в Филадельфию состоялась повторная эксгумация тела Пайтцеля, теперь было установлено, что смерть его наступила не в результате взрыва, а вследствие отравления хлороформом. Теперь до миссис Пайтцель, похоже, дошло, что муж ее был мертв, а трое детей исчезли. Холмс сказал ей, что не имеет ни малейшего представления о том, что сделал с ними Пайтцель, и высказал предположение, что вслед за ним следовало бы отправить и старшую девочку, Десси.

Детектив по имени Гейер провел высококлассное расследование и выяснил судьбу детей. Гейер один за другим проверил отели в Цинциннати, куда, по мнению миссис Пайтцель, Холмс мог отвезти детей. Наконец он нашел тот, в котором останавливался мужчина с тремя детьми. Конечно, Холмс воспользовался вымышленным именем. После многонедельных проверок домов и отелей детектив опубликовал фотографии детей в газетах, в результате чего вышел на дом в Торонто, в котором в конце ноября останавливался мужчина с двумя девочками. У жившего по соседству старого джентльмена Холмс зачем-то брал лопату. Тела девочек были найдены в подвале на глубине нескольких футов. Отыскать мальчика, Говарда, оказалось делом более сложным. Из показаний было ясно, что до Торонто он так и не доехал. Гейер вернулся в Индианаполис и начал терпеливо проверять все расположенные в ближайших городках отели наконец остался один Ирвингтон. Именно в Ирвингтоне Гейер узнал, что здесь Холмс снимал дом, куда приехал с девятилетним мальчиком и большой кухонной плитой. Мальчик видел, как двое рабочих уста-

навливали ее. Вечером того же дня он сам оказался в ней. В дымоходе Гейер обнаружил несколько обгорелых костей и зубы.

В своей «Книге о знаменитых преступлениях» Г. Б. Ирвинг приводит выдержки из писем, которые дети написали матери из своего последнего путешествия по городам. В них чувствуется такое страдание и тоска по дому, что читать это почти невозможно. Вдруг ловишь себя на том, что не понимаешь, почему Холмс поступал так, что толкало его на это. По всей видимости, он заметал следы. Убив Пайтцеля, он, чтобы избежать расследования, намеревался расправиться с семьей в целом. И все из-за нескольких сотен долларов... Следующими на очереди были миссис Пайтцель и малыш Уортон.

Теперь полиция открыла «замок» Холмса и обследовала его от фундамента до крыши. В подвале находилась большая печь с обгоревшими человеческими костями. Под полом тоже были захоронены кости. Стол в углу был весь в пятнах крови. Со второго и третьего этажей в подвал вели засаленные спуски. Один мастер на все руки, работавший когда-то у Холмса, сообщил, что Холмс как-то просил его собрать из разрозненных частей человеческий скелет, принадлежавший мужчине. Потом еще как-то раз попросил его закончить отделение мяса от костей для изготовления другого скелета. Тогда он подумал, что Холмс занимался какой-то медицинской деятельностью. Скелеты он продавал медицинским колледжам. Как видно, у него ничего не пропадало.

Холмс продолжал лгать до самого конца. Он вел дневник, в котором описал, какой шок испытал, когда были обнаружены детские кости. Еще имелась запись о «невинном детском поцелуе, таком стеснительном», который он получил, когда дети с ним прощались. Во всем он винил Минни Уилльямс, утверждая, что она наняла кого-то, чтобы подставить его. Будучи в конце

концов приговоренным к смертной казни, он написал для прессы пространное заявление, в котором сознался в 27 убийствах. Продав свое творение за 7500 долларов, он отказался от всего сказанного и снова объявил о своей невиновности. Он сам защищал себя и, надо сказать, делал это неплохо. Однако это не помогло. 7 мая 1895 года он был повешен в тюрьме Мойаменсинг.

По убеждению самого Холмса, преступная деятельность серийного убийцы превратила его в «чудовище». Он считал, что подвергся некоторым физическим изменениям: одна рука стала короче другой, то же случилось и с ногами, а лицо с одной стороны было так искажено злобной гримасой, что ему, чтобы скрыть этот недостаток, пришлось отрастить бороду. Это не было игрой его воображения, что доказывают фотографии Холмса, помещенные в книге Дэвида Фрэнка «Доктор-мучитель». В ноябре 1966 года в журнале «Криминолоджист» появилась статья, в которой обсуждалась старая теория о том, что правая и левая половины лица отражают разные аспекты характера: левая сторона воплощает «врожденные» качества личности, а правая – «приобретенные». (Если с помощью зеркала получить картину лица, составленную из одних правых или одних левых половинок, можно увидеть любопытные различия.) Различие между двумя половинами лица Холмса выступает столь явно, что заявление Холмса о том, что он «начал приобретать облик и черты самого зла», не является беспочвенными.

Признание Холмса и других многочисленных серийных убийц подтверждают, что убийство, если его рассматривать как обладание властью над другими людьми, становится чем-то вроде наркотика. В этом заключается суть второго важного обстоятельства, позволяющего понять, почему сегодня на первый план

в криминалистике выходят серийные убийцы. Моральные и социальные предпосылки, налагавшие ранее запрет на причинение вреда другим людям, постепенно уходят, не оставляя ничего взамен. На этой стадии эволюции человеческой души убийство становится просто дурной привычкой, как курение или привычка грызть ногти. Во многих случаях процесс разрушения личности усугубляется пристрастием к наркотикам или алкоголю, поскольку они обладают способностью лишать человека внутренних «тормозов». В том, что серийный убийца вышел на авансцену истории преступлений, несомненно, сыграл важную роль культ наркотиков 60-х годов. Во многом начало этому положили злодеяния «семьи» Мэнсона.

Согласно утверждению «Лос-Анджелес Таймс», матерью Мэнсона была несовершеннолетняя проститутка, хотя впоследствии Мэнсон отрицал это: «Ее называли шлюхой, проституткой, но это неправда. Она была тем, кем были дети цветов...» Но тот факт, что его мать в возрасте 15 лет забеременела от своего 17-летнего дружка, он не отрицал. Вскоре после его рождения мать попала в тюрьму. Мэнсон переезжал из дома в дом. Однако большую часть времени он жил с тетей и дядей в Чарльстоне, Западная Вирджиния. В свою первую исправительную школу он попал в возрасте девяти лет. Это случилось в 1943 году, там он провел 12 месяцев. Потом он был направлен в федеральное исправительное учреждение в Чилликоте, штат Огайо. Но все эти школы были ему ненавистны, и он регулярно убегал оттуда. Количество его побегов из одной школы достигло 27. Впервые фотография Мэнсона появилась в газете Индианаполиса в1949 году. На ней он выглядел очень юным и был аккуратно одет. Фотография сопровождалась рассказом о том, что его забрали из «дома терпимости» (по всей видимости, заведения его матери) и отправили в местное исправительное заведение для малолетних. Там он пробыл три

дня и позже с горечью рассказывал о тех унижениях, которым подвергался со стороны начальства и других мальчишек: «Там тебе нужна была твердость, но они еще проверяли тебя на твердость. Так же, как и здесь [в тюрьме], они – это те, кто боится, легавые». На основании даже самых бесстрастных описаний детства и юности Мэнсона становится очевидно, что все это время общество было настроено по отношению к нему весьма враждебно. Он был умным, нежным по натуре, но относился к доминантному меньшинству. С самого начала он понял, что ему нужно бороться, чтобы сохранить себя в этом мире, который казался ему совершенно бесполезным и не интересовался его судьбой. Позже освобождавший его досрочно офицер сказал: «Чарли был самым враждебно настроенным заключенным, выпускаемым досрочно, из всех, кого я знал». В исправительном заведении он оставался до 20 лет (до 1955 года). Тогда он женился на девушке старше его на семь лет. Звали ее Розали. Вместе с ней на похищенной машине они отправились в Лос-Анджелес. Было это в середине 1955 года. В марте 1956-го у него родился сын, спустя месяц после его рождения за кражу автомобиля Чарли попал на три года в тюрьму. В октябре 1958 года он вышел из заключения, но, пробыв на свободе всего 20 месяцев, снова угодил за решетку, теперь на 10 лет. Среди предъявленных ему обвинений были угон автомобиля, подделка чека, кража кредитных карточек, переправка девушек за границу в качестве живого товара. Именно в это время, как сказано в книге Эда Сандерса «Семья», он заинтересовался вопросами гипноза и магии, а также научился играть на гитаре, беря уроки у знаменитого гангстера «Гадины» Карписа. Еще он проявил большой интерес к научно-фантастическому роману Роберта Хайнлайна «Незнакомец в чужом переулке», написанному в духе критической сатиры на современное общество. Его герой, Валентин Майкл

Смит – человек с Марса, которому Земля с ее жуткими традициями и законами кажется совершенно непонятной и чужой. Он основывает религиозную общину, ритуалы которой зиждятся на каннибализме и свободной любви. Один из его учеников говорит: «Если Майк может показать нам лучший способ обустроить эту мерзкую планету, тогда его сексуальная жизнь не нуждается в защите. Гении с презрением относятся к мнению тех, кто стоит ниже их, и им безразличны сексуальные традиции их соплеменников...» По всей видимости, этот миссионер-марсианин показался Мэнсону настолько привлекательной фигурой, что даже одного из своих незаконных детей он назвал Валентин Майкл Мэнсон.

Получив свободу в возрасте 32 лет в 1967 году, Мэнсон отправился в Сан-Франциско. Позже он скажет: «Я был так напуган... Я не знал, куда мне податься. Мне не хотелось выходить из тюрьмы, но они настояли и вернули мне мои 35 долларов и чемодан со старой одеждой. На протяжении нескольких дней я просто бесцельно болтался по автобусам. В автобусах я и спал, а когда мы подъезжали к какой-нибудь конечной станции, водители будили меня». Так он оказался в районе Сан-Франциско Хейт-Эшбери, который можно сравнить только с Сохо или Гринвич Виллидж.

В 1966 году я прогуливался по Хейт-Стрит с поэтом Кеннетом Рексротом – отцом «поколения битников». Меня поразило сходство района с Сохо, единственным отличием было то, что «дети цветов» здесь выглядели более яркими, чем их лондонские собратья. Рексрот стал первым критиком, описавшим и проанализировавшим «поколение битников», которое заявило о себе в 1957 году появлением книги Джека Керуака «На дороге». Но только в своей следующей книге «Бродяги Дхармы» Керуак определил черты нового типа представителей «богемы». От самых разных хиппи я слышал, что и моя собственная работа

«Посторонний», написанная в 1956 году, также сыграла видную роль в создании идеологии битников, особенно глава, в которой дается анализ творчества Германа Гессе. В это время Гессе был почти неизвестен англоговорящему миру. Те несколько переводов его книг, что были сделаны, долгое время не могли увидеть свет. К 1967 году к «Бродягам Дхармы» и «Вою» Гинзберга присоединились «Степной волк», «Сиддхарта», «Демиан», которые для того поколения стали хрестоматийными текстами. Велика была тяга к таоизму, дзен-буддизму и индуизму.

По своей сути это было возрождением романтизма XIX века. За этим скрывалось нечто большее, чем пассивность или желание абстрагироваться от материалистического общества. В романах Гессе говорится в основном о героях, которые стали «бродягами», искателями спасения. Их чувства преисполнены ностальгической тоски по тишине монастырей и жизни религиозных общин. Одним из самых неожиданных бестселлеров послевоенного периода стала книга Томаса Мертона «Гора в семь этажей» (1948 год), в которой Мертон описывает свое возрастающее недовольство современным обществом, длившееся до тех пор, пока он не стал монахом ордена траппистов. Причина этого разочарования крылась не в изнурительном темпе жизни нашего общества, а в ощущении того, что не хватало чего-то важного. Керуак видел этот недостающий «витамин» не в литературе, а в джазе, потому что история самого джаза также романтична и трагична: великий художник, ставший алкоголиком или наркоманом потому, что мир являет собой отвратительное и мерзкое место, оставляет после себя самосовершенство — граммофонные записи жизнеутверждающего звучания. Но утверждают они только собственный внутренний мир, чистоту и живость души, воплощая горечь по поводу своей полной неспособности найти нечто подобное в окружающей действительности. Героями Керу-

ака были Чарли Паркер, Лестер Янг, Билли Холидей; ко времени Мэнсона этот список пополнился именами Боба Дилана, Пита Сигера, «Битлз».

«Бунт битников» мог бы угаснуть так же быстро, как и подобное ему английское движение «рассерженных молодых людей», если бы не открытие психоделических наркотиков. Керуак курил марихуану и о производимом ею эффекте написал в романе «На дороге». Главным было полное расслабление и ощущение того, что время остановилось. Но мескалин и ЛСД (открытый в Базеле в 1948 году) могли вызывать галлюцинации, создавать странные по цветовой гамме и интенсивности восприятия образы, так что каждый представляемый объект видится существующим отдельно от своего фона. Так, Олдос Хаксли писал, что мескалин вызывал у него ощущение проникновения в «суть» вещей, он даже ратовал за его свободную продажу наравне с табаком и алкоголем. К психоделикам у меня было сдержанное отношение, которое еще более усилилось после того, как в 1963 году я попробовал мескалин. Его действие лишило организм всех «естественных фильтров» восприятия. Словно мы включили проигрыватель на полную мощность, повернув до предела все ручки настройки. Но фильтры нужны организму для того, чтобы обеспечивать нормальную мыслительную деятельность, адекватно воспринимать реальность сообразно своему уму и способностям, что в идеальном случае ведет к созданию произведений искусства или философских трудов. Мескалин ослабляет волю, «мобилизующие способности» организма и одновременно усиливает и обостряет поступающий в организм сигнал.

Не следует забывать, что наша постоянная связь с окружающей средой осуществляется посредством воли. Когда меня что-то огорчает, я ухожу в себя, замыкаюсь. Когда что-то радует, напротив – открываюсь. И все, что бы ни происходило в моей жизни в период

бодрствования, составляет совокупность краткосрочных и длительных периодов «замкнутости» и «общения». Это можно сравнить с эффектом шара, который, в зависимости от внешнего давления, то надувается, то сморщивается. Но, в отличие от шара, я сам, независимо от внешнего воздействия, решаю, «сморщиваться» мне или «выпячиваться». Джазовый трубач, который внезапно начинает играть превосходно, боксер, неожиданно превратившийся в совершенный дерущийся автомат, даже философ, к которому вдруг приходит поразительная ясность мышления – все это примеры поддающихся контролю изменений, хотя мы и не всегда способны осознавать это. Именно эта способность к саморегуляции, эта движущая сила составляет истинное величие и совершенство человеческого существа.

Психоделики ослабляют элемент контроля. Такое же действие оказывает и алкоголь. Даже музыка и поэзия способны вызывать аналогичное действие (например, темой «Будденброков» Манна стал закат семьи коммерсантов после того, как в ней стали рождаться люди с художественным складом мышления). Важно сохранить равновесие и не потерять контроль. Но психоделическая философия, пропагандируемая Тимоти Лири, без обиняков отрицает всякий контроль. Конечная цель ее – самозабвение, «бегство от «эго», созданного по образу и подобию общества. Вы можете возразить, что приз достается только тому, кто способен на полное самозабвение и самоотречение. Аллан Уоттс, еще одна личность, оказавшая сильное влияние на «детей цветов», заявлял, что главная проблема человека состоит в его агрессивности, направленной на окружающую среду, в его желании навязывать свою волю всем и вся. Ракеты он сравнивает с «исполинскими пенисами в состоянии эрекции, уткнувшимися в небо». Человек должен усвоить, что является такой же частью природы, говорит Уоттс, как облака

или деревья. Он должен научиться жить в гармонии со своей Вселенной и прекратить повелевать и желать так многого... Возможно, это способно объяснить тот факт, почему к концу 60-х этот эксперимент с любовью и самозабвением исчерпал себя. Керуак умер, талант его был погублен алкоголем, бесконечными запоями. Продавцы наркотиков с Хейт-Эшбери стали профессиональными рекетирами и окончательно вытеснили хиппи. Мэнсон и его ученики переселились в Долину Смерти.

Но когда Мэнсон прибыл в Хейт-Эшбери в 1967 году, все выглядело так, словно культура «детей цветов» пришла, чтобы обосноваться навеки. У хиппи случались отдельные стычки с полицией, но все же между ними существовало негласное соглашение, в соответствии с которым хиппи, при условии, что их не будут трогать, обещали не мешать движению городского транспорта.

Понятно, что все это стало для Мэнсона своего рода откровением. Всю свою предыдущую жизнь он получал от общества тычки и пинки, ему пытались внушить мысль о том, что либо он станет работать на это общество, за что получит соответствующую зарплату, либо будет бродягой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сейчас, когда он обнаружил, что существует возможность вести образ жизни, дающий максимум свободы, это показалось ему невероятным везением. Такое же чувство испытал и Руссо, когда открыл для себя, что его община «благородных дикарей» реально существует в отдаленной швейцарской деревушке. Община, которой не было никакого дела до прошлого ее членов, не только приняла Мэнсона, но и предоставила ему широкое поле деятельности для реализации его естественной потребности доминировать.

Не следует также забывать и о том, что, несмотря на свои 33 года, Мэнсон в душе был всего лишь подростком. Почти всю сознательную жизнь он провел

за решеткой или в исправительных учреждениях. Вот что говорил Мэнсон, когда он в возрасте 21 года вышел на свободу: «Я ни разу не оставался с женщиной наедине, у меня не было еще ни одной интимной связи. Я ни разу не пробовал пива». Но этот его период пребывания на свободе оказался короток. Можно сказать, что, оказавшись в Хейт-Эшбери, он только начал учиться жить.

Следует, однако, отметить, что большинство хиппи, так же как и большинство любой другой социальной группы, не относятся к 5% высокодоминантных личностей. Они не были духовно раскрепощенными последователями Ницше, которые, как персонажи «Богемы», покатывались со смеху, сжигая рукописи, чтобы согреться. Большинство из них были всего лишь подобием зеркала, что отражало окружавшую их реальность, их заботило только существование друг друга («Где сегодня Текс?» – «Ты что, не слышал, что он остался без гроша?..»), «Битлз», слэнг хиппи, протест против войны во Вьетнаме, мультики «Том и Джерри», «Беспечный ездок», последние книги Керуака – вот примерный перечень основных увлечений хиппи. Попытка Тома Вулфа отобразить стиль жизни хиппи в жанре прямого репортажа закончилась чувством недоумения и никчемности. Но больше всего поражала заурядность большинства этих изгоев общества.

Следовательно, не было ничего странного в том, что очень скоро Мэнсон стал видной фигурой в сообществе хиппи Сан-Франциско. Кроме того, здесь для него открывались широкие возможности наверстать упущенное в отношениях с женщинами. Отношение к женщинам у Мэнсона было чисто ницшеанским. («Идешь к женщине? Не забудь хлыст...») Одна девушка, прошедшая с ним пешком по стране, вспоминала, как он заставлял ее нести оба рюкзака, а если она отказывалась, то вынуждал идти на несколько шагов позади него. После его ареста эта история была

пересказана несколькими газетами в качестве подтверждения параноидальных наклонностей Мэнсона. Но вряд ли данный упрек можно считать справедливым: это равносильно тому, что обвинять Казанову в его потребности тратить жизнь на то, чтобы постоянно доказывать свою мужскую сущность. Доминантность Мэнсона, как и его мягкость и сговорчивость, были естественными чертами его характера.

Приехав в Сан-Франциско, Мэнсон остановился у своих друзей в Беркли. Здесь он познакомился с девушкой по имени Мэри Бруннер, с которой «они стали сожительствовать». (Позже о ней говорили как о «его любимой жене».) В Венеции, штат Калифорния, он подобрал на обочине дороги плачущую девушку, изгнанную из дома после очередной ссоры. Звали ее Линн Фромм. Ее он тоже взял с собой, и все вместе они переехали в район Хейта. Там он тоже продолжал собирать беглецов и беглянок. В этом месте оказалось полно девчонок, лишенных тепла и участия, остро нуждавшихся в ласке и любви, которым нужен был человек, способный заменить им отца. Одной из них была Сьюзен Аткинс. «Чарли дал мне чувство уверенности в себе, – объясняла она. – Он вернул мне веру в себя». Портрет Мэнсона в журнале «Лайф» изображает его мессией-маньяком, обольстителем с бешеными глазами (что не имеет ничего общего с реальностью, напротив, его необычное воздействие на людей было связано с его христосоподобной внешностью и таким же обхождением). Он был мал ростом и мягок, играл на гитаре и пел песни протеста в манере Боба Дилана, у него были приятные манеры, он умел слушать и проявлять сочувствие. По всей видимости, он страдал, и это страдание выражалось во всем его облике. (Многие фотографии передают его печальный взгляд мученика, отправляющегося на Голгофу.) Его интересовали мистицизм, естествознание и магия. Он до глубины души был убежден в испорченности общества

и необходимости революции. Однако то, что он не читал Маркузе, лишний раз подтверждает, что он до мозга костей был пропитан духом времени. Маркузе не согласен с тем, что техническая цивилизация должна означать появление большого количества свободного времени для всех. По его мнению, вместо этого она породила «репрессивное общество». В работе «Эрос и цивилизация» (1951 год) он утверждает, что наше сексуальное влечение стало болезненным, в то время как секс должен вызывать «свободное от подавлений очищение», раскрытие высших возможностей человека. Вместо этого он стал предметом купли-продажи, что превратило его в еще один инструмент порабощения личности власть имущими. Этот спор он продолжает в книге «Одномерный человек» (1964 год) и приходит к пугающему заключению о том, что современные демократические общества – Америка, в частности – являются такими же тоталитарными и репрессивными системами, как сталинская Россия или гитлеровская Германия. За излишнюю эмоциональность и отсутствие четкости мысли Маркузе подвергался резким нападкам критики. Но справедливости ради мы должны рассматривать его как поэтического идеалиста, этакого Руссо XX века с его ярким представлением об идеальном, восхитительном обществе, каким оно может стать в случае избавления от материализма.

Мэнсон инстинктивно использовал на практике «свободное от подавления очищение», в пользу которого выступал автор «Эроса и цивилизации». Его взгляд на секс как на максимальное раскрепощение, некую религиозную общину в чем-то совпадал с мыслями Д. Г. Лоренция. Вот как Сьюзен Аткинс описала в своем «Признании» первое посещение Мэнсона: «Я хочу заниматься с тобой любовью», – сказал он». Потом он велел ей раздеться и посмотреть на свою наготу в большое зеркало: «Посмотри, как ты прекрасна... Посмотри, ты – совершенна». Она добавляет:

«Занимаясь со мной любовью, он, чтобы провести меня через это особое ощущение, сказал, чтобы я представила, будто отдаюсь собственному отцу». (Ранее она говорила о том, что отец после смерти ее матери склонял ее к интимной связи и что теперь она, пожалуй, не была бы против.) Мэнсон понимал, что большинство девушек нуждается в отце. Этим объясняется его фантастический успех. «Я, прогуливаясь с Чарли, чувствовала себя в привилегированном положении, потому что все девочки из нашего дома были влюблены в него...» Его особое обаяние и мягкость аналогичным образом действовали и на мужчин. Ему приписывается фраза о том, что у него 3000 друзей.

Но к октябрю 1967 года Мэнсон пресытился Хейт-Эшбери. После выхода на свободу его единственной мечтой было попасть в мир поп-музыки. Он был совершенно уверен в том, что смог бы стать таким же популярным, как Боб Дилан или «Битлз». Он продал рояль (подарок друга) и купил автобус марки «фольксваген», а позже обменял его на желтый школьный автобус. В октябре «семья» переехала на юг. Совершив путешествие по Неваде, Нью-Мексико и Алабаме, они вернулись в Лос-Анджелес и сняли дом недалеко от Малибу. Мэнсон начал играть на гитаре в клубе Топанга Каньон, известном под названием «Спиральная лестница». Здесь Мэнсон познакомился с20-летним музыкантом Бобби Босолейлом. Босолейл изучал магию и был горячим почитателем Аластера Кроули. В фильме «Восстание Люцифера», поставленном продюсером «андеграунда» Кеннетом Ангером («Яростным»), он сыграл роль Люцифера. Мэнсон и Босолейл часто обсуждали вопрос о том, как прорваться в мир поп-музыки, и Босолейл познакомил Мэнсона с другим музыкантом и учителем музыки, Гари Хинманом, у которого был собственный дом в Топанга Каньон. Когда в феврале 1968 года Мэнсона выселили из Малибу, Босолейл предложил ему переехать в его

маленький домик на Хорсшу Лейн в Топанге, где он жил вместе со своей подругой. Появление переполненного школьного автобуса ввергло его в шоковое состояние: «Я не ожидал, что будет так много народу...» «Семья» разбила лагерь на склоне холма за домом. Теперь к ним присоединилась 13-летняя Диди Лансбери, дочь киноактрисы Анжелы Лансбери, и 14-летняя Дайана Лейк, прозванная «Змея». Как сказал Эд Сандерс, это прозвище она получила «за змееподобные извивания, совершаемые ею во время полового акта». Они прожили там шесть недель. Но Бобби Босолейл уехал раньше и не видел Мэнсона на протяжении нескольких месяцев.

В марте «семья» переехала в дом на противоположной стороне каньона. В апреле у Мэри Бруннер родился ребенок, Валентин Майкл. К этому времени в «семье» было 16 девушек и четверо мужчин. Среди них были Брюс Дэвис, ставший последователем Мэнсона во время путешествия по Орегону, и Фил Кауфман, с которым Мэнсон познакомился еще в заключении. В это время к сонму любовниц Мэнсона примкнула дочь богатого биржевого брокера, Сэнди Гуд. Именно она сказала Мэнсону о ранчо 80-летнего, почти слепого старика по имени Джордж Спан, оно было расположено в Чатсуорте, в 30 милях от центра Лос-Анджелеса. В мае Мэнсон вместе с «семьей» ездил посмотреть «кинематографическое» ранчо Спана (оно было названо так потому, что раньше принадлежало знаменитому ковбою Уильямсу С.Харту и часто использовалось в качестве декораций для съемок фильмов). Теперь здесь выращивали скаковых лошадей. «Семье» было предложено поселиться на нем, если гости будут ухаживать за лошадьми. На этих условиях они пробыли здесь всего несколько дней.

Но после этого визита Мэнсону вдруг как-то сразу стало везти. Ему удалось познакомиться с Деннисом Уилсоном, ударником невероятно популярной поп-

группы «Бич Бойз». Уилсон пригласил «семью», насчитывавшую к тому времени 25 человек, приехать погостить в его роскошный дом на Бульваре Заката. Мэнсона водили на приемы и знакомили с кинозвездами. (Многие из них употребляли наркотики, и не исключен тот факт, что Мэнсон был посредником в их покупке.) Когда Босолейл вернулся в Лос-Анджелес, он встретил Мэнсона в супермаркете, где тот пригласил его прийти поплавать в бассейне Денниса Уилсона.

В доме на Бульваре Заката Мэнсон познакомился с молодым человеком, бывшим студентом Чарльзом Уотсоном. Он был прилично одет, владел собственным магазином париков и, казалось, намеревался надежно утвердиться среди респектабельных представителей среднего класса. Должно быть, с пути истинного его сбили девушки Мэнсона, обратив в хиппи, а, может быть, все дело было во влиянии самого Мэнсона. Во всяком случае, Чарльз стал его вторым верным учеником и последователем (если не считать девушек).

Мэнсон познакомился также с Терри Мелчером, сыном кинозвезды Дорис Дей, который занимался звукозаписью и связанным с ней бизнесом. Между ними состоялся разговор о контракте на 20 000 долларов. Еще Мэнсон продал за 5000 долларов две свои песни «Бич Бойз» – во всяком случае, об этом свидетельствуют его дневники. Его, правда разозлил тот факт, что название «Cease to Exist» («Прекратить существовать») было изменено группой на «Cease to Resist» («Прекратить сопротивляться»). В студии брата Денниса Уилсона Мэнсон даже записал несколько песен в собственном исполнении.

Когда «семье» пришлось покинуть дом на Бульваре Заката, изрядно опустошив его, они на некоторое время поселились в доме Гари Хинмана в Топанга Каньон. В августе «семья» снова переехала на ранчо Спана, где смогла уговорить Джорджа Спана предоставить им жилье (в «незаконных» хижинах где-то на

задворках ранчо) в обмен на работу на конюшне. На протяжении нескольких месяцев там, казалось, царила идеальная обстановка, что являлось реальным воплощением мечты Хейт-Эшбори о совершенной гармонии. Одна из девушек, живших там в то время, так сказала о Мэнсоне: «Он был прекрасен во многих отношениях и дарил нам столько любви...» Все стало рушиться, когда к ним, стремясь вкусить тех же удовольствий, начали прибывать толпы хиппи, и Мэнсон стал «слишком строг» к некоторым вновь прибывшим. Кто-то занес на ранчо венерическую болезнь, и она распространилась с такой скоростью, что Мэнсону пришлось пригласить доктора. (В этом Мэнсон всегда упрекал Сьюзен Аткинс.) Большую часть свободного времени они посвящали «бренчанию» на гитаре и ударных, заряжая себя психоделиками для создания творческого настроения. Мэнсон все еще продолжал лелеять мечту о славе певца и композитора. (В течение этого периода его приятель по заключению, Фил Кауфман, сумел несколько раз получить в студии время для звукозаписи, но этот бизнес с коммерческой точки зрения уже не казался Мэнсону столь привлекательным.) Мэнсон не любил негритянский джаз: записи Джимми Хендрикса находились под запретом. Книги тоже были запрещены, хотя Мэнсону нравилось, когда его девочки читали ему вслух из «Сиддхарты» Германа Гессе.

В это время Мэнсон достиг других, более явных успехов. Хозяин соседнего ранчо, Ричард Каплан, согласился отдать ранчо «семье» в обмен на раскрашенную палатку. (В этот момент Каплан находился под влиянием наркотиков.) Школьная учительница, что возила «семью» на ранчо и обратно, была настолько очарована Мэнсоном, что отдала ему все свои сбережения – 11 000 долларов. Недалеко от ранчо размещалась штаб-квартира религиозной общины «Фонтан Мира». Ее основатель Кришна Вента погиб в

1958 году в результате взрыва бомбы, вероятно, подброшенной его обиженным последователем. Мэнсон бывал на многих церемониях «Фонтана», и, возможно, они вдохновили его на проведение на поляне возле ранчо ритуала символического распятия, во время которого Мэнсона привязывали к кресту и разыгрывали сцену распятия с тем лишь исключением, что завершалась она ритуальным совокуплением.

Можно не сомневаться в том, что за время пребывания на ранчо Спана Мэнсон становился все более одержимым и чувство горечи накапливалось в нем с удвоенной силой. Ему хотелось уйти как можно дальше от цивилизации. Кто-то из его последователей сказал ему о Долине Смерти – так назывался Национальный парк, раскинувшийся по другую сторону пустыни Моджвей, в 300 милях от ранчо. В октябре 1968 года «семья» повела автобус по пескам пустыни и бросила его, когда сгорели тормоза, оказавшись в конце концов на заброшенном ранчо Баркера. Здесь они и обосновались. Но Мэнсону теперь хотелось найти еще более удаленное от мира место. Он слышал легенду о существовании огромной подземной пещеры, откуда вышло племя индейцев хопи, и решил, что она должна находиться где-то в районе Долины Смерти. Как указывает Эд Сандерс, он и в самом деле занимался ее поисками, надеясь, очевидно, использовать как бомбоубежище на случай атомной войны. Он был совершенно уверен в том, что цивилизация рано или поздно погубит себя.

В ноябре 1968 года в Долину Смерти отправился Деннис Уилсон с приятелем, чтобы забрать джип, позаимствованный у них Мэнсоном. Вместе с ними Мэнсон доехал до Лос-Анджелеса. Возвратился он только в январе. Но зимний холод заставил «семью» вернуться к цивилизации. В феврале Мэнсон снял дом по Гресхем-Стрит, в Канога Парк Лос-Анджелеса. Сосед Мэнсона сообщил репортеру: «Мы были в очень хороших отношениях, хотя он был очень своеволен и

настроен против «истэблишмента»... Он считал, что рано или поздно все друг друга перестреляют». Мэнсону казалось, что в мире, где столько ненависти, рано или поздно должно было начаться истребление белыми черных, По словам его соседа, он очень любил цитировать Библию (в конце концов это единственная доступная книга во многих тюрьмах). Особенно ему импонировала Книга Откровений с ее предсказаниями грядущего. Мэнсон правил своим женским царством (возраст его девушек колебался от 13 до 19 лет) наподобие еврейского патриарха. «Они были как будто вполне счастливы. Против воли их никто не держал. В ряде случаев они утверждали, что ради Чарли могли бы пожертвовать собственными жизнями...» В «семье» было также несколько детей. «Чарли каждый раз взрывался, когда кто-нибудь предпринимал попытку наказать ребенка. И он просто свирепел, когда один из детей пытался поколотить другого...» Девушки воровали из супермаркетов еду. Патрисия Кренвинкель, вступившая в «семью» к этому времени, получила задание копаться в мусорных баках магазинов. (Во время судебного дознания она охарактеризовала жизнь с Мэнсоном, когда они разъезжали по калифорнийскому побережью и жили в рощах, как «бесконечную идиллию»: «Мы были как лесные дриады... мы бегали среди деревьев с цветами в волосах, а Чарли играл на маленькой дудочке».)

Но 14-летний мальчик, убежавший из дома, прожил с «семьей» недолго. Он заявил, что Мэнсону нужны были только безотказные слуги. Несомненно, в этом был элемент правды: каждый прирожденный лидер нуждается в последователях. С другой стороны, репортер из «Нэшнэл тэтлер», заявивший, что «у Чарльза Мэнсона была неутолимая сексуальная жажда и это послужило основной причиной того, что он искушал юных девушек войти в его секту», упустил главное. Для того чтобы завоевывать расположение

девушек, Мэнсону вовсе не обязательно было выглядеть кем-то вроде Распутина или Свенгали, он был для них, скорее, воплощением отца, предлагавшего им любовь и защиту. Тот же репортер писал также о Мэнсоне как о «хозяине гарема, который обращался со своими женщинами как с подстилками» из-за его патологической ненависти к матери. А вот что писала Сьюзен Аткинс об отношении «семьи» к Мэнсону: «Человек – бог. Он – король, и я его – королева. Чарли – человек. Король? Обратите внимание на его имя. «Мэнсон» – «man's son» (сын человеческий)...Теперь у меня есть зримое доказательство божьего присутствия, доказательство, которое церковь никогда не давала мне. Вокруг меня были одни отражения. Чарли дал мне правду». Но несмотря на такое обожание, Сьюзен Аткинс была единственной представительницей «женской части» «семьи», которая доставляла Мэнсону беспокойство. Бывали случаи, когда что-то словно подталкивало ее к открытому неповиновению, хотя сама она, если вызов этот бывал принят, тут же успокаивалась.

Мэнсон с каждым днем становился все более и более помешанным на мысли о всеобщей гибели. В новом альбоме «Битлз» была песня «Хельтер Скельтер». Мэнсон, по всей видимости, не знал, что это спиральный спуск, детская горка, по которой дети обычно скатываются на маленьких ковриках, что кладут у дверей. Он почему-то решил, что это слово выражает зашифрованное название великого дня расплаты, когда свиньи будут вырезаны. (В том же альбоме «Битлз» была другая песня под названием «Поросята».) Испытываешь сильное искушение поверить в то, что Мэнсон в этот период начал сходить с ума, хотя определенных фактов в поддержку этого предположения нет. Но вполне вероятно, что в результате экспериментов с психоделиками он перестал отличать сон от реальности. Он начал составлять

список тех, кто, когда наступит время, должен был умереть. В него входили имена известных кинозвезд – среди них были Уоррен Битти и Джулия Кристи, а также Терри Мелчер. Еще в списке, состоявшем всего из 11 имен, были фамилии оставивших его учеников. Одним из таких людей был Поль Уоткинс, впервые услышавший о «семье» Мэнсона в 1968 году и посетивший его в Топанга Каньоне. «Когда я вошел внутрь, то чуть не обалдел, увидев шестерых голых девчонок... Первыми его словами были: «Возьми любую из них. Они все твои». Естественно, что 16-летний Уоткинс противиться этому не стал. Еще Уоткинс говорил о любви Мэнсона к животным, упоминая также, что тот обладал «над животными таинственной властью». Проходя по пустыне, они наткнулись на гремучую змею. «Чарли сказал мне, чтобы я не боялся и сел перед ней. Я так и сделал. Должно быть, я свихнулся, но такова была сила его воздействия на меня. Во всяком случае, эта проклятая гадина, пока я чуть ли не умирал от ужаса, потрясла несколько раз своей погремушкой, а потом уползла прочь. Наверняка это было совпадение, но в тот момент я верил, что Чарли обладает какой-то таинственной силой...» (Должно быть, он не знал, что змеи, когда у них есть такая возможность, стараются избежать столкновения.) В течение этого последнего года – с августа 1968-го по август 1969-го – Мэнсон продолжал укреплять среди последователей эту веру в свои магические силы. Так, Патрисия Кренвинкель утверждала, что видела, как он превратил человека в скелет – что наверняка было результатом психоделических галлюцинаций. Еще она заявляла о том, что «30 или 40 раз Мэнсон обращал старых людей в молодых. Но эффект оказывался нестойким, потому что у тех не было подлинной веры в чудо». Легенда периода его пребывания в Каноге, по словам Сандерса, гласит, что однажды девушка по имени Бо, занимаясь фелляцией, в порыве чувств

отхватила зубами кусок пениса Мэнсона. Но Мэнсон чудесным образом тотчас вылечил себя. Патрисия Кренвинкель говорила даже о том, что видела его в образе Христа: «Его назначение состояло в том, чтобы давать, и все, что он делал, он делал с любовью, которая чувствовалась во всем – в его движениях, в его неуловимой мягкости». И этот неуловимо мягкий гуру размышлял над планом начала великой Революции: он хотел, чтобы его последователи совершили серию убийств, которые белые непременно спишут на счет «Черных Пантер», и начнется грандиозная бойня.

Как считает Сандерс, именно в период проживания в Канога Парк Мэнсон начал поддерживать знакомства с мотоциклетными бандами, хотя не совсем понятно, собирался ли он воспользоваться их услугами, когда наступит «Хельтер Скельтер». Он применял свой, особый метод для того, чтобы заручиться их лояльностью: Мэнсон приказывал своим девочкам раздеться и «вдохнуть в мальчиков жизнь», то есть стать перед ними на колени и совершить акт фелляции. Один из мотоциклистов, Дэнни де Карло, демонстрировал столь выдающуюся мощь, что получил прозвище Ослик Дик Дэн.

Интересно отметить, что Мэнсон не был лишен расовых предрассудков. Когда один мотоциклист привез в дом своего приятеля-индейца, Мэнсон отказал гостю в удовольствиях с девочкой.

Подготовка к «Хельтер Скельтер» шла в «семье» полным ходом. Они купили пистолеты и ножи и начали приобретать «дюнные багги» – автомобили или джипы, которые могли бы передвигаться по пескам пустыни. За один из них Мэнсон рассчитался фальшивым чеком. Другой был куплен на деньги, украденные Линдой Касабиан. Они купили подробные карты всего района Долины Смерти.

Трудно сказать, как далеко все могло бы зайти. Мэнсон не был трезвым реалистом, пекущимся о

будущем. Он был, скорее, лунатиком, фантазером, чье беспорядочное увлечение иррациональным часто заводило его не в ту сторону. Восхищение, выражаемое членами «семьи», заставило его уверовать в собственную непогрешимость. «Травка» и ЛСД удерживали его в полуреальном мире. То, что произошло с Мэнсоном, в какой-то степени напоминает историю Гитлера. Он действовал сообразно внутреннему порыву, который неминуемо должен был привести к лобовому столкновению с действительностью, вслед за которым наступит катастрофа. Но вместо этого все, что бы он ни делал, внешне выглядело хорошо и правильно. Люди давали ему деньги и автомобили, и даже ранчо. Его последователи безоговорочно доверяли ему, и никому из них еще не было причинено ни малейшего зла. История его успеха является ярким доказательством того, что миру нужно вдохновение, а не расчет. Можно не сомневаться, что, не соверши «семья» в дальнейшем тех убийств, Мэнсон наверняка добился бы огромного успеха в фолк-музыке или фильмах «андеграунда». Его лунатизм наконец принес бы барыши. Разговоры об убийстве и кровавой революции могли бы оказаться всего-навсего плодом творческой фантазии, так сказать, его вариантом «Войны миров».

Обстановка на ранчо Спана после возвращения «семьи» в апреле 1969 года становилась все более сумбурной и неуправляемой. Мотоциклетные банды становились там постоянными гостями. (Одну из них называли «Рабами Сатаны», позже это имя ошибочно пристало к «семье».) Некоторые из них общались с любителями «черной магии» в окрестностях Лос-Анджелеса. Каких только людей не было на ранчо! По словам Сандерса, одна кинодива пожаловалась, что не успела она приехать на ранчо, как ее затащили в кусты и изнасиловали. (Но поскольку она продолжала регулярно приезжать туда, по всей видимости, ей это пришлось по вкусу.) Мэнсон продолжал вести перего-

воры с Терри Мелчером и Деннисом Уилсоном относительно контрактов на звукозапись. Несколько песен и в самом деле были записаны. Мелчер, Уилсон и еще один их коллега по имени Грегг Джекобсон всерьез подумывали о съемках фильма о «семье». Невероятный успех такого дешевого в производстве фильма, как «Беспечный ездок», делали этот проект вполне реальным. Главной задачей фильма, по мнению Мелчера, было передать мягкую любовную атмосферу, царившую на ранчо. Показать матерей, вскармливающих младенцев грудью, хиппи, перебирающих струны гитары, и Мэнсона, проповедующего всеобщую любовь. (Именно такое впечатление от коммуны складывалось у большинства людей.) Мэнсону же требовалась более сильная встряска, где нашли бы отражение идеи «Хельтера Скельтера», черной магии и убийства как расплаты. Вероятно, у него был более тонкий нюх на то, что требовалось публике.

Доходы «семьи», похоже, были высокими, но нерегулярными. Можно не сомневаться в том, что Мэнсон торговал наркотиками. Через ранчо прошло огромное количество украденных вещей, включая и фургон телевизионной программы Эн-би-си с кинооборудованием на сумму в несколько тысячи долларов. Однажды обдумывалась идея пристроить девушек на работу в Лос-Анджелес в шоу, где выступают полуобнаженные девушки, однако план так и не был осуществлен, поскольку для этого требовалось проведение силиконовых инъекций для увеличения объема груди. Сандерс упоминает о том, что Мэнсон предполагал сделать из некоторых своих девушек проституток.

Несколько раз у «семьи» были неприятности с полицией. 17-летняя девушка, прибившаяся к ранчо, обратилась в полицию с жалобой на то, что Мэнсон изнасиловал ее в автомобиле. Мэнсону пришлось даже провести несколько дней в тюрьме, прежде чем его выпустили под залог. Однажды Мэнсон нарочно спро-

воцировал полицию, проезжая мимо полицейской машины со скоростью свыше 90 миль в час. За это ему тоже пришлось три дня провести в заключении. Не раз возникали проблемы с угнанными автомобилями, поддельными чеками и украденными кредитными карточками. Полиция неоднократно намекала Спану на необходимость избавиться от хиппи, но тому, по всей видимости, нравилось быть окруженным девочками.

Имеются свидетельства того, что к исходу лета фантазии, связанные с насилием, стали посещать Мэнсона чаще. Один из его последователей вспоминал, что Мэнсон однажды поинтересовался, не способен ли тот совершить убийство ради денег, но последовал отрицательный ответ. Другой рассказывал, как Мэнсон останавливался где-нибудь напротив дома обеспеченной семьи, предлагал ворваться в него и перерезать всех и вся. Должно быть, в это время Мэнсон начал действовать как «манипулятор». Маленький, тщедушного телосложения мужчина, окруженный здоровенными хиппи, многие из которых были способны пойти на насилие, он, по-видимому, использовал разговоры о насилии и убийстве для того, чтобы продемонстрировать свое лидирующее положение.

В начале июля игра стала превращаться в реальность. Один чернокожий поставщик наркотиков по имени Бернард Кроу пришел в страшную ярость, когда некто Текс Уотсон исчез вместе с 2400 долларами, не поставив на эту сумму «травки». Он зашел к другому дельцу, связанному с поставкой наркотиков – Розине Кронер, которая имела непосредственное отношение к «семье». Он спросил, не знает ли она когонибудь, кто пошел бы на убийство. Мисс Кронер позвонила Мэнсону, и тот подъехал к ее дому вместе со своим учеником Т. Дж. «Грозным». У Мэнсона в руках был жуткого вида револьвер «а ля Дикий Запад». Кроу сказал, что не намеревался ссориться с ним, а только хотел вернуть свои деньги. Мэнсон,

находившийся, по-видимому, во взвинченном состоянии, исполнил какой-то танец, потом направил ствол револьвера в живот Кроу и нажал на спуск. Раздался щелчок, и Мэнсон рассмеялся: все это было похоже на его упражнение в самоутверждении. Он снова взвел курок, на этот раз пистолет выстрелил. Кроу с пулей в животе рухнул на пол. Второму из присутствовавших мужчин Мэнсон сказал, что ему нравится кожаная рубашка чернокожего, и тот бросился исполнять желание своего господина. Затем Мэнсон и Т. Дж. «Грозный» отбыли на ранчо Спана. Оба были совершенно убеждены в том, что Кроу был мертв. По дороге Мэнсон заметил, что ему не нравится, как Т. Дж. смотрит на него, потому что это ставит его в тупик... Оказалось, что Кроу не умер. Он был отправлен в больницу, где врачи провели операцию по извлечению пули, не увенчавшуюся, однако, успехом. Две недели спустя Кроу выписался, а пуля так и осталась в теле. Расследования этого дела не последовало, по всей видимости, связываться с полицией Кроу не желал.

Зачем понадобилось Мэнсону делать это? Его поступок напоминает два преступления Крея – убийства Джорджа Корнелла и Джека Мак-Вити, – совершенные ради «самоутверждения». Мэнсон был лидером. Ему нужно было доказать это, пусть даже ввергнув «семью» в панику. Это был вопрос утверждения его лидирующего положения.

Дни шли, но ни полиция, ни «Черные Пантеры» не появлялись. Паника в семье потихоньку улеглась. Несомненно, этот случай послужил еще одним доказательством того, что все, что бы Чарли ни делал, было правильно.

Через несколько дней к своему знакомому в Топанга Каньон, Чарльзу Мелтону, заглянула девушка по прозвищу Цыганка. Там она познакомилась с юной Линдой Касабиан из Новой Англии, у которой был 16-месячный малыш. Цыганка рассказала Линде о

ранчо Спана, где дети в избытке получали любовь и все, что им было необходимо, и считались всеобщим достоянием. Линда отправилась на ранчо и в скором времени, по ее собственным словам, переспала со всем мужским населением лагеря, а также с двумя особами женского пола. (Вскоре она снова забеременела, на этот раз от Боба Босолейла.) Оргазм, испытанный ею с Тексом Уотсоном, был настолько сильным, что в этом она усмотрела некий мистический знак. Уотсону она намекнула на то, что у ее приятеля и недавнего хозяина, Чарльза Мелтона, в трейлере хранились деньги, на следующий день пара отправилась за ее вещами и уехала оттуда с 5000 долларов Мелтона, которые они отдали Мэнсону. Когда Мелтон приехал за своими деньгами, Мэнсон избавился от него уже испытанным способом. Он сказал Мелтону, что если тот недоволен «семьей», то может убить его. С этими словами Мэнсон протянул Мелтону нож. Но Мелтон ответил, что не намерен убивать его. В таком случае, сказал Мэнсон, вероятно, ему самому придется убить недовольного, чтобы доказать, что такой штуки, как смерть, нет... Мелтон понял, что спорить бесполезно, и поспешно ретировался. На эти деньги было закуплено еще несколько «багги» для пустыни.

Жизнь на ранчо никогда не была скучной. То и дело в поисках угнанных автомобилей наведывалась полиция. 20 июля Мэнсон впал в такую ярость, что все разбежались. Он избил Цыганку и крушил все, что попадалось под руку. Но вскоре после этого в «семье» состоялась оргия. 14-летняя девочка, помогавшая ухаживать за лошадьми, была ритуально дефлорирована Босолейлом, после чего наблюдавшие за церемонией пары предались сексуальным наслаждениям. Линда Касабиан вместе с Тексом Уотсоном и Лесли ван Хутен образовали трио.

Через три дня началась резня. 25 июля Мэнсон отправил Бобби Босолейла в дом Гари Хинмана с целью

потребовать у того 20 000 долларов на финансирование переезда «семьи» в Долину Смерти. Но в это время отношения с Хинманом стали ухудшаться. Хинман вступил в японскую секту, носившую название «Ниширен Шошу Буддизм». Теперь он сам искал новых последователей. Приятель Хинмана, помогавший ему в производстве мескалина, случайно подслушал телефонный разговор Хинмана с Мэнсоном, в котором первый наотрез отказался продать все и присоединиться к «семье». В споре также затрагивался вопрос лидерства. Хинман был убежден в том, что людям нужен человек, который мог бы указать им путь к спасению. Мэнсон, как ни странно, считал, что люди должны делать то, что им нравится. Через несколько дней после этого разговора, по словам Сандерса, Мэнсон приказал одной из своих последовательниц отправиться в дом к Хинману и убить его. Но она отказалась и вместе со своим приятелем покинула ранчо. Тогда Мэнсон уговорил Босолейла, собиравшегося уехать, чтобы тот заглянул к Хинману и постарался убедить последнего присоединиться к «семье» в исходе в Долину Смерти. К дому Хинмана Босолейл подъехал вместе с Сьюзен Аткинс и Мэри Бруннер. Они прибыли в полночь. Босолейл обрисовал Хинману их план, но тот не проявил заинтересованности. Он собирался в религиозное паломничество в Японию. После продолжительных споров Босолейл извлек пистолет и заявил Хинману, что они в поисках денег перевернут весь дом. Они были уверены в том, что Хинман хорошо припрятал свои 20 000 долларов. Сторожить хозяина дома с пистолетом в руках была оставлена Сьюзен Аткинс. Хинман попытался выхватить его, и пистолет выстрелил, однако никто не пострадал. Вбежал Босолейл и отобрал у Хинмана пистолет, которым ударил Хинмана по голове, разбив ее в кровь. Держа Хинмана на прицеле, он позвонил Мэнсону на ранчо и сказал, что у них возникли определенные трудности. Мэнсон вы-

11 Зак. 1759

ехал, прихватив с собой Брюса Дэвиса. Мэнсон размахивал мечом, который, на его взгляд, являлся неким магическим предметом и символом власти. Он заявил Хинману, что намерен забрать деньги. Последний в ярости крикнул, чтобы тот убирался вон. В ответ Мэнсон поднял меч и ударил им Хинмана по лицу. Лезвие оставило глубокую рану на подбородке и рассекло ухо. Завязалась борьба, во время которой Мэнсон порезал руку. После этого Мэнсон и Брюс Дэвис уехали. Мэри Бруннер зашила Хинману рану, и Босолейл продолжил поиски.

Теперь Босолейлу было ясно, что Хинмана придется убрать; желательно, однако, было сделать это после того, как тот скажет им, где спрятал деньги. Хинмана продержали в доме весь следующий день. Звонившим ему по телефону людям говорили, что его родители попали в аварию и ему срочно пришлось уехать.

Возможно, что в течение всего дня Хинмана держали в качестве пленника; его подвергали пыткам или, во всяком случае, били. Наконец Босолейл снова позвонил Мэнсону, и тот, по словам Босолейла, приказал ему убить Хинмана. Хинмана вынудили подписать бумаги, в которых говорилось, что автобус «фольксваген» и автомобиль «фиат» переходят в собственность Босолейла. После этого его дважды ударили ножом в грудь и бросили. Он умер от потери крови. На стене над телом Босолейл кровью написал: «Политическая свинья» и нарисовал знак, символизировавший, по его мнению, лапу пантеры, что навело полицию на ложный след. Ответственность за убийство была возложена на «Черных Пантер».

Один из свидетелей, Дэнни де Карло, рассказал, что в ночь убийства Босолейл по возвращении описывал ему, как пытал, а потом убил Хинмана.

После убийства Хинмана, казалось, удача изменила. Спустя неделю с лишним после случившегося, 6

августа, у Сент-Луиса патрульный увидел спортивный автомобиль марки «фиат» и решил проверить его водителя. Им оказался Бобби Босолейл. Он предъявил полиции документ, подписанный Гари Хинманом, согласно которому владельцем автомобиля был он. Неделей ранее было найдено начавшее разлагаться тело. По версии Босолейла, он купил машину за 200 долларов у какого-то негра, что выглядело правдоподобным, поскольку в убийстве подозревались «Черные Пантеры». 7 августа Босолейл из полицейского участка позвонил на ранчо Спана. Он хотел переговорить с Мэнсоном. Но Мэнсон оказался на Оушнсайд, где покупал проездной билет. Он приехал позже и услышал новость об аресте Босолейла. На суде Патриция Кренвинкель скажет, что именно в тот момент они решили осуществить второе убийство – на этот раз Терри Мелчера. Тогда, правда, не было ясности, как это можно сделать. Но в то время все они находились под влиянием ЛСД, и это их мало интересовало.

Неудачи продолжали преследовать их. Полиция сделала очередной налет на ранчо в поисках наркотиков и краденых автомобилей. Мэнсона они нашли сидящим в «багги». Когда его спросили, что он делает, он ответил, что ждет нападения со стороны «Черных Пантер». Когда полицейские объявили ему о своем намерении провести на ранчо обыск, он с мрачным видом попросил их не делать этого. Его последователи, сказал Мэнсон, были вооружены до зубов и могли перепутать полицию с «Пантерами». Ему нужно было пойти самому и предупредить «семью»... Полиция позволила ему пойти вперед. Предупрежденные хиппи сбежали с ранчо, и рейд провалился.

В течение последующих двух недель Мэнсон предпринял вторую поездку в Долину Смерти, а также в Исалинский институт в Биг Сур Хот Спрингз (где по выходным проводились групповые сеансы терапии). Во время этой поездки Мэнсон подобрал 17-летнюю

беременную девушку по имени Стефани, которая также стала его последовательницей. Пока Мэнсон отсутствовал, Босолейл воспользовался возможностью и покинул ранчо. Возможностью сбежать с ранчо воспользовалась также и одна юная девушка, Китти Льютсингер. Теперь избавиться от надзора Мэнсона было не так-то просто. Он отлично сознавал тот факт, что его сподвижники знают чересчур много.

Через два дня после ареста Босолейла при попытке воспользоваться украденной кредитной карточкой была задержана Мэри Бруннер. Вместе с ней была Сэнди Гуд. В их машине были обнаружены и другие ворованные кредитные карточки.

Когда Мэнсон вместе с Сьюзен Аткинс вернулся на ранчо и на него обрушился поток плохих новостей, он провозгласил: «Час «Хельтера Скельтера» настал».

Возникает вопрос: замышлялись ли совершенные той ночью убийства как начало великой войны против «свиней» или же они были совершены с целью освобождения Бобби Босолейла? Позже Сьюзен Аткинс покажет, что у них была идея повторить убийство, по преступному «почерку» схожее с убийством Хинмана, чтобы отвести подозрения от Босолейла. По-видимому, именно это и послужило непосредственным мотивом. Но вполне вероятно, что к этому времени у всех на ранчо уже появилось ощущение приближения «конца света», а ответная реакция Мэнсона на ожидание быть в любую минуту выдворенным за ворота выразилась в приступах истеричной жестокости. Это была еще одна черточка, напоминавшая Гитлера.

Дом, выбранный местом преступления, находился по адресу: 10050, Сьело Драйв, Бенедикт Каньон. Там до прошлого февраля проживал Терри Мелчер, а затем съехал. После этого дом был арендован польским кинорежиссером Романом Полански, прославившимся такими фильмами, как «Отвращение» и «Ребенок Розмари». Он поселился здесь вместе со своей женой Шейрон

Тейт, звездой из фильма «Долина кукол». Шейрон Тейт находилась на девятом месяце беременности.

Вечером в пятницу 8 августа в гостях у Шейрон Тейт ужинали три человека: ее бывший любовник, Джей Себринг, мужской парикмахер, Войтек Фриковски, польский писатель, приятель мужа, и Абигайль Фолджер, наследница кофейных плантаций, любовница Фриковски. И Себринг, и Фриковски употребляли наркотики. Роман Полански находился в Лондоне на съемках фильма.

Сторонники Мэнсона оспаривали тот факт, что Чарли знал о намерениях Текса Уотсона провести кровавый рейд той ночью. Однако это представляется маловероятным. Мэнсон сказал Стефани – девушке, которую несколькими днями раньше подобрал, чтобы она оставалась спать в трейлере и ожидала его возвращения. Потом он приказал Сьюзен Аткинс приготовить смену одежды. Была разбужена пребывавшая под воздействием ЛСД Патрисия Кренвинкель. Ей велели одеться. Незадолго до полуночи с ранчо Спана выехал «форд», в котором находились Сьюзен Аткинс, Патрисия Кренвинкель и Линда Касабиан. Около четверти первого он подкатил к дому в Бенедикт Каньон. Позже было высказано предположение, будто Мэнсон думал, что Терри Мелчер все еще проживал там. Но это не соответствует истине. В поисках Мелчера он уже заходил туда в марте, но ему сказали, что тот переехал. Дом был выбран только потому, что был знаком Мэнсону.

Текс Уотсон взобрался на столб и перерезал два телефонных провода. Потом все они перелезли через ограду и оказались в саду. В это момент к ним по дорожке, ведущей к дому, приблизился автомобиль с включенными фарами. За рулем сидел молодой человек по имени Стивен Парент, навещавший своего приятеля, что служил у Полански, Уильяма Гаррисона, и теперь направлявшийся домой. Увидев темные

фигуры, он окликнул их и спросил, что они там делают. Не колеблясь ни минуты, Уотсон приставил к его виску пистолет и выстрелили пять раз. Затем Уотсон заглушил мотор машины, и они прошли в дом. На них была темная одежда, специально надетая для этого случая.

Уотсон срезал жалюзи с окна детской, приготовленной для ожидаемого в семье пополнения, и влез в комнату. Он открыл переднюю дверь и впустил Сьюзен Аткинс и Патрисию Кренвинкель. Линда Касабиан для наблюдения оставалась снаружи.

Фриковски под влиянием слабого психоделического наркотика, известного под названием МДА, развалился на тахте в гостиной и спал. Абигайль Фолджер, будучи тоже «под кайфом» , ушла в спальню и теперь читала. Джей Себринг находился в спальне Шейрон Тейт и разговаривал с ней. Она лежала в постели, Джей был полностью одет.

Фриковски проснулся и увидел, что над ним с пистолетом в руках стоит Текс Уотсон. Он спросил у пришельца, кто он такой. Уотсон ответил: «Дьявол» – и приказал Сьюзен Аткинс раздобыть полотенце, чтобы связать руки Фриковски. После того как Сьюзен Аткинс принесла полотенце, она заглянула в спальню и увидела Абигайль Фолджер. Она помахала ей рукой, и та приветливо махнула в ответ. (Позже Сьюзен Аткинс сказала, что все они находились «под кайфом», чем и объяснялось такое поведение и с той и с другой стороны.) Она также заглянула в комнату Шейрон Тейт и увидела, что та, сидя в кровати, разговаривает с Себрингом. Они не видели Сьюзен. Она снова вернулась в гостиную и сообщила Уотсону, что в спальнях находились еще люди. Уотсон велел ей пойти назад и привести всех. Она зашла в каждую из спален и, потрясая ножом, приказала всем пройти в гостиную. Себринг сердито выступил вперед и спросил, что происходит. Когда Уотсон приказал ему лечь

на пол, тот предпринял попытку выхватить пистолет. Уотсон выстрелил и попал своей жертве в легкое. Преступники стали требовать денег, и Абигайль Фолджер повела Сьюзен Аткинс в спальню, где и передала свои деньги.

У Уотсона с собой был моток нейлоновой веревки, что свидетельствовало о предварительной подготовке преступления. Один ее конец обвязали вокруг шеи Себринга, а другой перебросили через балку. После чего веревку последовательно завязали на шее Абигайль Фолджер и на шее Шейрон Тейт, которым, чтобы не задохнуться, пришлось стоять прямо.

Кто-то спросил: «Что вы намерены с нами сделать?», на что Уотсон ответил: «Вы умрете». Потом он приказал Сьюзен Аткинс заколоть ножом Фриковски. Когда тот сумел вскочить на ноги и попытался убежать, она вонзила нож ему в спину. Потом Уотсон два раза выстрелил в него из пистолета, на третий раз оружие дало осечку. Тогда Уотсон ударил жертву рукояткой пистолета.

Шейрон Тейт и Абигайль Фолджер изо всех сил старались освободиться, Абигайль, преследуемая Патрисией Кренвинкель, сумела даже добежать до дверей. Теперь в борьбу за освобождение вступил и Себринг. Увидев это, Уотсон подбежал к нему и несколько раз ударил ножом. После этого он взялся за Абигайль, которая и без того уже была ранена Патрисией Кренвинкель. Он ударил ее рукояткой пистолета и нанес несколько ножевых ранений.

Тем временем Фриковски, несмотря на тяжелое ранение, сумел выползти на лужайку перед домом и стал звать на помощь. Линда Касабиан, увидев, что происходит, пришла в ужас и прокричала Сьюзен Аткинс, чтобы та остановила бойню. Сьюзен ответила, что слишком поздно. Уотсон выскочил в сад и начал наносить Фриковски удар за ударом. Линда Касабиан убежала.

Вернувшись в дом, Уотсон приказал Сьюзен Аткинс убить Шейрон Тейт. Шейрон взмолилась, чтобы ее пощадили ради жизни ребенка. Аткинс ответила: «Послушай, сука, мне плевать...» Но нанести удар она не решалась. Тогда Текс Уотсон вонзил Шейрон нож в область сердца, убив ее одним ударом. После этого к нему присоединились и остальные. Они хотели выколоть жертве глаза и швырнуть их о стену – в конце концов их целью было вселить ужас. Но уже становилось поздно, и Уотсон сказал, что пора уходить. Он на всякий случай еще несколько раз ударил ножом Абигайль Фолджер. Сьюзен Аткинс, погрузив полотенце в кровь Шейрон Тейт, написала на стене холла слово «Свинья», как бы связав тем самым это убийство с убийством Хинмана.

Вернувшись в машину, они сняли с себя залитую кровью одежду. В автомобиль влезла и Линда Касабиан. Одежду сбросили с крутой набережной, где позже она будет обнаружена репортерами. После этого они нашли дом, на лужайке которого имелся водопроводный шланг. Повернув кран, они начали смывать кровь. Обитатели дома, пожилые супруги, услышав шум, сердито на них прикрикнули. Убийцы уехали, а раздосадованный хозяин дома записал номер «форда».

Кода они вернулись на ранчо, Мэнсон поинтересовался, почему они приехали так рано. Но услышав, что все мертвы, остался доволен. Сьюзен Аткинс с кем-то (она не помнила, с кем именно) занялась любовью, а потом легла спать.

Остается неясным, что делал Мэнсон на протяжении оставшейся ночи, но в трейлер к Стефани он пришел только утром. Существует версия, что он подъезжал к дому Полански – один или с кем-то из своих последователей, – чтобы убедиться, что его палачи хорошо справились со своей работой. В пользу этого предположения свидетельствуют следы, оставленные кем-то, кто приходил поздно ночью. На крыльце была

кровь, и кто-то пытался перетащить туда трупы. Согласно версии Сандерса, Мэнсон пытался устроить на крыльце живую картину из трупов, но не нашел, чем подпереть их. Тогда он вернул тела на прежнее место.

Трупы были обнаружены рано утром владельцем дома, который наведывался сюда каждый день. «Семья» Мэнсона утром смотрела телевизор и впервые услышала имена своих жертв. «У меня прямо ум за разум зашел», – сказала обрадованная Сьюзен Аткинс, узнав, что они лишили жизни такую знаменитость, как Шейрон Тейт. Кто-то заметил, что «Душа» (Мэнсон) на этот раз сделал хороший выбор, еще кто-то сказал, что цель убийств – вселить страх в человека, человека из «истэблишмента»: «Вот с какой целью все это было сделано. Чтобы вселить страх, вызвать паранойю. А еще чтобы показать черным, как можно взять верх над белыми».

Своей цели они достигли. В районе Лос-Анджелеса убийства вызвали настоящую панику. Не успела еще наступить ночь, как в городе было раскуплено все оружие и все сторожевые собаки. Гаррисон, слуга из дома Полански, был арестован. Но он утверждал, что в момент совершения убийств у него был включен проигрыватель и он ничего не слышал. Вскоре его выпустили.

Тем же вечером Мэнсон сказал, что на «свиней» они нагонят еще больше страха. На этот раз он сам поведет их. С собой он взял шестерых сообщников: Текса Уотсона, Линду Касабиан, Патрисию Кренвинкель, Сьюзен Аткинс, Гари Тафтса (известного под именем «Клем») и Лесли ван Хутен. Все они находились «под кайфом».

Начнем с того, что какого-либо определенного плана у Мэнсона не было. Они перебрали несколько домов, но не нашли ничего подходящего. Увидев впереди у светофора белый спортивный автомобиль, Мэнсон приготовился действовать. Проезжая мимо,

Мэнсон приготовился выйти, но загорелся зеленый свет, и автомобиль рванул вперед. Сидевший за рулем молодой человек никогда не узнал, каким счастливчиком он оказался.

Теперь было похоже, что Мэнсон наконец решил, куда двигаться. Сьюзен Аткинс он велел ехать в богатый район Лос-Анджелеса Лос-Фелиц. По пути следования Мэнсон остановил взгляд на освещенных окнах одного из домов, но решил не трогать его, поскольку там на стене увидел фотографии детей. Наконец «форд» подкатил к фасаду дома, принадлежавшего владельцу супермаркета Лино Ла-Бьянка. Сьюзен Аткинс узнала соседний дом, в котором они с Мэнсоном покупали наркотики, когда жили в Топанга Каньон. У Мэнсона имелись некоторые основания недолюбливать его хозяина. Однако, замышляя кровавую расправу, свой выбор он остановил на доме Ла-Бьянка.

44-летний Лино Ла-Бьянка провел день, катаясь на водных лыжах вместе со своей 38-летней женой, Розмари. В свой дом по адресу: 3301, Уэйверли Драйв они вернулись вскоре после часа ночи в субботу, 10 августа. Сняв с крыши автомобиля водные лыжи, они обсудили статью об убийстве в доме Тейт, напечатанную в купленной ими газете. Потом, переодевшись в ночное белье, отправились спать. Вскоре после этого в их спальне с пистолетом в руках появился Чарльз Мэнсон. Спокойным голосом он приказал им подняться и сказал, что не намеревается причинить им зла. Затем он связал их и вернулся к машине. Он послал в дом Уотсона, Патрисию Кренвинкель и Лесли ван Хутен с приказом убить чету Ла-Бьянка. После этого добираться до ранчо сообщникам предстояло своим ходом, в то время как сам Мэнсон вместе с остальными должен был найти другой дом для учинения еще одной расправы. Мэнсон уехал.

Уотсон и двое его напарников прошли в дом, где увидели связанных супругов Ла-Бьянка. Миссис Ла-

Бьянка провели в спальню, где связали электрическим шнуром и на лицо положили подушку. Тогда Уотсон толкнул Лино Ла-Бьянка на тахту и четыре раза полоснул его ножом по горлу, а затем еще четыре раза всадил нож ему в тело. От потери крови Ла-Бьянка скончался. Его крики заставили миссис Ла-Бьянка взмолиться: «Что вы делаете с моим мужем?» Патрисия Кренвинкель принялась наносить ей колющие удары в спину, повреждая спинной мозг. Потом в спальню к ним вошел Уотсон и присоединился к бойне. Всего в общей сложности жертве было нанесено свыше 40 ножевых ранений. Лесли ван Хутен оставалась в стороне, но они уговорили ее взять в руки нож. И она сначала нерешительно принялась колоть им в ягодицы, а потом разошлась и нанесла Розмари 16 ударов.

Уотсон вырезал на груди Ла-Бьянка слово «Война». Патрисия Кренвинкель продолжала тем временем колоть тела вилкой, хотя, по всей видимости, к этому времени жертвы уже были мертвы. Вилку она оставила воткнутой в области пупка Лино Ла-Бьянка. Потом во всех комнатах на стенах они кровью написали слова: «Смерть свиньям!», «Начало», «Хильтер Скельтер» (в слове «Хельтер» была допущена орфографическая ошибка). Потом они приняли душ, переоделись, поели и покормили трех собак, которые молча, ни разу не залаяв, наблюдали за происходившими убийствами, а потом еще лизали руки убийц. Затем они вышли из дома и без всяких проблем пешком добрались до ранчо Спана. Мэнсон уже был там, решив больше никого не убивать. Он возил свою группу на южное побережье Венеции, где поинтересовался у девочек, не знали ли они в тех местах «свиней», которых можно было бы убить. За несколько недель до этого Линда и Сэнди Гуд познакомились с одним актером и побывали у него в гостях – как раз в этом районе. Линда Касабиан показала дом Мэнсону. Они вошли внутрь, и она показала квартиру, которая,

по ее предположению, принадлежала Саладину Надеру, киноактеру. (Это, по ее словам, была не та квартира, поскольку для себя она уже решила не убивать его.) Мэнсон велел своим троим помощникам постучать в дверь и накинуться на Надера, как только тот откроет. Потом он оставил их и укатил на «форде». Линда постучала в дверь (другую) и, когда кто-то чуть-чуть приоткрыл, сказала, что ошиблась и, извинившись, ушла. Потом они пешком вернулись на ранчо Спана. Тела четы Ла-Бьянка были обнаружены утром следующего дня их 16-летним сыном, к счастью, не ночевавшим дома.

Через шесть дней после убийства Ла-Бьянка Мэнсон был арестован. Но ему было предъявлено отнюдь не обвинение в убийстве. Местная полиция решила, что настала пора прекратить существование общины хиппи ввиду того, что те продолжали промышлять угоном автомобилей. Полиция нагрянула на ранчо внезапно, в результате чего было арестовано 25 человек. Полицейские захватили несколько пистолетов и другое оружие. Они переписали все номера автомобилей, включая и номер «форда», на котором разъезжали преступники, совершившие оба убийства. К несчастью, человек, прогнавший Текса Уотсона со своей лужайки после убийства Шейрон Тейт, не сообщил об этом полиции, иначе дело могло бы закончиться быстрее. Через три дня все они были освобождены, поскольку судья решил, что против них не было достаточного количества улик. Еще через три дня Мэнсона снова забрали. Полицейские, заглянув к нему в хижину, когда он голый развлекался со Стефани, обнаружили в кармане его рубашки сигарету, положенную туда Сьюзен Аткинс, сигарета, как им показалось, была набита марихуаной. Однако лабораторный анализ показал, что они ошиблись, и Мэнсон снова был отпущен.

26 августа 1969 года «семья» совершила убийство поденщика, работавшего на ранчо – «Коротышки»

О'Ши. У Мэнсона имелось против него немало «компромата»: он был женат на негритянке, он знал о том, что стреляли в Бернарда Кроу (которого до сих пор считали мертвым), кроме того, ему не нравилось само пребывание «семьи» на территории ранчо Спана. Детали его убийства неизвестны. Тело О'Ши обнаружено не было, а его автомобиль нашелся среди автомобилей на стоянке в Каноге. Сандерс утверждает, что в его убийстве принимала участие вся «семья» и что предварительно беднягу пытали. Потом тело его разрубили на куски и частично сожгли.

В начале сентября «семья» снова переехала в Долину Смерти. Мало что известно об их жизни в этот период. Эд Сандерс, правда, описывает покушение на жизнь старателя Крокетта, которое, однако, ничем не увенчалось, и угон рефрижератора с замороженными продуктами, совершенный Сьюзен Аткинс и Лесли ван Хутен. Он также приводит сведения о том, что последовало еще три убийства – двух парней и девушки, – однако деталей не сообщает.

Самой крупной ошибкой Мэнсона стало бездумное уничтожение мичиганского бульдозера, который оставил на грунтовой дороге огромные рытвины. Он принадлежал смотрителям Национального парка Долины Смерти. Узнав об уничтожении столь дорогостоящей машины, они пришли в ярость. По оставленным следам протекторов автомобиля в нескольких милях от места происшествия они нашли врезавшийся в дерево «форд». След, ведущий оттуда, был более четким. Выяснилось, что это были отпечатки шин угнанной «тойоты». Через два дня машина была замечена смотрителями в каньоне возле Балларет. Проверка номеров показала, что они были фальшивыми. В конце концов им удалось обнаружить ворованную «тойоту» без номерных знаков недалеко от хижины старателя Поля Крокетта. Он рассказал полиции о «семье», и теперь начался целенаправленный поиск ее

членов. Но полицейские не знали, что хиппи скрывались на ранчо Баркера. (На площади в сотни квадратных миль пустынной местности было не так-то просто найти даже армию.) Только 9 октября им удалось обнаружить следы «семьи». Перед самым рассветом кольцо полицейских сомкнулось вокруг ранчо. Мэнсона среди его обитателей не оказалось, но полиция взяла большое количество его последователей, в основном девушек, которые было попытались привести служителей порядка в замешательство: прямо на их глазах они раздевались и мочились.

В Долину Смерти Мэнсон вернулся три дня спустя, 12 октября. Несколько девушек, которым удалось скрыться, рассказали ему о том, что произошло. Прошло несколько часов, хиппи сидели на кухне и ели, когда внутрь ворвался отряд полиции. Мэнсон юркнул в маленький шкафчик, что был под мойкой, и его едва не проглядели. Когда хиппи вели к тюремному зданию, Мэнсон сказал им что-то тихим голосом, и все они отозвались: «Аминь, аминь».

В полицейском участке находилась Китти Льютсингер – девушка, которая ранее сбежала с ранчо Спана. Она вернулась в «семью», но в Долине Смерти снова решила оставить ее. Однажды ночью она вместе с другой девушкой убежали и наткнулись на полицейских, в намерения которых входило атаковать ранчо Баркера. Китти разыскивалась полицией для дачи показаний по делу об убийстве Хинмана, поскольку была подружкой Бобби Босолейла. Она сказала полиции, что никакого отношения к убийству не имела, что его совершали «Сади» и Мэри. Теперь «Сади» (Сьюзен Аткинс) была в полицейском участке. Ее передали в распоряжение полиции Лос-Анджелеса. Она призналась в том, что действительно присутствовала в доме Хинмана, но причастность к убийству отрицала.

Вероятно, от скуки и под воздействием сообщений по радио о том, что расследование убийства Тейт идет

полным ходом, она стала намекать сокамерницам на свое участие в убийстве Шейрон Тейт. А одной из них даже прямо сказала об этом. Однако женщина сохранила эти сведения в тайне. Потом она рассказала о том же, но уже с подробностями, другой сокамернице – Вирджинии Грэм. Вирджиния поделилась этим секретом со своей приятельницей Ронни Говард. Именно Ронни Говард и поведала полиции о признании Сьюзен Аткинс. 1 декабря шеф полиции Лос-Анджелеса сказал на пресс-конференции о том, что в убийстве Тейт и четы Ла-Бьянка обвиняются три человека: Текс Уоткинс, Линда Касабиан и Патрисия Кренвинкель. Позже список обвиняемых пополнили Мэнсон, Сьюзен Аткинс и Лесли ван Хутен.

Судебный процесс, один из самых длинных и дорогостоящих в истории Лос-Анджелеса (к октябрю 1970 года затраты на него превысили уже четверть миллионов долларов, и судебное разбирательство продолжалось еще до конца марта), был шумным и запутанным. По делу об убийстве Тейт и Ла-Бьянка обвинялся Мэнсон и еще четыре девушки. (Босолейл привлекался к ответственности по делу об убийстве Хинмана.) Как и следовало ожидать, Мэнсон попытался превратить процесс в суд над современным обществом: «Это вы сделали из ваших детей то, чем они стали»; «для вас имели значение только ваши собственные жизни. Моя жизнь никогда не принималась в расчет и никого не интересовала... Родители вышвыривали своих детей вон, а я делал все от меня зависящее – подбирал их и приводил на свою мусорную свалку...»; «все, что сделали эти дети, они сделали ради любви своих братьев...»

В атмосфере самого суда ощущалось отсутствие здравого смысла: все говорили словно наперекор друг другу. Сторонним наблюдателям из других стран понять что-либо было очень трудно, так же, как и большинству американцев. Обвинения, предъявлен-

ные Мэнсоном обществу, имели под собой все основания. Но если он и на самом деле отдал приказ об убийстве такого количества людей, значит, он был бешеной собакой, сумасшедшим, следовательно, был виновен в преступлениях. Мэнсон и тысячи его молодых последователей отрицали обвинения. Но это, по крайней мере, было понятно. Обстановка была такова, что Мэнсон был обречен с момента своего ареста. Средний класс Америки, по словам одного репортера, прямо упивался радостью от одной только мысли о том, что хиппи наконец получили то, что и должны были получить. Добропорядочные граждане давно ожидали, что произойдет нечто подобное. На фотографиях Мэнсон выглядел безумным маньяком типа Распутина. Когда репортер из «Лос-Анджелес Фри Пресс» сумел повидаться с ним сразу после его ареста, он был удивлен, увидев спокойного, с тихим голосом маленького человека, говорившего вразумительно и без малейших признаков паранойи. Мэнсон пожаловался репортеру на то, что к нему никого не допускали. Газеты пестрели рассказами о «Рабах Сатаны», о сексуальных оргиях и наркотиках, садизме и убийствах. «Признание» Сьюзен Аткинс под редакцией Лоренса Шиллера появилось (без сокращений) в газетах всего мира 14 декабря 1969 года, а в январе вышла книжка в мягкой обложке. (9 декабря судья запретил освещать процесс в средствах массовой информации, а десять дней спустя «Лайф» опубликовал полную историю «культа любви и террора».) В августе 1970 года, когда процесс был еще в полном разгаре, президент Никсон в одной из своих речей уже говорил о вине Мэнсона. Все это свидетельствует о том, что должные правовые нормы не соблюдались. Но в конце концов процесс завершился.

Атмосферу безумия в суде создавала совершенно необъяснимая логика рассуждений последователей Мэнсона. Когда Сьюзен Аткинс спросили, имело ли

для нее значение то, что она лишила жизни восьмерых человек, она ответила вопросом: а имело ли значение убийство напалмом тысяч человек? В соответствии с нормальной логикой это было всего лишь попыткой проявить остроумную находчивость. Разве Шейрон Тейт или Ла-Бьянка кого-нибудь убили напалмом? Или она хотела сказать, что восьмью людьми больше или меньше, роли не играет? Но когда молодежь сделала из Мэнсона героя, старшее поколение призадумалось: не упустило ли оно чего? Может быть, эти убийства и впрямь были на их совести, как без обиняков указывал Мэнсон? И когда Мэнсон, Сьюзен Аткинс, Лесли ван Хутен и Патрисия Кренвинкель 30 марта 1970 года были приговорены к смерти (Линде Касабиан удалось избежать этой участи, поскольку она стала свидетелем обвинения), вопрос этот так и остался без ответа. Убийства вызвали в среде молодежи определенное отвращение, среди хиппи стал процветать «культ Христа», а также старомодный евангилизм «а-ля Билли Грэм», хотя некоторые продолжали рассматривать Мэнсона как некий символ. В телевизионной программе, посвященной культу Христа, у одной из девушек спросили, верит ли она в христианство, на что она ответила: «Нет, я верю в черную магию, Чарльза Мэнсона и все такое». Ведущий, к сожалению, не попросил ее объясниться. По всей видимости, он хорошо понял, что она имела в виду.

Каково же значение дела Мэнсона?

Несомненно, как одно из самых скандальных дел об убийстве 60-х годов XX века, оно не могло пройти без следа. Но социологи сильно преувеличили его значение. Керуак был стопроцентным хиппи, Мэнсон таковым не был. Мэнсон случайно стал хиппи. По сути, он был хиппи не больше, чем Нечаев, Гитлер или Сталин. Парадокс и загадочность этого дела кроются в раздвоенной личности самого Мэнсона. По большому счету, его сочувствие и умение сопереживать пред-

ставляется искренним, а намерения благими. Однако по классификации ван Фогта он был «жестоким человеком», и жестокость его стала очевидной после того, как в Хейт-Эшбори его приняли как мессию. Поскольку Мэнсон начал привыкать к полному повиновению, то люди, с которыми он сталкивался, стали для него мелкими насекомыми, которых можно было раздавить. Должно быть, он еще больше укрепился в этом мнении в результате того рабского почитания, с которым относилась к нему «семья». Девочки-подростки подвержены истерии – это хорошо известно тем, кто посещает поп-концерты. Они склонны к обожанию, а психически устойчивые мужчины, на которых такое обожание распространяется, могут только временно поддаваться ему, в конце концов они все же спасаются бегством от такого разъедающего душу поклонения. Глупцы всегда досадны, и неважно, входят ли они в число ваших почитателей или врагов. Мэнсону не хватало самокритичности, чтобы относиться к себе объективно. Постепенно обожание женщин превратило его в «правого человека».

И еще: впервые в жизни он стал лидером, «вождем племени». А лидеру надлежит представать пред своими подчиненными только в самом лучшем свете. Быть, если возможно, завоевателем. Но на самом деле завоевателем Мэнсон не был. Он не достиг ничего. Можно не сомневаться, что он сказал бы, что не ставил перед собой цели достичь чего-либо в таком коррумпированном обществе. Но этому противоречат его попытки преуспеть в деле звукозаписи.

Но если говорить о другом, Мэнсон достиг успеха за один день. В Хейт-Эшбори он появился как никому не известный бывший заключенный – фигура типа маленького героя Чарли Чаплина, бренчащего на гитаре, обладающего голосом столь же не примечательным, как у Боба Дилана. Год спустя он уже был кем-то вроде еврейского патриарха – окруженный

толпой почитателей бесспорный лидер, властный диктатор. Своим девочкам он раздавал «травку» и ЛСД, «передавал» их из рук в руки своим последователям мужского пола. Тот факт, что он все же стал «кем-то» с большой буквы, неоспорим.

Однако успех налагает некоторые обязательства. Ему нужно было действовать, совершать поступки, чтобы его последователи могли убедиться в том, что сделали правильный выбор. Гитлер развязал с этой целью войну в Европе. Мысли Мэнсона сработали в том же направлении: он тоже был за войну, войну против «свиней».

Та ненависть, которую он испытывал по отношению к обществу, вполне объяснима. Одной из особенностей этого дела является то, что Мэнсон, при всей его ненависти, не относился к типу жестоких людей. Нечаев сам убил студента Иванова. Брейди убил Эдварда Эванса, а потом еще и шутил. Мэнсон не похож на человека, способного на жестокость. Исключением был только случай с Хинманом, когда он ударил его мечом. Насилие осуществляли по его приказу его последователи, во всяком случае, других сведений на этот счет нет. По-видимому, именно его неспособность совершить зло самому и внушала людям такую любовь к нему.

Это, в свою очередь, заставляет задуматься над вопросом: в какой степени его последователи, в частности Сьюзен Аткинс, несут ответственность за то, что случилось? Мэнсону были присущи черты лидера, но в какой-то степени лидером его делали его почитатели. Именно женщины вознесли его на невиданную высоту, сделав из него нечто среднее между Элвисом Пресли и Иисусом Христом. Но отношение к нему Сьюзен Аткинс было противоречивым. «Он вернул мне веру в себя...» Возможно, он дал ей слишком много. «Сади Мей Глутц» – безобразное имя, присвоенное Сьюзен Дениз Аткинс, – было именем прости-

тутки из романа Мики Спиллейна. Но Мэнсон дал его ей, когда они еще жили у Гари Хинмана. Сади Мей, по словам Босолейла, сказала рабочему ранчо, «Коротышке» О'Ши, что Мэнсон убил одного из «Черных Пантер» («и кто еще был с ним, она не знала», – добавил Босолейл). Опять же Сади Мей сказала своим сокамерницам об убийстве Шейрон Тейт и Ла-Бьянка, намекнув на Чарльза Мэнсона. Американский писатель Стив Джеллер, побывавший на нескольких первых судебных заседаниях, так выразил свои впечатления о Сьюзен Аткинс: «В середине стояла Сьюзен Аткинс ...в кокетливом платье оранжево-розового цвета с пышными воздушными рукавами в духе XVIII века и десятью розовыми пуговицами до самого подола... На ее левое запястье надет пластиковый браслет с ее данными – словно в больнице. Я замечаю, что у нее довольно волосатые руки. И еле заметные усики над верхней губой... Голова слегка, как бы стыдливо, опущена. Типичная наводчица...

Начинаю понимать, почему она вызывает во мне такие неприятные чувства – потому что она слишком спокойна, но в этой ситуации впечатление складывается немного другое: суперзвезда со сверххолодной застенчивостью. Само собой разумеется, что в такой ситуации она бывала уже не раз: восемь арестов за три года... Ее показания просочились в прессу, право на их публикацию было продано за 175 000 долларов. Посвоему она более предприимчивая, чем мог бы быть отец «семьи», Чарльз Мэнсон... Еще совершенно очевидно, что, когда судья обращается к девушкам в целом, он адресует свои слова в первую очередь мисс Аткинс. Он хорошо знает программу. Она – одна из звезд...»

Лоренс Шиллер описывает ее как «молодую женщину с приятным лицом и светящимися карими глазами», некоторые репортеры называли ее «хорошень-

кой». Но по фотографии этого не скажешь. Она хорошо сложена, но черты ее лица несколько мрачноваты, и на большинстве фотографий у нее недовольный вид. Газеты «андеграунда» называли ее «Иудой Искариотом» Мэнсона. В этом нет противоречия, поскольку она призналась, толкаемая какой-то неясной жаждой известности и мести. Мэнсон, как и Хасан-ибн-аль-Саббах, великий повелитель ассасов, свою империю хиппи построил в пустыне. Несколькими простыми фразами Сьюзен Аткинс разрушила все, подобно замку на песке.

Но справедливости ради следует признать, что обвинения, брошенные Мэнсоном суду, имели под собой определенную основу, поскольку настоящую загадку этого дела представляет психологическая подоплека. Как смог искренний, довольно разумный, благодушный маленький человек, излучавший ауру любви, превратиться в одержимого мыслью об убийствах диктатора? Ответ может быть только один – жизнь, проведенная за решеткой, способна разрушить даже задатки Святого Франциска или Шекспира. Нужны специальные психологические тесты, которые позволили бы нам распознать потенциальные возможности таких Мэнсонов еще до того, как ненависть надежно укоренится в их сознании. Сочувствие, которое молодежь Америки проявила к Мэнсону, является в конечном счете признанием того факта, что здоровое, творческое начало в человеческой личности может не найти применения и превратиться в прах. Любой, кому чуть больше двадцати, мог примерить на себя судьбу Мэнсона. Если Мэнсон виновен в совершенных преступлениях, то общество виновно в том, что закрыло на это глаза. Но, в отличие от Мэнсона, общество на своих ошибках кое-чему научиться еще может.

В то время, когда Мэнсон только появился в Хейт-Эшбори, начал отбывать пожизненное заключение другой серийный убийца по имени Альберт де Сальво,

приговор был вынесен за изнасилования и кражи со взломом. Странно, но обвинение в совершении серии убийств на сексуальной почве, из-за которых он получил имя «Бостонский душитель», ему так и не было предъявлено. Первые шесть жертв, убитых им в период с 14 июня по 20 августа 1962 года, были пожилыми женщинами, одной из которых исполнилось 85 лет. Позже, после убийства 25-летней чернокожей девушки Софи Кларк, де Сальво «перекинулся» на более молодых женщин. Последней его жертвой, под номером 13, стала 19-летняя Мэри Салливан, убитая и изнасилованная 4 января 1964 года. После этого преступления де Сальво совершил нечто совершенно нетипичное для серийный убийц: он перестал убивать женщин, а только насиловал их. Его сексуальный потенциал был просто невероятным – однажды за день он изнасиловал четырех женщин. Порой он был удивительно нежен со своими жертвами,иногда даже проявляя сочувствие. Он стал известен как «Зеленый человек», потому что одевался во все зеленое и носил зеленые очки. Полиция арестовала Альберта де Сальво после того, как стало ясно, что описание «Зеленого человека» странным образом похоже на описание другого преступника – «Человека, снимающего мерки». С 1959-го по 1960 год в двери квартир стучался молодой вежливый человек и говорил молодым женщинам, что является представителем агентства фотомоделей. Если девушек привлекала перспектива стать моделью, он предлагал снять с них мерки и записать их данные. Он никогда не делал попытки напасть на женщин, но многие девушки часто сами предлагали ему себя, надеясь, что это поможет получить работу. Некоторые из них, разочаровавшись и не получив ответа от агентства, сообщали о случившемся в полицию. Де Сальво был арестован в марте 1960 года, в тюрьме он провел 11 месяцев. Убийства «Бостонского душителя» начались после того, как он вышел из заключения. И тогда,

когда в 1965 году Альберт де Сальво, обвиняемый в преступлениях «Зеленого человека», для медицинского освидетельствования был отправлен в психиатрический институт Бриджуотерса, личность «Душителя» была еще не установлена. Только там он признался одному из заключенных, что был «Бостонским душителем», о чем заключенный, которым был убийца Джордж Нассар, сообщил своему адвокату, Ф. Ли Бейли. Именно Бейли убедил де Сальво признаться во всех13 убийствах «Бостонского душителя».

Почему де Сальво прекратил убивать? Обследовавший его доктор Джеймс Брассел пришел к заключению, что де Сальво просто удовлетворил свою потребность в убийстве. Всю жизнь де Сальво испытывал невероятный сексуальный голод. Брасселу он сказал, что в период полового созревания у него постоянно была эрекция и через десять минут после оргазма он был готов к новому половому акту. В Германии, проходя военную службу в войсках США, он женился на немке, но его сексуальные притязания показались ей чрезмерными. Когда в 1961 году он вернулся из тюрьмы, жена не подпустила его к себе. Именно тогда де Сальво начал убивать и насиловать. Брассел пришел к выводу, что выбор де Сальво пал на пожилых женщин потому, что в детстве ему недоставало материнской любви, и последовавшие позднее убийства стали своеобразным выражением его обиды. Убив и изнасиловав Софи Кларк, он понял, что с молодыми женщинами получает большее удовлетворение. Все же чувство вины никогда не покидало его (он был католиком), и, совершив убийство Мэри Салливан, он испытал такое отвращение, что решил больше никогда не прибегать к убийству. Однажды он едва не пожалел свою очередную жертву, потому что, по его словам, она «относилась к нему как к мужчине».

В ноябре 1973 года де Сальво был зарезан в тюрьме. Личность его убийцы установлена не была.

Дело «Бостонского душителя» раскрывает нечто новое в психологии серийного убийцы. Дело Мэнсона наглядно показывает, как человек может стать убийцей только из-за острого неприятия окружающего мира, чувства, что некоторые члены общества являются «свиньями», жизнь которых ничего не стоит. Убийцы этого типа отделены от реальности стеной неприятия. Детство де Сальво было тяжелым и жестоким (отец его однажды переломал матери все пальцы, один за другим), но все же у него не выработалось чувство ненависти к обществу, которое типично для серийного убийцы. Движущей силой его преступлений стал неутолимый сексуальный голод. Однако, как отмечал Брассел, он был человеком незаурядного личного обаяния, которому ничего не стоило внушить доверие своим жертвам и попасть к ним в дом. Ему стало трудно убивать еще и потому, что он вступал со своими жертвами в личные отношения. Его последняя жертва, Мэри Салливан, пыталась отговорить его от насилия, и впоследствии слова ее не пропали даром. Еще он добавил, что она напомнила ему его собственную дочь.

Это истинная правда, поскольку большинство серийных убийц не в состоянии наладить отношения с кем бы то ни было именно потому, что они способны на убийство. Некоторые из них, вроде калифорнийского убийцы Эда Кемпера, настолько психически неполноценны, что убийство представляется им таким же простым актом разрушения, каким рассерженному ребенку кажется желание сломать игрушку. Кемпер был некрофилом, одержимым жаждой резать тела. С 1972-го по 1973 год он убил и расчленил шесть девушек, закончилось все тем, что он убил свою мать и ее пожилую подругу, отрезав у трупов головы. Все же он рассказал об одном случае, когда, встретив двух девушек-студенток, он, решив подавить в себе желание убивать, проводил их туда, куда они просили, и отпустил. Как и де Сальво, он был еще способен

общаться с людьми, вступать в личный контакт. С другой стороны, Херб Мьюллин, убивший в Калифорнии 13 человек примерно в тот же период, когда действовал Кемпер, был совершенным шизофреником, совершавшим убийства в состоянии помутнения рассудка. Он слышал голоса, которые приказывали ему убивать. Священнику, к которому он отправился за советом, он сказал, что «в людей вселяется Сатана, он и толкает их на действия, которые те не хотят совершать». (Эту точку зрения выражали многие серийные убийцы. Так, Питер Сатклифф, «Йоркширский потрошитель», говорил, что у него было чувство, будто он одержим дьяволом. На примере Г. Г. Холмса мы убедились, что и тот испытывал то же самое.)

Наиболее важным вопросом для понимания психологии серийного убийцы является вопрос о его связи с другими людьми. Убийцы, подобные Панцраму и Айану Брейди, взрастили в душе чувство обиды, основанное на жалости к самому себе. Убийцы типа «Йоркширского потрошителя» и, возможно, самого Джека Потрошителя, предпочитали не вступать в контакт со своими жертвами, нападая на них сзади. (Сатклифф бил их молотком по голове.) Другие были вынуждены специально подавлять в себе «человеческую» сторону. Многие из них отлично понимали, что страдают раздвоением личности, являя в одном лице Джекила и Хайда и позволяя мистеру Хайду брать верх над собой. Один 22-летний сексуальный убийца, Стивен Джуди, признавшийся в том, что «оставил после себя вереницу убитых женщин, протянувшуюся через всю Америку», умолял присяжных приговорить его к смерти, дабы новыми жертвами не стали их дочери и жены (в марте 1981 года он был казнен на электрическом стуле).

Наиболее хорошо известным делом с ярко выраженным синдромом «Джекила и Хайда» стало дело

Теда Банди, самого, пожалуй, печально знаменитого серийного убийцы нашего времени. В 1978 году еще до того, как он был приговорен к смерти, Банди объявил о желании встретиться с профессиональным писателем, которому хотел поведать свою историю. К нему в тюрьму прибыли два журналиста, Стивен Мишо и Хью Эйнсуорт. В результате появилась книга под названием «Единственный живой свидетель», которая позволяет проникнуть в сокровенные мысли серийного убийцы.

Ранним субботним утром 16 августа 1975 года сержант полиции Боб Хейвард, высматривая пьяных водителей, медленно катил по спокойному пригороду Солт-Лейк-Сити, когда с тротуара, набирая скорость, съехал «фольксваген» и быстро помчался прочь. Хейвард начал преследовать его и, минуя два светофора, на которые водитель «фольксвагена» никак не отреагировал, у пустой газозаправочной станции наконец нагнал. Вылезший из машины высокий молодой человек приятной наружности был одет во все черное, согласно водительскому удостоверению, звали его Теодор Роберт Банди, он жил на Первой Авеню, 565. Когда Хейвард заглянул внутрь машины, то обнаружил маску из колготок с прорезями для глаз и пару наручников. Решив, что Банди, должно быть, грабитель, сержант задержал его. Арестованного доставили в местный полицейский участок, но некоторое время спустя выпустили под внесенный им же самим залог. Но когда несколько дней спустя об этом случае было доложено на рабочем совещании детективов, одному из них имя Банди показалось знакомым. Он сверился по картотеке, и, действительно, выяснилось, что Тед Банди подозревался в серии убийств на сексуальной почве, которые имели место в Сиэтле в прошлом году. Тогда эти убийства получили название «убийства Теда».

4 января 1974 года в Сиэтле,в доме, где размещалось студенческое общежитие, произошло странное

преступление на сексуальной почве. Вместе с Шарон Кларк здесь жили и другие студенты. Ее комната была на первом этаже. Когда во второй половине дня 5 января друзья хватились ее и пришли узнать, не проспала ли она, то увидели, что Шарон лежала без сознания, а ее лицо было залито кровью. Орудием преступнику послужил металлический прут, вырванный из кроватной спинки. Девушка не была изнасилована, но металлический прут был воткнут ей во влагалище, причинив разрывы. Пролежав более недели в коме, Шарон поправилась, но никакой информации по делу сообщить не могла: в результате нападения она получила сильную черепно-мозговую травму.

Казалось, что урок, извлеченный из этого случая, был ясен: входные двери следовало всегда держать под замком. Полиция предположила, что насильник, должно быть, видел в окно, как девушка раздевалась, а потом, обнаружив незапертую дверь, проник в комнату.

Тот же метод, похоже, был использован и в случае с Линдой Энн Хили, 21 года. Но, в отличие от Шарон, Линды не было в постели, когда к ней в спальню в полдевятого утра вошла другая студентка, чтобы узнать, почему будильник еще звонит. Поскольку кровать была аккуратно заправлена, она решила, что девушка уже ушла на занятия. И только вечером, когда к обеду приехали родители Линды, кто-то догадался откинуть на постели покрывало. Простыни и наволочка были залиты кровью. В чулане на вешалке висела испачканная кровью ночная рубашка Линды. Все выглядело так, словно преступник вошел в помещение, воспользовавшись входной дверью, которую, вероятно, открыл запасным ключом, хранившимся обычно в почтовом ящике. Он оглушил Линду, ударив по голове и, возможно, проломив череп. Потом по какой-то причине снял с нее ночную рубашку, может быть, для того, чтобы переодеть ее, и заправил постель. Если бы в его намерение входило изнасиловать

ее, то он смог бы сделать это на месте и тотчас же. Но происшедшее свидетельствовало о том, что мужчина не хотел спешить, а рассчитывал сполна получить удовольствие от обладания.

Через несколько дней в полиции раздался телефонный звонок, и неизвестный сказал, что преступник, напавший на Шарон Кларк и Линду Хили, был одним и тем же лицом. Звонивший сообщил также, что его видели возле обоих домов.

Две недели спустя 19-летняя Донна Гейл Мэнсон вышла из общежития кампуса Эверсгрин, что расположен на юго-западе от Олимпии, и направилась на концерт джазовой музыки. Когда она не вернулась, друзья не спохватились – уже не раз случалось, что Донна без предупреждения срывалась с места и куда-нибудь отправлялась, – и на протяжении шести дней об ее исчезновении не заявляли. В полиции узнали, что она была помешана на черной магии и всяких оккультных вещах, а также была подвержена депрессиям. Но к тому времени, когда вызвали полицейских, след уже давно был потерян.

Сьюзен Ранкорт была студенткой Центрального колледжа штата Вашингтон в Элленсбурге, что лежит по другую сторону Каскадных гор. Она была прелестной блондинкой и очень боялась темноты. 17 апреля 1974 года она договорилась встретиться со своей подругой, чтобы пойти на немецкий фильм, но не пришла. Как Линда и Донна, она просто исчезла. Когда детективы начали расспрашивать студентов о том, не видели ли они в последнее время на территории кампуса подозрительных личностей, одна из девушек рассказала прелюбопытную историю. За пять дней до того, как исчезла Сьюзен, она выходила из библиотеки и увидела высокого молодого человека приятной наружности с рукой на перевязи. Он выронил несколько книг и попросил девушку помочь донести их до машины. У него был желтовато-коричневый «фоль-

ксваген», припаркованный в нескольких сотнях ярдов. Когда она подошла поближе, то увидела, что сиденья для пассажира не было. Интуитивное чувство опасности заставило ее поспешно свалить книги на капот и побыстрее унести ноги.

В день исчезновения Сьюзен Ранкорт этот же человек повстречался другой девушке, которую он попросил донести до машины несколько свертков. Потом он попросил ее сесть на водительское место и попробовать завести машину, а он тем временем покопается под капотом. Но девушка не испытала желания залезать в чужую машину, под благовидным предлогом отказалась и поспешила прочь.

По дороге в кинотеатр Сьюзен должна была проходить мимо студенческой автостоянки...

Следующее исчезновение произошло 6 мая 1974 года. На этот раз не вернулась домой Роберта Кэтлин Паркс. Она ушла из кампуса Орегонского университета в Корвейсе в Студенческий союз. Но там она не появлялась. На этот раз никто ничего подозрительного не заметил – ни коричневого «фольксвагена», ни человека с рукой на перевязи. Похититель Кэти не оставил никаких следов.

Но совсем по-другому дело обстояло, когда 1 июня 1974 года пропала 22-летняя Бренда Кэрол Болл. Бренда жила в одной комнате вместе с двумя студентками возле колледжа Хайлайн Коммьюнити. В день своего исчезновения она провела некоторое время в таверне «Пламя» возле аэропорта в Сиэтле, откуда ушла в два часа ночи в надежде поймать попутную машину до дома в Бурьене. Ввиду того, что Бренда тоже порой надолго уходила или уезжала, об ее исчезновении подруги заявили в полицию только три недели спустя. Но было уже поздно, и к этому времени полиция только сумела разузнать, что в последний раз ее видели на автостоянке в компании молодого человека приятной наружности с рукой на перевязи...

Через девять дней 18-летняя студентка Джорганн Хокинс вышла из кампуса Бета Хаус, где жил ее приятель, чтобы пройти несколько сотен ярдов, что отделяли ее от собственной комнаты. Но домой она не пришла, и ее товарищи сообщили в полицию. Несколько студентов сказали, что в районе Бета Хаус видели незнакомца на костылях и с кейсом в руке. Одна студентка рассказала также о том, что человек несколько раз ронял кейс, и она предложила ему свою помощь. Но сначала ей нужно было зайти в общежитие. Это заняло у нее больше времени, чем она предполагала, и, когда она вышла, незнакомца уже нигде не было.

Линда, Донна, Сьюзен, Кэти, Бренда и Джорганн – шесть похищений за столько же месяцев. С началом июля полиция стала гадать, кто же станет седьмой жертвой.

Этот вопрос, поставленный в огромных газетных заголовках, замелькал в прессе по всей стране. Ответ был получен. 14 июля 1974 года молодой человек приятной наружности с рукой на перевязи похитил двух девушек из Государственного парка на Саммамиш Лейк. Более того, сделал он это открыто и нагло на глазах большого количества свидетелей. Парк, расположенный в 12 милях от Сиэтла, был излюбленным местом проведения пикников. Примерно в 12.15 к Дорис Грейлинг подошел молодой человек с волнистыми волосами и рукой на перевязи. Он попросил ее помочь ему поднять его лодку на крышу автомобиля. Она дошла с ним до машины – это был коричневый «фольксваген», – но он сказал, что лодка находилась дальше вверх по холму. Не желая идти с незнакомцем, она извинилась и ушла. Мужчина вежливо улыбнулся и тоже извинился. Затем он обратился к хорошенькой блондинке Дженис Отт, лежавшей в одиночестве на берегу озера. Когда он попросил ее помочь с лодкой, она пригласила его присесть и поговорить. Люди, сидевшие рядом, слышали, что он назвался Тедом.

Еще они отметили его акцент, канадский или даже английский. Наконец, поболтав с ним около десяти минут, Дженис прошла к его машине. На свое место на берегу она не вернулась.

Во второй половине дня 18-летняя Дениз Насланд, оставив компанию друзей, в которой был и ее парень, пошла в женский туалет. Через четыре часа, так и не дождавшись ее возвращения, приятели сообщили об этом смотрителю парка. Взявшаяся за расследование полиция узнала о том, что какой-то молодой человек с рукой на перевязи обращался к нескольким девушкам с одной и той же просьбой – помочь ему с лодкой. Причем одна из них отказала ему в помощи за несколько минут до исчезновения Дениз Насланд.

Ввиду того, что «Теда» видело так много народу, газеты Сиэтла смогли дать словесный портрет подозреваемого и поместить зарисовки художников. В результате полиция получила массу откликов, в которых высказывалось предположение о том, что подозреваемым мог быть студент юридического факультета Вашингтонского университета Тед Банди. Такое же предположение было высказано старой приятельницей Банди, криминальным репортером Анн Рул, а также подругой Теда, с которой он встречался четыре года. Но Банди был только одним подозреваемым из сотни других, число которых вскоре перевалило за 3500. Поначалу его кандидатура на роль подозреваемого казалась наименее вероятной. Он был вполне порядочным, доброжелательным парнем, который принимал деятельное участие в предвыборной кампании. Кроме того, он работал в комиссариате по уголовным преступлениям и Отделе юстиции. Также маловероятным представлялось то, что преступник стал бы называть свое настоящее имя в присутствии такого количества свидетелей. В скором времени имя Банди оказалось чуть ли не в самом конце списка подозреваемых.

6 сентября 1974 года группа охотников на куропа-

ток в двух милях к востоку от парка у озера Саммамиш наткнулась в кустарнике на человеческие кости. По зубам было установлено, что это были останки Дженис Отт и Дениз Насланд. Там же была обнаружено бедренная кость, не относившаяся к обнаруженным останкам, определить ее принадлежность не представлялось возможным.

По мере того как шло время, стало казаться, что «сиэтлские убийства» прекратились. Но по странному совпадению похожая серия убийств началась в Солт-Лейк-Сити, куда переехал Тед Банди, став студентом юридического факультета в университете Юты.

Сырым ноябрьским вечером 1974 года в торговом центре в Мюррее, пригороде Солт-Лей-Сити, к 18-летней Кэрол да Ронч подошел хорошо одетый молодой человек приятной наружности.

«Простите, мисс, я – офицер полиции. Вы припарковались на автостоянке Сиарс?»

«Да».

«Номер вашего автомобиля?»

«KAD – 32».

«Мы задержали человека, который пытался взломать его. Не могли бы вы пройти со мной и проверить, все ли цело?»

Автостоянка располагалась в некотором отдалении от центра. Моросил дождик. По пути Кэрол заметила, что «офицер полиции» предпочитал следовать за ней, словно не знал, куда идти. Она попросила:

«Пожалуйста, предъявите мне свое удостоверение».

Мужчина извлек из внутреннего кармана бумажник и открыл его. В сумерках Кэрол увидела, что в нем блеснуло нечто похожее на полицейский значок, это успокоило ее.

Увидев, что ее машина не повреждена и дверцы заперты, она вздохнула с облегчением. Открыв дверцу с водительской стороны, она сказала «полицейскому», что все в порядке. Когда мужчина нагнулся,

чтобы открыть дверцу со стороны пассажира, девушка заметила во внутреннем кармане его зеленого спортивного джемпера пару блестящих наручников.

«Мой напарник отвел подозреваемого в отделение по ту сторону торгового центра. Не пройдете ли вы со мной?»

В душе девушки шевельнулось подозрение. Но мужчина, бывший лет на десять старше ее, выглядел серьезным и спокойным. Продолжать задавать ему вопросы она не осмелилась. По другую сторону торгового центра он подвел ее к зданию, где, как он утверждал, располагалось «их отделение»: Кэрол и не подозревала, что это была прачечная-автомат. Толкнув боковую дверь, он заметил, что напарник, должно быть, отвез правонарушителя в полицейский участок, и попросил Кэрол поехать с ним, чтобы написать заявление.

«Как вас зовут?» – спросила она, когда они подошли к видавшему виды «фольксвагену».

«Офицер Роузленд из Мюррейского отдела полиции».

На полицейскую машину автомобиль не походил. Он весь был поцарапан и помят. Забравшись внутрь, она заметила дыру на заднем сиденье.

В замкнутом пространстве салона девушка ощутила запах алкоголя, исходившего от незнакомца. Когда же он развернул машину на 180 градусов и поехал в направлении, противоположном полицейскому участку, неясное беспокойство сменилось настоящей тревогой. Через несколько минут «фольксваген» свернул на боковую улочку и с визгом остановился перед темным зданием высшей школы, заехав передними колесами на тротуар. Прошло немало времени, прежде чем Кэрол сообразила, что ее похитили.

Но осознав, что случилось, она рванула ручку дверцы и распахнула ее. Мужчина с немыслимой быстротой схватил ее за запястье и защелкнул наруч-

12 Зак. 1759

ники. Однако, когда он попытался схватить вторую руку кричащей, сопротивляющейся девушки, то допустил ошибку и защелкнул наручник на том же запястье. Потом он вынул пистолет и приставил к ее голове, угрожая выстрелить. Напуганная до смерти, Кэрол не понимала, что делает. Она снова рванула ручку дверцы и вывалилась наружу. Мужчина с металлическим стержнем в руке выскочил за ней. В это мгновение их осветили фары приближающегося автомобиля. Кэрол с криком бросилась навстречу спасению, а «фольксваген» с визгом умчался прочь.

Полчаса спустя в полицейском участке доведенная до истерики девушка рассказывала свою историю сержанту полиции. На белой меховой оторочке ее пальто он заметил несколько капель крови – по-видимому, Кэрол, сражаясь, поцарапала обидчику лицо. Сержант собрал образцы крови и отправил на судмедэкспертизу.

В высшей школе Вьюмонта, в нескольких милях от Мюррея, собралась группа студентов и родителей, чтобы посмотреть комедию «Рыжая голова», поставленную студенческим драматическим обществом. Преподаватель сценического мастерства Жанна Грэм внешне напоминала Кэрол да Ронч – такая же высокая, очаровательная, с длинными каштановыми волосами, разделенными прямым пробором. Занавес вот-вот должен был подняться. Она шла в гримерную, когда к ней подошел высокий, приятной наружности молодой человек и попросил пройти с ним, так как не мог узнать свой автомобиль среди других, заполнивших стоянку. Но Жанна Грэм очень спешила и твердо ответила, что у нее нет на это времени. Будучи не столь застенчивой, как Кэрол да Ронч, она хорошо разглядела незнакомца и запомнила, что у него были каштановые вьющиеся волосы и усы. Кроме прекрасно скроенной спортивной куртки, на нем были брюки-слаксы и отличные кожаные туфли. Он оказался довольно на-

стырным – в первый перерыв все еще околачивался здесь же и полчаса спустя снова попросил ее сходить на автостоянку: «Это займет всего несколько секунд». К счастью для нее, Жанна по-прежнему была занята и снова отказалась.

Среди зрителей присутствовала 17-летняя девушка Дебби Кент. Она была здесь вместе с родителями и сидела, как на иголках. На катке остался ее брат Блэр, которого она обещала забрать, но спектакль затягивался, и мальчик, возможно, уже волновался, почему за ним не приехали. Отец Дебби незадолго до этого перенес сердечный приступ и только начал выздоравливать, поэтому Дебби не хотелось его беспокоить. По этой причине она решила не оставаться до конца спектакля и поехать за братом.

Представление близилось к финалу, и Жанна Грэм, радуясь, что все позади, сидела на последнем ряду, когда открылась дверь, вошел красивый парень и занял место напротив. Он тяжело дышал, словно после долгой пробежки, впереди сидевшие люди с раздражением стали оборачиваться. Когда занавес наконец упал, парень поднялся и поспешно вышел.

Школа постепенно опустела, и родители Дебби уже начали нервничать: девушке давно пора было бы вернуться. В конце концов они решили дойти до дома приятелей, живших поблизости. По дороге они заметили, что их автомобиль стоял там же, где они его оставили. Стало ясно, что дочь на каток не ездила.

Следующим утром полиция, взявшаяся за расследование исчезновения Дебби, обыскала школьный двор. Сразу у южного входа в здание недалеко от автостоянки они нашли ключ от наручников. Жители соседнего многоквартирного дома сообщили, что предыдущим вечером сразу после десяти слышали два пронзительных крика, донесшихся со стороны автостоянки. И только тогда, когда полицейские установили, что потерянный ключ подходил к наручникам, оставшимся на

запястье Кэрол да Ронч, они смогли воссоздать картину того, что, во всей вероятности, произошло. Описание «полицейского», подходившего к Кэрол, и настойчивого молодого человека, докучавшего Жанне Грэм, были слишком схожими, чтобы оказаться простым совпадением. После неудачи с Кэрол он предпринял вторую попытку и, как только Дебби Кент появилась на стоянке, схватил ее. Прежде чем он оглушил ее, воспользовавшись, очевидно, металлическим прутом, она успела вскрикнуть. Но тогда зачем нападавшему понадобилось вернуться в школьное здание? Вероятно, потому, что он знал , что крики жертвы были слышны, и не хотел, чтобы его и без того заметный «фольксваген» видели отъезжающим с места происшествия. Если же остаться в зале вместе со всеми, рассудил он, то интерес окружающих к его персоне будет не столь пристальным. Итак, он вернулся в школу, дождался завершения спектакля, а потом спокойно отъехал, увозя с собой бесчувственную жертву. Все это свидетельствовало об исключительной расчетливости и хладнокровии человека, который в этой «игре» с обманом и похищением новичком не был...

За последние пять недель Дебби Кент стала четвертой девушкой, исчезнувшей в районе Солт-Лейк-Сити. Первой была 16-летняя Нэнси Уилкокс, капитан болельщиков из высшей школы. 2 октября 1974 года Нэнси поссорилась с родителями и, по-видимому, согласилась сесть в «фольксваген», дружелюбно распахнувший перед ней дверцу. С тех пор ее не видели. 18 октября 17-летняя Мелисса Смит, дочь начальника полиции Мидвейла, поздно ночью вышла из пиццерии в надежде поймать попутную машину. Но домой она не вернулась. Девять дней спустя в парке Саммит было найдено ее раздетое тело со следами насилия и признаками удушения. Лицо было так сильно изуродовано, что даже отец не сразу опознал ее.

Еще одна девушка-подросток, Лора Эйми, отпра-

вилась 31 октября на праздник, посвященный кануну Дня всех святых. Она была шести футов ростом, отличная наездница и, по мнению большинства, вполне могла за себя постоять. По-видимому, где-то около полуночи она остановила машину и села в нее. Тело Лоры со следами насилия и побоев было обнаружено в горах четыре недели спустя, 27 ноября 1974 года.

На этом исчезновения прекратились – во всяком случае, в районе Солт-Лейк-Сити. Несколько девушек пропали в соседнем Колорадо в 1975 году, однако те исчезновения ничто не связывало с похищениями в Юте. В субботу 16 августа 1975 года сержант полиции Боб Хейвард задерживает Теодора Банди в Солт-Лейк-Сити после автомобильной погони, обвинив при этом в попытке совершить правонарушение. Три дня спустя детектив Джерри Томпсон обнаруживает, что на Теодора Банди имеется дело, присланное в его офис полицейским из Сиэтла, Бобом Кеппелем. Оказывается, Банди возглавил список подозреваемых по делу об «убийствах Теда», совершенных годом раньше. Но, по правде говоря, Кеппель в конце концов решил, что Банди был «чист» – трудолюбивый студент-юрист со степенью по психологии, полученной в Вашингтонском университете, казалось, не мог иметь ничего общего с сексуальным маньяком. Правда, наличие в его машине металлического прута, наручников и маски из колготок значительно пошатнули создавшееся представление. В этот момент Томпсон припомнил еще кое-что: попытку похищения Кэрол да Ронч. Ее тоже заковали в наручники и угрожали ей металлическим прутом. Похититель, как и Банди, сидел за рулем видавшего виды «фольксвагена».

Когда через два дня Банди повторно арестовали, то никаких признаков беспокойства он не проявил. Он был достаточно сведущ в юриспруденции, чтобы знать, что едва ли стоит принимать всерьез обвинения в провозке инструментов для взлома. При допросе он

проявил спокойствие и выдержку, с которой еще предстояло столкнуться детективам, поставившим перед собой задачу доказать его участие в убийствах. Маску из колготок он надевал, катаясь на лыжах, чтобы предохранить лицо от обветривания. Наручники нашел в мусорном баке. Ледоруб и металлический прут были всего лишь частью его автомобильного инвентаря.

Естественно, он спокойно согласился на проведение обыска в его квартире.

Как и следовало ожидать, ничего подозрительного полицейские и не нашли – у Теда была целая неделя в запасе, чтобы убрать все. Но когда Томпсон заметил несколько рекламных проспектов об отдыхе в Колорадо, он вспомнил, что в прошлом году там пропало несколько девушек. Когда Банди спросили, не бывал ли он там, тот ответил отрицательно. Брошюры и карты были оставлены в квартире его приятелями. В ящике Томпсон заметил еще несколько счетов. Кое-что из обнаруженного он забрал с собой.

Вернувшись в офис, Томпсон связался с полицией Колорадо, чтобы узнать об исчезновениях девушек в этом штате. Он сказал, что карта выглядела вполне новой, но вот в одной из брошюр возле отеля «Дикий лес в снегах» стоял крестик.

По другую сторону провода послышалось восклицание: «Там в январе исчезла девушка по имени Карин Кэмпбелл! Тело ее нашли месяц спустя, она была до смерти избита и изнасилована».

Вдруг забрезжила какая-то надежда. Если бы Кэрол да Ронч смогла опознать в Банди своего похитителя, то можно было бы возбуждать дело. Но здесь у Томпсона возникла проблема. От пережитого Кэрол испытала такое потрясение, что почти ничего не помнила. Просматривая кипу фотографий, она смогла лишь только сделать заявление, что Банди был похож на ее похитителя, но не больше. Но когда они решили

показать ей «фольксваген» Банди, то выяснилось, что он только что заново покрасил свою машину.

1 октября удача как будто улыбнулась Томпсону. Банди отвезли в зал суда для проведения идентификации. Опознать его должны были Кэрол да Ронч и Жанна Грэм – преподаватель сценического мастерства, а также одна студентка из Вьюмонтской высшей школы. Несмотря на то, что Банди сбрил усы, коротко постригся и расчесал волосы на косой пробор, все трое его узнали. Вечером того же дня судья подписал предъявленное ему обвинение в похищении и попытке убийства.

В течение суток имя Теда Банди запестрело в газетных заголовках по всей Америке. К этому времени на Тейлор Маунтин в 20 милях от Сиэтла были обнаружены останки еще четырех сиэтлских жертв – Линды Хили, Сьюзен Ранкорт, Кэти Паркс и Бренды Болл. Все это наводило на жуткие мысли. У похитителя могла быть только одна цель – поразвлечься со своими пленницами на славу, а потом задушить или избить до смерти. Предположения о том, что случилось в парке у озера Саммериш, когда исчезли сразу две девушки, казались ужасающими. Мужчина, только что похитивший и изнасиловавший девушку, вряд ли пойдет на второе похищение всего два часа спустя. «Тед», по всей видимости, хотел испытать, что значит насиловать двух девушек сразу, возможно, проделывая это со второй на глазах у первой. Было ясно, что это был не просто сексуальный маньяк: он был самым настоящим монстром в человеческом облике. По этой причине новость о том, что Банди предъявлено обвинение, облетела все газеты Соединенных Штатов.

Через восемь недель он был выпущен под залог в 15 000 долларов – эти деньги заняла его мать. Она, очевидно, ничуть не сомневалась в его невиновности. Так же, как и его товарищи по университету Солт-Лейк-Сити – все они были убеждены в том, что

полицейские «шили ему дело». Две его бывшие подружки такой твердой уверенности не проявляли. На протяжении последних пяти лет он был обручен с девушкой из Сиэтла, но пыл ее несколько угас после того, как она увидела наброски предполагаемого «Теда», сделанные художником. Когда в ящике Банди она нашла гипс, то сообщила о своих подозрениях в полицию. Последняя его девушка также описывала, как он любил связывать ее нейлоновым шнурком перед тем, как заниматься сексом.

Конечно, это не могло свидетельствовать о том, что он убийца. Доказательством могло бы быть совпадение группы крови Банди с группой крови, следы которой были обнаружены на меховой оторочке пальто Кэрол да Ронч и которая оказалась там в результате борьбы Кэрол с похитителем. Волосы, найденные в его машине, были идентичны волосам Кэрол да Ронч и Мелиссы Смит. Десять лет спустя, когда был открыт «генетический отпечаток пальца», одного анализа крови было бы достаточно, чтобы доказать невиновность или вину Банди. Но в 1975 году ни кровь, ни волосы не могли играть решающей роли. Также не мог служить доказательством и тот факт, что чеки, оплаченные кредитными карточками, свидетельствовали о том, что Банди был в Колорадо в тот период, когда там пропадали девушки.

Когда 23 февраля 1976 года Банди наконец предстал перед лицом закона в зале суда в Солт-Лейк-Сити, еще одно стало очевидным: большинство присутствовавших были совершенно уверены в том, что полиция совершила ошибку. Этот внешне привлекательный, чисто выбритый, обладавший хорошей дикцией и правильной речью парень просто не мог быть монстром «Тедом». Скорее, он походил на молодого работника административного аппарата.

Несмотря на то что «Теда» опознала Кэрол да Ронч, дело казалось шатким и держалось на косвен-

ных уликах. Тактика защиты строилась на том, что их клиент стал жертвой серии невероятных совпадений. Но все же обвинение, выдвинутое против Банди, еще продолжало выглядеть убедительным до тех пор, пока на четвертый день судебного разбирательства он сам не начал давать показания. Нельзя сказать, что он как-то неправильно держал себя: его поведение выглядело слишком правдоподобным, слишком естественным. Объясняя, почему он удирал от полицейской машины, Банди сказал, что курил «травку» и, отъезжая, выбросил окурок из окошка. Он был слишком хитер и слишком самоуверен, чтобы казаться искренним. В заключительной речи прокурор вынужден был признать, что улики были косвенными. Однако, когда он задал вопрос, может ли такое количество косвенных улик указывать на совершенно постороннего человека, в суде не осталось никого, кто мог бы усомниться в силе такого довода. Тем не менее, прокурор хорошо понимал, что дело может еще повернуться в другую сторону. И только в следующий понедельник, когда судья Стюарт Хансон объявил: «Считаю Теодора Роберта Банди виновным в похищении с отягчающими обстоятельствами», – прокурор понял, что выиграл. Пока приговор еще не был произнесен, Банди даже всхлипнул пару раз, умоляя не отправлять его в тюрьму. Но судья остался непоколебим и приговорил его к тюремному заключению сроком от одного года до 15 лет.

Теперь стало совершенно очевидно, что если Банди был тем человеком, кто похитил Кэрол да Ронч, тогда он является также и похитителем Дебби Кент из Вьюмонтской высшей школы. Все это, в свою очередь, указывает на него как на основного подозреваемого в серии остальных похищений в Солт-Лейк-Сити. А поскольку оплаченные его кредитной карточкой чеки свидетельствуют о том, то в 1975 году он несколько раз был в Колорадо (как раз тогда, когда там пропадали

женщины), следовательно, вероятность того, что Банди был тем самым серийным убийцей-сексуальным маньяком, была высока.

В январе 1977 года Банди был переведен в Аспен, Колорадо. Власти Колорадо обнаружили серьезные улики, подтверждавшие его причастность к насильственному уводу Карин Кэмпбелл. В ночь ее исчезновения в отеле видели человека, описание внешности которого совпадало с описанием внешности Банди. Среди волос, найденных в салоне его «фольксвагена», оказались и те, что соответствовали волосам Карин Кэмпбелл. Удар по голове Карин мог быть нанесен и ломиком, найденным в машине Банди. Чек, оплаченный его кредитной карточкой, подтверждал, что во время исчезновения девушки по имени Джулия Каннингем Банди находился в том же районе: служащий газовой станции узнал его. По всем данным, новое дело против Банди выглядело куда более убедительным, чем дело в Солт-Лейк-Сити.

В колорадской тюрьме Банди стал популярным заключенным. Свойственные ему обаяние, ум и чувство юмора служили для многих из его товарищей по заключению доказательством его невиновности. Он решил выступить в суде в качестве собственного защитника. По этой причине в зал заседания его доставили без наручников. Прокурор округа назвал его «самым наглым из всех людей», которых он когда-либо видел. По мере приближения дня суда Банди становился все более агрессивным, мрачным и начинал терять присутствие духа.

Утром 7 июня 1977 года Банди предстал перед судом в Аспене и слушал, как сражался общественный защитник против вынесения смертного приговора. В обеденный час он прошел в библиотеку на втором этаже. Через несколько минут какая-то женщина видела, как на траве под окном приземлился мужчина и, прихрамывая, пошел вниз по улице. Она спросила

полицейского: «Скажите, это в порядке вещей, что люди выпрыгивают здесь со второго этажа?» Проклиная все на свете, полицейский бросился в библиотеку. Как он и ожидал, Банди здесь уже не было.

В это время он уже добрался до тесного речного ущелья. Сбросив рубашку и брюки, он стал похож на бегуна. Запихнув одежду в свитер, он связал ее в виде свертка и пошел вверх по дороге, ведущей в аспенские горы. Мимо проносились автомобили, водители которых не обращали на Банди никакого внимания. Потом, уже в горах, он нашел заброшенную хижину, в которой провел два дня. Но, снова отправившись в путь, он как-то умудрился просмотреть свои следы и сделал круг, вернувшись на прежнее место. Угнав «кадиллак», он попался полиции на глаза и был снова арестован неподалеку от здания, откуда несколькими днями раньше совершил побег. Он похудел и выглядел усталым.

На протяжении шести месяцев продолжался юридический спор о том, что может быть принято следствием во внимание, а что нет. Обвинению требовались факты относительно других девушек, пропавших в Юте. Банди сражался из последних сил, пользуясь тактикой бесконечных проволочек.

В 7 часов утра 31 декабря 1977 года охранник в тюрьме округа Гартфилд оставил поднос с едой у камеры Банди, бросив взгляд на фигуру спящего на койке. Когда настало обеденное время, поднос оставался все еще нетронутым, а лежавший не шевелился. Как выяснилось, на самом деле это была стопка сложенных под одеялом книжек и подушек. Дыра в потолке вокруг светильника указывала на то, что с помощью лезвия ножовки Банди во второй раз сбежал из заточения. К тому времени, когда подняли тревогу, Банди был уже в Чикаго.

Таллахасси, столица штата Флорида, казалось, чем-то похожа на Сиэтл. Об этом напоминали, в

частности, раскрепощенная атмосфера и приятный университетский кампус.

Прошло уже две недели с тех пор, как Тед Банди сбежал из Колорадо, но вряд ли эта новость могла так быстро достичь юга. И в студенческом общежитии под названием «Дубы» вряд ли кого мог заинтересовать новичок по имени Крис Хейген, снявший маленькую бедную комнату за 80 долларов в месяц. Те несколько человек, что разговаривали с ним, нашли его умным и обаятельным. Было похоже, что незнакомец предпочитал проводить время в одиночестве. Никому и в голову не приходило, что у Криса Хейгена за душой и гроша ломаного не было и, чтобы не умереть с голоду, ему приходилось воровать в супермаркетах.

В 3 часа ночи в воскресенье 15 января 1978 года Нита Ниари попрощалась со своим приятелем и вошла в здание университетского женского общежития «Чи Омега» на окраине кампуса. Кто-то оставил включенным свет, и она погасила его. Потом она услышала звуки шагов на лестнице и увидела мужчину, спешившего к входной двери. Когда незнакомец открыл ее, то девушка заметила, что на нем была какая-то темная вязаная кепка, а в руках он держал нечто вроде деревянной дубинки.

Сначала она решила, что какая-то девушка, должно быть, тайком провела к себе приятеля. Но этот человек был похож на грабителя, что насторожило ее. Она поднялась наверх и подняла своих подруг, отправив двоих из них будить кого-нибудь из администрации. Пока они разговаривали, дверь открылась, и в комнату нетвердой походкой вошла девушка, руками она крепко сжимала голову. Это была Карен Чандлер. Мгновение спустя они увидели, что волосы ее пропитались кровь. Они бросились в комнату Карен, в которой та жила вместе с Кэти Клейнер. Кэти, покачиваясь, сидела в кровати, по ее лицу текла кровь.

Полиция явилась спустя несколько минут. Вскоре

стало ясно, что нападение было совершено еще на двух девушек, Маргарет Баумен и Лайзу Леви, и что Маргарет, задушенная колготками, была мертва, Лайза Леви умерла по дороге в больницу. С Маргарет Баумен с такой силой сдернули трусы, что содрали ей кожу. У Лайзы Леви были почти откусаны соски, кровь рекой лилась из прямой кишки и влагалища. На ее левой ягодице также был обнаружен след укуса.

Полтора часа спустя в небольшом блочном доме, расположенном через шесть домов от места происшествия, шум, доносившийся из соседней комнаты, занимаемой Черил Томас, заставил проснуться Дебби Сикарелли. Через минуту она услышала всхлипывания и разбудила свою подругу, они вместе прислушались к звукам. Потом Дебби попробовала набрать номер телефона Черил. Когда раздался звонок, послышался глухой звук удара и шум убегающих ног. Через минуту дом был заполнен полицией, которая незамедлительно явилась сюда прямо из здания «Чи Омега». Черил Томас была в бессознательном состоянии, окровавленное постельное белье валялось на полу. Тут же поблизости лежала деревянная дубинка. Черил выжила после такого жестокого избиения, как выжили и Карен, и Кэти.

Новость об убийствах в «Чи Омеге» благодаря газетчикам распространилась по всей Америке, хотя никому не пришло голову искать Банди так далеко, во Флориде. Крис Хейген по-прежнему вел в «Дубах» замкнутый образ жизни. Правда, говорили, что по ночам он пил и его часто видели пьяным.

Действительно, теперь он жил только за счет воровства кредитных карточек и продуктов. Еще он весьма преуспел в краже женских кошельков. 5 февраля 1978 года он угнал со стоянки белый «додж»-фургон и направился в сторону Джексонвилля. Два дня спустя, в среду, 8 февраля, на улице Джексонвилля к 14-летней девочке Лесли Парментер подошел «неряшливо оде-

тый» мужчина с двухдневной щетиной и попытался заговорить с ней, но казался смущенным и неуверенным в себе. В это время к ним подъехал ее 21-летний брат. Он намеревался отвезти сестру домой и спросил незнакомца, что тому нужно. Человек ответил что-то невразумительное и отошел к своему белому фургону. Данни Парментер проследил за ним взглядом и, когда тот отъехал, записал номер автомобиля.

Утром следующего дня Крис Хейген вышел из местной «Холидей Инн», даже не удосужившись расплатиться украденной кредитной карточкой. Он бесцельно катался по району, пока наконец не оказался возле средней школы младшей ступени Лейк-Сити.

Как только начался первый урок – гимнастики, – 12-летняя Кимберли Лич вдруг вспомнила, что оставила кошелек в другой комнате и попросилась выйти, чтобы забрать его. Но только в два часа кто-то хватился, что она не вернулась, и позвонил ее матери. Теперь сомнений быть не могло – Ким Лич исчезла.

Днем Крис Хейген вернулся в Таллахасси. Вечером он пригласил девушку на обед, расплатившись украденной кредитной карточкой. Вел он себя безупречно. Но поздно вечером, после того, как полицейский изучающим взглядом окинул белый «додж», он по пожарной лестнице выбрался из помещения и угнал оранжевый «фольксваген», в котором хозяин непредусмотрительно оставил ключи. Теперь путь его лежал на запад, в сторону Пенсаколы.

Ранним утром в среду 15 февраля 1978 года патрульный Дэвид Ли увидел, как из переулка выехал какой-то странный оранжевый «фольксваген». Он назвал его номер и сделал запрос по радио. В ответ получил сообщение, что машина была угнана. Когда он замигал фарами, водитель нажал на акселератор, но тут же притормозил. Полицейский приказал водителю выйти из машины и лечь на землю. Подозреваемый повиновался, но, выходя из салона, сбил патрульного с

ног и бросился бежать. Ли вынул пистолет и открыл огонь. Незнакомец рухнул на тротуар. Но когда Ли склонился над ним, чтобы перевернуть, тот нанес ему сильный удар в челюсть. Несколько минут они отчаянно сражались, пока наконец полицейскому не удалось защелкнуть на запястьях задержанного наручники.

По дороге в полицейский участок подозреваемый мрачно заметил: «Жаль, что ты не застрелил меня».

В полицейском участке задержанный утверждал, что его имя Кеннет Миснер, в подтверждение чего предъявил свидетельство о рождении и удостоверение личности. Но вскоре полиция узнала, что эти документы были похищены в Таллахасси у настоящего Кеннета Миснера. Прошло еще 24 часа, прежде чем следователи из Пенсаколы, подслушав телефонный разговор заключенного, поняли, что арестовали человека по имени Тед Банди. Однако это имя им совершенно ни о чем не говорило.

Рано утром окончательно деморализованный и обессиленный Банди записывал на магнитофон свои показания. Его целью, как он объяснил, была попытка заставить следователей понять его. По его словам, все началось тогда, когда он увидел девушку на велосипеде: «Я понял, что должен немедленно овладеть ею». И, несмотря на то, что она убежала, его будущее отныне было предопределено: «Иногда я чувствую себя подобно вампиру». Но от обвинения в причастности к нападениям в здании женского общежития в кампусе он отказывался.

Почти два месяца спустя, 7 апреля 1978 года полицейские дорожного патруля заглянули в старый сарай возле Национального парка на реке Сувонни и увидели ногу в спортивной тапочке. В сарае оказалось раздетое полуразложившееся тело Кимберли Лич. Травмы в области таза свидетельствовали о сексуальном характере нападения. Причиной смерти стал «смертельный удар в область шеи». Один из почув-

ствовавших дурноту блюстителей закона заявил: «Этого Банди мы должны отправить на электрический стул».

Но Банди сумел взять себя в руки. Он снова стал настаивать на своей полной невиновности и утверждать, что его очевидная причастность к серии убийств на сексуальной почве является не более, чем результатом цепи случайных совпадений.

Банди был прав в одном: все имевшиеся против него улики были косвенными. Все, кроме одной: следа от укуса на ягодице Лайзы Леви.

Три недели спустя после того, как было найдено тело Кимберли Лич, полицейские держали упиравшегося изо всех сил Банди и снимали с его зубов слепки. Слепок прикуса, как никакое иное свидетельство, мог бы наконец изобличить его.

И опять Банди решил защищать себя сам. Тактика проволочек позволила ему добиться перенесения слушания дела с октября 1978-го на июнь 1979 года. Но потом он внезапно переменил решение и согласился воспользоваться услугами общественных защитников. Однако после того, как ему стало ясно, что они хотят пойти с ним на сделку, а именно: добиться признания в убийствах Лайзы Леви, Маргарет Баумен и Кимберли Лич в обмен на обещание избавить его от смертного приговора, Банди отказался от их услуг. В его преступной карьере это была третья крупная ошибка. Первые две заключались в его небрежной манере вождения автомобиля, ставшей дважды причиной его арестов. Третья ошибка окажется наиболее серьезной из всех.

Суд начался 25 июня 1979 года. Сначала Банди даже удалось добиться некоторого успеха. Он настоял на перенесении слушания дела из Таллахасси в Майами, поскольку присяжные из Таллахасси, на его взгляд, не могли быть объективными. Но во всем остальном Банди начал довольно быстро сдавать пози-

ции. Улики против него были ужасающими: девушка по имени Нира Ниари видела, как он выходил из здания женского общежития, маска из колготок, найденная в комнате Черил Томас, была идентична той, что лежала в его автомобиле. Но основным было то, что следы зубов на ягодице Лайзы Леви полностью совпадали, по словам стоматологических экспертов, со слепком зубов Банди. Вторую победу Банди одержал тогда, когда судья заявил, что представленные полицией Пенсаколы магнитофонные ленты с «признаниями» Банди не могут приниматься в расчет, поскольку при их записи не присутствовал адвокат подозреваемого. В то время, когда сам Банди продолжал считать, что в суде все пока складывается благоприятно для него, все остальные присутствовавшие уже больше не сомневались в том, что улики обвинения были более вескими. Общественный защитник Маргарет Гуд произнесла речь в защиту Банди, подчеркнув все слабые места обвинения. Но все было тщетно. 23 июля 1979 года суду присяжных понадобилось всего семь часов, чтобы решить, что Банди был виновен по всем предъявленным многочисленным обвинениям. Когда ему дали последнее слово, Банди в который уже раз попытался разыграть оскорбленную невинность и со слезами в голосе заметил: «Мне кажется несколько абсурдным взывать о милосердии, когда я ничего такого не совершал». После этого судья Эдвард Д.Коварт произнес приговор: «Смерть на электрическом стуле». Свою речь он закончил такими словами: «Я не держу на вас зла, поверьте мне. Но вы пошли не тем путем, коллега. Позаботьтесь о себе сами».

Этими словами заканчивается первая из многочисленных книг о Банди. Но сама история Теда Банди еще была далека от завершения. Ожидая казни на электрическом стуле в тюрьме Рейфорда, Тед Банди продолжал с упорством бороться за свою жизнь. 7 января 1980 года он предстал перед судом в Орландо

по обвинению в убийстве Кимберли Лич. При этом были продемонстрированы цветные слайды тела; медицинская экспертиза показала, что девочка была изнасилована в фургоне, затем одета и отвезена в хижину, где повторно была раздета и, вероятно, подверглась извращенному половому акту. 7 февраля 1980 года Банди снова был признан виновным. Опять он дал волю слезам. Два дня спустя он женился на разведенной женщине по имени Кэрол Бун, имевшей 10-летнего сына. Она продолжала верить в его невиновность. Банди тоже не сдавался.

Еще перед процессом в Майами Банди решил придать «своему делу широкую огласку». В 1978 году он заявил, что желает переговорить с профессиональным писателем. Тогда Стивен Мишо и Хью Эйнсуорт решили по очереди приходить к нему в тюрьму и брать интервью. Будучи самым известным заключенным в тюрьме, он чувствовал, что заслуживает написания такой же полной биографии, как и такие личности, как Фрэнк Синатра и другие. Он словно своими глазами видел эту добрую книжку, которая, на его взгляд, должна была начаться с заявления о его невиновности. Мишо и Эйнсуорт очень хотели бы написать такую книгу, но чем глубже они анализировали дело Теда Банди, тем острее чувствовали, что их подопечный виновен. Оба они видели, что характерной чертой их «персонажа» была эмоциональная незрелость и практически безграничный самообман, каждый раз обретавший новые формы: «Инфантильность и душевная незрелость его поведения были столь очевидны, что он казался подобным ребенку, совершившему проступок, ребенку, который, несмотря на все указующие на него улики, все равно будет все отрицать просто из чувства противоречия». Банди оказался искусным мастером лжи, увиливания, умения находить для себя оправдания и ссылаться на провалы в памяти. Постепенно он развил в себе способ-

ность «свободно размышлять» о мотивах и характере убийцы. Он с таким энтузиазмом пускался в высокомерные рассуждения на эту тему, что наговаривал километры магнитофонной пленки.

Книга «Единственный живой свидетель» (1983 год) повествует о «преступнике-одиночке», помешавшемся на сексе, каждый шаг которого был шагом на пути превращения в сексуального маньяка-убийцу. Он увязал в преступлениях, как человек вязнет в болотной топи.

Для Мишо и Эйнсуорта самым поразительным фактом в истории Банди было то, что он происходил из совершенно нормальной семьи. В детстве ему не приходилось страдать от лишений и недоедания, он не подвергался ни физическим наказаниям, ни сексуальным домогательствам, не пережил никаких серьезных травм и не знал жестокого обращения.

Теодор Роберт Банди был незаконнорожденным сыном респектабельной и религиозной молодой секретарши Луизы Коуэлл. Он родился 24 ноября 1946 года в приюте для незамужних матерей неподалеку от Филадельфии. Мать выбрала для него имя «Теодор» потому, что оно означает «подарок Бога». Личность отца осталась неизвестной, и сама Луиза на эту тему предпочитала не распространяться. (Однажды Банди в разговоре со своими интервьюерами упомянул о том, что пошел характером в своего вышедшего на пенсию деда, бывшего садовника, обладавшего характером настоящего тирана.) Луиза жила в доме своих родителей, которые говорили соседям, что мальчик был их приемным ребенком. Его дед и бабка обращались с Тедом так, как если бы он был их собственным сыном. Когда ему исполнилось четыре года, мать его решила попытаться начать все сначала и отправилась погостить у родственников в Такоме (пригороде Сиэтла). На церковном вечере она познакомилась с легкомысленным южанином, Джоном Банди, только что уволив-

шимся из военно-морского флота. Он устроился поваром в госпитале для ветеранов и проработал там всю свою оставшуюся жизнь. Теду его новый отец показался скучным и необразованным. Но в целом мальчик не имел ничего против него. Не проявлял он также никаких отрицательных эмоций в отношении своих новых братьев и сестер.

Тед был сверхчувствительным и самолюбивым мальчиком, мечтавшим о славе и богатстве. Он воображал, что его усыновил известный ковбой Рой Роджерс и даже попросил сделать это своего дядю Джека, профессора музыки из Такомы. Очень рано он пристрастился к воровству, и лживость стала его второй натурой – так часто бывает с детьми, у которых богатое воображение. Но в школе он получал отличные отметки и вскоре стал активным бойскаутом и хорошим спортсменом. Позже он научился превосходно кататься на лыжах, хотя наверняка его дорогая спортивная экипировка была где-то украдена.

На первом курсе колледжа он был довольно одиноким, застенчивым и молчаливым. Желание как-то «отличиться» толкнуло его на изучение китайского языка. В возрасте около 20 лет он безумно влюбился в свою сокурсницу Стефани Брукс, она была изысканной красавицей из богатой семьи. К этому времени манера поведения Теда уже отличалась тем обаянием и утонченностью, что так привлекали к нему женщин, и они обручились. Желая произвести впечатление на Стефани и ее семью, Тед поступил в Стэнфордский университет, чтобы изучать китайский язык. Однако там он чувствовал себя одиноким, был эмоционально незрелым и не блистал успехами. «Я постоянно ловил себя на том, что думаю о стандартном успехе, хотя ничего не делаю, чтобы достичь его». Стефани, по-видимому, устав ждать, когда Тед повзрослеет, бросает его. Это потрясло его и вызвало глубокое чувство обиды. Его брат так сказал об этом: «Стефани выбила

его из колеи... Раньше я его таким никогда не видел». Он взялся за черную работу в ресторане отеля и познакомился с одним наркоманом. Однажды ночью они пробрались в заброшенный домишко, что прилепился к краю скалы, и стащили оттуда все, что плохо лежало. На Теда этот опыт оказал приятно-возбуждающее воздействие. Он начал «промышлять» по магазинам и совершать кражи ради «встряски». Однажды он вошел в чью-то оранжерею, вынес оттуда восьмифутовую пальму и спокойно отъехал от дома с торчащими из окошечка на крыше автомобиля ветками экзотического дерева.

Вскоре он стал работать на Арта Флетчера, чернокожего кандидата на пост вице-губернатора штата от партии республиканцев. Ему было приятно ощущать себя «кем-то» и общаться с интересными людьми. Позже он начал работать в комиссариате по уголовным делам и юридическом департаменте. Все мужчины офиса завидовали его приятной внешности и обаянию. Когда семь лет спустя после разрыва Стефани Брукс снова встретилась с ним, новый самоуверенный Тед глубоко поразил ее, и она вновь согласилась выйти за него замуж. Они даже вместе провели Рождество 1973 года. Теперь, достигнув своей цели и сполна упившись «местью», Банди оставил ее, как когда-то Стефани бросила его. Когда она позвонила ему и спросила, почему он ей больше не звонит, он холодно ответил: «Не понимаю о чем ты» – и повесил трубку. Стефани написала своей подруге: «Я легко отделалась. Каждый раз, когда я вспоминаю его холодное, расчетливое поведение, меня бросает в дрожь».

Спустя несколько недель, словно эта «месть» взломала какую-то внутреннюю плотину и наполнила его душу безжалостной силой и уверенностью, он стал убийцей и насильником... Но жажда сексуального насилия жила в нем задолго до того, как он совершил свое первое убийство. Банди едва исполнилось 20,

когда он превратился в «Подглядывающего Тома». Однажды в окне он случайно увидел, как раздевалась девушка. С тех пор он начал слоняться по ночным улицам в районе Вашингтонского университета и заглядывать в окна спален. «Он шел к этому, как по хорошо накатанной дороге, – говорит Мишо, – обрекая себя на этот путь на многие годы». Потом «к нему пришла другая страсть – потребность в более сильных ощущениях». Несколько раз он предпринял неумелые попытки вывести из строя автомобили женщин, однако ввиду того, что они были припаркованы в университетском районе, недостатка в помощниках женщины никогда не испытывали. Банди воспринимал это как игру, флирт с элементами опасности, «но привычка эта становилась все более настоятельной необходимостью, и Тед с годами становился все более наглым вором». В один из вечеров 1973 года, после принятия изрядной дозы спиртного, Банди увидел, как из бара вышла девушка и пошла по темной стороне улицы. Он подобрал увесистый деревянный брус и, крадучись, пошел за ней. «В этот момент он не контролировал себя. Ситуация была нова, – сказал Банди (говоря о себе в третьем лице), – потому что до сих пор он забавлялся только со своими фантазиями, сделав несколько робких попыток воплотить их в жизнь, но еще ни разу он не заходил так далеко, чтобы причинить зло другому человеку». Тем не менее, он обогнал девушку и стал, затаившись, поджидать ее. Но того места, где он прятался, она не достигла, а остановилась и вошла дом. Своим интервьюерам Банди сказал: «Полученные от этого испытания ощущения и безумное желание, что охватило его, с новой силой пошли в атаку на ту часть его натуры, что была помешана на женщинах и насилии». (Как и многие другие серийные убийцы, Банди воспринимал себя как двойственную личность, «Джекила и Хайда», к мистеру Хайду он обращался как к «Горбуну».) «То, что он сделал,

вызвало в нем чувство отвращения, наполнило ужасом. Испытывая ненависть к себе и противясь суицидальной природе этой деятельности... – Банди понимал также, что убийство есть форма самоубийства, – ...он едва не зарыдал. Осознание того, что он был способен на такое, заставило его ужаснуться».

Желание подсматривать за девушками, когда они переодеваются, было столь сильным, что он не мог противостоять ему. Однажды в окно цокольного этажа он наблюдал за девушкой, собиравшейся ложиться спать, и вдруг увидел, что входная дверь открыта. Он прокрался к ней в комнату и напал на нее. Но когда девушка закричала, Тед убежал. «Потом он был охвачен тем же чувством отвращения, гадливости и страхом и терялся в догадках относительно того, что толкнуло его на этот зверский поступок». Он был настолько расстроен, что в течение трех месяцев не повторял своего вуайеристского опыта. Но 4 января 1974 года, увидев раздевавшуюся девушку, он снова прокрался на цокольный этаж. Он вырвал из спинки кровати металлический прут и начал методично наносить жертве удары по голове. Потом, обнаружив, что его потенция ослабла, он засунул девушке в вагину металлический прут. Девушка, проведя неделю в бессознательном состоянии, поправилась. Самому Банди понадобился месяц, чтобы залечить ту травму, что получил он сам: на этот раз он реализовал свои фантазии. 31 января 1974 года он зашел в студенческое общежитие и толкал все двери подряд, пока не нашел ту, что оказалась незапертой. Здесь жила Линда Энн Хили, 21 года. На этот раз он схватил ее за горло и приказал молчать. Потом, угрожая то ли ножом, то ли пистолетом – точно это никогда не станет известно, – он заставил ее одеться. Потом связал, заткнул рот и заставил выйти из дома вместе с ним. Ее он отвез на гору Тейлора, в 20 милях от Сиэтла, где на протяжении нескольких часов предавался своим сексуальным фантазиям. Ин-

тервьюеры спросили, не разговаривал ли он о чем-нибудь с жертвой. «Возможно. Но поскольку девушка перед ним была не человеком, а образом, чем-то очень желанным, едва ли можно было ожидать от него потребности в раскрытии каких-то ее личностных качеств». Под конец он забил ее дубинкой и бросил тело в горах. Линда Энн Хили стала первой девушкой, которую он изнасиловал и убил в этих местах.

Пожалуй, самой страшной частью откровений Банди о себе самом является описание его постепенного превращения в сексуального маньяка-убийцу, тех неуловимых на первый взгляд перемен, которые произошли в его поведении. Любой нормальный мужчина в состоянии испытать половое возбуждение при виде раздевающейся у освещенного окна женщины. Любой нормальный мужчина может повторно прийти на то место, где он видел и может снова увидеть раздевающихся женщин. Любой нормальный мужчина может настолько увлечься созерцанием подобного зрелища, что эта привычка станет его потребностью. Но в какой момент нормальный человек определит для себя границу, за которую уже не перешагнет? Возможно, таким «порогом» является причинение физического вреда другому существу. И Банди поначалу провел для себя эту запретную черту. Но его непреодолимое желание все время толкало его дальше, заставляя сделать непоправимый шаг... К тому времени, когда Банди переехал в Солт-Лейк-Сити, он знал, что никогда не сможет прекратить убивать.

В конце концов время Банди истекло. 24 января 1989 года была отклонена его последняя апелляция и назначен день казни. Он попытался еще поторговаться, предложив признание в обмен на свою жизнь. Эта попытка «торговать телами жертв» вызвала среди блюстителей закона целую бурю негодования. Да и сами признания едва ли могли вызвать хоть каплю сочувствия: взять, к примеру, случай с Джорганн

Хокинс, которая предложила помочь ему донести кейс, когда он шел на костылях, а когда нагнулась, чтобы поставить его, Банди наклонился и подобрал с земли металлический прут, которым оглушил ее, и потом затолкал бездыханное тело в машину...

В 7 часов утра 24 января 1989 года Банди ввели в комнату для проведения казней в тюрьме Старк, штат Флорида. За плексигласовой перегородкой ожидало 48 приглашенных. Голову Банди побрили. Когда его руки были уже привязаны к ручкам кресла, среди наблюдавших за ним людей он узнал прокурора и кивнул ему. Ремни опоясали его грудь и рот, на голову приговоренного надели стальной шлем и с помощью винтов закрепили его. В 7 часов 7 минут оператор включил рубильник. Привязанное тело Банди дернулось. Минуту спустя ток отключили и объявили о смерти его. Снаружи, как только было извещено об исполнении приговора, толпы с плакатами «Поджарить Банди!» возликовали.

А мы снова возвращаемся все к тому же вопросу, который уже был поднят в этой книге: почему серийные убийцы появились именно на этом этапе развития истории? Данная работа, посвященная изучению эволюции преступлений на протяжении многих веков, должна была бы дать на него ответ. Люди, переселившись в города, начали воевать между собой, грабить и убивать друг друга. Этот процесс мы можем видеть и сегодня, наблюдая за «примитивными племенами». Они живут в небольших селениях, занимаясь охотой и земледелием. Внутри такой крошечной общины практически отсутствует преступность, потому что для нее нет соответствующей базы и все друг друга знают. Иногда они могут совершать налеты на такие же соседние деревушки, но эти отдельно взятые эпизоды должны, скорее, рассматриваться не как война, а как стремление к расширению охотничьих угодий. Постепенно глинобитные поселения наших далеких

предков переросли в более крупные общины с храмами и жрецами. Они стали первыми городами, которые по своим масштабам порой не превышали современные деревни. Городу нужны были сельскохозяйственные поля для обеспечения горожан продуктами питания. Если жителям соседнего города приходило в голову захватить эти земли, возникал «территориальный» конфликт. (Но только в начале 60-х годов нынешнего столетия такие авторы, как Конрад Лоренц и Роберт Ардри, довели до сведения общественности тот факт, что для всех существ отмеченная ими «территория» является жизненно необходимой зоной, откуда изгоняются все чужаки.) С появлением городов войны стали неизбежны. А ввиду того, что бок о бок теперь вынуждены были ютиться безликие массы народа и многие оказались на грани голодной смерти, неизбежными и привычными стали грабежи и убийства. «Доминантные» личности захватывали все, что им заблагорассудится. Наиболее удачливые из них становились королями и полководцами. Те же, кому не повезло, попадали в ряды изгоев.

Но несмотря ни на что, имеются сведения, что первые строители городов были миролюбивыми и гуманными, в конце концов они собрались жить вместе ради собственной безопасности. Однако цивилизация вносила свои поправки. Чем больше людей прикладывали совместные усилия для того, чтобы сделать свою жизнь более полноценной, тем легче было достичь «успеха», стать богатым и могущественным. Но так же легко стало и оказаться неудачником и «быть выброшенным на улицу». Общество постепенно превращалось в нечто вроде современных «крысиных бегов».

Тем не менее, даже в этом была своя положительная сторона. В примитивном обществе ни у кого не было времени, чтобы расслабиться. Работать приходилось всем. Новые города-государства со своими священниками и купцами могли предложить небольшой

прослойке своих граждан новый образ жизни, называемый праздностью. Одной из главных задач жрецов было наблюдать за состоянием небесных тел и на основании их передвижения давать советы крестьянам, когда что сеять и убирать. В древнем Вавилоне эти жрецы начали составлять «звездные карты». Еще несколько поколений назад это занятие показалось бы их предкам чем-то утомительным и бессмысленным. Однако эти карты дали морякам возможность более уверенно покорять моря. Но, что гораздо интереснее, некоторые наиболее преуспевшие в жизни люди стали посвящать себя еще более странному занятию – они начали думать ради самого мыслительного процесса. Примитивный человек объясняет все с позиций мифов. Философов типа Фалеса и Пифагора интересовали куда более практичные вещи. Предполагается, что Фалес был настолько искушен в астрономии, что предсказал даже эллиптическую форму Солнца. Всего век спустя такие мыслители, как Сократ, Платон и Аристотель, создали непреходящие интеллектуальные ценности, оставив нам мысли и рассуждения, которые до сих пор продолжают поражать наше воображение как наивысшее достижение человечества. Все это было прямым следствием тех перемен, что происходили в обществе, на другом полюсе которого были нищета и преступления. Пираты и корсары также стали побочным, не слишком удачным продуктом развития цивилизации. Среди ее безусловных достижений были наука и философия.

Две тысячи лет спустя промышленная революция высвободила немыслимо много свободного времени, что, в свою очередь, дало новый толчок развитию науки и философии. Но, кроме этого, как мы уже видели, промышленная революция породила «век сексуальных преступлений». Жизнь маркиза де Сада является яркой иллюстрацией этого процесса. До того как его отправили в заточение, где он столкнулся с

мрачной безысходностью вынужденного безделья, Сад был обычным сексуальным извращенцем, склонным к святотатству и бичеванию. Но 20 лет, проведенных в темнице, где ничего не оставалось, кроме как изо дня в день предаваться своим безудержным фантазиям, превратили его в «садиста» и «патриарха» всех серийных убийц. Это, на мой взгляд, убедительно доказывает то, что праздность XIX века породила эпоху сексуальных преступлений. Викторианцы вознесли Женщину на пьедестал, но среди них было немало таких испорченных личностей, что не могли устоять против искушения и не заглянуть ей под юбку.

Серийный убийца, как и сексуальный преступник, – это отталкивающий, но неизбежный продукт эволюции цивилизации. Он появился в результате развития культуры на том его этапе, который предлагает обществу более высокий по сравнению с прошлым уровень благосостояния и безопасности. Подобно чудовищам в человеческом обличье, о которых мы говорили в предыдущих главах этой книги, серийный убийца также является символом нашей расплаты за свободу и движение вперед. Мне хотелось бы прибегнуть к прорицанию, предположив, что нашим потомкам эта цена не покажется слишком высокой

17

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь нам пора вернуться к вопросу, поднятому в конце первой главы: нуждается ли человечество в грабежах, насилии и убийствах? Сегодняшнего положения властелина земли человек достиг благодаря своей безжалостности и способности бороться за выживание. Эта борьба продолжалась на протяжении 15 миллионов лет. Потом вдруг за какие-нибудь две сотни лет человек достиг беспрецедентного уровня комфорта и безопасности. Своим основным стремлением он твердо считает достижение всеобщего мира и процветания. Однако войны XX века, постоянный рост социальной напряженности превращает его веру в благое пожелание. Эту же точку зрения выразил Фрейд в своей работе «Неудовлетворенность культурой». Смысл ее заключается в том, что в основе всех импульсов человека лежит агрессивность, следовательно, цивилизованное общество неминуемо будет состоять из несчастных неврастеников. Если цивилизация станет вдруг слишком «миролюбивой», она взорвется, подобно бомбе.

Если мы примем на вооружение пессимистическое понимание Фрейдом человеческой природы, тогда нам ничего другого не остается, как согласится с тем, что шансы человечества на спасение равны нулю. Но эта книга позволяет предположить, что Фрейд не во всем был прав. Маслоу считает, что Фрейд «слишком дешево оценил человеческую природу», что существуют более «высокие потолки», не досягаемые ни для каких психоаналитиков. Появление серийных убийц подтверждает теорию Маслоу относительно «иерархии

потребностей». В 1800 году почти все преступления носили «экономический» характер и были связаны с самыми основными человеческими потребностями. Викторианская эпоха стала веком «домашних» преступлений, когда тип преступления был связан со следующей ступенью в иерархии потребностей: безопасностью и крышей над головой. В конце XIX века были совершены первые преступления на сексуальной почве, связанные, по теории Маслоу, с достижением нового уровня потребностей человека. В середине 60-х годов наступил расцвет следующего типа преступлений – ради «самоутверждения»: на арену криминальной истории вышли преступники, охваченные жаждой стать «кем-то».

Говоря обо всех этих уровнях «потребностей», важно не забывать о том, что мы имеем в виду не преступников, а человечество в целом. Данная теория применима в отношении всех членов общества. В викторианскую эпоху основным стремлением людей было получить надежное укрытие и защитить свою жизнь. В середине XX столетия их больше всего интересовал секс. Во второй половине XX века на первый план стала выдвигаться такая ценностная привилегия, как положение в обществе. (В 60-х годах все революционные волнения, направленные против истэблишмента, стали вызовом самому понятию «респектабельности»: молодежь в рваных джинсах, с выкрашенными в зеленый цвет волосами настаивала на своем праве быть «замеченной».) Последовавшие за этим годы ознаменовались проявлением повышенного интереса к пятому уровню потребностей (по Маслоу), а именно – к самореализации: проснулась жажда познать и себя, и собственные возможности, чтобы вести более целенаправленное, наполненное смыслом существование.

Теперь, когда с точки зрения эволюции мы начали рассматривать общество в целом, пессимистические выводы Фрейда уже не кажутся нам столь безогово-

рочными. Человеческую природу он считает фиксированной, неизменной, но эволюционное развитие способно изменить все, что угодно. Современный «средний человек» в силах справиться с такими нелегкими испытаниями, которые довели бы жителя елизаветинской или викторианской эпохи до нервного срыва или самоубийства. Наша телесная оболочка остается прежней, но наше сознание меняется. Даже феномен «высокого коэффициента развития умственных способностей убийцы» лишний раз свидетельствует об этом. Это вызывает беспокойство, ибо страшна сама мысль о том, что разумный человек способен совершить убийство. Однако в определенном смысле интеллектуальный убийца все же предпочтительнее, чем похожие на жестоких садистов изверги, описанные в дневнике Франца Шмидта, палача из Нюрнберга – вроде того, который вспорол живот беременной женщине или заставил домохозяйку съесть яичницу с тела ее убитого мужа. Разумный человек предпочтительнее еще и потому, что является шагом вперед по сравнению с движимым инстинктом зверем. Если общество будет продолжать развиваться интеллектуально, то есть надежда, что человечество рано или поздно перерастет собственную агрессивность и найдет другие возможности для утоления своей жажды приключений, реализации свободы и творческих сил.